
ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ
Лю Цысинь
Выдающийся НФ-роман, который просто нельзя пропустить!
Kirkus Reviews
fanzon

Задача трех тел
Лю Цысинь

Аннотация
Лю Цысинь. Воспоминания о прошлом Земли: Задача трех тел
Предисловие переводчика
Действующие лица
Часть I. Безмолвная весна
  Глава 1. Годы безумия
  Глава 2. «Безмолвная весна»
  Глава 3. «Красный берег» I
Часть II. Три тела
  Глава 4. «Рубежи науки»
  Глава 5. Партия в бильярд
  Глава 6. Стрелок и фермер
  Глава 7. Три тела: Царь Вэнь из дома Чжоу и долгая ночь
  Глава 8. Е Вэньцзе
  Глава 9. Подмигивающая Вселенная
  Глава 10. Да Ши
  Глава 11. Три тела: Мо-цзы и море огня
  Глава 12. «Красный берег» II
  Глава 13. «Красный берег» III
  Глава 14. «Красный берег» IV

Глава 15. Три тела: Коперник, вселенский футбол и День трех солнц
Глава 16. Задача трех тел
Глава 17. Три тела: Ньютон, фон Нейман, первый император и сизигия трех солнц
Глава 18. Встреча
Глава 19. Три тела: Эйнштейн, Монумент Трисоляриса и Великий Разрыв
Глава 20. Три тела: Экспедиция
Часть III. Закат человечества
Глава 21. Отступники
Глава 22. «Красный берег» V
Глава 23. «Красный берег» VI
Глава 24. Мятеж
Глава 25. Как умерли Лэй Чжичэн и Ян Вэйнин
Глава 26. Никто не раскаивается
Глава 27. Эванс
Глава 28. «Второй Красный берег»
Глава 29. Движение «Земля — Трисолярис»
Глава 30. Два протона
Глава 31. Операция «Гучжэн»
Глава 32. Трисолярис: Слушатель
Глава 33. Трисолярис: Софон
Глава 34. Клопы
Глава 35. Руины
Послесловие автора к американскому изданию

Послесловие переводчика на английский язык
Кена Лю

Аннотация

В те времена, когда Китай переживал последствия жестокой «культурной революции», в ходе секретного военного проекта в космос были посланы сигналы, чтобы установить контакт с инопланетным разумом. Один из сигналов подхватила цивилизация, находящаяся на краю гибели, и теперь пришельцы готовятся вторгнуться на Землю. Узнав об этом, люди разделились на тех, кто готов отдать наш порочный мир под управление высшего разума, и тех, кто до последнего будет бороться против этого вторжения.

Блестящий научно-фантастический роман «Задача трех тел» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня обрел широкое мировое признание и стал первой переводной книгой, номинированной на самые престижные литературные премии в области фантастики: «Хьюго», «Небьюлу», «Локус», «Прометей» и другие.

Лю Цысинь. Воспоминания о прошлом Земли: Задача трех тел

Предисловие переводчика

Прочитав в 2014 году английский перевод романа китайского писателя Лю Цысиня 刘慈欣 (пиньинь «саньти», русск. «Задача трех тел»), и особенно после того как эта книга в 2015 году получила премию Хьюго, я загорелась идеей перевести его для русского читателя. Я не знаю китайского языка, поэтому переводила с английского. Времени на это ушло очень много, поскольку до этого я чисто научную фантастику не переводила. Приходилось много общаться со специалистами: китаеведами, физиками, программистами и тому подобное. В процессе написания перевода мне пришлось близко познакомиться и с теорией струн, и со строением Солнца, и с космологией, и с историей Китая (в особенности времен «культурной революции»), и так далее, и тому подобное. Я мучила вопросами всех, кто имел хотя бы отдаленное отношение к Китаю или науке. Меня заставляли двигаться вперед любовь к книге и чисто спортивное упрямство.

Перевод с китайского на английский сделал замечательный американский писатель-фантаст

китайского происхождения Кен Лю. Работать с его текстом было удовольствием. В романе довольно много говорится о временах и реалиях «культурной революции», не очень известных в «большом мире», поэтому и сам автор, и Кен Лю снабдили текст значительным количеством совершенно необходимых для понимания текста сносок. Мне, со своей стороны, пришлось тоже внести свою лепту в сноски, поскольку в романе имеется множество научных терминов и фактов, о которых большинство читателей имеет лишь весьма отдаленное представление. Итак, примечания в книге принадлежат трем авторам: самому Лю Цысиню; Кену Лю, переводчику романа на английский язык; и мне, переведшей его на русский язык; обозначены они соответственно как «Прим. автора», «Прим. К. Л.» и «Прим. перев.».

Я глубоко благодарна за помощь и поддержку в создании этого перевода моему помощнику Константину Васенину; знающему и тонко чувствующему консультанту Дмитрию Накамуре; Альберту Крисскому — опытному драгоману, тщательно сверившему текст по китайскому оригиналу; Гар Гарычу, рассказавшему мне много нового и интересного о Китае эпохи «культурной революции»; Red China Devil за его неоценимые советы; другим участникам и администрации форума «Восточное Полушарие», всем моим друзьям и «болельщикам», а также несравненному, великолепному, волшебному мистеру Гуглу. Всем огромное спасибо!

Ольга Глушкова

Действующие лица[1]

Семья Е

Е Чжэтай — физик, профессор Университета Цинхуа

Шао Линь — жена Е Чжэтая, физик

Е Вэньцзе — дочь Е Чжэтая, астрофизик

Е Вэньсюэ — сестра Е Вэньцзе, член организации хунвэйбинов

База «Красный берег»

Лэй Чжичэн — политический комиссар базы «Красный берег»

Ян Вэйнин — главный инженер базы «Красный берег», бывший студент Е Чжэтая

Настоящее время

Ян Дун — дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, физик, специалист в теории струн

Дин И — близкий друг Ян Дун, физик-теоретик

---

[1] Примечания: 1

В китайских именах первой идет фамилия, затем личное имя. — *Прим. перев.*

Ван Мяо — исследователь в области наноматериалов

Ши Цян — полицейский детектив, также известный под прозвищем Да Ши

Чан Вэйсы — генерал-майор Народно-освободительной армии Китая

Шэнь Юйфэй — японка, физик, член общества «Рубежи науки»

Вэй Чэн — муж Шэнь Юйфэй, гениальный математик, затворник

Пань Хань — биолог, друг/знакомый Шэнь Юйфэй и Вэй Чэна, член общества «Рубежи науки»

Ша Жуйшань — астроном, один из студентов Е Вэньцзе

Майк Эванс — наследник нефтяного магната

Стентон — полковник морской пехоты США, руководитель операции «Гучжэн»

Часть I. Безмолвная весна

Глава 1. Годы безумия

Китай, 1967 год

Уже второй день Красный союз вел осаду штаба Бригады Красной охраны имени Двадцать восьмого апреля. Вокруг осажденного здания неустанно реяли красные флаги, словно костры, постоянно жаждущие дров.

Командира Красного союза снедала тревога, но не из-за противника: две жалкие сотни хунвэйбинов[2] из Бригады имени Двадцать восьмого апреля были просто молокососами по сравнению с бойцами Красного союза, основанного в 1966 году, в самом начале Великой Пролетарской Культурной революции. Хунвэйбины Красного союза, принимавшие участие в революционных походах по всей стране и видевшие выступления Председателя Мао на площади Тяньаньмэнь, были опытными и закаленными бойцами.

И все же их командир боялся. Он боялся двух

---

[2] Примечания: 2

Хунвэйбины — буквально «красные охранники» — отряды молодежи, сформированные в Китае в 1966 г., в период так называемой «культурной революции», отличавшиеся крайним пренебрежением к культуре и ее традициям, а также невероятной жестокостью по отношению к людям и правам человеческой личности. — *Прим. перев.*

десятков чугунных печек внутри здания, начиненных взрывчаткой и соединенных общим электрическим детонатором. Он не видел, но чувствовал их, как железо ощущает притяжение магнита. Если кто-то из осажденных переключит рубильник, в гигантском взрыве погибнут все — и революционеры, и контрреволюционеры.

А юнцы из Бригады имени Двадцать восьмого апреля и правда были способны на такое безумие. В отличие от суровых мужчин и женщин первого поколения хунвэйбинов эти бунтовщики были как стая бешеных волков на раскаленных углях.

Внезапно на крыше здания возникла тонкая фигурка красивой девушки с огромным красным знаменем Бригады в руках. Ее появление было встречено какофонией выстрелов. Оружие у нападавших было самое разнообразное: от устаревших американских карабинов, чешских автоматов и японских ружей 38-го калибра до новейших винтовок и пулеметов, принятых на вооружение в Народно-освободительной армии Китая и украденных из ее арсеналов после пуб-

ликации «Августовской передовицы»[3]. Здесь были даже копья и китайские мечи — дадао. Вся современная история в сжатом изложении.

Члены Бригады и раньше устраивали подобные «показательные выступления». Они взбирались на крышу, размахивали флагами, выкрикивали в мегафон лозунги, осыпали нападающих листовками... Как правило, храбрецы, среди которых были как мужчины, так и женщины, успевали скрыться от града пуль, заслужив почет и славу за свой подвиг.

Девушка на крыше, очевидно, не сомневалась, что ей это тоже удастся. Она размахивала боевым знаменем, рдеющим, словно ее пламенная юность, и свято верила, что враги сгорят дотла в огне революции, что завтра из пыла и жара ее крови родится новый, совершенный мир. Девушку опьяняла эта сияющая алая мечта... но тут ее грудь пронзила пуля.

Ее пятнадцатилетнее тело было так нежно, что пуля прошила его насквозь, не задержавшись ни

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду статья, напечатанная в августе 1967 г. в журнале «Красный флаг», важном источнике пропаганды во время «культурной революции». Статья призывала «очистить нашу армию от горстки [контрреволюционеров]». Многие хунвэйбины истолковали это как завуалированный призыв к захвату арсеналов НОАК, что способствовало разжиганию междоусобных войн локального масштаба между различными фракциями хунвэйбинов (Красной охраны). — *Прим. К. Л.*

на мгновение. Юная воительница и ее знамя полетели с крыши; легкая фигурка, казалось, падала медленнее, чем красное полотнище, — словно птичка, не желающая покидать небо.

Бойцы Красного союза завопили от радости. Они ринулись к зданию, подхватили худенькое безжизненное тело девушки и вырвали знамя из ее рук. Воздев трофеи над головами, они некоторое время торжествовали, а потом швырнули погибшую на ворота, ведущие во двор комплекса.

Большинство металлических прутьев, из которых состояли ворота, исчезло — их сорвали еще в начале межфракционных войн, чтобы использовать как копья, — но пара еще держалась. Тело девушки нанизалось на их острия. Некоторым в этот момент показалось, будто оно, дернувшись, на мгновение вернулось к жизни.

Хунвэйбины из Красного союза немного отошли и принялись упражняться в стрельбе, используя труп в качестве мишени. Для погибшей свинцовый шквал был все равно что легкий дождик, поскольку она больше ничего не чувствовала. Ее безжизненные руки, тонкие словно прутики, изредка вздрагивали под пулями, будто под каплями дождя.

А потом ей снесло половину лица. Ее прекрасный глаз одиноко смотрел в голубое небо 1967 года. Во взгляде не было боли, только преданность делу и решимость.

И все же по сравнению с другими девушка была счастливицей. Она, во всяком случае, погибла славной смертью, пожертвовав жизнью за идею...

* * *

Такие бои полыхали по всему Пекину, словно множество параллельно работающих процессоров, на выходе у которых была «культурная революция». Безумие затопило город, насилие проникло во все его углы и закоулки.

На окраине города, на спортплощадке Университета Цинхуа в присутствии нескольких тысяч

человек уже часа два шел «митинг борьбы»[4]. Это массовое мероприятие имело целью с помощью оскорблений и пыток унизить и сломить врагов революции, заставить их публично покаяться в своих преступлениях.

Фракции внутри революционного движения, раздираемого идеологическими противоречиями, постоянно враждовали между собой. В университете не прекращались напряженные конфликты между Красной охраной, «Рабочей группой культурной революции», «Агитбригадой рабочих» и «Агитбригадой военных». Вдобавок сами фракции делились на группы, каждая из которых имела свою социальную основу и программу. Все это вело к еще более ожесточенной борьбе.

---

[4] Примечания: 4

«Митингами борьбы», или, в другом варианте перевода, «собраниями критики», называли собрания, призванные «перевоспитать» преподавателей в духе революции. По существу, это были публичные издевательства студентов-хунвэйбинов над преподавателями.

Вот что пишет о них в своей книге «Дикие лебеди» Юн Чжан, живая свидетельница «культурной революции»: «...«Митинги борьбы» стали одной из главных примет «культурной революции». На них истерически орали и редко обходились без рукоприкладства. Возглавлял движение Пекинский университет, под личным присмотром Мао. На первом же митинге 18 июня били, пинали, поставили на многие часы на колени более шестидесяти профессоров и деканов, и даже ректора. На головы им надели дурацкие колпаки с издевательскими надписями, лицо вымазали черными чернилами (черный — цвет зла), все тело обклеили лозунгами. Каждую из жертв, заломив ей руки за

спину с такой силой, словно хотели их вывихнуть, толкали вперед двое студентов. Эта поза, называемая «реактивный самолет», вскоре стала характерной чертой «митингов борьбы» по всей стране.

Однажды хунвэйбины из нашего класса позвали меня на митинг. В жаркий летний полдень меня била дрожь: на спортплощадке, на помосте я увидела десяток учителей со склоненными головами и руками в позе «реактивный самолет». Потом одних пнули под колени и приказали на них встать, других, включая моего пожилого учителя английского языка с манерами джентльмена, поставили на длинные узкие скамьи. Он не удержался, покачнулся, упал и расшиб об острый край лоб. Стоявший рядом хунвэйбин машинально нагнулся и протянул ему руки, но тут же выпрямился, сжал кулаки, принял преувеличенно суровый вид и закричал: «Быстро на скамью!» Юноша явно не хотел показаться мягким к «классовому врагу». Кровь текла по лбу учителя и запекалась на его щеке». (Перев. Р. Г. Шапиро.) — *Прим. перев.*

Жертвами сегодняшнего мероприятия были реакционные буржуазные преподаватели. Будучи врагами для всех фракций, они были вынуждены отбиваться от яростных атак со всех сторон.

Преподаватели-реакционеры отличались от прочих «чудищ и демонов»[5]: на «митингах борьбы» в начале «культурной революции» они вели себя упрямо и вызывающе. Именно на этой стадии погибли очень многие из них. За сорок дней в одном только Пекине были забиты насмерть тысяча семьсот человек. Другие, такие как Лао Шэ, У Хань, Цзянь Боцзань, Фу Лэй, Чжао Цзючжан, И Цюнь, Вэнь Цзе, Хай Мо и другие некогда уважаемые интеллектуалы, выбрали более легкий путь, уйдя из жизни по собственной воле[6].

Те же, кто выжил после первой стадии, постепенно теряли чувствительность к нескончаемым издевательствам. Ментальная броня помогала им не сломаться физически. Зачастую во время судилищ эти люди, казалось, впадали в прострацию,

---

[5] Примечания: 5

«Чудища и демоны» — так вслед за Мао хунвэйбины именовали контрреволюционеров. — *Прим. перев.*

[6] Примечания: 6

Перечислены только некоторые из самых знаменитых ученых, покончивших жизнь самоубийством во время «культурной революции»: писатели И Цюнь и Лао Шэ, историки У Хань и Цзянь Боцзань, критик и переводчик Фу Лэй, метеоролог и геофизик Чжао Цзючжан, поэт Вэнь Цзе, сценарист и романист Хай Мо. — *Прим. К. Л.*

и, чтобы привести их в чувство, мучители орали им в лицо. Тогда истязаемые, очнувшись, машинально повторяли свои признания, и до того уже произнесенные бессчетное количество раз.

Дальше для некоторых наступала третья стадия. Бесконечные внушения отравляли им мозг до тех пор, пока их умы, взращенные на знаниях и логике, не уступали натиску. Жертвы начинали верить, что и правда виновны, проникались осознанием того, какой тягчайший вред они нанесли великому делу революции. Их слезы были более искренними, а раскаяние — более глубоким, чем у тех «чудищ и демонов», которые не принадлежали к интеллектуальной элите.

Хунвэйбинам было неинтересно иметь дело с жертвами на последних двух стадиях. Они получали удовольствие от страданий только тех «чудищ и демонов», что находились на первой стадии; такие были для них как красная тряпка для быка. Но этих желанных жертв становилось все меньше. В Цинхуа остался, возможно, только один такой человек, и потому его, словно изысканное лакомство, приберегли на конец мероприятия.

Е Чжэтаю до сих пор удавалось оставаться в живых, но он застрял на первой стадии, то есть

не собирался каяться, впадать в прострацию или кончать жизнь самоубийством. Когда профессор физики всходил на помост перед толпой, на лице его было ясно написано: «Пусть крест, который я несу, станет еще тяжелее»[7].

Хунвэйбины и в самом деле навьючили на него тяжкое бремя, но это был не крест. В то время как на других «подсудимых» надевали дурацкие колпаки из бамбука, на Е Чжэтая напялили колпак из толстых стальных прутьев. И на груди у него висела не деревянная табличка, как у остальных. Ее заменяла чугунная дверца, снятая с лабораторной печи. На дверце большими черными иероглифами было написано имя профессора, и две красные полосы перечеркивали его крест-накрест.

На помост Е сопровождало в два раза больше конвоиров, чем у других жертв, — двое юношей и четыре девушки. Юноши, студенты-физики четвертого курса, шагали уверенно и целеустремленно, как истинные образцы зрелой большевистской молодежи. Е был их профессором. Девушки, вернее, совсем еще девочки,

---

[7] Примечания: 7

Специально для скептиков: переводчик выяснил у тех, кто читал роман по-китайски, что Лю Цысинь действительно употребляет именно это выражение. — *Прим. перев.*

учились во втором классе неполной средней школы при университете[8]. Одетые в военную форму с патронташами, они так и лучились юношеским задором. Девочки окружили Е Чжэтая, словно четыре языка зеленого пламени.

Толпа пришла в возбуждение. Скандирование лозунгов, до этого слегка ослабевшее, возобновилось с прежней силой. В криках, поднявшихся, словно цунами, утонули все остальные звуки.

Терпеливо дождавшись, пока шум утихнет, один из хунвэйбинов обратился к жертве:

— Е Чжэтай, ты эксперт в механике. Тебе должна быть очевидна величина совокупной силы, которой ты противостоишь. Если будешь упрямиться по-прежнему, гибели тебе не избежать! Сегодня мы продолжим с того, на чем остановились в прошлый раз. Ни к чему попусту расходовать слова. Отвечай на вопрос без своих обычных уловок. В 1962–1965 годах ты по собственной воле, не спрашивая разрешения, добавлял теорию относительности к вводному

---

[8] Примечания: 8

В образовательной системе Китая после шести классов начальной школы следуют три класса неполной средней и три класса полной средней школы (эту последнюю еще называют старшей школой или гимназией — устоявшегося термина нет). Во время «культурной революции» двенадцать лет сократили до девяти и десяти — в зависимости от провинции или муниципалитета. В данном случае девушкам-конвоирам по четырнадцать лет. — *Прим. К. Л.*

курсу физики. Это так?

— Теория относительности — одна из фундаментальных физических теорий, — ответил Е. — Разве можно исключать ее из элементарного обзорного курса?

— Лжешь! — воскликнула одна из девочек. — Эйнштейн — реакционный ученый. Он служил всякому, кто звенел перед ним золотом. Он даже сбежал к американским империалистам и помогал им конструировать атомную бомбу! Чтобы развивать революционную науку, нам необходимо повергнуть теорию относительности, это черное знамя капитализма! — Она была самая умная из четырех хунвэйбинок и хорошо подготовилась, заранее вызубрив сценарий.

Е молчал. Все его силы уходили на борьбу с мучениями, причиняемыми стальным колпаком и чугунной плитой, висящей на шее; у него не оставалось энергии, чтобы отвечать на вопросы, не заслуживавшие ответа.

Но с таким, как Е Чжэтай, одних только лозунгов мало. Хунвэйбины решили применить новое оружие. Один из студентов подал знак кому-то в толпе, и из первого ряда поднялась жена Е, профессор физики Шао Линь. Она вышла на помост, одетая в мешковатый зеленый костюм, явно под-

ражающий военной форме хунвэйбинов. Те, кто знал Шао Линь, помнили, что она нередко читала лекции в элегантном ципао[9]. Нынешний наряд был ей совсем не к лицу.

— Е Чжэтай! — К подобной аудитории она была непривычна, поэтому, пытаясь кричать, добилась лишь того, что голос ее дрожал сильнее обычного. — Ты, конечно, не рассчитывал, что я начну изобличать тебя?! Да, в прошлом тебе удалось ввести меня в заблуждение! Ты затуманил мой разум своими реакционными взглядами на мир и науку! Но теперь я все осознала! Больше тебе меня не обмануть! С помощью революционной молодежи я стану на сторону правого дела, на сторону народа!

Она повернулась к зрителям:

— Товарищи революционные студенты и революционные преподаватели, мы все должны четко осознавать реакционный характер теории Эйнштейна. Особенно сильно он проявляется в общей теории относительности: статическая модель Вселенной отрицает динамический характер материи. Эта теория противоречит

---

[9] Примечания: 9

Ципао — красивое шелковое платье, модель которого разработана в Китае еще в 30-е годы прошлого века, но популярное до сих пор, и не только в Китае. — *Прим. перев.*

диалектике! Она рассматривает Вселенную как ограниченную, замкнутую. Это самый заскорузлый идеализм!..

Слушая выступление жены, Е лишь горько усмехался. «Линь, значит, я ввел тебя в заблуждение? На самом деле это ты всегда была для меня загадкой. Как-то раз я выразил свое восхищение твоим талантом, но твой отец (какое счастье, что он давно умер и не видит этого позора!) покачал головой и сказал, что ты вряд ли достигнешь больших высот в науке. Его следующие слова оказались пророческими: «Линьлинь слишком сообразительна. Чтобы заниматься фундаментальной наукой, нужно быть тупицей».

Лишь в последние годы смысл его слов стал мне ясен. Линь, ты и правда слишком сообразительна. Уже несколько лет назад ты почувствовала, откуда ветер дует, и начала готовиться. Например, в своих лекциях ты изменила названия многих физических законов и констант: закон Ома называла законом сопротивления, уравнения Максвелла — электромагнитными уравнениями, постоянную Планка — квантовой постоянной... Ты вдалбливала студентам, что все научные достижения — это результат мудрости пролетарских масс, а эти просвещенные приспешники

капиталистов лишь присвоили себе их плоды, дав им свои имена.

Однако и тогда большинство «товарищей» не желало признавать тебя своей. Посмотри на себя: тебе даже сейчас не позволяют носить красную нарукавную повязку «революционных преподавателей»; ты была вынуждена прийти сюда с пустыми руками, без права держать в них «маленькую красную книжицу»... Ты родилась в знатной семье дореволюционного Китая, твои родители — знаменитые ученые. Этот грех не простится тебе никогда.

Что касается Эйнштейна, тут ты могла бы порассказать гораздо больше меня. Зимой 1922 года Эйнштейн приезжал в Шанхай. Твой отец бегло разговаривал по-немецки, поэтому его попросили сопровождать приезжую знаменитость. Ты много раз говорила мне, что твой отец занялся физикой под влиянием Эйнштейна, а ты выбрала ту же науку по примеру отца, так что Эйнштейна можно в некотором роде считать твоим учителем. Когда-то ты была этим горда и счастлива.

Позже я узнал, что отец скормил тебе сладкую ложь. У них с Эйнштейном состоялась только одна очень короткая беседа. Утром 13 ноября 1922 года он сопровождал Эйнштейна на прогулке по

Нанкинской улице. С ними были и другие: Юй Южэнь, ректор Шанхайского университета, и Цао Губин, главный редактор газеты «Дагунбао». На дороге шел ремонт. Эйнштейн остановился около рабочего, который разбивал камни, и некоторое время молча смотрел на него. На парне были старые лохмотья, лицо и руки в грязи. Эйнштейн осведомился у твоего отца, сколько этот рабочий зарабатывает за день. Твой отец спросил парня, а затем ответил: пять центов.

Это был единственный раз, когда твой отец разговаривал с научным светилом, изменившим мир. Не было никаких дебатов ни о теории относительности, ни о физике вообще — лишь холодная, суровая реальность. По словам твоего отца, услышав ответ, Эйнштейн долго стоял и наблюдал за размеренными, механичными движениями рабочего, забыв про свою трубку, из которой просыпался пепел. Твой отец сам рассказал мне об этом. А потом добавил: «В Китае любая мысль, дерзнувшая воспарить в небеса, обречена упасть на землю. Тяготение реальности слишком сильно».

— Голову вниз! — выкрикнул один из конвоиров. Все, кто подвергался общественной критике, должны были униженно гнуть шею. Возможно,

этот окрик был проявлением милосердия со стороны бывшего студента: стоит профессору склониться — и железный колпак упадет; если при этом Е продолжит стоять согнувшись, то не будет и повода снова надевать на него орудие пытки. Но профессор держал голову высоко, отказываясь смириться. И как только его тонкая шея выдерживала такую тяжесть?

— Голову вниз, строптивый реакционер! — Одна из девочек сдернула с себя ремень и хлестнула профессора. Медная пряжка угодила жертве в лоб, оставив глубокую ссадину, которая тут же начала сочиться кровью. Е покачнулся, но удержался на ногах и гордо выпрямился.

Один из хунвэйбинов сказал:

— Ты и в квантовую механику подбавлял немало реакционных идей! — Он кивнул Шао Линь, призывая ее продолжать.

Та с готовностью подчинилась. Собственно, у нее не было выбора, иначе ее хрупкий разум, и без того балансирующий на грани безумия, взорвался бы.

— Е Чжэтай, тебе нечего возразить на это обвинение! Ты постоянно вдалбливал в головы студентов реакционную копенгагенскую интерпретацию квантовой механики!

— Эта гипотеза признана как наиболее соответствующая экспериментальным данным. — Его тон, спокойный и собранный, удивил и напугал Шао Линь.

— Эта гипотеза постулирует, что внешнее наблюдение ведет к коллапсу волновой функции! Еще одно утверждение из области реакционного идеализма, причем до крайности наглое!

— Философия направляет эксперименты или эксперименты определяют философию? — Контратака Е застала экзекуторов врасплох. На несколько мгновений они растерялись.

— Конечно же, истинная философия, философия марксизма, должна направлять научные эксперименты! — наконец ответил один из хунвэйбинов.

— Тогда это эквивалентно утверждению, будто истина падает с неба. Это противоречит тезису, гласящему, что истина познается опытным путем, то есть противоречит марксистскому методу понимания законов природы.

Шао Линь и оба студента-хунвэйбина не нашли что ответить. В отличие от девочек — учениц неполной средней школы, они не могли совсем уж игнорировать логику.

Зато у четырех малявок имелись свои ра-

дикальные революционные методы, против которых, как они полагали, никто не устоит. Та, что ударила Е, размахнувшись, хлестнула ремнем еще раз. Остальные девочки тоже сняли ремни. Поскольку их соратница продемонстрировала столь яростное революционное рвение, им надлежало выказать еще большее или хотя бы такое же. Юноши не останавливали их, потому что, если бы они вмешались, их могли бы посчитать недостаточно революционными.

— Ты также преподавал теорию Большого взрыва. Это самая реакционная из всех научных теорий! — проговорил один из них, пытаясь сменить тему.

— Возможно, в будущем эта теория и будет опровергнута. Но два великих космологических открытия двадцатого века — закон Хаббла и космическое микроволновое фоновое излучение — доказывают, что теория Большого взрыва на данный момент наиболее правдоподобно объясняет происхождение Вселенной.

— Ложь! — выкрикнула Шао Линь и пустилась в длительные рассуждения об упомянутой теории, не забывая вставлять острые критические замечания относительно ее реакционного характера. Но свежесть этой гипотезы импонировала

самой развитой из девочек, и она не могла не поинтересоваться:

— Время началось с исходной точки? А что же было до этого?

— Ничего, — ответил Е, как ответил бы на вопрос каждого любознательного молодого человека. Он повернулся и доброжелательно взглянул на девочку. Ему, израненному и с железным колпаком на голове, это движение далось с огромным трудом.

— Ни... ничего? Но это же реакционно! Просто махровая реакция! — спохватилась перепуганная девочка. Она бросила взгляд на Шао Линь, которая кивнула и с готовностью пришла ей на помощь:

— Эта теория оставляет место для Бога.

Юная хунвэйбинка, озадаченная новыми для нее идеями, наконец нащупала опору под ногами. Она наставила на Е руку с зажатым в ней ремнем:

— Ты хочешь сказать, что Бог существует?

— Я не знаю.

— Что?!

— Я говорю, что не знаю. Если под Богом ты подразумеваешь некое сверхсознание за пределами Вселенной, то я не знаю, существует оно или нет.

Наука не дает доказательств ни за, ни против.

На самом деле в этот кошмарный момент своей жизни Е склонялся к мысли, что Бога нет.

Услышав это крайне реакционное заявление, публика взволновалась, зашумела и, следуя примеру одного из хунвэйбинов на помосте, снова разразилась лозунгами:

— Долой ученого-реакционера Е Чжэтая!

— Долой всех преподавателей-реакционеров!

— Долой контрреволюционные доктрины!

Как только волна криков улеглась, девочка провозгласила:

— Бога нет! Все религии — это орудия, изобретенные правящими классами для порабощения воли народа!

— Это очень однобокий подход, — спокойно парировал Е.

Юная хунвэйбинка, смущенная и рассерженная, пришла к выводу, что против такого опасного врага словесные аргументы бессильны. Она подняла ремень и снова накинулась на Е. Три ее товарки последовали за ней. Профессор был высок ростом и по-прежнему стоял выпрямившись; чтобы попасть ему по лбу, четырнадцатилетним девчонкам приходилось хлестать ремнями снизу вверх. После нескольких первых ударов желез-

ный колпак, который хоть немного, но все-таки защищал его, свалился, а вскоре под обрушившимися на него ударами медных пряжек упал и сам Е.

Девочки, воодушевленные успехом, с еще большим усердием отдались своему славному занятию. Они боролись за веру, за идеалы. Их пьянил яркий свет, который бросала на них история, они гордились своей храбростью...

Два студента Е в конце концов вмешались и прекратили расправу.

— Председатель Мао советует нам больше полагаться на убеждение, чем на силу! — Они оттащили вошедших в раж девчонок от профессора.

Но было поздно. Физик безмолвно лежал в багровой луже, его невидящие глаза были открыты. Возбужденная толпа застыла в молчании. Единственное, что двигалось, — это ручеек крови. Словно алая змея, он медленно извивался по помосту, добегал до края и падал на подставленный внизу ящик. Ритмичный стук падающих капель был похож на звук шагов — как будто кто-то уходил отсюда...

Тишину нарушил резкий смех. Смеялась Шао Линь, разум которой в конце концов не вы-

держал. Присутствующие содрогнулись. Толпа начала расходиться, сперва по одному, потом широким потоком. Спортплощадка опустела, и около помоста осталась только одна девушка.

Это была Е Вэньцзе, дочь Е Чжэтая.

Во время расправы над отцом она порывалась выскочить на помост, но два старых университетских уборщика удерживали ее, шепча ей на ухо, что если она поднимется туда, ее постигнет судьба отца. «Митинг борьбы» превратился в сцену коллективного помешательства, и появление Вэньцзе на помосте привело бы только к еще большему разгулу насилия. Она кричала и кричала, но в громовых раскатах лозунгов и одобрительных возгласов ее никто не слышал.

Когда настала тишина, Вэньцзе уже не была в состоянии издать ни звука. Она лишь молча смотрела на безжизненное тело отца, и мысли, которые она не могла высказать, ушли в самую глубь ее души, растворились в крови, где остались до конца ее дней. Толпа разошлась, а Вэньцзе так и стояла, будто окаменевшая, продолжая сохранять ту позу, в которой ее еще недавно удерживали два старых уборщика.

Прошло довольно много времени, прежде чем она опустила руки, медленно взошла на помост,

присела около отца и взяла его похолодевшую руку. Она сидела, уставив в никуда пустой взгляд, а когда за телом пришли, вытащила из кармана и вложила в ладонь отца его любимую трубку.

Вэньцзе тихо покинула спортплощадку, совсем пустую, если не считать оставленного толпой мусора, и направилась домой. Подойдя к жилому корпусу преподавательского состава, она услышала взрывы безумного хохота, доносящиеся из окна второго этажа, где располагалась их квартира. Это смеялась женщина, которую Вэньцзе когда-то называла матерью.

Е развернулась и пошла прочь, не задумываясь о том, куда ведут ее ноги.

Они привели ее к двери профессора Жуань Вэнь. В течение четырех лет учебы Вэньцзе в университете профессор Жуань была не только ее наставницей, но и другом. Она оставалась им и в течение двух лет магистратуры, когда Е специализировалась в астрофизике, и в последующем хаосе «культурной революции». Профессор Жуань была ее самым близким человеком, не считая отца.

Жуань училась в Кембриджском университете. Вэньцзе очень любила бывать в ее доме, полном прекрасных, удивительных вещей. Чего там

только не было: редкие книги, картины и пластинки, завезенные из Европы; рояль; коллекция курительных трубок на изящной деревянной подставке — одни из средиземноморского вереска, другие из турецкой пенки... Каждая из этих трубок, казалось, была проникнута мудростью их владельца, человека, который давным-давно, погрузившись в мысли, держал ее в руке или зажимал в зубах мундштук. Жуань никогда не упоминала имени этого мужчины. Трубка, которую курил отец Вэньцзе, была ее подарком.

Когда Вэньцзе требовалось скрыться от бурь окружающего мира, этот уютный, теплый дом служил ей убежищем... но это было до того, как дом Жуань обыскали хунвэйбины и забрали себе ее сокровища. Как и отец Вэньцзе, Жуань подверглась издевательствам со стороны Красной охраны. На «митинге борьбы» хунвэйбины повесили ей на шею пару туфель на тонком высоком каблуке и размалевали лицо губной помадой, чтобы показать всем, какой развратный капиталистический образ жизни ведет профессор Жуань.

Вэньцзе толкнула дверь, вошла и увидела, что беспорядка, который оставили после себя хунвэйбины, больше нет. Сорванные со стен картины

склеены и развешаны по местам; разбитый рояль, хотя и безнадежно испорченный, натерт до блеска; несколько оставшихся книг аккуратно расставлены по полкам...

Жуань сидела за письменным столом с закрытыми глазами. Вэньцзе подошла и осторожно прикоснулась к ее лицу и рукам — они оказались холодными. Еще только войдя в дверь, девушка заметила на столе пустую склянку из-под таблеток...

Она некоторое время постояла в молчании. Затем повернулась и пошла к выходу. Она больше не чувствовала скорби. Вэньцзе стала как счетчик Гейгера, зашкаливший от слишком сильной радиации: не способный к измерениям, он молчит и ничего не может показать.

Но на самом пороге Вэньцзе обернулась и окинула комнату взглядом в последний раз. Она заметила, что профессор Жуань перед смертью позаботилась о своей внешности: на губах ее была яркая помада, на ногах — туфли на тонком высоком каблуке.

Глава 2. «Безмолвная весна»

Два года спустя, хребет Большой Хинган

«Поберегись!»

За возгласом последовал треск, и могучая даурская лиственница, массивная, как колонна Парфенона, рухнула на землю. Е Вэньцзе ощутила, как дрогнула почва под ногами.

Орудуя топором и пилой, она принялась очищать ствол от ветвей. Каждый раз, проделывая эту работу, она чувствовала себя так, будто обрубает руки-ноги мертвому великану. Иногда ей даже казалось, что этот великан — ее отец, и тогда в ней просыпались воспоминания о той страшной ночи, когда она обмывала его тело в морге. Сучки и трещины в древесине казались рубцами и ранами на теле ее отца.

Больше ста тысяч человек — шесть дивизий и сорок один полк Производственно-строительного корпуса — рассыпались по необозримым степям и лесам Внутренней Монголии. Многие из «образованной молодежи» — студенты, лишенные возможности продолжать учебу, — покинули города и прибыли в эти негостеприимные места,

движимые романтической жаждой подвига: как только танковые соединения советских империалистов-ревизионистов пересекут китайско-монгольскую границу, они, молодые бойцы, возьмут оружие и встанут живым щитом на их пути. Собственно, такова и была стратегическая цель создания Производственно-строительного корпуса.

Однако война, которой они так жаждали, была словно горы по ту сторону степи: видны четко, но недостижимы, как мираж. Поэтому им пришлось удовлетвориться расчисткой полей, выпасом скота и лесоповалом.

Вскоре молодые мужчины и женщины, когда-то потратившие немало юношеской энергии на паломничество к священным местам революционной славы, обнаружили, что по сравнению с необъятным небом и просторами Внутренней Монголии самые великие города Китая — лишь тесные овечьи загоны. Здесь, посреди бесконечных холодных чащ и покрытых травой лугов, их революционный пыл расходовался впустую. Даже если бы все бойцы Корпуса изошли кровью, она остыла бы быстрее, чем кучка коровьего навоза, и пользы от нее было бы не больше. Но такова была судьба этого поколения — вспыхнуть

и сгореть в пламени революции. Под их бензопилами холмы, покрытые необозримыми лесами, превращались в голые бугры. Под их тракторами и комбайнами бескрайние степи становились сначала хлебными полями, а затем пустынями.

Е Вэньцзе уничтожение лесов, которому она была живым свидетелем, казалось безумием. Величественные даурские лиственницы, вечнозеленые сосны, стройные белые березы, высоченные, под облака, корейские осины, ароматные сибирские кедры, а вместе с ними и черные березы, дубы, горные ясени и чозении — под топор шло все, на что падал взгляд. Сотни бензопил гудели, словно туча стальной саранчи. Там, где проходили товарищи Е Вэньцзе, из земли торчали лишь пни.

Поваленную даурскую лиственницу, лишенную ветвей, оставалось только прицепить к трактору. Е осторожно провела ладонью по свежему спилу. Она часто так делала — словно спил был огромной раной и она могла почувствовать боль дерева. Внезапно она заметила, как чья-то другая рука гладит пень убитой лиственницы. Рука дрожала, выдавая сердце, бьющееся в такт с ее собственным. Несмотря на белизну и изящество, ладонь явственно принадлежала мужчине.

Вэньцзе подняла глаза и увидела Бай Мулиня — маленького, хрупкого человека в очках, корреспондента газеты Корпуса «Новости Великой стройки». Он прибыл позавчера, чтобы собрать материал об отряде, в котором состояла Вэньцзе. Она читала его статьи, написанные прекрасным стилем, тонкие и прочувствованные, совсем не соответствующие грубым реалиям здешней жизни.

— Ма Ган, идите-ка сюда! — позвал Бай молодого человека, возившегося неподалеку. Ма был здоровяк, грудь колесом, могучий, как та даурская лиственница, которую он только что свалил. Когда он подошел, Бай спросил:

— Сколько лет этому дереву?

— Так посчитайте кольца. — Ма кивнул на пень.

— Уже посчитал. Больше трехсот тридцати. А сколько времени вам понадобилось, чтобы перепилить ствол?

— Минут десять, не больше. Я ведь управляюсь с пилой быстрее всех в нашем отряде. Да я б в какую команду ни пошел, везде у меня красный флаг. Я передовик! — Ма Ган говорил с гордостью — впрочем, как и все, кто привлекал к себе внимание Бая. Еще бы, такая честь: о тебе напишут в

главной газете Корпуса!

— Больше трехсот лет! Дюжина поколений... Это дерево застало еще времена династии Мин! И все эти годы... Вы можете себе представить, сколько бурь оно выдержало, скольким событиям стало свидетелем? А вы свалили его за считаные минуты. Неужели вы ничего не почувствовали?

— А что я должен был почувствовать? — Ма Ган непонимающе уставился на Бая. — Дерево как дерево. Тут их навалом всяких. Есть и постарше этого.

— Совершенно верно. Возвращайтесь к работе. — Бай покачал головой, присел на пень и вздохнул.

Ма Ган тоже покачал головой, разочарованный тем, что у репортера пропал к нему интерес.

— Вечно этой интеллигенции что-нибудь не так, — проворчал он и покосился на Е Вэньцзе, по-видимому, распространяя свое обвинение и на нее.

Ствол потащили. Камни и пеньки сдирали кору, еще больше травмируя и без того израненное тело гиганта. В слое отмершей листвы, накапливавшейся здесь годами, протянулась глубокая борозда, быстро заполнявшаяся водой. От гниющих листьев вода стала красной как кровь.

— Вэньцзе, идите сюда, отдохните. — Бай похлопал ладонью по пню рядом с собой. Е и правда устала. Положив инструменты на землю, она подошла к корреспонденту и села с ним спина к спине.

Последовало долгое молчание. Наконец Бай не вы-держал:

— Я знаю, что вы чувствуете. Но, похоже, таких, как мы с вами, здесь только двое.

Е не отозвалась. Бай и не ожидал ответа. Она была женщиной молчаливой и редко вступала в разговоры. Некоторые новички даже принимали ее за немую.

— Я бывал в этих местах год назад, — продолжал Бай. — Помню, приехал около полудня. Хозяева сказали, что на обед будет рыба. Я обвел хижину взглядом и увидел на огне котелок с водой и больше ничего. Никакой рыбы. А потом, когда вода начала закипать, хозяин взял удочку и вышел. Встал на берегу ручья, протекавшего около хижины, пару-тройку раз забросил крючок и вытянул несколько здоровенных рыбин... Какое изобильное здесь было место! А теперь, если захочешь полюбоваться этим ручьем, ничего не выйдет. Он мертв. Мутная вода в гнилой канаве. Я вот все думаю: чем, собственно, занимается Корпус?

Созиданием или разрушением?

— Откуда у вас такие мысли? — тихо спросила Е.

Она не выразила никаких эмоций, но Бай обрадовался, что она вообще заговорила.

— Прочел одну книгу, и она глубоко тронула меня. Вы читаете по-английски?

Она кивнула.

Бай вынул из сумки книгу в голубой обложке. Оглянувшись, не следит ли за ними кто-нибудь, он протянул томик Е.

— Она была опубликована в 1962 году и стала заметным явлением на Западе.

Вэньцзе повернулась на пне и взяла книгу. На обложке было написано: Рэйчел Карсон. «Безмолвная весна».

— Где вы ее взяли? — спросила Е.

— Она привлекла внимание высокого начальства. Было решено распространить ее среди избранных товарищей — только для внутреннего пользования. Мне поручили перевести часть, касающуюся лесов.

Вэньцзе открыла книгу и погрузилась в чтение. В короткой вводной главе автор описывала тихий городок, безмолвно умирающий из-за пестицидов. В простых, безыскусных выражениях

автор высказывала свою глубокую озабоченность судьбой городка.

— Я хочу написать руководству в Пекин. Пусть узнают, какие бесчинства творит Строительный корпус, — сказал Бай.

Е подняла голову от книги и некоторое время раздумывала над словами собеседника. Затем, ничего не ответив, снова вернулась к чтению.

— Могу одолжить ее вам. Но будьте осторожны, чтобы никто не увидел. Вы же знаете, что они думают о подобных книгах...

Бай поднялся, еще раз оглянулся вокруг и ушел.

* * *

Сорок лет спустя, в свои последние годы, Е Вэньцзе вспоминала, какое огромное влияние оказала «Безмолвная весна» на ее жизнь.

Книга ограничивалась одной-единственной темой — губительным влиянием чрезмерного использования пестицидов на окружающую среду, однако нарисованная автором картина потрясла Е до глубины души. До сих пор она думала, что пестициды не вредят природе, но книга Карсон показала ей, что пестициды для природы — то же самое, что «культурная революция» для страны:

и то, и другое чревато чудовищными разрушениями. Значит, и другая человеческая деятельность, на первый взгляд нейтральная или даже полезная, может оказаться для природы злом?

И тогда в голову Е пришла мысль:

«Что, если отношения между человечеством и злом подобны отношениям между океаном и айсбергом, плавающим на его поверхности? И то, и другое состоит из одного и того же вещества. И если айсберг кажется чем-то совершенно отличным от океана, то это лишь потому, что у него другая форма. В действительности же айсберг есть не что иное, как часть все того же необозримого океана...

Совесть человечества спит, и не стоит рассчитывать, что она когда-нибудь проснется сама по себе. Это так же невозможно, как попытка вытащить самого себя из болота за волосы. Нужна помощь извне».

Эта мысль и определила всю дальнейшую жизнь Е.

* * *

Спустя четыре дня она отправилась в отрядное общежитие к Баю, чтобы вернуть книгу. Открыв дверь, она обнаружила, что тот, усталый, весь

в грязи и опилках, лежит на кровати. Увидев гостью, Бай с трудом поднялся на ноги.

— Вы сегодня работали на лесоповале? — спросила Е.

— Я ведь давно здесь, в отряде. Нельзя же слоняться повсюду целый день, ничего не делая. Надо работать наравне со всеми. Дух революции, понимаете ли. Я работал у подножия Радарного Пика, где деревья растут особенно густо. Гнилой листвы там столько, что утопаешь по самые колени. Боюсь, как бы не заболеть от тамошних миазмов.

— У Радарного Пика? — опешила Е.

— Да. Корпус получил срочное задание: очистить от деревьев буферную зону вокруг горы.

Радарный Пик был местом, окутанным тайной. Некогда безымянная гора получила свое название из-за размещенной на ее вершине огромной параболической антенны. Вообще-то каждый, у кого была хоть крупица здравого смысла, понимал, что никакой это не радар: хотя ориентация антенны менялась каждый день, тарелка никогда не двигалась непрерывно, как это свойственно радарам. Когда дул ветер, антенна издавала заунывный вой, слышный издалека.

Сотоварищам Е по отряду было известно, что

Радарный Пик — военная база. По словам местных жителей, когда ее строили три года назад, военное ведомство привлекло множество людей — прокладывать на вершину дорогу и тянуть линию электропередачи. На гору были завезены тонны оборудования. Но после окончания строительства дорогу разрушили, оставив лишь труднопроходимую извилистую тропу. Частенько можно было наблюдать, как на вершину садятся вертолеты, а потом взмывают в воздух и улетают.

Антенна была видна не всегда: при сильном ветре ее складывали.

Но как только антенну полностью раскрывали, в округе начинало твориться нечто необычное: звери беспокоились и подавали тревожные голоса, стаи птиц вдруг ни с того ни с сего вылетали из-под полога леса, а люди страдали от головокружения и тошноты. Вдобавок у тех, кто жил неподалеку от Пика, выпадали волосы. По словам местных жителей, раньше здесь ничего подобного не наблюдалось.

О Радарном Пике рассказывали немало интересного. Однажды антенну раскрыли во время снегопада, и снег моментально перешел в дождь. Но поскольку температура у поверхности земли

по-прежнему была ниже нуля, влага на деревьях превратилась в лед. С ветвей свисали гигантские сосульки, и лес стал похож на ледяной дворец. Некоторые ветки ломались под тяжестью льда, и сосульки с громким треском обрушивались на землю. Временами, когда антенна стояла во всей своей красе, среди ясного дня сверкали молнии и гремел гром, а ночью в небе вспыхивали причудливые огни.

Командиры Строительного корпуса предупредили бойцов, чтобы те держались подальше от Радарного Пика — объект находился под усиленной охраной, и у патрулей был приказ открывать огонь без предупреждения.

На прошлой неделе двое мужчин пошли на охоту. Занятые преследованием оленя, они, не подозревая, куда их занесло, оказались у Радарного Пика, и часовые, несущие вахту на полпути к вершине, начали стрелять. К счастью, лес здесь густой, и охотникам удалось уйти невредимыми, хотя один из них от страха напустил в штаны. На следующий день на отрядном сборе обоим неудачникам объявили выговор. Возможно, именно из-за этого происшествия начальство базы и предписало Корпусу вырубить лес вокруг горы. Итак, база имела право отдавать приказы

Корпусу, что говорило о многом...

Бай Мулинь взял книгу из рук Е и спрятал под подушку, откуда вынул несколько убористо исписанных листов бумаги. Он протянул их Вэньцзе.

— Вот черновик моего письма. Не хотите почитать?

— Письма?

— Я говорил вам, что хочу написать центральному руководству в Пекине.

Почерк у Бая был неразборчивый, поэтому Е читала медленно. Письмо содержало много информации и было тщательно аргументировано. Оно начиналось с описания того, как горы Тайханшань, это место с изобильной и богатейшей природой, превратились в пустыню, и причиной тому было сведение лесов. Затем говорилось о резком и сильном заиливании Желтой реки. Завершалось письмо неутешительным прогнозом: деятельность Производственно-строительного корпуса Внутренней Монголии приведет к тяжелейшим экологическим последствиям. Е обратила внимание, что у Бая та же манера изложения, что и в «Безмолвной весне»: четкая, простая и одновременно поэтичная. Несмотря на технический склад ума, Е любила хорошую литературу.

— Это прекрасно, — искренне промолвила она.

Бай кивнул.

— Тогда я отошлю его.

Он взял несколько листов бумаги — переписать текст начисто. Но руки его дрожали так сильно, что он не смог изобразить ни одного иероглифа. Обычное дело у новичков в первые дни работы с бензопилой. Зачастую они не могут удержать в руках миску с рисом, а о том, чтобы что-то написать, и говорить нечего.

— Разрешите вам помочь? — предложила Е и взяла у Бая перо.

— У вас такой красивый почерк, — сказал журналист, взглянув на первый ряд написанных ею иероглифов. Он налил Е стакан воды, при этом руки его тряслись так, что он пролил воду. Е успела отдернуть письмо.

— Вы изучали физику? — спросил Бай.

— Астрофизику. — Е даже не подняла головы. — Кому она теперь нужна...

— Вы изучаете звезды. Разве это может когда-нибудь стать бесполезным занятием? Университеты сейчас открываются заново, но в них нет магистратуры. Посылать на лесоповал таких высокообразованных специалистов, как вы...

Е молча продолжала писать. Ни к чему растол-

ковывать Баю, что для такого человека, как она, попасть в Корпус было величайшей удачей. О своей жизни Е предпочитала не распространяться.

В хижине стало тихо, слышался только шорох пера по бумаге. Е ощущала свежий аромат древесных опилок на одежде Бая. Впервые после смерти отца сердце ее согрелось, и она позволила себе расслабиться, на некоторое время забыв о своей вечной настороженности против всего мира.

Через час все было готово. Е написала на конверте адрес под диктовку Бая и поднялась. Пора прощаться.

Около двери она оглянулась.

— Дайте мне вашу куртку. Я ее постираю. — Е сама поразилась собственной дерзости.

— Что вы, как можно! — Бай потряс головой. — Женщины-бойцы Корпуса работают так же тяжело, как и мужчины. Идите к себе, отдыхайте, вам же утром вставать в шесть! Послушайте, Вэньцзе, послезавтра я возвращаюсь в управление дивизии. Я расскажу о вашем положении руководству. Может, смогу чем-нибудь помочь.

— Спасибо. Но мне и так хорошо. Здесь тихо. — Е взглянула в окно, где виднелся лес, залитый светом луны.

— Вы от чего-то скрываетесь?

— До свидания, — тихо проговорила Е. И ушла.

Бай смотрел, как ее тонкий силуэт растворяется в лунном свете. Затем поднял взгляд на темный лес, на который только что смотрела Е.

Вдали, на вершине Радарного Пика, возвышалась, отливая холодным металлическим блеском, гигантская антенна.

* * *

Как-то вечером недели через три Е Вэньцзе вызвали из лесного лагеря в штаб отряда. Едва переступив порог, она почуяла неладное. Кроме обоих начальников — командира отряда и политического руководителя — здесь присутствовал еще и какой-то незнакомец с суровым лицом. На столе перед ним лежали черный портфель, конверт и книга. Конверт был открыт, а книга оказалась экземпляром «Безмолвной весны».

В те годы у каждого выработалось особое чутье на беду, грозящую со стороны властей. У Е Вэньцзе оно было исключительно острым. Сейчас ей показалось, будто мир вокруг нее стягивается, словно мешок, и душит.

— Е Вэньцзе, это руководитель Чжан из Политуправления дивизии. Он прибыл, чтобы провести расследование. — Политрук указал на чужака.

— Мы надеемся на твое сотрудничество и полную откровенность.

— Скажите, это вы писали? — спросил Чжан и вытащил из конверта письмо. Е потянулась за ним, но Чжан отвел руку с письмом. Он стал показывать ей страницу за страницей, пока не дошел до последней, которую Е ждала с особым волнением.

Вместо подписи здесь значилось: «Революционные массы».

— Нет, это не я писала. — Вэньцзе помотала головой. Ей стало страшно.

— Но это ваш почерк.

— Да, но я переписала письмо для другого человека.

— Для кого?

Обычно, столкнувшись с несправедливостью, Е избегала открытой конфронтации, страдала молча и старалась не втягивать других в свои проблемы. Но сейчас было совсем другое дело. Она очень хорошо понимала, *что* ей угрожает.

— Я помогла корреспонденту газеты «Новости Великой стройки». Он был здесь несколько недель назад. Его звали...

— Е Вэньцзе! — Глаза Чжана уставились на нее, словно два пушечных дула. — Предупреждаю: не

пытайтесь подставить других, это лишь осложнит ваше положение. Мы уже все прояснили с товарищем Бай Мулинем. Он лишь отправил письмо из Хух-Хото по вашей просьбе. Он понятия не имел о его содержании.

— Он... он так сказал? — У Е потемнело в глазах.

Вместо ответа Чжан взял со стола книгу.

— Вы написали письмо, без сомнения, под влиянием этой книги. — Он продемонстрировал томик командиру отряда и политруку. — «Безмолвная весна» была опубликована в Америке в 1962 году и пользуется значительным влиянием на капиталистическом Западе.

Он вынул из портфеля другую книгу — в белой обложке с черными иероглифами.

— Вот перевод на китайский. Руководство распространило его в закрытом кругу избранных товарищей, чтобы они могли дать справедливую критическую оценку. На данный момент руководство уже определило свое отношение к этой книге. Это пропаганда, ядовитая и вредоносная, насквозь проникнутая историческим идеализмом и проповедующая теорию конца света. Переводя стрелки на проблемы окружающей среды, она пытается отвести массам глаза, чтобы

трудящиеся не видели, как загнивает капиталистическое общество. Содержание ее крайне реакционно.

— Но эта книга... она не моя...

— Руководство уполномочило товарища Бая сделать перевод. Так что он имел полное право носить с собой эту книгу. Безусловно, он отвечает за то, что недосмотрел и позволил вам украсть ее, пока он принимал участие в работах Корпуса. Вы почерпнули в этой книге интеллектуальное оружие, которое можно использовать в нападках на социализм!

Е Вэньцзе прикусила язык. Она понимала, что упала на дно пропасти. Бороться бесполезно.

* * *

Вопреки утверждениям в последующих исторических публикациях, Бай Мулинь поначалу не собирался подставлять Е Вэньцзе. Письмо, которое он написал в Пекин, было продиктовано искренним чувством ответственности. В те времена многие обращались к центральному руководству за решением самых разных, в том числе и личных проблем. Большинство писем оставалось без ответа, но для некоторых авторов последствия были значительны: одни

стремительно взмывали в зенит политического небосклона, для других дело оборачивалось катастрофой. Будучи журналистом, Бай рассчитывал, что ему удастся попасть в струю и при этом избежать подводных камней, однако переоценил свои силы. Его письмо угодило на минное поле, о существовании которого он даже не подозревал. Страх в Бае перевесил порядочность, и, чтобы защитить себя, журналист пожертвовал Е Вэньцзе.

Спустя полвека исследователи сошлись на том, что это событие, произошедшее в 1969 году, изменило течение истории.

Бай совершенно случайно стал ключевой исторической фигурой, но он об этом так никогда и не узнал. Историки с разочарованием повествуют о его дальнейшей, ничем не примечательной жизни. Он трудился в «Новостях Великой стройки» до 1975 года, когда Производственно-строительный корпус Внутренней Монголии был распущен. Потом его послали работать при Объединении научных работников одного из городов северо-восточного Китая. В начале восьмидесятых он покинул Китай и уехал в Канаду, где преподавал в китайской школе в Оттаве. Умер Бай Мулинь в 1991 году от рака легких. За всю свою жизнь он ни разу не упомянул о Е Вэньцзе, и остается неиз-

вестным, ощущал ли он какое-либо раскаяние или укоры совести за свое предательство.

* * *

— Вэньцзе, в отряде к тебе отнеслись очень по-доброму. — Командир выдохнул густой клуб табачного дыма. Уставив взгляд в пол, он продолжил: — Происхождение у тебя подкачало. Но мы всегда смотрели на тебя как на одного из нас. И политрук, и я много раз беседовали с тобой, предупреждали, что нехорошо отделяться от людей, ставили на вид твою безынициативность и нежелание самосовершенствоваться. Мы искренне хотим тебе помочь. А ты что? Совершаешь такой серьезнейший проступок!

— Я всегда говорил, — подхватил политрук, — что она глубоко ненавидит «культурную революцию»!

— Сегодня же вечером отправьте ее в штаб дивизии вместе с доказательством ее преступления, — сказал руководитель Чжан с бесстрастным лицом.

* * *

Трех других сокамерниц Е забрали одну за дру-

гой; она осталась одна. Уголь, сваленный около стенки кучкой, закончился, но никто не пришел и не пополнил запасы. Огонь в печи давно угас. В камере царил холод, и Е куталась в одеяло.

Еще до наступления темноты ее навестили два ответственных товарища. Старшую, женщину средних лет, ее спутник назвал военным представителем народного суда средней ступени[10].

— Меня зовут Чэн Лихуа, — представилась она. Лет сорока с небольшим; военная форма, очки в толстой оправе. Черты лица утонченные — видимо, в молодости женщина была очень красива. Улыбчивая, она сразу располагала к себе. Е понимала, что для такого высокопоставленного лица навещать заключенного, ожидающего суда, — дело не совсем обычное. Вэньцзе осторожно кивнула Чэн и подвинулась на узкой койке, чтобы та могла присесть.

— Здесь очень холодно. Почему печка не горит? — Чэн бросила осуждающий взгляд на начальника исправительного центра, оставшегося у двери, и повернулась обратно к Е. — Хм, а вы очень

---

[10] Примечания: 10

На этой стадии «культурной революции» большинство народных судов средней и высшей ступени и органы прокуратуры, ответственные за расследование преступлений и ведение судебных дел, находились под контролем военных комиссий. В юридических разбирательствах военный представитель имел решающий голос. — *Прим. автора.*

молоды. Гораздо моложе, чем я ожидала.

Она опустилась на койку рядом с Е и принялась копаться в своем портфеле, продолжая бормотать:

— Вэньцзе, ты растерянна. Молодежь везде одинакова. Чем больше читаете, тем больше у вас путаница в мозгах. М-да, что тут скажешь...

Наконец она нашла, что искала, и вытащила небольшую стопку бумаг. При взгляде на Е глаза ее наполнились добротой и пониманием.

— Ну да невелика беда. Кто из молодых не совершал ошибок? Я сама такого наворотила... В молодости я была членом творческой бригады при Четвертой армии, пела советские песни. Однажды во время политинформации я ляпнула, что Китаю нужно отказаться от суверенитета и присоединиться к Советскому Союзу на правах союзной республики. Тогда, мол, коммунистический интернационал станет еще сильнее. Как же наивна я была! А кто из нас не был когда-нибудь наивен? Ладно, что сделано, то сделано. Совершив ошибку, важно признать ее и исправить. И вернуться в революцию.

Слова Чэн согрели сердце Вэньцзе. Однако после всего, что ей довелось пережить, она научилась осторожности. Е не отваживалась поверить

в чью-либо доброту. Доброта казалась чуть ли не роскошью.

Чэн положила стопку бумаг на постель перед Е и протянула ей ручку.

— Вот, подпиши это. Тогда мы сможем поговорить по душам и преодолеть твои идеологические затруднения. — Она говорила, словно мать, уговаривающая дочку поесть.

Е безмолвно и недвижно смотрела на бумаги. Ручку она не взяла.

Чэн понимающе улыбнулась:

— Ты можешь доверять мне, Вэньцзе. Даю личную гарантию, что этот документ не имеет никакого отношения к твоему делу. Давай, подписывай.

Ее спутник, до сих пор не вмешивавшийся в разговор, строго сказал:

— Е Вэньцзе, представитель Чэн пытается помочь тебе. Ради тебя она проделала огромную работу!

Чэн жестом остановила его.

— Это можно понять. Бедный ребенок! Ты так напугана. Есть товарищи, политическая сознательность которых не на высоте. Некоторые члены Строительного корпуса и кое-кто из народного суда используют слишком грубые методы

и ведут себя недостойно. Это никуда не годится! Хорошо, Вэньцзе, почему бы тебе не прочитать документ? Читай, да повнимательнее.

Е взяла бумаги и начала перелистывать их в тусклом свете камерной лампочки. Представитель Чэн не лгала. Документ и правда не имел отношения к ее делу.

Он касался ее отца. В нем излагались его поступки и беседы с разными людьми. Источником информации служила ее младшая сестра, Вэньсюэ. Будучи ярой хунвэйбинкой, она активно «разоблачала» отца, сочиняя бесчисленные доносы с детальным описанием его грехов, что в конечном итоге способствовало его гибели.

Но Е сразу определила, что этот документ написан не ее сестрой. Вэньсюэ была человеком эмоциональным. При чтении ее рапортов создавалось впечатление, будто каждая строка — словно удар хлыста, взрыв петарды. Но этот донос был написан холодной, опытной, аккуратной рукой. Кто с кем говорил, когда, где, что обсуждалось — каждая подробность, каждая дата были точно зафиксированы. На первый взгляд документ был похож на скучный и дотошный канцелярский доклад, однако холодный расчет, скрывавшийся за изложенными сведениями,

был совершенно нехарактерен для полудетских сочинений Вэньсюэ.

Е не совсем понимала, о чем в точности говорилось в документе, но подозревала, что дело касается какого-то важного оборонного проекта. Будучи дочерью физика, Е догадывалась, что речь идет о «проекте двух бомб»[11], информация о котором потрясла мир в 1964 и 1967 годах.

Это была обычная практика в те времена: чтобы низвергнуть какое-нибудь высокопоставленное лицо, необходимо было собрать доказательства его несостоятельности во всех делах, которыми заправлял этот человек. Однако тем, кто задумывал подобные политические махинации, подобраться к «проекту двух бомб» было затруднительно. Люди из самых высоких правительственных кругов взяли проект под свою опеку, чтобы защитить его от нападок приверженцев «культурной революции». Пробраться в эти круги недоброжелателям было очень и очень сложно.

Происхождение отца Вэньцзе не позволило ему принять непосредственное участие в «проекте

---

[11] Примечания: 11

Таким термином обозначали проекты «596» и «Тест № 6» — успешные испытания китайской атомной и термоядерной бомб соответственно. — *Прим. перев.*

двух бомб». Все, что он сделал для него, — это некоторые периферийные теоретические исследования. Зато очернить Е Чжэтая было гораздо проще, чем тех, кто работал внутри проекта. Е не могла судить о том, правда или ложь то, что написано в докладе, но не сомневалась, что каждый иероглиф, даже каждый знак препинания наносил ее отцу сокрушительный политический удар. Кроме тех, кого этот документ касался напрямую, его жертвами могли стать и многие другие.

В конце доклада красовались большие иероглифы — подпись ее сестры, а Е Вэньцзе должна была подписаться в качестве свидетеля. Она заметила, что там уже стояли подписи трех других свидетелей.

— Мне ничего не известно об этих разговорах, — тихо сказала Е. Она положила бумаги обратно на постель.

— Как это — тебе неизвестно? Многие из этих разговоров происходили в вашем доме! Твоей сестре известно. Тебе должно быть тоже!

— Я правда ничего не знаю.

— Но ведь эти разговоры действительно происходили! Неужели ты нам не веришь?

— Я не говорю, что их не было. Я говорю, что ничего о них не знаю. Я не могу это подписать.

— Е Вэньцзе! — Спутник Чэн шагнул вперед, но Чэн вновь остановила его. Она подсела ближе к Е и взяла ее холодную руку в свои.

— Вэньцзе, смотри — я выкладываю все карты на стол. Твое дело можно интерпретировать по-разному. В одном случае мы могли бы приуменьшить твое преступление и свести его к проступку, совершенному молодым, неопытным человеком, одураченным реакционной книжонкой. Можно было бы даже обойтись без суда. Тебя обязали бы ходить на уроки политпросвещения и написать пару самокритичных эссе, после чего ты вернулась бы обратно в Корпус. В другом случае мы могли бы дать твоему делу широкий ход. Вэньцзе, ты должна понимать, что тебя можно объявить активным контрреволюционером. В таких политических делах, как твое, прокуратура и суд склонны относиться к подсудимым суровее, чем необходимо. Потому что чересчур строгое обращение можно списать на чрезмерное усердие, тогда как слишком мягкое — это уже политический просчет. В любом случае решение остается за военной комиссией. Разумеется, все это я говорю тебе совершенно неофициально.

Спутник Чэн добавил:

— Представитель Чэн пытается спасти тебя.

Трое свидетелей уже подписались. Отказываться бессмысленно. Я настоятельно советую тебе не упрямиться, Е Вэньцзе.

— Да, Вэньцзе, — согласилась Чэн. — Видеть, как образованная молодая женщина сама разрушает себе жизнь, — мое сердце этого не перенесет. Я действительно хочу спасти тебя. Пожалуйста, не запирайся. Посмотри на меня. Ты считаешь, я способна причинить тебе вред?

Но Е не стала смотреть на Чэн. Перед ее мысленным взором стоял образ отца, истекающего кровью.

— Представитель Чэн, я ничего не знаю о разговорах, описанных в этом документе. Я не могу его подписать.

Чэн умолкла и уставилась на Е долгим, пристальным взглядом. И без того холодный воздух камеры, казалось, начал превращаться в лед. Затем гостья медленно положила бумаги обратно в портфель и встала. Доброе выражение с ее лица не исчезло, оно, по-видимому, приклеилось к нему, как гипсовая маска. Все с тем же мягким и понимающим видом Чэн прошагала в угол камеры, где стояло ведро для умывания, подняла его и спокойными, расчетливыми движениями вылила половину воды на Е, а остальное — на ее

одеяло, после чего бросила ведро на пол и вышла из камеры, задержавшись лишь для того, чтобы пробормотать: «Ах ты упрямая тварь!»

Начальник исправительного центра ушел последним. Он пронзил Е, с которой капала вода, холодным взглядом, потом с грохотом захлопнул дверь и запер замок.

Суровый ветер Внутренней Монголии сжал мокрую и дрожащую Е в своем кулаке. Она слышала, как стучат ее зубы, но в конце концов замер и этот звук. Холод прохватил Вэньцзе до костей, и ее взор затянуло молочно-белой пеленой. Казалось, будто вся Вселенная — огромный кусок льда, и она, Вэньцзе, — единственная искорка жизни в ней. Она была маленькой девочкой на грани смерти от холода, и у нее не было даже пары спичек, одни иллюзии...

Постепенно ледяной монолит, заключивший ее, стал прозрачным. Вэньцзе различила перед собой высокое здание. На самом верху какая-то девочка размахивала красным знаменем. Ее тонкая фигурка казалась совсем крошечной по сравнению с огромным полотнищем. Это была Вэньсюэ. С того момента, когда сестра порвала со своей семьей ученых реакционеров, она не давала о себе знать. Совсем недавно Вэньцзе сказали,

что Вэньсюэ погибла два года назад в одной из стычек между фракциями хунвэйбинов.

На глазах у Е фигурка, размахивающая флагом, превратилась в Бай Мулиня. В его очках отразился охвативший здание огонь. Затем Бай превратился в представителя Чэн, потом в мать Е, Шао Линь, потом в отца. Девочка со знаменем продолжала преображаться, но флаг реял и реял, не переставая, будто вечный маятник, отсчитывающий мгновения ее короткой жизни.

Вскоре флаг превратился в размытое пятно. Все вокруг словно вылиняло. Вэньцзе вновь застыла в самой сердцевине ледяного монолита, заполнявшего Вселенную. Только на этот раз лед был черным.

Глава 3. «Красный берег» I

Е Вэньцзе разбудил громкий, непрерывный гул. Сколько же времени прошло?

Гремело со всех сторон. Не до конца пришедшей в себя Вэньцзе представилась гигантская пила, разрезающая сковавшую ее ледяную глыбу. Вселенную по-прежнему заливала тьма, но звук становился все более и более реальным. В конце концов Е решила, что он исходит не из рая или ада. Она по-прежнему в мире живых.

Е осознала, что глаза ее все еще закрыты. Она с трудом подняла веки, и первым, что увидела, была лампочка в глубокой выемке в потолке, тускло светящаяся сквозь защитную проволочную сетку. Потолок, похоже, металлический?..

Е услышала мужской голос, тихо зовущий ее по имени.

— У вас жар, — сказал мужчина.

— Где я? — Голос Вэньцзе был так слаб, что она не была уверена, чей он — ее или кого-то другого.

— В вертолете.

Слабость охватила Вэньцзе, и, невзирая на рев двигателя, она задремала, но вскоре снова просну-

лась. Онемение прошло и уступило место боли. Голова и все тело ныли, дыхание, вырывавшееся изо рта, казалось обжигающе горячим. Горло саднило, и когда Е сглатывала, ощущение было, будто в гортани застрял раскаленный уголек.

Вэньцзе повернула голову и увидела двоих мужчин в расстегнутых шинелях наподобие той, в которой ходила представитель Чэн. Но в отличие от Чэн на обоих были фуражки Народно-освободительной армии с красной звездой над козырьком. Под шинелями Е разглядела военную форму и красные петлицы со знаками различия. Один мужчина носил очки.

Е обнаружила, что ее тоже укрыли шинелью. Одежда на ней была теплая и сухая.

Она попыталась сесть, и, к ее удивлению, ей это удалось. Выглянув в иллюминатор, она увидела медленно проплывающие мимо облака, озаренные ослепительным солнечным светом. Е окинула взглядом тесную кабину, заставленную железными ящиками защитного зеленого цвета. В другом иллюминаторе мелькали тени от винтов. Значит, она действительно в вертолете.

— Лучше бы вам пока не вставать, — сказал мужчина в очках. Он помог ей лечь и снова прикрыл шинелью.

— Е Вэньцзе, эту статью написали вы?

Другой мужчина раскрыл перед ее глазами журнал на английском языке. Заголовок статьи гласил: «О возможности существования фазовых границ внутри солнечной зоны лучистого переноса и их отражательных характеристиках». Собеседник показал Е обложку. Это был выпуск «Астрофизического журнала» за 1966 год.

— Конечно, она. К чему излишние вопросы? — Мужчина в очках забрал журнал и перешел к знакомству: — Это политический комиссар базы «Красный берег» Лэй Чжичэн. Меня зовут Ян Вэйнин, я главный инженер базы. Мы приземлимся через час. А пока отдыхайте.

«Так вот ты кто — Ян Вэйнин!..» Е была поражена, но не выдала этого ни единым звуком. Лицо Вэйнина сохраняло бесстрастность — наверно, он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об их знакомстве. А они были знакомы. Ян проходил магистратуру у Е Чжэтая. Когда он получал диплом, Вэньцзе училась на первом курсе.

Она отчетливо помнила первый приход Яна к ним домой. Он только-только начал учиться в магистратуре, и ему требовалось обсудить с профессором направление исследований. Ян заявил, что хотел бы сосредоточиться на проблемах

экспериментальной и прикладной науки. Теория его не привлекала.

Е Вэньцзе вспомнила, как отец сказал ему:

— Не стану разубеждать вас. Но все же у нас отделение теоретической физики. Почему вы не хотите заниматься теорией?

— Потому что таковы веяния времени, — ответил Ян. — Я хочу принести обществу практическую пользу.

Отец возразил:

— Теория — это основа практики. Разве исследование фундаментальных законов природы не принесет обществу самую большую практическую пользу?

Ян помедлил, а затем раскрыл истинную причину своего нежелания:

— В теории легко наделать идеологических ошибок.

На это отцу Вэньцзе было нечего возразить.

Ян был талантлив, имел хорошую математическую подготовку и острый ум. Но на всем протяжении учебы в магистратуре он держался на некотором расстоянии от своего научного руководителя. Е Вэньцзе видела Яна несколько раз, однако не обращала на него особого внимания. А он — обращал ли он внимание на нее? Этого она

не знала. Вскоре после получения диплома Ян прекратил всякие отношения с ее отцом.

Снова накатила слабость. Е закрыла глаза. Спутники отошли и, присев за ящиками, продолжали негромко беседовать. Правда, кабина была так тесна, что Е слышала их даже сквозь грохот двигателя.

— Мне по-прежнему не нравится эта затея, — сказал комиссар Лэй.

— Вы можете найти мне специалиста через обычные каналы? — спросил Ян.

— Ну... Я сделал все, что мог. В армии нет никого с такой специальностью, а если начать искать за ее пределами, это может вызвать много кривотолков. Вы же знаете — уровень безопасности нашего проекта требует, чтобы сотрудник поступил на военную службу. Но это еще не самое страшное. Согласно тем же требованиям безопасности, этот сотрудник будет очень долго находиться на базе в изоляции от окружающего мира. А если у него семья? Ее тоже запирать здесь? Да никто на это не пойдет! Я нашел двоих подходящих кандидатов, но они охотнее останутся в своих школах кадров

имени Седьмого мая[12], чем приедут сюда. Конечно, мы могли бы принудить их, но характер нашей деятельности таков, что лучше, когда ученые работают с полной отдачей, а значит, добровольно.

— Тогда другого выхода нет, придется использовать Е Вэньцзе.

— Да, но это так из ряда вон...

— Весь этот проект из ряда вон. Если что-то пойдет не так, я возьму ответственность на себя.

— Инженер Ян, вы вправду полагаете, что такая ответственность вам по плечу? Вы технарь, а «Красный берег» совсем не такой, как другие оборонные проекты. Проблемы, которые он призван решить, выходят далеко за рамки чисто технических.

— Вы правы, но я умею решать только технические.

* * *

Приземлялись они уже в сумерках.

Е отвергла помощь мужчин и выбралась из

---

[12] Примечания: 12

Во времена «культурной революции» школы кадров имени Седьмого мая представляли собой трудовые лагеря, в которых служащие и интеллигенция находились на «перевоспитании». — *Прим. К. Л.*

вертолета самостоятельно. Сильным порывом ветра ее едва не сбило с ног. Все еще крутящиеся лопасти с громким свистом рассекали воздух. Запах деревьев, принесенный ветром, был ей знаком, как, впрочем, и сам ветер. Ветер гор Большого Хингана.

Вскоре Е услышала другой звук — тихий, низкий, мощный. Казалось, будто вибрирует само мироздание. Это гудела на ветру параболическая антенна. Только сейчас, очутившись к ней вплотную, Вэньцзе осознала масштабы этого сооружения. Итак, жизнь сделала резкий поворот: Е стояла на вершине Радарного Пика.

Она не удержалась и посмотрела туда, где, по ее предположению, находился отряд Корпуса, в котором она работала, но увидела лишь необъятное лесное море, окутанное сумеречным туманом.

Е Вэньцзе была не единственным грузом вертолета. Пришли несколько солдат и начали разгружать ящики, сложенные в кабине. Они сновали туда-сюда, не глядя на Е.

Идя за Яном и Лэем, Вэньцзе отметила, что вершина Радарного Пика представляет собой обширную площадку. Несколько белых строений сгрудились под гигантской антенной, словно детские кубики. Подойдя к воротам базы,

охраняемым двумя часовыми, прибывшие остановились.

Лэй повернулся к Вэньцзе и торжественно проговорил:

— Е Вэньцзе, доказательства вашей контрреволюционной деятельности неоспоримы, и суд наказал бы вас по всей строгости закона. Но сейчас вам предоставляется отличная возможность упорным трудом искупить свои преступления. Вы вправе принять или отвергнуть наше предложение. — Он указал на антенну. — Это научный центр министерства обороны. Для исследований, которые здесь проводятся, необходим специалист вашего профиля. Главный инженер Ян посвятит вас в детали. Советую вам все тщательно взвесить.

Он кивнул Яну и, пропустив солдат, таскающих ящики, прошел на территорию базы.

Ян подождал, пока все уйдут, и отошел от ворот, дав знак Е следовать за ним. Очевидно, он не хотел, чтобы их разговор услышали часовые.

Перестав притворяться, будто они не знакомы, Ян сказал:

— Вэньцзе, выслушайте меня. Вряд ли это можно назвать «отличной возможностью». В военной комиссии при суде я узнал, что, хотя Чэн Лихуа и

просила о самом суровом наказании, вам грозит не больше десяти лет. Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, вам пришлось бы отсидеть шесть, максимум семь лет. Тогда как здесь... — он кивнул на базу, — научно-исследовательский проект высшего уровня секретности. Ваше положение таково, что если вы войдете в эти ворота, то, может статься... — он помолчал, словно давая низкому гулу антенны подчеркнуть важность его слов, — не выйдете отсюда до конца жизни.

— Я хочу войти.

Ян удивился ее быстрому ответу.

— Не спешите. Вернитесь в вертолет. Через три часа он взлетит, и если вы откажетесь от нашего предложения, он доставит вас обратно.

— Я не хочу обратно. Пойдемте.

Голос Е оставался мягким, но в нем была слышна железная решимость. Помимо неизведанной страны по ту сторону смерти, из которой никто не возвращается, единственным местом, куда бы ей хотелось сейчас попасть, был этот пик, отрезанный от всего мира. Здесь Е чувствовала себя в безопасности — а это ощущение она уже позабыла.

— Не поступайте опрометчиво! Хорошенько по-

думайте, к чему может привести ваше решение.

— Я хочу остаться здесь до конца жизни.

Ян опустил голову и ничего не сказал, стоял потупившись, словно давая собеседнице возможность еще раз как следует все обдумать. Е тоже молчала. Она плотнее запахнулась в шинель и устремила взгляд вдаль, туда, где хребет Большой Хинган постепенно окутывался ночной мглой. Нет, дольше торчать на таком холоде нельзя.

Ян заспешил к воротам, как будто хотел убежать от Е. Но та не отставала. Они вошли внутрь, и тяжелые железные створки с лязгом закрылись за ними.

Пройдя немного в глубь территории, Ян остановился и указал на антенну:

— Это широкомасштабный военный и научный проект. Если мы добьемся успеха, атомная и водородная бомбы покажутся детскими игрушками.

Подойдя к самому большому строению базы, Ян толкнул дверь. Е прочитала надпись над входом: «Центр управления передачами». Они вошли. Е объял теплый воздух, слегка отдающий машинным маслом. Обширный зал был уставлен разнообразным оборудованием. Повсюду мигали сигнальные лампочки и светились экраны осциллографов. Полтора десятка операторов,

одетых в военную форму, сидели между рядами высоких консолей, словно солдаты в окопах на поле битвы. Беспрерывная череда оперативных запросов и подтверждений придавала обстановке особую напряженность. Е чуть растерялась.

— Здесь теплее. — Ян указал на стул у письменного стола рядом с дверью: — Подождите немного. Я распоряжусь, чтобы вам подготовили жилье, и вернусь.

Однако за столом уже кто-то сидел. Охранник с пистолетом.

— Я лучше подожду на улице, — сказала Е.

Ян мягко улыбнулся:

— С этого момента вы становитесь полноправным сотрудником базы и, за исключением особых зон, можете ходить где угодно. — На лице его вдруг появилось смущенное выражение, когда он осознал подспудный смысл своих слов: «Ты никогда не выйдешь отсюда».

— Я лучше подожду на улице, — упрямо повторила Е.

— Ну хорошо. — Ян посмотрел на охранника у стола, который не обращал на них никакого внимания. По-видимому, поняв беспокойство своей спутницы, Ян вывел ее наружу. — Спрячьтесь здесь где-нибудь от ветра, я вернусь через пару

минут. Распоряжусь, чтобы в вашей комнате затопили печь — условия на базе суровые, у нас нет центрального отопления.

Е встала около двери Центра управления. Громадная антенна возвышалась у нее за спиной, закрывая половину небосвода. Отсюда Вэньцзе было хорошо слышно все, что происходило внутри. Внезапно поток команд и подтверждений прекратился и повисла тишина, лишь иногда прерываемая тихим гудением какого-нибудь прибора.

Затем раздался громкий мужской голос:

— Народно-освободительная армия, Второй артиллерийский корпус[13], проект «Красный берег», передача номер сто сорок семь. Доступ подтвержден. Готовность тридцать секунд.

— Классификация цели: А-три. Порядковый номер в системе координат: BN20197F. Позиция проверена и подтверждена. Двадцать пять секунд.

— Номер передаваемой командной последовательности: двадцать два. Дополнения: отсутствуют. Продолжения: отсутствуют. Конечная проверка передаваемой командной последова-

[13] Примечания: 13

В ведении Второго артиллерийского корпуса находятся китайские ядерные ракеты. — *Прим. К. Л.*

тельности завершена. Двадцать секунд.

— Энергетический блок: все системы в норме.

— Блок кодирования: все системы в норме.

— Усилительный блок: все системы в норме.

— Блок слежения за помехами: в приемлемом диапазоне.

— Точка невозврата пройдена. Пятнадцать секунд.

Снова стало тихо. Через пятнадцать секунд взревела сирена, наверху антенны быстро замигал красный сигнальный огонь.

— Начать передачу! Всем подразделениям продолжать запись режимов работы!

Е почувствовала на лице легкий зуд. Она поняла, что вокруг антенны образовалось мощное электрическое поле. Устремив взгляд в том направлении, куда указывала антенна, Е увидела в ночном небе облако, светящееся слабым голубым светом — настолько слабым, что поначалу она подумала, что ей это кажется. Но облако уплыло, и свечение исчезло, а когда на это место пришло другое облако, оно тоже начало тускло светиться.

Из Центра донеслось:

— Неисправность в энергетическом блоке! Магнетрон номер три вышел из строя.

— Резервный блок подключен, все системы в норме.

— Контрольная точка номер один достигнута. Возобновление передачи.

Е услышала шум хлопающих крыльев. Сквозь клубящийся внизу туман она различила множество взмывающих в темное небо теней. Удивительно, сколько птиц, оказывается, скрывает в себе зимний лес! И тут она увидела нечто ужасающее: одна стайка залетела в область излучения антенны — и птицы посыпались на землю, мертвые.

Передача продолжалась около пятнадцати минут. Затем красный огонь на антенне погас, и лицо Е перестало зудеть. В Центре управления возобновилась перекличка команд и ответов, сквозь которую пробивался громкий мужской голос:

— Передача номер сто сорок семь с базы «Красный берег» завершена. Отключить системы передатчика. «Красный берег» переходит в режим мониторинга. С этого момента системный контроль передается Отделу наблюдения. Просьба загрузить данные, полученные при прохождении контрольной точки. Всем подразделениям заполнить журналы передач. Начальникам

подразделений собраться на совещание в конференц-зале. Работа закончена.

Вновь воцарилась тишина, только антенна пела на ветру. Оставшиеся в живых птицы постепенно возвращались в лес. Е взглянула вверх — громадная ладонь антенны тянулась к небу, источая космическую мощь. Но сколько Вэньцзе ни всматривалась, она так и не обнаружила никакого объекта, с которым можно было соотнести порядковый номер BN20197F. В холодном ночном небе зимы 1969 года Е Вэньцзе видела лишь облака и бесчисленные звезды.

Часть II. Три тела

Глава 4. «Рубежи науки»

Сорок с небольшим лет спустя

Ван Мяо решил, что четверо мужчин, пришедших к нему, составляют прелюбопытную комбинацию: двое полицейских и двое в военной форме. Если бы последние были из вооруженной полиции, это еще можно было бы понять, но они и правда являлись офицерами армии.

При виде полицейских Ван почувствовал раздражение. Нет, с тем, что помоложе, все в порядке; он хотя бы ведет себя вежливо. Зато тот, что постарше, в гражданском, сразу вызвал у Вана неприязнь. Это был плотного телосложения мужчина с мясистым лицом. Одетый в засаленную кожаную куртку, воняющий табачищем и громогласный, он относился к тому разряду людей, которых Ван презирал.

— Ван Мяо?

От такого бесцеремонного обращения[14] Вана покоробило. При этом полицейский прикуривал,

---

[14] Примечания: 14

У китайцев при обращении к незнакомым и малознакомым людям принято употреблять какой-нибудь титул: «профессор Ван», «инженер Ян». — *Прим. перев.*

не соизволив даже поднять голову, отчего Ван почувствовал себя оскорбленным еще сильнее. Не дожидаясь ответа, толстомордый кивнул младшему коллеге. Тот показал Вану свой значок.

Закурив, старший собрался войти в квартиру.

— Я попросил бы у меня не курить, — сказал Ван, заступая дорогу.

— Просим прощения, профессор Ван, — смущенно улыбнулся младший офицер. — Это капитан Ши Цян. — Он послал коллеге умоляющий взгляд.

— Ладно, можно поговорить и в коридоре, — сказал Ши, глубоко затянувшись. Почти половина сигареты обратилась в пепел, при этом полицейский выдохнул очень мало дыма. Он кивнул молодому: — Давай, спрашивай.

— Профессор Ван, — сказал тот, — нам хотелось бы знать, вступали ли вы в последнее время в какие-либо контакты с членами общества «Рубежи науки»?

— В «Рубежах науки» состоят многие знаменитые ученые, и оно очень влиятельно. Почему это мне вдруг нельзя вступать в контакт с легальным международным научным обществом?

— Послушай только, что он несет, — буркнул Ши. — Мы что, сказали, что оно нелегальное? Или

что вам нельзя вступать с ним в контакт? — Он наконец выдохнул огромный клуб дыма прямо в лицо Ван Мяо.

— Хорошо. Тогда вот что: мои контакты — мое личное дело, и попрошу вас не вмешиваться. Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

— Личное дело? Вы научный работник. У вас есть обязанности по отношению к народу, который вас кормит. — Ши отбросил окурок и вытащил новую сигарету из мятой полупустой пачки.

— Я имею право не отвечать. Будьте добры, уйдите. — Ван повернулся, чтобы уйти к себе.

— Подождите! — выкрикнул Ши и махнул рукой молодому. — Дай ему адрес и номер телефона. — Затем обратился к Вану: — Совещание сегодня после обеда.

— Что вам, собственно, нужно? — спросил Ван; в его голосе уже начали пробиваться нотки гнева. Привлеченные шумом, в коридор стали выглядывать соседи.

— Капитан Ши! Вы же обещали, что вы... — Молодой полицейский отвел начальство в сторону и торопливо заговорил приглушенным голосом. Похоже, дурные манеры Ши раздражали не только Вана.

— Профессор Ван, пожалуйста, поймите нас правильно, — шагнув вперед, сказал один из военных, майор. — Сегодня после обеда состоится важное совещание, на которое приглашены несколько крупных ученых и специалистов. Генерал лично послал нас передать вам приглашение.

— После обеда я занят.

— Мы знаем. Генерал уже переговорил с главой Исследовательского института нанотехнологий. Без вас это совещание не имеет смысла. Если вы не можете в нем участвовать, мы перенесем его на удобное время.

Ши и его напарник, не добавив ни слова, повернулись и пошли вниз по лестнице. Оба военных смотрели им вслед с явным облегчением.

— Почему он так себя ведет? — обратился майор к своему коллеге.

— Да он всегда такой. У него, кстати, не досье, а что-то невероятное. Пару лет назад, в эпизоде с заложниками, он действовал опрометчиво, не задумываясь над судьбой заложников. В результате от рук преступников погибла целая семья, три человека. Ходят слухи, что он и с некоторыми мафиози якшается, использует эту дружбу, чтобы стравливать банды между собой. В прошлом году

избил подозреваемого на допросе, тот теперь инвалид на всю жизнь. Из-за этого его на время отстранили от службы...

Ван Мяо заподозрил, что этот разговор между офицерами был специально предназначен для его ушей. Наверно, хотели, чтобы он понял, как сильно они отличаются от этого грубияна. А может, хотели подстегнуть интерес Вана к их миссии.

— И такой тип принимает участие в работе Боевого командного центра? — удивился майор.

— Его сам генерал привлек. Вероятно, он обладает какими-то особыми навыками. В любом случае, его обязанности строго определены, он занимается только вопросами общественной безопасности, а больше ему знать не положено.

«Боевой командный центр?» — Ван уставился на военных, онемев от изумления.

* * *

Машина, которую военные прислали за Ван Мяо, доставила его к большому зданию на окраине города. Поскольку на двери был только номер и никакой таблички с названием учреждения, Ван пришел к выводу, что здание, скорее всего, принадлежит армии, а не полиции.

Когда Ван переступил порог конференц-зала, первое, что его поразило, — это царящий здесь хаос. Помещение было заставлено компьютерами. У организаторов не хватило столов, и они разместили несколько системных блоков на полу, опутанном электропроводами и сетевыми кабелями. Маршрутизаторы расставили как попало прямо на серверах. Повсюду валялась принтерная бумага. Несколько проекционных экранов неприкаянно торчали в углу. В помещении висело облако густого табачного дыма. Ван Мяо не был уверен, в самом ли деле он попал в Боевой командный центр, но одно он осознал четко: происходящее здесь настолько важно, что этим людям наплевать, как это все выглядит.

На большом столе, составленном из нескольких поменьше, кучами громоздились документы, валялась всякая всячина. Вид у собравшихся был усталый, одежда измята. Те, на ком были галстуки, ослабили узлы. Создавалось впечатление, будто эти люди не спали всю ночь.

Совещание возглавлял генерал-майор Чан Вэйсы; половину собравшихся составляли военные. Вану быстро представили всех, и оказалось, что здесь также присутствовало много полицейских. Остальные оказались учеными, как и сам Ван,

причем некоторые были знаменитыми специалистами в различных областях фундаментальной науки.

Среди присутствующих оказалось четверо иностранцев. Ван поразился, узнав, кто они такие. Здесь были два представителя НАТО — полковник ВВС США и полковник британской армии — и два офицера ЦРУ, по всей видимости, наблюдатели.

На лицах всех сидящих за столом было одно и то же выражение: «Мы сделали все, что в наших силах, давайте поскорее покончим с этим, и пошло оно все к такой-то матери».

За столом Ван Мяо увидел Ши Цяна. Сегодня тот вел себя вежливее, чем накануне, — здороваясь с Ваном, назвал его «профессор». И все же высокомерная усмешка на лице Ши безмерно раздражала Вана. Ему не хотелось сидеть рядом с этим неотесанным мужланом, но выбора не было — единственное свободное место оставалось как раз около него. И без того густое облако дыма было тут еще плотнее.

Пока собравшимся раздавали документы, Ши придвинулся ближе к новому соседу.

— Профессор Ван, я слышал, вы разрабатываете этот, как его... новоматериал?

— Наноматериал, — поправил Ван.

— Ну да. Говорят, очень прочная штука. А как вы думаете, она может послужить орудием преступления? — На лице Ши по-прежнему застыла полуулыбка, так что Ван не мог понять, серьезен тот или шутит.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... Я слыхал, что на тоненькой нити из этого вещества можно поднять в воздух целый грузовик. А если оно попадет в руки преступников и они сделают из него нож — смогут они одним махом разрезать автомобиль?

— Для этого и нож делать не надо. Из наноматериала можно изготовить нить толщиной в одну сотую волоса. Если ее натянуть поперек шоссе, она разрежет проезжающий автомобиль на две половинки, словно сыр. Конечно, наноматериал можно использовать с преступными целями — а что нельзя? Убить можно и тупым ножом для чистки рыбы.

Ши наполовину вытащил документ из лежащего перед ним конверта, но сунул его обратно, внезапно потеряв интерес.

— Точно! Даже саму рыбу можно использовать как орудие преступления. Расследовал я как-то одно дело. Тетка отрезала своему мужу фамильные драгоценности. И знаете чем? Тилапией,

которую достала из морозилки. У этой рыбки шипы на спине острые, как бритва...

— Простите, но мне неинтересно. Меня пригласили сюда, чтобы говорить об этом?

— О чем — об «этом»? О рыбе или наноматериалах? Ладно, ладно, вы здесь вовсе не для этого. — Ши придвинулся ближе и зашептал Вану в ухо: — Не церемоньтесь с этими типами. Они нас ни в грош не ставят. Все, чего им надо, — это выудить из нас всю информацию, а вот самим что-нибудь рассказать — шиш. Я, например, торчу тут уже месяц и по-прежнему ничего не знаю. В точности как вы.

— Товарищи, — проговорил генерал Чан Вэйсы, — давайте приступим к делу. Из всех зон боевых действий на Земле эта — самая важная. Необходимо доложить всем присутствующим товарищам о последних изменениях в ситуации.

Не слишком обыденное выражение — «зона боевых действий», подумал Ван. Он заметил также, что генерал, очевидно, не собирается посвящать новичков вроде Вана в подробности происходящего. Это подтверждало слова Ши. И еще одна странность — в своем кратком вступлении генерал дважды употребил слово «товарищи». Ван взглянул на сидящих напротив представителей

НАТО и ЦРУ. Генерал не посчитал нужным прибавить обращение «господа»...

— Они тоже товарищи. Здесь все так обращаются друг к другу, — прошептал Ши Вану, указывая на иностранцев кончиком сигареты.

Ван изумился — Ши прочитал его мысли! Да, этому человеку в наблюдательности не откажешь...

— Погаси сигарету, Да Ши. Тут и без нее нечем дышать, — сказал генерал, просматривая бумаги. Он назвал Ши Цяна дружеским прозвищем — «Старина Ши».

Полицейский оглянулся вокруг в поисках пепельницы и, так и не найдя, сунул сигарету в чашку с чаем. Затем вскинул руку и заговорил прежде, чем генерал предоставил ему слово:

— Генерал, у меня все тот же вопрос. Требую информационного паритета!

Генерал поднял голову.

— Информационный паритет при военной операции? Когда такое было? Вынужден извиниться перед уважаемыми учеными, но сказать больше того, что уже сказали, мы не можем.

— Мы не то же самое, что яйцеголовые, — настаивал Ши. — Полиция находится на службе у Боевого командного центра с момента его учре-

ждения, а мы до сих пор не знаем, что к чему. Как использовать нас — так вы первые, а как что-то рассказать — так посылаете нас куда подальше!

Сразу несколько полицейских зашикали на него. Ван удивился: Ши осмеливается так говорить с генералом? Но ответная реплика Чана изумила его еще больше.

— Да Ши, похоже, у тебя все та же проблема, что и во время службы в армии. Ты считаешь, что имеешь право говорить от имени полиции? За все твои художества тебя отстранили от службы на несколько месяцев, а могли бы и вообще выгнать! Я взял тебя на работу в Центр, потому что высоко ценю твой опыт по части охраны правопорядка в городе. Поблагодарил бы лучше за такую возможность!

Но Ши и не думал рассыпаться в благодарностях.

— Ах вот как! Значит, по-вашему, я должен вкалывать как проклятый, чтобы заслужить прощение? А разве не вы говорили, будто все мои методы — грязные и нечестные?

— Зато действенные, — возразил Чан. — Для нас сейчас важно только, чтобы они работали. В военное время не до церемоний.

— Нам нельзя быть чересчур разборчивыми в

средствах, — поддакнул офицер ЦРУ на превосходном китайском. — Обстоятельства таковы, что приходится мыслить и действовать нестандартно.

Британский полковник кивнул — он, очевидно, тоже знал китайский.

— Быть или не быть, — добавил он по-английски. — Это вопрос жизни и смерти.

— Что он говорит? — поинтересовался Ши у Вана.

— Неважно, — машинально ответил тот. Что за бред несут эти люди? «Военное время? Какая война, где?!» Ван повернулся к одному из высоких, от пола до потолка, окон. Там был залитый весенним солнцем Пекин: плотные потоки автомобилей текут по улицам, в скверике какой-то человек выгуливает собаку, играют детишки...

«Какой мир более реален — там, снаружи, или здесь, в этих стенах?»

Генерал Чан сказал:

— В последнее время враг усилил атаки. Его целью по-прежнему остаются самые выдающиеся представители науки. Будьте добры ознакомиться со списком имен в документе.

Ван взглянул на первую страницу, напечатанную крупным шрифтом. Список, похоже,

составленный на скорую руку, содержал и китайские, и английские имена.

— Профессор Ван, вам знакомы какие-нибудь из этих имен? — спросил Чан.

— Мне известны три из них — все большие ученые, работающие на передовых рубежах физики. — Тут Ван чуть запнулся. Глаза его остановились на последнем имени. Эти два иероглифа по цвету отличались от других. «Она? В этом списке? Почему? Что с ней?!»

— Вы с ней знакомы? — Ши ткнул в имя толстым пальцем с желтым пятном от табака. Ван не ответил. — Ха! Не знакомы. Но очень хотели бы познакомиться, а?

Вот теперь Ван Мяо понял, почему генерал Чан взял к себе этого человека, который когда-то служил у него простым солдатом. Вульгарный и невоспитанный Ши обладал отменно острым глазом. Может, он и не был *хорошим* полицейским, но эффективным — безусловно. Он нагонял страх.

* * *

За год до описываемых событий Ван Мяо отвечал за нанокомпоненты на строящемся в Лянсяне «Синотроне II» — ускорителе заряженных частиц

высоких энергий. Как-то после полудня, выйдя на воздух, он был поражен открывшейся ему картиной. Ван увлекался пейзажной фотографией и потому часто смотрел на окружающее взором художника.

Сейчас перед ним развернулась великолепная композиция, центром которой служил соленоид сверхпроводящего магнита. Смонтированное пока только наполовину, но уже насчитывавшее три этажа в высоту, это нагромождение гигантских металлических блоков и охладительных труб выглядело настоящим монстром. От сооружения, похожего на груду индустриальных отходов во времена промышленной революции, веяло бездушной технологической жестокостью и железобетонным варварством.

На фоне этого мрачного чудовища ярким пятном выделялась тонкая фигура молодой женщины. Не только сама эта картина, но и освещение было совершенно фантастическим: строящийся соленоид утопал в тени временного строительного тента, что еще больше подчеркивало его мрачный характер, но один-единственный луч послеполуденного солнца проникал сквозь отверстие в центре навеса и падал на женщину. Мягкое сияние окутывало ее роскошные волосы

и подчеркивало белизну шеи над воротником комбинезона. Она была похожа на диковинный цветок, распустившийся среди металлических руин после яростной бури...

— На что уставился? Быстро за работу!

Ван, внезапно вырванный из созерцания, опешил от такой грубости, однако тут же сообразил, что директор Исследовательского института нанотехнологий кричал вовсе не на него, а на молодого инженера, тоже не отводившего глаз от незнакомки. Вернувшись в реальность, Ван увидел, что рядом с женщиной стоит главный инженер и что-то почтительно объясняет. Значит, она не простая работница.

— Кто эта женщина? — спросил Ван директора.

— Вы должны бы ее знать. — Директор повел рукой вокруг себя. — Вам известно, сколько стоит этот ускоритель? Двадцать миллиардов юаней. И первый эксперимент на нем, скорей всего, проведет именно она, проверяя свою модель суперструн. Как правило, эта честь оказывается особо заслуженным ученым мужам, и в обычных обстоятельствах ей бы такого права не дали — она не «муж», и не особо заслуженный. Но никто из маститых не выразил желания сделать первый

опыт — наверно, боятся провалить его и потерять лицо. Вот ей и выпал шанс.

— Как?.. Так это Ян Дун? Она женщина?!

— Вы правы, — вздохнул директор. — Мы и сами узнали об этом всего пару дней назад, когда наконец познакомились с ней.

Вмешался молодой инженер:

— А у нее с головой вообще-то все в порядке? Разве люди в здравом рассудке отказываются от интервью? Или она как Цян Чжуншу[15], который так и умер, ни разу не появившись на телевидении?

— Мы хотя бы знали, какого Цян пола, — отозвался Ван. — Держу пари, у Ян Дун было необычное детство. Наверно, поэтому она замкнулась в себе. — Ван произнес это с некоторой самоиронией. Он пока еще даже не заслужил, чтобы им заинтересовалась пресса, не говоря уж о том, чтобы отказываться от интервью...

В это время Ян Дун и главный инженер отошли от соленоида. Проходя мимо Вана и его собеседников, она безмолвно улыбнулась и легонько

---

[15] Примечания: 15

Цян Чжуншу (1910–1998) был одним из самых знаменитых литераторов Китая XX века. Эрудит, культуролог, человек острого ума, он был отшельником по натуре и постоянно отказывался иметь дело с прессой. — *Прим. К. Л.*

кивнула. Вану навсегда запомнились ее лучистые глаза.

В тот вечер он сидел у себя в кабинете и любовался фотографиями, висящими на стене. Эти работы были его гордостью. Особенно пристально он всматривался в один пейзаж, изображавший уединенную долину меж заснеженных гор. Почти треть переднего плана занимал остов мертвого дерева, иссушенный долгой чередой лет. Ван мысленно подставил в картину фигуру, которая занимала сейчас все его мысли, поместив ее в дальнем конце лощины. Удивительно — пейзаж мгновенно ожил, как будто запечатленный на фотографии мир признал незнакомку своей неотъемлемой частью, как будто само это место было создано природой только ради нее.

Точно так же Ван мысленно подставил фигуру Ян Дун во все остальные фотографии, иногда помещая ее сияющие глаза в небе над землей. Эти снимки тоже оживали и становились безупречно прекрасными. Такой красоты Ван даже вообразить себе не мог.

Ему всегда казалось, что его фотографиям чего-то не хватает — быть может, души? Теперь он понял: им не хватало *ее*.

* * *

— Все имена в списке — это физики, совершившие самоубийство за последние два месяца, — пояснил генерал Чан.

Вана словно громом поразило. Черно-белый ландшафт перед его мысленным взором поблек. На фотографиях больше не было Ян Дун, и ее глаза исчезли с небосвода. Все эти миры погибли.

— Когда... Когда это произошло? — непослушными губами спросил он.

— В течение последних двух месяцев, — повторил Чан.

— Вы имеете в виду имя в конце списка, я так полагаю? — влез Ши. — Она умерла последней — двое суток назад от передозировки снотворного. Ушла тихо и спокойно, без боли.

На одно мгновение Ван почувствовал признательность к грубияну-полицейскому.

— Но почему? — спросил Ван. Мертвые ландшафты продолжали свою круговерть в его мозгу.

— Единственное, в чем мы можем быть уверены, — ответил генерал, — это что причина для самоубийства была у всех одна и та же. Правда, ее трудно определить. Может статься, что нам, неспециалистам, ее вообще не понять. В доку-

менте приводятся выдержки из их предсмертных записок. Вы сможете ознакомиться с ними после совещания.

Ван пролистал записки. Вернее, даже не записки, а целые сочинения.

— Доктор Дин, не будете ли вы так добры показать профессору Вану записку Ян Дун? Она самая короткая из всех и, похоже, наиболее точно выражает общий характер записок.

Дин И, к которому обращался генерал, до сих пор не произнес ни слова. Немного помедлив, он протянул Вану через стол белый конверт.

Ши пробормотал:

— Он был парнем Ян.

Ван припомнил, что видел Дина на строительстве ускорителя в Лянсяне. Этот теоретик прославился тем, что, изучая шаровую молнию, открыл макроатом[16]. Ван вынул из конверта тонкий, неправильной формы листок, от которого исходил едва заметный аромат. Это была не бумага — записку написали на бересте. Изящные иероглифы гласили:

«Все факты свидетельствуют об одном: физика никогда не существовала и никогда не будет

---

[16] Примечания: 16

Чтобы узнать больше о Дин И, обратитесь к рассказу Лю Цысиня «Шаровая молния». — *Прим. К. Л.*

существовать. Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора».

Под запиской даже не было подписи. Ян Дун покинула этот мир.

— Физика... никогда не существовала? — Ван не знал, что и думать.

Генерал захлопнул папку.

— Среди документов вы также найдете подробный отчет о результатах экспериментов, полученных на трех новейших ускорителях. Информация чисто техническая, мы не станем ее тут обсуждать. Центром нашего расследования прежде всего является общество «Рубежи науки». ЮНЕСКО объявила 2005 год Всемирным годом физики. Общество, о котором идет речь, образовалось путем постепенного объединения различных групп ученых, собиравшихся на конференциях и дискуссиях в этом году. Доктор Дин, вы, как физик-теоретик, не могли бы разъяснить нам ситуацию более подробно?

Дин кивнул.

— Я лично не поддерживаю прямой связи с «Рубежами науки», но это общество очень известно в академических кругах. Его кредо можно выразить следующим образом.

Во второй половине XX века физика утеря-

ла стройность и простоту, характерную для классических теорий. Современные теоретические построения становятся все более и более сложными, расплывчатыми и неясными. Экспериментальные подтверждения тоже добываются с б`ольшим трудом. Это признак того, что физика уперлась лбом в стену.

Члены «Рубежей науки» учатся мыслить по-новому. Они хотят с помощью научных методов исследовать границы науки, пытаются узнать, существуют ли пределы, за которые наука в своем познании природы не может заглянуть. Состояние современной физики предполагает, что мы как раз коснулись этой черты.

— Очень хорошо, — сказал Чан. — Согласно нашим сведениям, большинство ученых, совершивших самоубийство, были так или иначе связаны с «Рубежами науки», а некоторые даже являлись членами общества. Но мы не нашли никаких доказательств использования психотропных средств или других приемов психологической манипуляции наподобие тех, что применяются в некоторых религиозных сектах. Другими словами, даже если «Рубежи науки» и повлияли на ученых, то сделано это было иначе, например, во время дискуссий. Профессор Ван,

поскольку с вами они вошли в контакт совсем недавно, хотелось бы кое-что у вас узнать...

Тут его перебил Ши Цян:

— Включая имена, время и место встреч, содержание разговоров, а если вы обменивались обычной или электронной почтой, то и...

— Заткнись, Да Ши! — приказал Чан.

Другой офицер полиции придвинулся к Цяну и прошипел:

— Боитесь, мы забудем, что у вас есть рот, если вы не будете все время разевать его?

Ши схватил свою чашку, но, увидев плавающий в ней окурок, поставил обратно.

Слова Ши опять вызвали у Вана раздражение сродни тому, которое испытывает человек, почувствовавший, что вместе с едой проглотил муху. От былой признательности не осталось и следа. Но он взял себя в руки и ответил:

— Мое знакомство с «Рубежами науки» началось со встречи с Шэнь Юйфэй — японкой китайского происхождения. Она физик, работает в японской компании здесь, в Пекине. Раньше она была сотрудником лаборатории при «Мицубиси», занималась нанотехнологиями. Мы встретились на технической конференции в начале этого года. Она познакомила меня с другими физиками,

членами «Рубежей науки», как китайскими, так и зарубежными. Наши разговоры были... как бы это выразиться... ну, очень радикальными, что ли. Основным вопросом был тот, который только что затронул доктор Дин: каковы пределы научного познания?

Поначалу эти беседы интереса у меня не вызывали. Праздное времяпрепровождение, и только. Мое дело — прикладные исследования, и я мало разбираюсь в вопросах теории. По большей части я лишь выслушивал споры между другими учеными. Все эти люди были мыслителями с неординарными взглядами, и я чувствовал, что общение с ними расширяет мой кругозор. Постепенно во мне проснулся интерес, однако все разговоры ограничивались лишь теорией. Однажды меня пригласили присоединиться к «Рубежам науки», но если бы я это сделал, собрания и дискуссии превратились бы в обязанность. Поскольку время и силы у меня весьма ограничены, я отказался.

— Профессор Ван, — сказал генерал, — нам бы хотелось, чтобы вы приняли их предложение и присоединились к «Рубежам науки». Собственно, поэтому мы вас сегодня и пригласили. С вашей помощью мы могли бы больше узнать о том, что

происходит внутри этой организации.

— Вы хотите сделать из меня «крота»? — Вану стало не по себе.

— Точно, крота! — хохотнул Ши.

Чан осуждающе взглянул на него и вновь повернулся к Вану.

— Скажем так — мы хотели бы получать от вас информацию. Другой возможности проникнуть в это общество у нас нет.

Ван покачал головой.

— Прошу прощения, генерал. Я не могу так поступить.

— Профессор Ван, в «Рубежи науки» входят ведущие ученые разных стран. Расследование их деятельности — дело чрезвычайно сложное и деликатное, все равно что идти по тонкому льду. Если нам не поможет кто-то из академических кругов, далеко мы не продвинемся. Вот почему мы просим вас. Но мы примем любое ваше решение. Если вы не согласитесь, мы поймем.

— Но я... я очень занят по работе... У меня попросту нет времени...

Генерал Чан кивнул.

— Хорошо, профессор Ван. Мы больше не смеем отнимать ваше драгоценное время. Спасибо, что посетили наше совещание.

Ван подождал еще несколько секунд, не сразу поняв, что его просят уйти.

Генерал вежливо проводил Вана до двери. Сзади раздался громкий голос Ши:

— Так оно, пожалуй, и к лучшему. Мне все равно этот план не нравился. Книжные черви только и знают, что кончают с собой. И с этим будет так же. Посылать его все равно что бросить пельмень собакам.

Ван развернулся и ринулся обратно к Ши. С трудом овладев собой, он отчеканил:

— Хорошему полицейскому так разговаривать не подобает!

— А кто сказал, что я *хороший* полицейский?

— Мы не знаем, почему эти исследователи покончили с собой, но вам не стоило бы говорить о них так пренебрежительно! Их труды внесли неоценимый вклад в мировую культуру!

— Хотите сказать, что я им в подметки не гожусь? — Ши, не вставая с места, поднял голову и взглянул Вану прямо в глаза. — Я-то уж, по крайней мере, не стал бы резать себе вены из-за того, что какая-то сволочь нагородила мне кучу всякой ерунды!

— А я, по-вашему, стану?!

— Я всего лишь забочусь о вашей безопасности.

— На лице Ши снова появилась его фирменная кривая усмешка.

— Думаю, что в подобной ситуации я справился бы лучше вас! Способность человека отличать правду от лжи напрямую зависит от багажа его знаний.

— А вот я так не думаю. Для таких, как вы...

— Замолчи, Да Ши! — вмешался генерал Чан. — Еще одно слово — и вылетишь отсюда как миленький!

— Нет, почему же, — возразил Ван. — Пусть говорит. — Он повернулся к генералу. — Знаете что, я передумал. Я присоединюсь к «Рубежам науки».

— Вот и хорошо! — энергично кивнул Ши. — Держите ушки на макушке. Пользуйтесь любой возможностью добыть новую информацию. Например, заглядывайте в их компьютерные экраны, запоминайте адреса электронной почты и веб-сайтов...

— Довольно! Вы не поняли меня. Я не желаю становиться шпионом. Я всего лишь хочу доказать, что вы дурак!

— Если протянете хотя бы пару месяцев, после того как присоединитесь к ним, то я охотно признаю себя дураком! Но, боюсь, вы того... — Ши

вздернул голову, и его усмешка превратилась в волчий оскал.

— Еще как протяну! И больше я не хочу вас видеть! Никогда!

* * *

Генерал отвел Вана в сторону и занимал разговором, пока все не разошлись — чтобы они с Ши опять не схлестнулись. Затем он проводил профессора на первый этаж и вызвал машину.

— Выкиньте Ши из головы, — сказал генерал Вану. — Ну такой он человек, что поделаешь. Вообще он очень опытный полицейский, эксперт по борьбе с терроризмом. Двадцать лет назад служил рядовым в моей роте.

Подходя к машине, Чан добавил:

— Профессор Ван, у вас, должно быть, много вопросов...

— Какое отношение то, о чем говорилось на совещании, имеет к военным?

— Война — это дело военных, разве не так?

Ван недоуменно уставился на него.

— О какой войне речь? Ведь сейчас, похоже, самое мирное время за всю историю человечества!

На непроницаемом лице Чана появилась загадочная улыбка.

— Скоро узнаете. Скоро все узнают. Профессор Ван, с вами когда-нибудь случалось что-то такое, что изменило бы всю вашу жизнь? Событие, после которого мир для вас стал бы совершенно другим?

— Нет.

— Тогда считайте, вам очень повезло! В мире царит непредсказуемость, а с вами, получается, не происходило никаких кризисов?

Ван некоторое время обдумывал сказанное, по-прежнему в недоумении.

— Думаю, то же самое можно сказать о большинстве людей, — наконец сказал он.

— Ну тогда большинству людей везет в жизни.

— Но... многие поколения жили так — просто жили и все...

— Им тоже повезло.

Ван засмеялся и покачал головой.

— Должен признаться, сегодня я не очень сообразителен. Вы хотите сказать, что...

— Да, я хочу сказать, что вся история человечества — сплошное везение. Начиная с каменного века и до наших дней нам не приходилось сталкиваться с настоящим кризисом. Но всякое везение когда-нибудь кончается. Послушайте меня. Удаче пришел конец. Готовьтесь к худшему.

Ван хотел было спросить о чем-то еще, но генерал помотал головой и попрощался, избегая дальнейших вопросов.

Ван сел в машину, назвал шоферу адрес и спросил:

— Это вы привезли меня сюда? Кажется, машина та же самая.

— Нет, не я. Я вез доктора Дина.

У Вана родилась идея. Он попросил шофера отвезти его к Дину.

Глава 5. Партия в бильярд

Едва открыв дверь в новенькую трехкомнатную квартиру Дин И, Ван учуял запах алкоголя. Дин валялся на диване перед включенным телевизором и пялился в потолок. В квартире, еще не обставленной до конца, было мало мебели и уютных безделушек, отчего обширная гостиная выглядела голой. Самой большой достопримечательностью здесь служил бильярдный стол в углу.

Вану показалось, что его неожиданный визит был кстати. Дину явно хотелось излить душу.

— Я купил это жилье три месяца назад, — сказал Дин. — И зачем только я это сделал? Неужели надеялся, что ей когда-нибудь захочется завести семью?.. — Он с пьяной улыбкой покачал головой.

— Так вы... — Вану было интересно узнать подробности личной жизни Ян Дун, но он не представлял, с чего начать.

— Она была как звезда — всегда такая далекая, отстраненная... Даже тот свет, который она изливала на меня, был холоден. — Дин подошел к окну и уставился в ночное небо.

Ван не ответил. Как он жалел, что никогда не слышал ее голоса! Ведь год назад, в тот памятный вечер, когда они на мгновение встретились глазами, они не сказали друг другу ни слова.

Дин махнул рукой, словно отгоняя от себя что-то.

— Профессор Ван, вы были правы. Не связывайтесь ни с полицией, ни с военными! И те, и другие просто кретины! Самоубийства всех этих ученых не имеют никакого отношения к «Рубежам науки». Я много раз пытался им это объяснить, но все без толку. Не понимают.

— Похоже, они проводят какое-то независимое расследование...

— Да, причем в глобальном масштабе. Неплохо бы им знать, что двое из их списка покойников никогда не имели дел с «Рубежами науки», включая... включая Ян Дун. — По-видимому, упоминание ее имени давалось Дину с трудом.

— Дин И, вы ведь в курсе, что я уже дал согласие сотрудничать. Поэтому... мне очень хотелось бы узнать, почему Ян... сделала такой выбор. Мне кажется, вам известно что-то такое... — Ван чувствовал, что выглядит очень глупо, пытаясь скрыть свои истинные намерения.

— Может, лучше не надо? Сейчас вы только-

только окунулись в это дело, а узнай вы побольше — и ваш дух тоже затянет в трясину, а тогда жди беды!

— Я, знаете ли, практик. А мы народ не такой чувствительный, как вы, теоретики.

— Ну хорошо, уговорили. В бильярд играете? — Дин подошел к бильярдному столу.

— Играл немного в колледже.

— Мы с ней любили играть. Бильярд напоминает столкновение частиц в ускорителе. — Дин взял два шара, черный и белый, установил черный около одной из луз и положил белый сантиметрах в десяти от него. — Сможете положить черный в лузу?

— С такого расстояния? Любой неумеха смог бы.

— Давайте.

Ван взял кий, легонько ударил по белому шару и забил черный в лузу.

— Отлично. А теперь перетащим стол в другое место. — Дин взялся за крышку стола, растерянный Ван последовал его примеру. Они передвинули бильярд в другой угол, к окну. Затем Дин снова расставил шары как в первый раз. — Сумеете повторить? — поинтересовался он у Вана.

— Само собой.

— Валяйте.

И снова Ван легко положил шар в лузу.

Дин взмахнул рукой:

— Давайте передвинем его еще раз.

Они подняли стол и переставили в третий угол. Дин расположил шары как раньше:

— Бейте.

— Послушайте, мы...

— Делайте, кому говорят!

Ван беспомощно пожал плечами. И опять ему удалось загнать черный шар в лузу.

Они передвинули стол еще два раза — к двери и на первоначальное место. Дин еще дважды ставил шары на сукно в прежнем порядке, и дважды Ван забил черный шар в лузу. Оба игрока чуть-чуть запыхались.

— Отлично, эксперимент окончен. А теперь проанализируем результаты. — Прежде чем продолжить, Дин закурил сигарету. — Мы провели один и тот же опыт пять раз. Четыре из них — в разных местах и в разное время. Два — в одном и том же месте, но в разное время. Ну разве это не потрясающе?! — Он преувеличенно широко развел руки в стороны. — Пять раз! С одним и тем же исходом!

— Что вы хотите этим сказать? — недоумевал

Ван.

— Вы в состоянии объяснить этот невероятный результат? Будьте добры, воспользуйтесь языком физики.

— Ладно... В течение этих пяти экспериментов масса обоих шаров оставалась неизменной. Если в качестве системы координат мы выберем крышку стола, то и пространственное положение шаров не менялось. Скорость белого шара, бьющего по черному, тоже оставалась примерно одинаковой. Значит, и перенос импульса между шарами был одним и тем же. Этим обусловливается один и тот же результат: во всех пяти экспериментах черный шар оказался в лузе.

Дин взял с пола бутылку бренди и два стакана, налил в оба и один протянул Вану. Тот отказался.

— Да ладно вам, давайте отпразднуем! Мы открыли великий принцип: законы физики неизменны в пространстве и времени. Абсолютно все физические законы в истории человечества, начиная с Архимеда до теории струн, все научные открытия и плоды человеческого разума являются побочными продуктами этого великого закона. Профессор, мы теперь можем считать себя теоретиками науки! По сравнению с нами Эйнштейн

и Хокинг всего лишь заурядные инженеришки.

— Я по-прежнему не пойму, к чему вы ведете.

— Вообразите себе иные результаты. В первый раз белый шар толкнул черный в лузу. Во второй черный отскочил. В третий черный шар взлетел к потолку. В четвертый он пометался по всей комнате, как испуганный воробей, и канул в ваш карман. И в пятый раз черный шар, набрав скорость, близкую к скорости света, проломил бортик стола, пронзил стену и покинул Землю, а потом и Солнечную систему, как это описал Азимов[17]. Что бы вы тогда сказали?

Дин внимательно наблюдал за Ваном. После долгого молчания тот произнес:

— Это произошло на самом деле. Я прав?

Дин опустошил оба стакана, которые держал в руках, и уставился на бильярдный стол так, будто ему явился дьявол.

— Да. Это произошло. В последние годы у нас появилось новое оборудование для опытной проверки фундаментальных теорий. Были сооружены три чертовски дорогих «бильярдных стола»: один в Северной Америке, другой в Европе и третий — вы его знаете, в Лянсяне. Ваш Исследо-

---

[17] Примечания: 17

См. рассказ А. Азимова «Бильярдный шар». — *Прим. автора.*

вательский институт нанотехнологий заработал очень неплохие денежки на поставках для него.

На этих ускорителях сталкивающимся частицам можно придать энергии на порядок больше, чем на всех других, — такого уровня человечество еще никогда не достигало. И вот на этом самом новейшем оборудовании, при одних и тех же частицах, одном количестве энергии и одинаковых экспериментальных параметрах получены совершенно разные результаты. Причем не только на разных ускорителях, но и на одном и том же ускорителе в разное время. Физики впали в панику. Они бесконечно повторяли опыты, не меняя условий, и каждый раз получали иной результат. Совершенно никакой системы!

— И что все это значит? — спросил Ван, но Дин лишь смотрел на него и молчал. Не дождавшись ответа, Ван добавил: — Да, я нанотехнолог и тоже работаю с микроскопическими объектами, но вы-то имеете дело с частицами на много порядков меньше! Пожалуйста, растолкуйте мне все с самого начала.

— Это значит, что законы физики не неизменны в пространстве и времени.

— То есть как это?!

— Думаю, дальнейшие выводы вы сможете

сделать сами. Даже генерал Чан додумался. В уме ему не откажешь.

Ван задумчиво посмотрел в окно. Городские огни затмевали звезды в ночном небе.

— Это значит, что таких законов физики, которые выполнялись бы в любой точке Вселенной, не существует, что, в свою очередь, значит... что физики не существует, — сказал Ван и отвернулся от окна.

— «Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора», — процитировал Дин. — Это вторая половина ее записки. Первую вы только что сформулировали сами. Теперь вы понимаете, почему она так поступила? Ну хоть немного?

Ван взял в руку белый шар, погладил и опустил обратно на сукно.

— Для человека, находящегося на переднем фронте теоретической науки, это настоящая катастрофа.

— Теоретическая физика требует чуть ли не религиозной веры. А фанатика легко столкнуть в пропасть.

Прощаясь, Дин И дал Вану бумажку с адресом:

— Если у вас будет время, пожалуйста, навестите мать Ян Дун. Они всегда жили вместе, и Дун

была для матери зеницей ока. Теперь старушка почти все время одна.

— Дин, вы знаете гораздо больше меня. Не могли бы вы рассказать подробнее? Неужели вы и вправду верите, что законы физики не неизменны в пространстве и времени?

— Да не знаю я ничего! — Дин долго молча смотрел Вану в глаза и наконец проговорил: — Вот в чем вопрос.

Ван понял, что Дин И закончил цитату, часть которой привел британский полковник: «Быть или не быть — вот в чем вопрос».

Глава 6. Стрелок и фермер

Следующий день был выходной. Ван встал пораньше и поехал кататься на велосипеде. Как фотографа его больше всего привлекали картины девственной природы, свободной от присутствия человека. Теперь, когда Ван был уже не так молод, у него не хватало энергии ехать куда-то далеко, поэтому он ограничивался съемками в городе.

Сознательно или бессознательно, но он обычно выбирал мотивы, в которых было что-то от дикой природы: пересохшее озерцо в парке, свежевыкопанная земля на стройке, сорняк, пробивающийся сквозь трещину в асфальте... Чтобы насыщенные городские краски не мешали восприятию, Ван пользовался только черно-белой пленкой. Он выработал свой особый стиль, и его заметили. Некоторые его работы отобрали для участия в двух выставках, а Вана приняли в Союз фотографов. В поисках вдохновения и композиций, которые тронули бы его душу художника, он подолгу колесил по городским улицам. Зачастую он уезжал из дому на целый день.

С самого утра Ван чувствовал себя не в своей тарелке. Его художественный стиль тяготел к

классическому — спокойному и уравновешенному, но сегодня ему никак не удавалось достичь состояния духа, необходимого для съемки. Город, только что пробудившийся ото сна, представлялся ему построенным на песке. Стабильность была иллюзорной. Всю ночь Вану снились те самые два бильярдных шара. Они носились в темном пространстве без всякой системы; черный растворялся на черном фоне, и его можно было заметить только тогда, когда он заслонял собой белый шар.

«Неужели основной закон природы — это отсутствие законов? — размышлял Ван. — Возможно ли, что стабильность и порядок — лишь временное динамическое равновесие, достигнутое только в одном уголке Вселенной, маленький островок покоя в океане хаоса?»

Неожиданно для себя самого Ван оказался у подножия только что построенного здания Центрального телевидения Китая. Он остановился на обочине и всмотрелся в гигантскую башню в форме буквы А, пытаясь вновь обрести равновесие. Его взгляд заскользил по острому шпилю, который устремлялся в бездонную голубизну неба, сияя в лучах утреннего солнца. И в голове Вана внезапно всплыли два слова: «стрелок» и

«фермер».

Когда члены «Рубежей науки» вели дискуссии на физические темы, они часто пользовались сокращением «СФ». Нет, они имели в виду не «сай-фай», то есть научную фантастику, а эти самые два слова — «стрелок» и «фермер». Это была отсылка к двум гипотезам, включающим в себя фундаментальные законы природы и Вселенной.

Гипотеза стрелка состоит в следующем: снайпер стреляет в мишень, пробивая ее через каждые десять сантиметров. Теперь вообразите себе, что поверхность мишени заселена расой разумных двумерных существ. Их ученые, наблюдая за Вселенной, открыли великий закон: «Через каждые десять сантиметров во Вселенной имеется отверстие». Они приняли сиюминутную прихоть стрелка за закон природы.

В гипотезе фермера есть что-то от фильма ужасов. Итак, каждое утро на индюшиной ферме начинается с того, что фермер кормит птиц. Ученая индюшка, наблюдавшая данное явление в течение почти целого года, приходит к выводу: «Каждое утро в одиннадцать прибывает еда». В утро Дня благодарения всезнайка провозглашает сей закон товаркам. Но в этот день, в одиннадцать, вместо кормежки фермер забивает всех

индюшек.

Вану почудилось, что земля под его ногами плывет, как зыбучий песок. Телебашня задрожала и покачнулась. Он быстро перевел взгляд вниз, на улицу.

* * *

Стараясь избавиться от неприятного чувства, Ван заставил себя побыстрее доснять всю пленку и к обеду уже был дома. Жена с сыном ушли на прогулку и вернутся нескоро. Обычно Вану не терпелось сразу проявить отснятую пленку, но сегодня настроение было не то. После легкого обеда он прилег вздремнуть. Поскольку ночью он спал плохо, то проснулся только часов в пять. Вспомнив о пленке, Ван отправился в чулан, приспособленный под темную комнату.

Когда пленка была проявлена, он начал просматривать кадры — стоит ли какой-нибудь из них того, чтобы его напечатать? И на первом же увидел нечто странное. На снимке изображался скверик напротив большого торгового центра. В самой середине негатива виднелся ряд крохотных белых значков, которые при ближайшем рассмотрении оказались цифрами: *1200:00:00*.

На следующем кадре тоже были цифры:

1199:49:33, на третьем *1199:40:18.*

Фактически каждый кадр содержал такие числа. На последнем, тридцать шестом, значилось: *1194:16:37.*

Первой мыслью Вана было, что что-то случилось с пленкой. Leica M2 1988 года выпуска, которой он пользовался, была пленочным фотоаппаратом старой конструкции, так что никаких цифр, например, дату, печатать на пленке не умела. Из-за высокого качества объектива и безукоризненно отлаженного механизма этот фотоаппарат считается великолепной профессиональной камерой даже в наш цифровой век.

Еще раз просматривая негативы, Ван обнаружил и другую странность: цифры будто специально приспосабливались к изображению. На черном фоне цифры были белые и наоборот — для максимального контраста. К тому времени, когда Ван снова дошел до шестнадцатого кадра, сердце его уже колотилось как бешеное, а по спине полз холодок.

Этот снимок изображал мертвое дерево у древней стены, испещренной белыми и черными пятнами. Такой фон создавал трудности: и черные, и белые цифры будут одинаково плохо видны. И что же? На этой картинке числа выстро-

ились вертикально, следуя изгибам древесного ствола. Ряд белых цифр извивался на темной коре мертвого дерева, точно ядовитая змея.

Ван принялся анализировать математические закономерности чисел. Сначала он думал, что это некая порядковая нумерация, но разница между числами была неодинаковая. Потом предположил, что числа выражают время: часы, минуты и секунды. Он достал свой журнал съемок, куда педантично заносил время каждого снимка с точностью до минуты, и обнаружил, что разница между двумя последовательными кадрами соответствует разнице во времени между щелчками затвора.

Это был обратный отсчет.

Он начался с 1200 часов. Сейчас оставалось около 1194 часов, то есть меньше 50 дней.

«Сейчас? Нет, в момент, когда я сделал последнюю фотографию. Интересно, отсчет продолжается?»

Ван вышел из чулана, заправил в «лейку» новую кассету с пленкой и пустился фотографировать все подряд. Даже вышел на балкон и сделал несколько снимков на свежем воздухе. Прикончив пленку, он вынул ее и вернулся в темную комнату. На проявленных негативах, словно

призраки, опять красовались цифры. На первом кадре значилось: *1187:27:39*. Разница точно соответствовала отрезку времени, прошедшему между последним кадром предыдущей пленки и первым нынешней. На остальных негативах числа последовательно уменьшались на три-четыре секунды: *1187:27:35, 1187:27:31, 1187:27:27, 1187:27:24...* — точно соответствуя интервалам между щелчками затвора.

Отсчет продолжался.

Ван опять зарядил в камеру новую пленку. Он щелкал беспрерывно, иногда даже не снимая крышку с объектива. Как раз в момент, когда он вынимал пленку из аппарата, вернулись жена с сыном. Прежде чем уйти в темную комнату, Ван заправил в «лейку» свежую пленку и вручил камеру жене:

— Вот. Окажи услугу — снимай, пока пленка не закончится.

— Что снимать? — переполошилась жена. Ван никому не позволял пальцем притронуться к своему драгоценному фотоаппарату; правда, ни жена, ни сын никогда и не проявляли особого желания это сделать. В их глазах допотопная «лейка» была просто старьем ценой более двадцати тысяч юаней.

— Неважно. Просто щелкай все подряд. — Ван сунул камеру жене в руки и собрался нырнуть в чулан.

— Ну ладно... Дуду, может, давай тебя пофотографируем? — Жена направила объектив на сына.

Вану вдруг представилось лицо сына, пересеченное рядом потусторонних цифр, словно клеймом палача.

— Нет, только не его! Снимай что-нибудь другое.

Затвор щелкнул — жена сделала первый снимок.

— А почему не нажимается опять? — спросила она. Ван показал ей, как перевести кадр.

— Ты должна делать это после каждого снимка, — сказал он и ушел в темную комнату.

— И зачем эти сложности... — Жена Вана, врач, не понимала, что за блажь цепляться за этот дорогущий, но устаревший аппарат, когда существуют цифровые камеры с разрешением в десять, а то и в двадцать мегапикселей. Да еще и пользоваться черно-белой пленкой.

Проявив третью пленку, Ван посмотрел сквозь нее на красную лампочку. Сверхъестественный обратный отсчет продолжался. Цифры были на

всех кадрах, в том числе и на тех, что снимались с закрытой крышкой: *1187:19:06, 1187:19:03, 1187:18:59, 1187:18:56*...

Жена постучала в дверь и сообщила, что задание выполнено. Ван высунулся из чулана и, взяв у жены фотоаппарат, дрожащими руками извлек кассету и, игнорируя озабоченный взгляд супруги, нырнул обратно в чулан и захлопнул за собой дверь. Он так спешил, что заляпал реактивами весь пол. Вскоре проявка завершилась, и Ван закрыл глаза, молясь про себя: «Пожалуйста, не появляйтесь больше! Я не хочу, чтобы настал мой черед...»

Он навел на снимки увеличительное стекло. Цифр не было. На негативах отображался только интерьер квартиры и больше ничего. Под неумелой рукой жены картинки вышли немного смазанные, однако это были самые прекрасные фотографии, которые Ван когда-либо видел.

Весь в поту, он вышел из темной комнаты и с облегчением выдохнул. Жена возилась на кухне, сын играл в детской. Ван опустился на софу и, немного успокоившись, принялся обдумывать происходящее, стараясь найти ему рациональное объяснение.

Первым делом он отмел возможность того, что

числа, точно отмечавшие промежутки времени между щелчками затвора и выказывавшие признаки чьего-то расчетливого вмешательства, были заранее отпечатаны на пленке. Нет, они возникали там в процессе фотографирования. Но как? Может, в аппарате поломка? А может, кто-то без ведома Вана встроил в камеру какой-то механизм?

Ван снял объектив, разобрал камеру и внимательно изучил все компоненты с помощью увеличительного стекла. Он не обнаружил не только каких-либо изъянов, но даже пыли. Затем ему пришло в голову, что раз числа есть и в тех снимках, которые были сделаны с закрытой крышкой, то источником света могло послужить какое-то проникающее излучение. Но где находится его источник? Как удалось направить лучи точно в объектив? И разве это возможно чисто технически?!

По крайней мере, при нынешнем уровне развития техники осуществить такое могла бы только какая-то сверхъестественная сила.

1186:34:13, 1186:34:02, 1186:33:46, 1186:33:35...

Желая убедиться, что жуткие цифры исчезли, Ван зарядил в «лейку» еще одну кассету и снова начал снимать все подряд. Но после проявки его

кратковременная радость улетучилась. Ему показалось, что он сходит с ума. Отсчет возобновился. Судя по числам, он никогда и не останавливался, просто его не было на снимках, которые сделала жена.

Ван вылетел из темной комнаты и кинулся к входной двери. Выскочив на лестничную площадку, он заколотил в двери соседа, профессора Чжана.

— Профессор Чжан, у вас есть фотоаппарат? Не цифровой, а обычный, с пленкой?

— Такой профессионал, как вы, хочет одолжить у меня фотоаппарат?! А что сталось с вашей замечательной камерой? У меня только цифровая «мыльница»... С вами все в порядке? Вы так бледны...

— Будьте добры, дайте мне ее!

Чжан ушел и вернулся с «мыльницей» — обычным цифровым «Кодаком».

— Вот, пожалуйста. В ней есть кое-какие кадры, можете их смело удалить.

— Спасибо!

Ван схватил камеру и понесся домой. Собственно, у него были еще три фотоаппарата с пленкой и один цифровой, но он думал, что лучше будет одолжить камеру у кого-то другого. Однако,

взглянув на «лейку», лежащую на софе, он решил заправить в нее новую пленку, а соседский «Кодак» протянул жене, накрывавшей на стол:

— Быстро сделай еще несколько снимков, как раньше!

— Да что с тобой? Только посмотри на себя! Ты заболел?!

— Не обращай внимания. Фотографируй!

Жена поставила тарелки на стол и подошла к Вану. В глазах ее светились беспокойство и страх.

Ван сунул «Кодак» шестилетнему сыну, как раз начавшему есть.

— Дуду, помоги папе. Нажми на эту кнопочку. Правильно, вот так. Это один снимок. А теперь нажми еще раз. Это второй. Продолжай нажимать. Фотографируй все, что хочешь.

Малыш учился быстро. Игрушка ему понравилась, он бойко защелкал кнопочкой. Ван развернулся кругом, взял с софы «лейку» и тоже начал снимать. Отец и сын щелкали затворами как сумасшедшие. Молниями сверкали вспышки. Жена Вана, не знавшая, что и подумать, расплакалась.

— Ван Мяо, я понимаю, в последнее время у тебя страшный стресс, но, пожалуйста, ты же не..?

Ван заполнил всю пленку в «лейке» и выхватил у сына цифровую камеру. На мгновение задумался, а потом ушел в спальню, подальше от разволновавшейся жены, и сделал несколько снимков с помощью «Кодака». Боясь смотреть на экран, он пользовался видоискателем, хотя и сознавал, что все равно очень скоро придется взглянуть правде в глаза.

Ван вынул кассету из «лейки», вновь нырнул в темную комнату, запер дверь и принялся за работу. Проявив пленку, он стал внимательно изучать негативы. Пальцы дрожали, поэтому лупу пришлось держать двумя руками.

Отсчет продолжался.

Ван выскочил из темной комнаты, схватил цифровой «Кодак» и уставился на экран. На кадрах, которые снял его сын, цифр не было. На тех, что сделал он сам, отсчет продолжался и был синхронизирован с числами на пленке из «лейки».

Итак, он пользовался разными фотоаппаратами, что позволяло исключить из числа возможных объяснений проблемы с пленкой или камерой. Но, попросив жену и сына делать снимки, Ван получил еще более странный результат: обратный отсчет появлялся только на тех кадрах, которые отснял *он сам*, и больше нигде!

В отчаянии Ван сгреб проявленные пленки. Те были похожи на зловещий клубок змей, на охапку веревок, запутавшихся в узел, который невозможно развязать.

Он понимал, что решить эту проблему собственными силами не в состоянии. К кому же обратиться? К бывшим однокашникам по университету или коллегам по институту? Бесполезно. Все они, подобно ему самому, были людьми с техническим складом ума, а Ван подспудно сознавал, что корни его проблемы лежат гораздо глубже. Он подумал о докторе Дин И, но тому сейчас не до чужих забот. Наконец, он вспомнил о «Рубежах науки»: члены общества были истинными мыслителями, умами, открытыми для новых идей.

И он набрал номер Шэнь Юйфэй.

— Доктор Шэнь, у меня проблема. Мне нужно увидеться с вами.

— Приезжайте, — откликнулась Шэнь и повесила трубку.

Шэнь не отличалась разговорчивостью; кое-кто в «Рубежах науки» в шутку называл ее Хемингуэем в юбке. Ван не знал, как расценивать то, что она сразу согласилась увидеться с ним, даже не спросив, в чем дело. Он не мог решить, радоваться ему или тревожиться еще больше.

Затолкав спутанный клубок фотопленок в сумку и прихватив цифровую камеру, Ван под перепуганным взглядом жены вылетел из квартиры. Он мог бы поехать на своей машине, но ему не хотелось оставаться одному в вечернем городе, пусть и освещенном множеством огней. Поэтому он вызвал такси.

* * *

Шэнь жила в элитарном жилом поселке, к которому вела новая ветка пригородного поезда. Здесь, на окраине, огни были не такими яркими. Посреди поселка плескался небольшой пруд, в котором было полным-полно рыбы — специально для здешних жителей. Ночью поселок напоминал настоящую деревню.

Было очевидно, что Шэнь — женщина с достатком, хотя Ван не мог понять, в чем его источник: ни ее прежняя должность исследователя, ни нынешняя работа в частной компании больших доходов не давали. Правда, обстановка внутри дома роскошью не отличалась. Здесь проходили собрания «Рубежей науки», и Вану всегда казалось, что дом Шэнь похож на небольшую библиотеку с комнатой для собраний.

В гостиной Ван встретил Вэй Чэна, мужа Шэнь.

Вэю было около сорока, на вид солидный, степенный интеллектуал. Помимо его имени, Ван мало что знал о нем; Шэнь не слишком откровенничала, знакомя их друг с другом. Судя по тому, что Вэй целыми днями сидел дома, он не работал. Дискуссии «Рубежей науки» никогда не вызывали у него интереса, но, похоже, он привык к тому, что в их доме постоянно толчется ученый люд.

Однако и без дела Вэй не слонялся. Вечно погруженный в размышления, он, должно быть, вел какие-то исследования на дому. Встречая гостей, он обычно рассеянно приветствовал их и возвращался в свою комнату наверху, где проводил б`ольшую часть дня. Как-то раз Ван Мяо заглянул в открытую дверь его комнаты и был поражен, увидев мощную рабочую станцию «Хьюлетт-Паккард». Ван был уверен, что не ошибается, потому что в своем исследовательском институте работал точно на такой же станции: синевато-серое шасси, модель RX8620, выпущенная четыре года назад. Что ни говорите, а это очень странно — использовать в качестве персонального компьютера машину стоимостью более миллиона юаней. Что же делает на ней Вэй Чэн днями напролет?!

— Юйфэй сейчас немного занята. Присаживай-

тесь, подождите, — сказал Вэй Чэн и пошел по лестнице наверх.

Ван был не против подождать, но обнаружил, что не может спокойно усидеть на одном месте, и поэтому последовал за Вэй Чэном. На пороге своей комнаты Вэй заметил, что гость идет за ним, но раздражения это в нем, по всей вероятности, не вызвало. Он указал на дверь напротив:

— Она там.

Ван постучался. Не затворенная до конца дверь приоткрылась. Шэнь сидела перед компьютером и играла в игру. Ван опешил, увидев, что она облачена в V-костюм.

V-костюмы, весьма популярные среди геймеров, состоят из шлема с экраном, дающим панорамный обзор, и тактильно-интерактивного комбинезона. Он позволяет игроку испытать полный набор игровых ощущений, например, почувствовать, каково это — получить удар в челюсть или нож в ребро, или гореть в огне, и тому подобное. С помощью костюма можно было испытать чувства экстремального жара и холода и даже узнать на себе, что чувствует человек, попавший в снежную бурю.

Ван подошел и встал у Шэнь за спиной. Поскольку игровая картинка проецировалась непосред-

ственно на панорамный экран внутри шлема, то окно браузера на мониторе оставалось пустым. Ван внезапно припомнил совет Ши Цяна запоминать адреса сайтов и электронной почты. Приглядевшись, он разобрал адрес страницы: www.3body.net.

Шэнь сняла шлем и комбинезон и водрузила на нос очки, которые казались слишком большими для ее узкого лица. Она бесстрастно кивнула Вану, не промолвив при этом ни слова. Ван извлек из сумки перепутанные пленки и начал рассказывать о странном происшествии. Шэнь слушала его очень внимательно; фотопленки же не вызвали у нее особого интереса, она лишь скользнула по ним взглядом. Это удивило Вана и одновременно дало ему понять, что для Шэнь происходящее с ним не в новинку. Он замолчал, но слушательница кивнула, прося продолжать.

Ван завершил рассказ, и тогда впервые за все время Шэнь заговорила:

— Как подвигается ваш проект с наноматериалом?

Вопрос, никак не связанный с его делом, привел Вана в замешательство.

— С наноматериалом? Какое отношение он имеет к этому? — Он указал на ворох пленок.

Она молча продолжала смотреть на него, ожидая ответа на свой вопрос. Таков был ее стиль — не расходовать воздух зря.

— Остановите исследования, — наконец сказала она.

— Что? — Ван подумал, что ослышался. — О чем вы?

Шэнь хранила молчание.

— Как это — остановить? Это же ключевой национальный проект!

Она по-прежнему ничего не говорила, только спокойно смотрела на него.

— Ну обоснуйте хотя бы как-нибудь!..

— Просто остановите. Попробуйте.

— Вы ведь что-то знаете! Что?! Скажите мне!

— Я уже сказала все, что могла.

— Я не могу остановить проект! Это невозможно!

— Просто остановите, и все. Попробуйте.

На этом разговор об отсчете был окончен. С какой бы стороны Ван ни пытался зайти, Шэнь отвечала: «Просто остановите, и все».

— Я все понял! — заявил Ван. — «Рубежи науки» не просто дискуссионная группа, обсуждающая проблемы фундаментальной теории, как вы это утверждаете! Ваши связи с практикой намного

теснее, чем я себе представлял.

— Нет, не поняли. «Рубежи науки» заняты проблемами еще более фундаментальными, чем вы себе представляете.

Отчаявшись получить ответ, Ван ушел не прощаясь. Шэнь молча проводила его до двери и наблюдала, как он садится в такси.

В этот момент к дому подкатила другая машина и, взвизгнув тормозами, остановилась. Из машины вышел человек. В неярком свете, льющемся из прихожей, Ван сразу узнал его.

Это был Пань Хань — один из наиболее выдающихся членов «Рубежей науки», биолог, некогда предположивший и доказавший связь между врожденными аномалиями развития и долговременным потреблением генетически модифицированной пищи. Он также предсказал экологические катастрофы, обусловленные культивированием генетически модифицированных растений. Тогда как обычные пророки апокалипсиса просто предсказывали всяческие беды, не вдаваясь при этом в детали, прогнозы Паня содержали подробности, которые позже оказывались точно соответствующими действительности. Настолько точно, что ходили слухи, будто этот человек — пришелец из будущего.

Он был также известен тем, что создал первую в Китае экспериментальную общину. В отличие от утопических групп Запада, призывающих «назад к природе», его «Пасторальный Китай» располагался не где-то в глуши, а в одном из самых крупных городов страны. Община не имела никакой собственности. Все, что нужно было для жизни, включая еду, ее члены добывали из городских отбросов. И хотя многие предсказывали «Пасторальному Китаю» быстрый и бесславный конец, он не только выжил, но и процветал. В настоящий момент в нем насчитывалось три тысячи постоянных членов и неисчислимое множество временных, которые присоединялись к нему ненадолго ради новизны впечатлений.

Благодаря этим своим успехам Пань становился все более и более заметной фигурой в общественной жизни. Он утверждал, что технический прогресс — это болезнь, разъедающая человечество. Взрывной характер развития технологий аналогичен росту раковой опухоли, и результат будет таким же: исчерпание всех ресурсов, разрушение органов и в конце — смерть. Пань призывал отказаться от атомной энергии и ископаемых энергоносителей и оставить только солнечные и небольшие гидроэлектростанции.

Он верил, что можно остановить дальнейшее разрастание современных мегаполисов путем равномерного расселения их жителей по поселкам и деревням, которые сами обеспечивали бы себя всем необходимым. Ресурсосберегающие технологии, полагал он, дадут возможность построить новое аграрное общество.

— Он у себя? — спросил Пань у хозяйки дома.

Та молча преградила ему дорогу.

— Я обязан предостеречь его. И вас тоже, — проговорил Пань ледяным тоном. — Не вынуждайте нас прибегать к силе.

Шэнь обратилась к водителю такси:

— Вы можете ехать.

Машина тронулась, и дальнейшего разговора Ван не слышал, но, обернувшись, видел в заднее стекло, как Шэнь не давала визитеру войти в дом.

* * *

Ван вернулся домой за полночь. Когда он выходил из такси, рядом резко остановился черный «Фольксваген Сантана». Стекло опустилось, и из машины вырвался клуб дыма. Водительское сиденье просело под грузным телом Ши Цяна.

— Профессор Ван! Академик Ван! Как ваши дела

в последние пару дней?

— Вы следите за мной? Вам что — больше нечем заняться?!

— Вы меня не так поняли. Я мог бы просто проехать мимо, но вдруг решил проявить вежливость и поздороваться. И вот ваша благодарность! — Ши надел на лицо свою фирменную кривую усмешку. — Ну что? Вынюхали что-нибудь интересненькое?

— Я сказал, что не желаю иметь с вами никаких дел. Оставьте меня в покое!

— Ладно. — Ши завел мотор. — Можно подумать, я ради бабок сверхурочно горбатился. Вот и футбол пропустил...

* * *

Ван вошел в квартиру. Жена уже спала; он слышал, как она беспокойно ворочается и что-то неразборчиво бормочет во сне. Из-за пугающего поведения мужа у нее теперь, наверно, кошмары. Ван проглотил несколько таблеток снотворного, лег в постель и после долгого ожидания наконец заснул.

Его сны были хаотичны, но один постоянно повторялся — призрачные числа, реющие в воздухе. Еще перед тем как заснуть, Ван знал,

что увидит их. Так оно и случилось. Во сне он кидался на цифры как безумный, рвал их, кусал, но на них даже отметин не оставалось. Отсчет продолжался, неумолимый, неостановимый... И когда исступление Вана дошло до предела, он проснулся.

Открыв глаза, он уперся взглядом в потолок. Городские огни, пробивавшиеся сквозь занавески, ложились на него неясными бликами. Но что это? Отсчет, который Ван видел во сне, продолжался наяву! Цифры по-прежнему стояли перед его глазами, их тонкие, но яркие линии пылали белым:

1180:05:00, 1180:04:59, 1180:04:58, 1180:04:57...

Ван оглянулся вокруг, всматриваясь в темноту спальни. Он был уверен, что не спит, но отсчет — вот он, здесь. Ван закрыл глаза, но цифры никуда не делись. Они светились и переливались, будто ртуть на перьях черного лебедя. Ван открыл глаза, потер их... Числа не исчезли. Куда бы Ван ни направил взгляд, они все время оставались в центре его поля зрения.

Безымянный ужас охватил Вана. Он рывком сел. Отсчет продолжался. Ван соскочил с постели, рванул занавески, открыл окно... Ночной город играл яркими огнями. И на этом величественном фоне светились кошмарные цифры, словно суб-

титры на киноэкране.

Ван почувствовал, что задыхается, и испустил придушенный крик. Жена проснулась, перепугалась и засыпала его вопросами. Он попытался взять себя в руки и стал твердить ей, что это все пустяки, просто плохой сон. Улегшись обратно в постель, Ван закрыл глаза и провел остаток ночи под неусыпным свечением обратного отсчета.

Утром он попытался вести себя, как будто ничего не случилось, но жену было невозможно обмануть. Она пристала к нему с расспросами, все ли у него в порядке с глазами.

Позавтракав, Ван позвонил в институт и сказался больным, а потом отправился к врачу. Все время, пока он ехал, призрачные цифры безжалостно заслоняли собой реальный мир. Они регулировали свою яркость, так что их было хорошо видно на любом фоне. Один раз Ван даже попытался подавить их свечение другим, более ярким светом и уставился на восходящее солнце. Все без толку. Жуткие числа сменили цвет на черный и ясно обозначились на солнечном диске, словно спроецированные туда каким-то сверхъестественным киноаппаратом, отчего Ван испугался еще больше.

В больнице Тунжэнь было полно народу, но ему

удалось прорваться к знаменитому офтальмологу, учившемуся вместе с его женой. Он попросил осмотреть его глаза, не называя, однако, симптомов. Внимательно обследовав оба глаза, доктор не нашел в них ни малейших отклонений.

— Я все время вижу что-то непонятное. Куда бы ни посмотрел — оно там. — Произнося эти слова, Ван отчетливо видел цифры, висящие перед лицом доктора:

1175:11:34, 1175:11:33, 1175:11:32, 1175:11:31...

— А, так ты имеешь в виду «мушки»! — Врач взял рецептурный бланк и принялся писать. — Обычное явление в нашем возрасте, результат помутнения стекловидного тела. Их трудно лечить, но угрозы зрению они не представляют. Вот тебе капли с йодом и витамин D. Возможно, «мушки» пройдут, но особо не надейся. Постарайся просто не обращать внимание на эту ерунду.

— Мушки... Как они обычно выглядят?

— У них нет какой-то особой формы. У разных людей по-разному. У кого-то как маленькие черные точки, у других — как головастики...

— А могут они быть похожи на серию цифр?

Доктор перестал писать.

— Ты видишь цифры?

— Да, прямо в центре поля зрения.

Доктор положил ручку и посмотрел на Вана с сочувствием.

— Как только ты вошел, я сразу заметил, что вид у тебя утомленный. На последней встрече выпускников Ли Яо сказала, что на работе у тебя сплошной стресс. В нашем возрасте нужно быть осторожней. Здоровье уже не то, что раньше.

— Ты хочешь сказать, здесь задействованы психологические факторы?

Доктор кивнул.

— Если бы на твоем месте был кто-то другой, я бы посоветовал обратиться к психиатру. Но, думаю, ничего серьезного, просто переутомление. Почему бы тебе не отдохнуть несколько дней? Возьми отпуск. Побудь с Яо и малышом... как его? Дуду, правильно? Никаких волнений. И все пройдет.

1175:10:02, 1175:10:01, 1175:10:00, 1175:09:59...

— Ладно, я скажу тебе, что вижу. Это обратный отсчет! Секунда за секундой, как часы. Ты хочешь сказать, что все это у меня в голове?

Доктор терпеливо улыбнулся.

— Знаешь, как сильно мозг может воздействовать на зрение? В прошлом месяце была у нас пациентка, девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Она сидела на уроке и вдруг потеряла

способность видеть. Ослепла полностью. Но все тесты показали, что с точки зрения физиологии с глазами у нее все в порядке. Направили ее к психиатру; она походила месяц на психотерапию — и зрение вернулось.

Похоже, подумал Ван, я даром теряю здесь время. Он поднялся.

— Ладно, давай не будем больше о моих глазах. У меня еще один, последний вопрос: тебе неизвестен какой-нибудь физический феномен, который мог бы воздействовать на расстоянии и вызывать у людей видения?

Доктор призадумался.

— Пожалуй, известен. Некоторое время назад я входил в команду медиков, работавшую с космическим кораблем «Шэньчжоу-19». Некоторые тайконавты[18], выходившие в открытый космос, докладывали, что видели вспышки, которых не существовало. Астронавты Международной космической станции сообщали о похожих явлениях. Выяснилось, что в периоды усиленной солнечной активности частицы высоких энергий бомбардируют сетчатку, и тогда человек видит вспышки. Но ты говоришь о цифрах, еще точнее,

[18] Примечания: 18
Так китайцы называют космонавтов. — *Прим. перев.*

об отсчете. Солнечная активность такого воздействия оказать не может.

Ван вышел из больницы как в тумане. В глазах по-прежнему стояли цифры. Ему казалось, что это он сам следует за ними, идет за призраком, и нет никакой возможности разорвать эту связь. Он купил солнцезащитные очки и надел их — может, так будет не слишком заметно, что его глаза блуждают, как у лунатика.

Перед тем как войти в главную лабораторию своего института, Ван снял очки. Коллеги, заметившие, что с ним что-то не так, провожали его озабоченными взглядами.

Ван увидел, что главная реакторная камера в центре лаборатории запущена на полную мощность. Основная часть гигантского аппарата представляла собой сферу со множеством подсоединенных труб.

Ван и его коллеги изготовили небольшое количество нового, сверхпрочного наноматериала, которому дали кодовое название «парящее лезвие». Однако все образцы пока что были сделаны с использованием технологии молекулярного конструирования, то есть молекулы скрупулезно составили вместе с помощью нанозонда — одну за другой, словно кирпичики. Работа требовала

колоссального количества времени и ресурсов, и результат всех усилий по праву можно было бы назвать самой большой в мире драгоценностью. При таком методе о массовом производстве не могло идти и речи.

В настоящее время лаборатория разрабатывала другой метод — с помощью каталитической реакции, которая заменила бы собой молекулярное конструирование; при таком подходе большое число молекул одновременно составлялись бы вместе в нужном порядке. Главная реакторная камера позволяла проводить реакции непрерывно и быстро, задействуя различные комбинации молекул. Этих комбинаций было так много, что, если бы опыты ставились вручную, не хватило бы и ста лет. Вдобавок аппарат расширял поле поиска, проводя математическое моделирование: когда реакция достигала определенной стадии, компьютер создавал модель, основанную на промежуточных продуктах, и просчитывал на ней оставшиеся реакции. Эксперимент шёл быстрее.

Увидев вошедшего Вана, начальник лаборатории поспешил к нему и затянул свою обычную песню о неполадках в главной реакторной камере. Этот ритуал повторялся каждый раз, когда бы Ван ни приходил в лабораторию. К настояще-

му моменту камера работала непрерывно уже целый год, многие сенсоры износились, отчего страдала точность измерений. Давно пора было заглушить машину и приступить к ремонту, но Ван, ведущий исследователь проекта, настаивал, что сначала надо произвести третью серию молекулярных комбинаций, а ремонт — потом. Техникам ничего не оставалось, как, фигурально выражаясь, наскоро латать дыры; а теперь, когда и заплатки нуждались в собственных заплатках, персонал дошел до последней степени изнеможения.

Однако начальник лаборатории не заикался о том, чтобы выключить машину и приостановить эксперимент, зная, что такая просьба приведет шефа в ярость. Он просто перечислял Вану неисправности, хотя невысказанное желание, стоявшее за этим сухим отчетом, было очевидно.

Инженеры суетились вокруг реакторной камеры, словно врачи вокруг умирающего, пытаясь продлить ему жизнь. И на фоне этой картины продолжался отсчет:

1174:21:11, 1174:21:10, 1174:21:09, 1174:21:08...

«Просто остановите. Попробуйте», — говорила ему Шэнь.

— Сколько времени уйдет на замену сенсоров?

— спросил Ван.

— Четыре-пять дней. — Начальник лаборатории узрел лучик надежды и быстро добавил: — Если поработать как следует, то три. Гарантирую, доктор Ван!

«Это не значит, что я сдаюсь, — внушал себе Ван. — Аппаратура требует наладки, так что эксперимент на полном основании можно приостановить. И мои проблемы тут ни при чем».

Он повернулся к начальнику и сфокусировался на его лице сквозь маячившие перед глазами цифры:

— Остановите эксперимент и выполните ремонт. Уложитесь в сроки, которые вы мне пообещали.

— Безусловно, доктор Ван! Я сейчас дам вам подробную распечатку, что и когда будет сделано. Мы сможем остановить реакцию уже сегодня вечером!

— Остановите ее прямо сейчас!

Начальник лаборатории ошеломленно уставился на него, но быстро пришел в себя и, словно боясь, что Ван передумает, схватил микрофон и дал команду остановить реакцию. Весь персонал заработал с удвоенным рвением. По очереди защелкали десятки переключателей — процедура

остановки камеры началась. Многочисленные контрольные мониторы гасли один за другим, пока наконец на главном дисплее не высветился статус: камера заглушена.

И почти в тот же момент отсчет на сетчатке глаз Вана остановился. Прошла еще пара секунд, и последние числа — *1174:10:07* — мигнули и пропали.

Как только окружающий мир явился глазам Вана без жутких цифр, профессор испустил долгий выдох, как будто только что вынырнул из воды. Он сел, весь в поту, и только сейчас обнаружил, что все в лаборатории не сводят с него глаз.

— Ремонтом занимается отдел оборудования, — обратился он к начальнику лаборатории. — Почему бы всей исследовательской группе не отдохнуть пару дней? Я ведь понимаю, что каждый работал не покладая рук.

— Доктор Ван, вы тоже устали. Главный инженер Чжан займется наладкой, а вы могли бы пойти домой. Вам ведь отдых тоже не помешает?

— Да, я очень устал, — согласился Ван.

Начальник лаборатории ушел, а Ван вынул телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та взяла трубку после первого же звонка.

— Кто или что стоит за всем этим? — обрушился

на нее Ван. Он старался сохранять самообладание, но не преуспел.

Молчание.

— Что случится по окончании отсчета?

Опять молчание.

— Вы меня слушаете?!

— Да.

— Почему именно наноматериалы?! Это же не ускоритель частиц! Всего лишь прикладные исследования! Стоят ли они такого внимания?!

— Кто мы такие, чтобы решать, что стоит внимания, а что не стоит?

— Хватит! — рявкнул Ван. Страх и отчаяние, накопившиеся за последние несколько дней, перешли в неконтролируемую ярость. — Думаете одурачить меня вашими дешевыми трюками?! Пытаетесь остановить технический прогресс?! Признаю, пока я не могу объяснить, как вы это проделываете, но это только потому, что у меня еще не было возможности заглянуть за спину вашему бесстыдному фокуснику!

— Вы хотели бы увидеть отсчет в большем масштабе?

Услышав вопрос Шэнь, Ван на мгновение оторопел. Он заставил себя успокоиться. Не хватало еще попасть в их проклятую ловушку!

— Прекратите эти ваши фокусы! Что с того, что вы покажете его мне в большем масштабе? Все равно это лишь иллюзия! Вы можете спроецировать голограмму в небо, как это сделало НАТО во время последней войны. Если взять лазер достаточной мощности, можно изобразить картинку на поверхности Луны! Но ведь «стрелок» и «фермер», по предположениям, должны располагать силами, неподвластными человеку. Как насчет того, чтобы нарисовать цифры на поверхности солнца?!

Ван внезапно застыл с открытым ртом, в шоке от собственных слов. Он нечаянно назвал те две гипотезы, упоминания о которых должен был избегать как огня. Он едва не угодил в ту же западню, в которую попали другие жертвы!

Стараясь овладеть инициативой, он продолжал:

— Я не могу предвидеть ваши следующие трюки, но, может, вы и с солнцем это как-нибудь провернете, ваш презренный фокусник сможет заставить иллюзию выглядеть как реальность. Чтобы придать вашей демонстрации больше убедительности, вам придется провернуть что-нибудь более впечатляющее!

— Вопрос в том, сумеете *ли вы* с этим справить-

ся, — ответила Шэнь. — Ван, я ваш друг. Я хочу помочь вам избегнуть судьбы Ян Дун.

При упоминании этого имени Ван вздрогнул. Но тут на него накатила вторая волна ярости, отчего он потерял всякую осторожность.

— Вы принимаете мой вызов?!

— Конечно.

— И что вы предпримете?

— У вас есть компьютер с доступом к Интернету? Хорошо. Напишите адрес: http://www.qsl.net/bg3tt/zl/mesdm.htm. Открыли? Распечатайте это и держите всегда под рукой.

Открытая страница всего лишь содержала таблицу азбуки Морзе.

— Н-не понимаю... Это же...

— В течение следующих двух дней, пожалуйста, найдите лабораторию, где вы сможете наблюдать за реликтовым космическим излучением. Я пошлю вам детали электронным письмом.

— Но что... что вы собираетесь сделать?!

— Я знаю, что ваш проект по наноматериалу остановлен. Вы планируете вернуться к нему?

— Конечно! Через три дня.

— Тогда отсчет продолжится.

— И в каком масштабе я его увижу?

Последовало долгое молчание. Эта женщина,

вещающая от имени некой силы, превосходящей человеческое разумение, перекрыла Вану все пути к отступлению.

— Через три дня... значит, четырнадцатого... Четырнадцатого числа с часу ночи до пяти утра для вас будет мерцать вся Вселенная.

Глава 7. Три тела: Царь Вэнь из дома Чжоу и долгая ночь

Ван набрал номер Дина. И лишь когда тот взял трубку, вспомнил, что уже час ночи.

— Это Ван Мяо. Простите, что звоню так поздно.

— Ничего. Мне все равно не спится.

— Я... видел кое-что и прошу у вас помощи. Вы не знаете, есть ли в Китае обсерватории, наблюдающие за реликтовым микроволновым излучением?

Вану не терпелось поговорить с кем-нибудь о том, что происходит, но он решил, что чем меньше людей будет знать об отсчете, который был виден только ему одному, тем лучше.

— Реликтовое излучение? Откуда у вас вдруг такой интерес к нему? Должно быть, вы и правда наткнулись на что-то необычное... Вы еще не виделись с матерью Ян Дун?

— Ох, простите. Забыл.

— Ничего страшного. В наше время многие ученые видят что-то... не совсем обычное, как и вы. Рассеянность — обычное явление в таких

условиях. И все равно, думаю, хорошо бы вам навестить Е Вэньцзе. Она уже в годах, а домработницу нанимать не хочет. Если надо что-то сделать в доме, вы уж ей помогите, пожалуйста... Ах да, реликтовое излучение. Спросите Е. До того как уйти на пенсию, она была астрофизиком. Знает все обсерватории в Китае как свои пять пальцев.

— Отлично! Отправлюсь сразу после работы.

— Тогда заранее благодарю. Я сам не в состоянии встретиться лицом к лицу с кем-то, напоминающим мне о Ян Дун.

* * *

Положив трубку, Ван уселся за компьютер и распечатал таблицу кода Морзе. Он уже достаточно успокоился, чтобы думать не только об обратном отсчете, и стал размышлять о «Рубежах науки», о Шэнь Юйфэй и компьютерной игре, в которую она играла. Единственное он знал о Шэнь абсолютно точно: она не из тех, кто увлекается компьютерными играми. Сдержанная, с телеграфной манерой разговора, она всегда производила на Вана впечатление исключительно холодного человека. Это была не та холодность, которую многие люди надевают на себя как маску. У Юйфэй душа была как лед.

Ван невольно сравнивал Юйфэй с устаревшей операционной системой MS-DOS: пустой черный экран, лаконичное приглашение в консоли «C:\>», мигающий курсор и больше ничего. Когда что-то вводишь, компьютер отображает это на экране, не внося ничего своего, не меняя ни единой буквы. Однако теперь Ван знал, что за этим «C:\>» зияет бездонная пропасть.

«Неужели она и впрямь увлекается игрой? Да еще такой, для которой нужен V-костюм! Детей у нее нет, значит, она купила его для себя. Ну и ну. Что бы это значило?»

Ван ввел URL в адресную строку браузера. Легко запомнить: www.3body.net. На сайте всплыло сообщение, что доступ к игре можно получить, только если воспользоваться V-костюмом. Ван вспомнил, что в комнате отдыха при Институте нанотехнологий есть такой костюм. Он вышел из опустевшей главной лаборатории и отправился в вахтерскую за ключом. В комнате отдыха, пробравшись между бильярдными столами и тренажерами, он нашел компьютер и костюм. Втиснувшись в тактильный интерактивный комбинезон и натянув шлем с панорамным экраном, Ван включил компьютер.

Он оказался посреди пустынной предрассвет-

ной равнины. Равнина была серо-коричневого цвета, какая-то размытая, без четких деталей. Вдали, на горизонте, светлела тоненькая полоска. На небе мерцали звезды.

Раздался оглушительный взрыв, и вдалеке в землю врезались две багрово пылающие горы. Равнину залило красным светом. Когда пыль осела и небо очистилось, Ван увидел, что между небом и землей воздвиглись гигантские иероглифы: ТРИ ТЕЛА.

Затем появилось окно регистрации. Ван создал ID «Хайжэнь»[19] и залогинился.

* * *

Кругом расстилалась все та же пустыня, но компрессоры в V-костюме проснулись и зажужжали. Ван почувствовал, как его прохватило холодом. Прямо перед ним возникли две идущие фигуры, чьи темные силуэты вырисовывались на фоне предрассветного неба. Ван пустился вдогонку.

Незнакомцы, двое мужчин, были одеты в длинные дырявые балахоны с накинутыми поверх грязными звериными шкурами. У каждого на

---

[19] Примечания: 19

То есть «человек моря». В имени Ван Мяо игра слов, его иероглифы могут читаться как «вода». — *Прим. К. Л.*

боку висел короткий и широкий бронзовый меч. Один из путников нес за спиной узкий и длинный деревянный сундук. Человек оглянулся. Лицо его было таким же грязным и морщинистым, как и покрывавшая плечи шкура, но глаза, живые, острые, ярко сверкали в предутренней мгле.

— Холодно, — заметил незнакомец.

— Ужасно холодно, — ответил Ван.

— Это эпоха Сражающихся Царств, — сказал человек с ящиком на спине. — Я царь Вэнь из дома Чжоу.

— Мне кажется, царь Вэнь не имеет отношения к эпохе Сражающихся Царств[20], — заметил Ван.

— Он дожил до этих дней, — сказал другой путник. — И царь Чжоу из династии Шан тоже еще жив[21]. Я — Последователь царя Вэня. Таков мой логин — «Последователь царя Вэня из дома Чжоу». Ты знаешь, что он гений?

---

[20] Примечания: 20

Эпоха Сражающихся Царств длилась с 475 по 221 г. до н. э. Но царь Вэнь из дома Чжоу правил гораздо раньше, с 1099 г. до н. э. по 1050 г. до н. э. Его считают основателем династии Чжоу, которая в результате переворота отстранила от власти тираническую династию Шан. — *Прим. К. Л.*

На самом деле Вэнь царем не был, но заслуги его были велики, и народ дал ему имя Вэнь-ван, то есть царь Вэнь. По соображениям благозвучия в русском переводе оставили «царь Вэнь». — *Прим. перев.*

[21] Примечания: 21

Царь Чжоу из династии Шан правил с 1075 г. по 1046 г. до н. э. Последний царь этой династии в китайской истории известен как жестокий тиран. — *Прим. К. Л.*

— Мой логин «Хайжэнь». А что это у вас за сундук?

Царь Вэнь спустил упомянутый предмет с плеч и поставил его вертикально. Открыв одну из боковин, словно дверь, он показал, что внутри тот разделен на пять отсеков. В слабом свете утра Ван смог разглядеть, что каждый из них содержит некоторое количество песка. Судя по всему, песок пересыпался из верхних отсеков в нижние через маленькие отверстия в перегородках.

— Это песочные часы. Через каждые восемь часов весь песок оказывается в нижнем отсеке. Три переворота сундука равняются одним суткам. Но я частенько забываю переворачивать, поэтому мне нужен Последователь, который бы напоминал об этом.

— Похоже, вы идете издалека. Это так необходимо — тащить с собой такой громоздкий прибор?

— А как еще мы тогда измеряли бы время?

— Переносные солнечные часы намного сподручнее. А вообще достаточно глянуть на солнце, чтобы приблизительно определить, который час.

Царь Вэнь и Последователь переглянулись, а потом воззрились на Вана как на полного идиота.

— Солнце? Как можно определить время по

солнцу?! Ведь сейчас Эра Хаоса!

Ван собрался было спросить, что означает сие странное наименование, но тут Последователь жалобно вскрикнул:

— Какой холод! Сейчас помру от переохлаждения!

Ван тоже замерз, но, как в большинстве игр, стоит снять V-костюм — и система выкинет твой ID из игры. Так что лучше потерпеть.

— Когда солнце взойдет, станет теплее, — утешил он спутников.

— Тоже мне еще пророк нашелся! — сказал Последователь. — Даже царь Вэнь не умеет предсказывать будущее. — Он презрительно покачал головой.

— При чем здесь пророк? Любой неуч скажет, что солнце встанет через час или два. — Ван ткнул пальцем в сторону светлой полоски на горизонте.

— Да ведь сейчас Эра Хаоса!

— А что такое «Эра Хаоса»?

— Эра Хаоса — это все то, что не Эра Порядка, — пояснил царь Вэнь так, словно разговаривал с неразумным дитятей.

И в самом деле, свет над горизонтом стал постепенно меркнуть и вскоре совсем погас. Мир

накрыла ночь. Звезды над головой вспыхнули ярче.

— Значит, это был закат, а не рассвет? — спросил Ван.

— Сейчас утро. Но солнце не всегда поднимается по утрам. Это же Эра Хаоса.

Вану стало еще холоднее. Поежившись, он указал на темный горизонт:

— Похоже, солнце взойдет еще не скоро.

— С чего ты взял? Никто не может сказать точно. Говорю же — сейчас Эра Хаоса. — Последователь повернулся к царю. — Можно мне немного сушеной рыбы?

— Нельзя! — отрезал царь Вэнь. — Самому мало. Главное, чтобы *я* добрался до Чжао Гэ[22], не ты!

Ван заметил, что, пока они разговаривали, на горизонте снова забрезжило. Конечно, без компаса трудно разобраться, где восток, а где запад, но он был уверен, что в прошлый раз заря была в другой стороне. Небо быстро светлело, и вскоре взошло солнце этого мира — маленькое, голубоватое, словно очень яркая Луна. Все же стало чуть теплее, а местность вокруг обрела более ясные очертания. Но день длился недолго.

---

[22] Примечания: 22

Чжао Гэ был столицей царства Шан, в которой находился двор царя Чжоу. — *Прим. К. Л.*

Солнце прочертило над горизонтом пологую дугу и закатилось. Снова воцарились ночь и промозглый холод.

Трое путников остановились у мертвого дерева. Царь Вэнь и Последователь вынули свои бронзовые мечи и принялись рубить сучья для костра, а Ван собирал их в кучку. Последователь вынул кусок кремня и чиркал им по мечу до тех пор, пока сучья не занялись от искры. Вскоре костерок согрел V-костюм Вана спереди, но спина по-прежнему мерзла.

— Давай бросим в пламя кого-нибудь из обезвоженных, — сказал Последователь. — Вот тогда у нас будет костер что надо, а не этот жалкий огонек!

— И думать не смей! Только тиран вроде царя Чжоу мог бы выкинуть такое!

— Но вдоль дороги этих сухарей хоть пруд пруди! Их так изгрызли звери, что они не оживут после регидрации. Что с того, что мы сожжем парочку-другую? Можно было б даже подкрепиться ими. Ну что такое пяток чьих-то жизней по сравнению с нашими?! Ведь самое важное — изложить царю твою теорию!

— Прекрати городить чушь! Мы ученые!

Когда костер догорел, троица продолжила

путь. Поскольку они почти не разговаривали, система ускорила бег игрового времени. Царь Вэнь перевернул песочные часы у себя за спиной шесть раз подряд — значит, прошло двое суток, и за все это время не только солнце ни разу не взошло, но даже намека на рассвет на горизонте не появилось.

— Похоже, солнце никогда больше не взойдет, — заметил Ван. Он вывел на экран игровое меню и взглянул на показатель своего «здоровья». Холод стоял неимоверный, и полоска медленно, но верно сокращалась.

— Опять строишь из себя оракула? — поинтересовался Последователь. На этот раз они с Ваном закончили фразу вместе: — Это же Эра Хаоса!

Однако вскоре горизонт заалел, небо посветлело, и начался восход. На этот раз солнце было огромным. Взошедшая половина светила занимала как минимум одну пятую всего окоема. Путников окатило волной тепла, и Ван оживился. Однако взглянув на царя Вэня и Последователя, он увидел на их лицах такой ужас, будто те узрели демона.

— Живей, прячемся! — воскликнул Последователь.

Они с царем побежали, Ван устремился следом.

Путники укрылись за большим камнем. Тень, в которой они прятались, становилась все короче и короче. Земля вокруг начала раскаляться, словно в топке. Вечная мерзлота под ними растаяла, и твердая, как камень, поверхность превратилась в грязевое море, от жара вздыбившееся волнами. Пот лил с Вана ручьем.

Когда солнце поднялось в зенит, все трое с головой накрылись шкурами, но яростные стрелы света проникали сквозь дыры и жгли, как раскаленные прутья. Стараясь уберечься от них, странники ползли вокруг камня вместе с тенью, постепенно удлинявшейся на другой стороне.

Наконец, солнце село, но воздух оставался жарким и влажным. Путники, насквозь мокрые от пота, расселись на камне.

— Путешествовать в Эру Хаоса — все равно что идти сквозь ад, — угрюмо проговорил Последователь. — Не могу больше! К тому же я с голоду помираю. У тебя сухой рыбешки не допросишься, и есть дегидрированные тела ты мне тоже не разрешаешь. Что...

— Единственный выход — дегидрировать тебя, — оборвал его царь Вэнь, обмахиваясь уголком шкуры.

— А ты не бросишь меня здесь?

— Конечно, нет. Клянусь доставить тебя в Чжао Гэ.

Последователь стянул с себя мокрый от пота балахон и голым лег в грязь. В последних отблесках уже закатившегося за горизонт солнца Ван увидел, как из всех пор тела Последователя начала сочиться жидкость. Было понятно, что это не пот, а вода. Влага многочисленными мелкими ручейками сбегала в грязь. Тело Последователя размягчилось и деформировалось, словно тающая свеча. Десять минут спустя вся вода ушла из него, и теперь вместо Последователя на земле лежала его пустая оболочка, формой напоминающая человека. Черты лица сгладились и стали неразличимы.

— Он умер? — спросил Ван. Он припомнил, что и раньше видел такие иссохшие фигуры, валяющиеся вдоль дороги. У одних не хватало некоторых частей тела, другие были совсем истерзаны. Наверно, это и были те самые «обезвоженные», которых Последователь хотел использовать вместо дров.

— Нет, — ответил царь Вэнь. Он подобрал Последователя, стряхнул грязь и пыль, расстелил оболочку на камне и скатал в сверток. — Стоит только погрузить его в воду, и он оживет. Это как

замочить сушеные грибы.

— У него даже кости размягчились?

— Да. Скелет превратился в сухие волокна. Нести будет легко.

— В этом мире любой может дегидрировать и регидрировать?

— Конечно. Ты тоже. Иначе мы не выжили бы в Эры Хаоса. — Царь Вэнь протянул скатанного Последователя Вану. — На вот, неси. Если бросишь на дороге, его либо сожгут, либо съедят.

Оболочка была совсем легкая, и Ван сунул ее под мышку. Что интересно, ощущения странности происходящего у него не возникло.

Путники, теперь уже вдвоем, продолжили свое мучительное странствие, Ван нес дегидрированного Последователя, царь Вэнь — свои песочные часы. Как и в предыдущие дни, светило этого мира вставало и садилось без всякой системы: после долгой морозной ночи длиной в несколько суток мог промелькнуть короткий, но обжигающе знойный день, и наоборот. Чтобы выжить, путешественникам приходилось полагаться друг на друга. Если было слишком холодно, они разжигали костры; если слишком жарко — ныряли в воду.

Наконец, игровое время ускорилось. Месяц в

игре занял примерно полчаса реального времени, что сделало путешествие сквозь Эру Хаоса более-менее терпимым.

Однажды после ночи, длившейся, согласно песочным часам, почти неделю, царь Вэнь неожиданно завопил от радости, указывая в темное небо:

— Летящие звезды! Две летящих звезды!

Вообще-то Ван уже видел подобные небесные тела. Их диски были больше звезд — размером с мячик для пинг-понга, и двигались они быстро, так что их перемещение было заметно невооруженным глазом. Но сейчас две таких звезды впервые летели по небу одновременно.

Царь Вэнь объяснил:

— Когда появляются две летящих звезды, это предвещает начало Эры Порядка.

— Мы видели их и раньше!

— Да, но только по одной за раз.

— А две одновременно — это предел?

— Нет. Иногда появляются три, но больше не бывает.

— А если появляются три, означает ли это, что наступает еще лучшая эра?

Царь Вэнь посмотрел на Вана со страхом:

— Ты в своем уме?! Три летящих звезды!.. Мо-

лись, чтобы такого никогда не случилось!

Как выяснилось, царь Вэнь был прав — вскоре воцарилась желанная Эра Порядка. Восходы и закаты стали регулярными, суточный цикл стабилизировался и составил около восемнадцати часов. Климат смягчился, воздух потеплел.

— Сколько продлится Эра Порядка? — спросил Ван.

— Может, день, а может, век. Никто не в силах предсказать. — Царь Вэнь сел на свой сундучок и, подняв голову, воззрился на полуденное солнце. — Летописи рассказывают, что при династии Западная Чжоу одна Эра Порядка длилась двести лет. Как счастлив тот, кто родился в такое благословенное время!

— А сколько длится Эра Хаоса?

— Я ведь уже говорил: все, что не Эра Порядка, то Эра Хаоса. Каждая эра забирает себе время, не занятое другой, вот и все.

— Но... получается, в этом мире нет никакого ритма, никакой системы?!

— Именно так. Цивилизация может развиваться только в мягком климате Эр Порядка. Б`ольшую часть времени человечеству приходится проводить в состоянии дегидрации. Когда настает долгая Эра Порядка, происходит регидрация, и

все разом оживают, после чего продолжают строить и созидать.

— А как вы предсказываете, когда придет и сколько будет длиться Эра Порядка?

— Да никак. Никто не может этого сделать. Когда наступает Эра Порядка, царь принимает решение о массовой регидрации, основываясь на своей интуиции. Часто бывает так, что люди оживают, засевают поля, начинают строить города... Жизнь только-только наладилась, и — бум! — Эра Порядка вдруг заканчивается. Страшный мороз и ужасающий зной уничтожают все. — Царь Вэнь наставил на Вана палец и сверкнул глазами: — Теперь тебе известна цель игры — с помощью интеллекта и интуиции проанализировать все явления природы и выявить законы, по которым движется солнце. От этого зависит выживание цивилизации.

— Судя по моим наблюдениям, здешнее солнце вообще не следует никаким законам.

— Это потому, что тебе недоступна глубинная суть этого мира.

— А тебе доступна? — скептически осведомился Ван.

— Да. Вот почему я иду в Чжао Гэ. Хочу представить царю Чжоу точный календарь.

— Но почему ты тогда не использовал этот твой календарь во время нашего странствия?

— Предсказать движение солнца можно только в Чжао Гэ, потому что это место — средоточие инь и ян. Прорицания сбываются только там!

Они продолжали путь сквозь следующую суровую Эру Хаоса, ненадолго прерванную короткой Эрой Порядка, и наконец прибыли в Чжао Гэ.

Первое, что услышал Ван, — это непрерывный гул, похожий на отдаленные раскаты грома. Звук исходил от множества гигантских маятников высотой в несколько десятков метров, расположенных по всему Чжао Гэ. Устроены они были одинаково: две тонкие каменные башни, чьи вершины соединяются перемычкой, а к ней на толстом канате подвешен массивный камень.

Все маятники колебались, раскачиваемые группами одетых в броню солдат. Те, монотонно скандируя что-то невразумительное, ритмично дергали за веревки, присоединенные к каменным грузам. Ван обратил внимание, что все грузы раскачиваются в такт. Зрелище внушало трепет, напоминая то ли гигантские часы, выросшие из-под земли, то ли колоссальные абстрактные символы, упавшие с неба.

Огромные маятники окружали еще более гран-

диозную пирамиду, возвышающуюся в ночи, словно исполинская гора. Это был дворец царя Чжоу. Вслед за своим спутником Ван прошел к низкой двери у основания пирамиды. Вход охраняли стражники, безмолвные и бесшумные во мраке, словно привидения. За дверью открывался длинный узкий проход, уводящий в недра пирамиды; несколько факелов едва разгоняли тьму.

Пока странники шли по туннелю, царь Вэнь говорил:

— В течение Эры Хаоса весь мир спит в обезвоженном состоянии, и только царь Чжоу бодрствует посреди безжизненного пространства. Для выживания в таких условиях нужно либо подземелье, либо здание с массивными стенами вроде этой пирамиды. Только так можно избежать губительного воздействия экстремального холода или зноя.

Они шли долго и наконец достигли Большого зала в самом сердце пирамиды. Собственно, Большим он был чисто номинально; на самом деле помещение было невелико и напоминало пещеру. На троне сидел человек, задрапированный в пятнистую шкуру, — без сомнения, царь Чжоу. Но внимание Вана привлек к себе не монарх, а фигура в черном, стоящая около трона. Черное

одеяние сливалось с тенями Большого зала, и бледное как мел лицо, казалось, реяло в воздухе само по себе.

Царь Чжоу представил черного человека гостям:

— Это Фу Си[23]. — Царь обращался к ним, словно те всегда были здесь, а Фу Си только что прибыл. — Он полагает, что Солнце — весьма неуравновешенное божество. В бодрствующем состоянии оно подвержено быстрым сменам настроения, и тогда у нас наступает Эра Хаоса. Но когда Солнце спит, оно спокойно, и тогда у нас Эра Порядка. Это Фу Си предложил построить все те маятники, что вы видели снаружи, и поддерживать их в постоянном колебании. Он утверждает, что они оказывают на бога Солнца гипнотический эффект, отчего тот погружается в глубокий сон. Но несмотря на все наши усилия, бог не желает засыпать, лишь иногда впадает в короткую дрему.

Царь Чжоу взмахнул руками. Слуги поднесли к трону глиняный горшок и поставили его на низ-

---

[23] Примечания: 23

Фу Си — мифический персонаж, первый правитель Поднебесной, изобретатель восьми триграмм, музыки, церемонии бракосочетания, одежды, шелководства, рыболовства и приготовления пищи. Один из основателей китайской культуры. Согласно мифам, имел тело дракона или змеи и человеческую голову. Фу Си — лишь одно из его имен. До сих пор является спорным, реальный это персонаж — хотя бы отчасти — или полностью вымышленный. — *Прим. перев.*

кий каменный стол перед Фу Си. Позже Ван узнал, что в горшке был суп. Фу Си вздохнул, поднял горшок и отпил из него. Эхо его глотков отражалось от стен; казалось, будто во мраке бьется чье-то огромное сердце. Выпив половину, Фу Си опрокинул остаток на себя, отбросил горшок и зашагал к громадному бронзовому котлу, подвешенному над огнем в углу зала. Фу Си взобрался на край посудины и прыгнул вниз. Из котла вырвалось облако пара.

— Присядь, Цзи Чан[24], — сказал царь Чжоу и кивнул на котел: — Скоро будем обедать.

— Глупые колдовские штучки! — презрительно проворчал царь Вэнь, глядя в указанном направлении.

— А что *ты* можешь сказать о Солнце? — спросил царь Чжоу. Отблески огня играли в его глазах.

— Солнце вовсе не божество. Солнце — это ян, а ночь — инь. Мир движется вперед, балансируя между инь и ян. Мы не можем контролировать этот процесс, но можем его предсказать. — Царь Вэнь вынул свой бронзовый меч и нарисовал символ инь-ян на полу, тускло освещенном огнем

---

[24] Примечания: 24

Таково было имя, данное Вэнь-вану при рождении. — *Прим. К. Л.*

очага. Затем он начертал вокруг него шестьдесят четыре гексаграммы из «*И Цзин*»[25] в виде колеса. — Мой царь, это символ мироздания и самый точный календарь.

— Цзи Чан, я хочу знать, когда придет следующая долгая Эра Порядка.

— Ты получишь прогноз прямо сейчас! — заверил царь Вэнь.

Он уселся в самую середину символа инь-ян, подогнув под себя ноги, и поднял голову. Взгляд его устремился к потолку, как будто хотел пронзить каменную толщу пирамиды и вырваться к звездам. Пальцы царя Вэня начали совершать быстрые сложные движения, как будто он считал на калькуляторе. Глубокую тишину нарушало лишь бульканье супа в бронзовом котле, словно колдун, который там варился, что-то неразборчиво бормотал во сне.

Царь Вэнь встал на ноги, не сходя с символа.

---

[25] Примечания: 25

«И цзин», или «Чжоу И» — один из ранних китайских философских текстов. Наиболее ранний слой, традиционно датируемый ок. 700 г. до н. э. и предназначавшийся для гадания, состоит из 64 гексаграмм. Во II веке до н. э. был принят конфуцианской традицией как один из канонов конфуцианского Пятикнижия. На западе закрепилось название «Книга Перемен». Более правильный, хоть и не столь благозвучный вариант — «Канон Перемен». Система книги сложилась при династии Чжоу; известны порядки расположения гексаграмм, аранжированные Фу Си и Вэнь-ваном. — *Прим. перев.*

С лицом, по-прежнему поднятым вверх, он проговорил:

— Следующей будет Эра Хаоса длиной в сорок один день. Затем Эра Порядка — пять дней. За ней последует Эра Хаоса длиной в двадцать три дня, а потом Эра Порядка длиной в восемнадцать дней. Затем наступит восьмидневная Эра Хаоса. Но когда она кончится, мой царь, начнется долгая Эра Порядка, которой ты так жаждешь. Она продлится три года и девять месяцев. Климат станет мягок, и наступит золотой век.

— Что ж, посмотрим, верны ли твои предсказания, — произнес царь Чжоу с бесстрастным лицом.

Сверху послышался громкий скрежет. Каменная плита на потолке скользнула в сторону, открывая квадратное отверстие. Ван вытянул шею. Отверстие вело в туннель, проходящий сквозь центр пирамиды, и в конце его сияли звезды.

Время ускорилось. Через каждые несколько секунд реального времени солдаты переворачивали песочные часы, принесенные царем Вэнем, что соответствовало восьми часам игрового времени. Свет и тьма сменялись в потолочном окне без всякого порядка, изредка луч солнца освещал

внутренность Большого зала. Иногда свет, проникающий через отверстие, был слаб, словно сияние Луны, а иногда очень ярок, и тогда раскаленный квадрат на полу сиял так, что меркли факелы.

Ван продолжал считать перевороты песочных часов. К тому моменту, когда он насчитал их около ста двадцати, солнечный свет в отверстии стал появляться регулярно. Началась первая из предсказанных Эр Порядка.

Еще пятнадцать переворотов часов — и мерцание света в потолочном окне стало беспорядочным; началась очередная Эра Хаоса. За ней последовали Эра Порядка и снова Эра Хаоса. Начала и продолжительность эр не совсем совпадали с прогнозами царя Вэня, но погрешность была невелика. По окончании восьмидневной Эры Хаоса началась предсказанная долгая Эра Порядка.

Прошло двадцать дней, а солнечный свет, падавший сквозь отверстие в потолке Большого зала, продолжал появляться и исчезать в равномерном ритме. Темп игры замедлился до нормального.

Царь Чжоу признательно кивнул царю Вэню:

— Я воздвигну в твою честь памятник еще более величественный, чем этот дворец!

Царь Вэнь глубоко поклонился:

— Мой царь, пробуди свой народ, и да пребудет он в счастье и процветании!

Царь Чжоу встал с трона, широко раскрыл руки, словно хотел обнять весь мир, и тягучим, потусторонним голосом принялся заклинать:

— Регидрация... регидрация... регидрация...

Услышав это слово, все в Большом зале кинулись к дверям. Ван ни на шаг не отставал от царя Вэня. Преодолев длинный туннель, они покинули пирамиду через ту же дверь, в которую вошли. Снаружи царил полдень, земля нежилась в лучах ласкового солнышка. В легком ветерке Вану почудились ароматы весны. Они с царем Вэнем направились к ближайшему озеру, лед на котором уже растаял, и солнечные зайчики играли на легкой ряби.

Мимо пробежал отряд солдат, кричащих на ходу: «Регидрация! Регидрация!» — они направлялись к большому каменному зданию на берегу, похожему на элеватор. По дороге в Чжао Гэ путники не раз видели такие здания. Это были дегидратории — хранилища, в которых дегидрированные тела дожидались возвращения к жизни. Солдаты открыли тяжелые каменные двери и начали выносить наружу покрытые пылью кожаные свертки. Они несли их на берег

и бросали в озеро. Попадая в воду, свертки раскручивались и расправлялись. Вскоре ими была усеяна вся поверхность озера. Оболочки быстро вбирали в себя воду и разбухали, постепенно превращаясь в нормального вида человеческие тела, которые через некоторое время начинали проявлять признаки жизни. Один за другим люди вставали на ноги в мелкой, по пояс, воде и взирали на залитый солнцем мир широко раскрытыми глазами, словно пробудившись от сна.

— Регидрация! — вскрикнул один человек.

— Регидрация! Регидрация! — подхватили другие радостные голоса.

Люди выходили на берег и голыми, как были, устремлялись обратно в хранилища. Они выносили наружу еще не регидрированные оболочки, бросали их в воду, и вскоре из озера брели на берег новые ожившие. Подобные сцены повторялись у всех других водоемов. Мир возвращался к жизни.

— О небо! Мой палец!

Ван увидел человека — тот стоял на середине озера, подняв руку и плача. На руке не хватало среднего пальца, кровь стекала из раны в воду. Другие ожившие проходили мимо, не обращая на страдальца внимания.

— Считай, тебе повезло, — сказал один из них беспалому. — Некоторые целой руки или ноги недосчитываются. А у других крысы отгрызли голову. Если бы мы сейчас не регидрировали, то вообще неизвестно, сколько бы потом из нас осталось в живых.

— Как долго мы пробыли в обезвоженном состоянии? — спросил кто-то.

— Определи по слою пыли на дворце. Говорят, царь теперь не тот, что был раньше. Но неизвестно, сын он прежнего, или внук, или еще кто.

Регидрация заняла восемь суток. Сухие оболочки ожили, и мир начал новый отсчет. Все радовались регулярным восходам и закатам; каждые сутки насчитывали точно двадцать часов. Наступила весна, и люди от души славили солнце и других богов.

В конце восьмого дня, когда спустилась ночь, по всей округе запылали костры; казалось, их было больше, чем звезд на небе. Руины городов и поселков, покинутых в Эру Хаоса, вновь наполнились шумом и светом. По традиции, как и после всех предыдущих регидраций, народ собирался праздновать всю ночь до самого рассвета.

Но утром солнце не встало.

Все часы показывали, что время рассвета при-

шло и прошло, но горизонт оставался темен. Прошло еще десять часов, а солнце и не думало показываться, даже слабенькой полоски нигде не было видно. Ночь продолжалась целые сутки, а потом еще двое. Гигантская длань холода придавила землю.

А внутри пирамиды царь Вэнь стоял на коленях перед царем Чжоу и умолял:

— Мой царь, прошу, не лишай меня своего доверия! Это все временно! Я видел: вселенское ян набирается сил, и солнце вскоре встанет опять. Весна вернется, Эра Порядка продолжится!

— Разведите огонь под котлом, — вздохнув, приказал царь Чжоу.

И тут в помещение вбежал министр:

— О мой царь!.. Там... там... в небе три летящих звезды!

Все в Большом зале остолбенели. Даже воздух, казалось, застыл. Царь Чжоу был единственным, кто сохранил самообладание. Он обратился к Вану, до разговора с которым до сих пор не снисходил:

— Ты по-прежнему не знаешь, что означает появление трех летящих звезд? Цзи Чан, просвети-ка его!

Царь Вэнь понурился.

— Оно означает наступление долгого периода запредельного холода, такого чудовищного, что даже камень рассыпается в пыль.

— Дегидрация... дегидрация... дегидрация... — снова загудел царь Чжоу прежним гулким, потусторонним голосом. Снаружи люди уже начали процесс. Их тела снова избавлялись от влаги, готовясь к очередной долгой ночи. Б`ольшая их часть попала в дегидратории, но многие оболочки так и остались лежать в пустых полях под открытым небом.

Царь Вэнь медленно поднялся и побрел к котлу, булькавшему на огне в углу зала. Он взобрался на край котла, но прежде чем броситься вниз, помедлил несколько секунд. Кто знает, может, из бульона на него глянуло злорадно усмехающееся лицо Фу Си?

— Варите его на медленном огне, — приказал царь Чжоу слабым голосом. Затем, обратившись к остальным, произнес: — Вы можете выйти из игры, если хотите. При таких обстоятельствах она становится неинтересной.

Над входом в Большой зал засветилась табличка «Выход». Игроки потянулись туда, и Ван поспешил вместе с толпой. Пройдя по унылому туннелю, они вышли наружу, где их встретили

ночь и густой снег. Ван задрожал на пробирающем до костей морозе. Дисплей в уголке неба свидетельствовал, что время игры снова ускорилось.

Снегопад продолжался десять суток подряд. Под конец снежинки сделались огромными и тяжелыми, словно заледенел сам мрак. Кто-то прошептал Вану на ухо: «Они состоят из замерзшего углекислого газа. Так называемый сухой лед». Ван повернулся. Говорившим оказался Последователь.

Еще десять дней — и снежинки стали тонкими и прозрачными, как слюда. В тусклом свете немногочисленных факелов, горящих у входа в пирамиду, они отсвечивали бледно-голубым.

— А эти снежинки состоят из твердого кислорода и азота. Атмосфера исчезает, выпадая в твердый осадок, и это значит, что температура поверхности около абсолютного нуля.

Снег похоронил под собой пирамиду. Нижние слои были образованы обычным снегом, затем шел сухой лед, и, наконец, сверху лежали твердые кислород и азот. Ночное небо приобрело необыкновенную прозрачность, и звезды на нем горели, словно серебряные костры. На этом звездном фоне вспыхнула надпись:

Долгая ночь царила сорок восемь лет. Цивилизация номер 137 погибла от экстремального холода. В своем развитии она достигла эпохи Сражающихся Царств.

Но семена ее сохранились. Они пробудятся, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

Перед тем как выйти из игры, Ван заметил в небе три летящих звезды. Медленно вращаясь друг вокруг друга, они, казалось, исполняли какой-то причудливый танец в бездонном мраке космоса.

Глава 8. Е Вэньцзе

Ван снял комбинезон и шлем. Рубашка промокла от пота, как бывает после привидевшегося кошмара. Он вышел из института, сел в машину и поехал по адресу, который дал ему Дин И — к матери Ян Дун.

«Эра Хаоса, Эра Хаоса, Эра Хаоса... — крутилось в голове Вана. — Почему солнце в мире «Трех тел» ведет себя так странно, встает и заходит как ему заблагорассудится? Ведь неважно, какая у планеты орбита — круговая или эллиптическая; ее вращение вокруг звезды всегда периодично. А тут полная нерегулярность! Разве так бывает?..»

Ван рассердился на себя и затряс головой, чтобы вытряхнуть из нее эти мысли.

«Это же всего лишь игра!»

«Но я проиграл».

«Эра Хаоса, Эра Хаоса, Эра Хаоса...»

«А ну стоп! Какого черта я все время думаю об этом?!»

И скоро ответ нашелся. Последний раз он играл в компьютерные игры, еще будучи студентом; за это время оборудование для подобных развлечений шагнуло далеко вперед. Виртуальная

реальность и мультисенсорное взаимодействие относились к тем эффектам, испытать которые у Вана-студента не было возможности. Несмотря на это, он четко уяснил себе одно: ощущение реальности происходящего в «Трех телах» достигается не за счет продвинутого интерфейса.

На третьем курсе университета Ван посещал лекции по теории информации. Однажды профессор показал им два изображения. Одно было знаменитой панорамой времен династии Сун «По реке в День поминовения усопших» — богатое, красочное полотно со множеством тщательно выписанных деталей. Второе — фотография неба в ясный солнечный день: необозримая синяя даль с одним-единственным еле заметным облачком. Профессор спросил, какое из изображений содержит больше информации. Правильный ответ был таков: информационная насыщенность фотографии — ее энтропия — на два порядка больше, чем у картины.

Так же обстояло дело и с «Тремя телами». Игра содержала огромное количество глубоко скрытой информации. Ван интуитивно чувствовал это, хотя дать конкретного объяснения не мог. Внезапно он понял, что создатели «Трех тел» подошли к своей задаче иначе, чем дизайнеры других игр.

Обычно те стараются впихнуть в картинку как можно больше подробностей, чтобы усилить чувство реальности происходящего. Создатели «Трех тел» поступили наоборот: они оставили только минимально необходимое количество информации, маскируя таким образом намного более сложную реальность — совсем как в фотографии неба, кажущейся поверхностному взгляду пустой.

Ван вновь мысленно погрузился в мир «Трех тел».

«Летящие звезды! Ключ к решению должен быть в них. Одна летящая звезда, две летящих звезды, три летящих звезды... Что бы это могло значить?»

И тут он обнаружил, что приехал на место.

* * *

Это был высокий многоквартирный дом. Маленькая седая женщина лет шестидесяти, в очках, поднималась по ступенькам крыльца, сгибаясь под тяжестью кошелки с продуктами. Интуиция подсказала Вану, что это та самая женщина, ради которой он сюда приехал.

Так оно и оказалось — это была мать Ян Дун, Е Вэньцзе. Услышав о цели визита незнакомца,

Е расчувствовалась. Вану был знаком подобный тип ученых: долгие годы испытаний сгладили жесткость и непримиримость их натуры, оставив лишь мягкость и покой, подобные водам тихого озера.

Ван отнес покупки наверх. Однако в квартире Е оказалось совсем не так тихо, как он ожидал: там резвились трое детишек, старшему из которых было около пяти, а младший едва научился ходить. Е пояснила, что это дети соседей.

— Они любят играть у меня. Сегодня воскресенье, но их родителям пришлось работать сверхурочно, вот меня и попросили посидеть с ними... О, Наньнань, ты уже закончила картинку! Какая красивая! Давай придумаем ей название! Как тебе «Утята на солнышке»? Правда хорошо? Сейчас бабушка надпишет, ведь ты еще не умеешь... И дату поставим: девятое июня, Наньнань. А что ты хочешь на обед? Яньянь, жареные баклажаны будешь? Ну еще бы! Наньнань, а ты горошек в стручках, как вчера? Нет проблем! Мими, ты, наверно, не откажешься от мя-мясца? Ой, погоди, мама говорила, что тебе нельзя есть много мясца, животик заболит. А если рыбки? Смотри, какую большую рыбину бабушка купила...

Ван следил за Е и детишками, вбирая в себя

каждую деталь их разговора. «Наверно, ей очень хотелось внуков. Но даже если бы Ян Дун была жива, еще вопрос, были ли бы у нее дети».

Е отнесла продукты на кухню. Потом, выглянув в дверь, сказала:

— Сяо Ван, я отлучусь — ненадолго, только овощи замочу. (Как, однако, легко и просто она перешла на доверительный тон, обратившись к Вану «Сяо», словно старший друг к младшему!) — В наши дни в овощах столько пестицидов, что я не даю их детям, не вымочив в воде хотя бы часа два. Почему бы тебе пока не заглянуть в комнату Дундун?

Ее предложение, сделанное словно невзначай, смутило Вана — значит, она догадалась об истинной причине его визита! Хозяйка дома не стала дожидаться его реакции, повернулась и ушла обратно в кухню. Она поступила так намеренно, чтобы не видеть, как он краснеет. Ван был признателен за тактичность.

Он прошел мимо играющих ребятишек туда, куда указала Е. Постоял перед закрытой дверью, охваченный странным чувством... Ему казалось, будто он вернулся в свою наполненную мечтами юность. Из глубины сознания поднялась щемящая грусть, хрупкая и чистая, как роса, еле

заметно отливающая розовым в свете утренней зари...

Он осторожно толкнул дверь... Первая неожиданность: комнату наполнял запах леса. Такое впечатление, будто он попал в хижину егеря. На стенах вместо обоев полоски коры; табуретами служили три простых пня; письменный стол был сработан из трех пней побольше, составленных вместе... А вот и постель с тюфяком, набитым пушицей[26], той самой, которой крестьяне в холодном Северном Китае набивают обувь, чтобы ноги меньше мерзли. Вся обстановка была простой и безыскусной, никаких украшений, никаких уютных безделушек. Ян Дун зарабатывала много, могла бы купить себе дом в каком-нибудь элитном жилом районе, но предпочла жить здесь, с матерью.

Ван подошел к столу — его убранство тоже отличалось простотой; ничто не намекало ни на пол человека, который пользовался столом, ни на его научные интересы. Если даже когда-то здесь и были такие характерные вещицы, то их убрали. Взгляд Вана упал на черно-белую фотографию в

[26] Примечания: 26

Пушица — вид осоки с пушистыми, как явствует из названия, цветами, на ощупь похожими на шелковую вату. Обувь изготовлялась двухслойная, и между слоями прокладывалась пушица. — *Прим. перев.*

деревянной рамке — портрет матери с дочерью. На снимке Е Вэньцзе сидела на корточках рядом с совсем еще маленькой Ян Дун, так что они получились примерно одного роста. Их волосы разметало сильным порывом ветра, длинные пряди перепутались между собой.

Фон у снимка был необычный: небо, виднев-шееся сквозь сетку, поддерживаемую массивной стальной конструкцией. Ван решил, что это, скорей всего, параболическая антенна, такая огромная, что ее края выходят за кадр.

Глаза у малышки Ян Дун были огромные, ис-пуганные, и у Вана болезненно сжалось сердце. Казалось, девочка страшилась мира за пределами фотографии.

Потом его внимание привлек к себе толстый альбом, лежащий на краю стола. Ван не мог взять в толк, из какого материала он изготовлен, пока не разобрал надпись на обложке, сделанную нетвердым детским почерком: «Берестяной аль-бом Ян Дун». Слово «берестяной» было написано буквами пиньиня, а не иероглифами. Годы пре-вратили бересту из серебристой в тускло-желтую. Ван потянулся за альбомом, притронулся, помед-лил... и убрал руку.

— Можно-можно, — раздалось от двери. — В нем

рисунки, которые Дундун рисовала в детстве.

Ван взял альбом и начал бережно перелистывать. Е проставила даты под каждым рисунком — точно так же, как сделала это для Наньнань.

Судя по надписям, Ян Дун нарисовала эти картинки, когда ей было три года. Нормальные дети в этом возрасте способны довольно четко изображать людей и предметы, но рисунки Ян Дун оставались мешаниной случайных линий. Они показались Вану полными гнева и отчаяния, порожденных жаждой художницы выразить себя — жаждой, оставшейся неутоленной. Безусловно, это не те чувства, которых ожидаешь от такого маленького ребенка.

Е медленно, не отрывая глаз от альбома, тихо опустилась на краешек кровати. Здесь, на этой постели, уснула вечным сном ее дочь. Ван присел рядом. Еще никогда в жизни ему так не хотелось взять на себя чужую боль.

Е забрала у него берестяной альбом и прижала к груди.

— Это я виновата, — тихо сказала она. — Я была плохой матерью и плохой учительницей. Не принимала во внимание, что Дундун еще совсем малышка, и слишком рано познакомила ее с крайне сложными абстрактными материями.

Когда она впервые выразила интерес к теоретической физике, я сказала ей, что это поприще не для женщин. Она возразила: «А мадам Кюри?» Я ответила, что мадам Кюри так никогда и не была признана выдающимся ученым. Считается, что она добилась успеха благодаря настойчивости и упорному труду, но что не будь ее, то же самое сделал бы кто-нибудь другой. По существу, У Цзяньсюн достигла больше, чем мадам Кюри[27]. Но как бы там ни было, теоретическая физика не для женщин.

Дундун не спорила, но позже я обнаружила, что она действительно не такая, как все. К примеру, объясняю я ей какую-нибудь формулу. Другой ребенок сказал бы: «Какая сложная!» А она говорила: «Какая изящная, какая красивая!», и лицо у нее было такое, как будто она смотрит на редкостный полевой цветок.

После ее отца осталось довольно много пластинок. Она переслушала их все, потом выбрала одну, с музыкой Баха, и крутила ее постоянно,

---

[27] Примечания: 27

У Цзяньсюн, или Цзяньсюн Ву (англ. Chien-Shiung Wu) (31 мая 1912 — 16 февраля 1997) — американский радиофизик китайского происхождения. Участвовала в Манхэттенском проекте (обогащение уранового топлива), поставила (по предложению Ч. Янга и Ц. Ли) знаменитый «эксперимент Ву», доказавший несохранение пространственной четности в слабых взаимодействиях. В России известна как «Мадам Ву». — *Прим. перев.*

как зачарованная. Скажите, разве *такая* музыка должна нравиться детям?! Сначала я подумала, что это просто случайность, но когда я спросила, какие чувства вызывает в ней музыка Баха, она ответила, что ей представляется, будто некий гигант строит огромное здание, кладя кирпичик за кирпичиком, и когда пьеса заканчивается, здание стоит во всей красе...

— Вы были прекрасной учительницей! — возразил Ван.

— Нет. Я не справилась. Мир Дундун был слишком ограничен, ее занимали лишь абстрактные теории, оторванные от жизни. Поэтому, когда они оказались несостоятельны, ей не для чего стало жить.

— Не могу с вами согласиться, профессор Е. В наши дни происходят такие события, которых мы раньше и вообразить себе не могли бы. Это вызов всем нашим представлениям о природе мира, и Ян Дун не единственная, кто споткнулся на этом пути.

— Но она была женщина. А женщина должна быть как вода, способная обойти любую преграду или пробиться сквозь нее.

* * *

Уходя, Ван вспомнил о второй цели своего визита и спросил, где он может наблюдать реликтовое излучение.

— Реликтовое излучение? В Китае есть две обсерватории, которые работают в этой области. Одна в Урумчи: по-моему, она в ведении Центра космических исследований Академии наук. Другая намного ближе, в пригороде Пекина — радиоастрономическая обсерватория Академии наук и Астрофизического центра Пекинского университета. Та, что в Урумчи, занимается непосредственными наблюдениями, а та, которая здесь, только принимает и обрабатывает данные со спутников. Хотя вообще-то данные спутников точнее и полнее. Есть у меня один бывший студент в этой обсерватории, могу позвонить ему насчет тебя.

Е нашла номер и позвонила. Похоже, все устроилось как нельзя лучше.

— Ну вот, — сказала Е, положив трубку. — Сейчас напишу адрес. Отправляйся, когда тебе будет удобно. Бывшего студента зовут Ша Жуйшань, и завтра у него ночное дежурство. Но... м-м-м... вообще-то это не твоя область науки, я права?

— Да, моя область — нанотехнологии. А излучение... ну, это так... для другого...

Ван боялся, что Е засыплет его вопросами, но та не стала этого делать.

— Сяо Ван, ты немного бледен. Как у тебя со здоровьем? — озабоченно спросила Е.

— Все хорошо, спасибо. Волноваться не о чем.

— Погоди-ка. — Она вынула из комода маленькую деревянную шкатулку. Судя по этикетке, в ней был женьшень. — Старинный друг, солдат с базы, приходил пару дней назад и принес вот это. Возьми, возьми! Этот женьшень выращенный, не очень ценный. Все равно мне его нельзя — повышенное давление. Нарежь мелко и заваривай, как чай. Ты такой бледный, тебе явно нужно что-то укрепляющее. Хотя ты еще молод, но здоровье запускать нельзя!

Ван принял шкатулку, и тепло наполнило ему грудь, глаза увлажнились. В нем возникло ощущение, будто его сердце, в последние дни едва не разорвавшееся, окутали мягчайшим пухом.

— Профессор Е, я теперь часто буду вас навещать.

Глава 9. Подмигивающая Вселенная

Ван Мяо ехал по шоссе, ведущему в Шэньян, до границы округа Миюнь. Здесь он повернул на Хэйлунтань. Дорога, извивающаяся по склону, привела его на вершину, к радиоастрономической обсерватории Академии наук. Здесь, словно фантастические стальные цветы, стояли в ряд двадцать восемь параболических антенн диаметром девять метров. В конце ряда возвышались два огромных радиотелескопа диаметром пятьдесят метров каждый, построенные в 2006 году. Глядя на них, Ван все время вспоминал фотографию Е и Ян Дун, фоном для которой служила огромная параболическая антенна.

Однако работа доктора Ша Жуйшаня, бывшего студента Е, не имела отношения к радиотелескопам. Его лаборатория занималась приемом и обработкой данных с трех спутников: измерителя фонового излучения COBE, запущенного в ноябре 1989 года и уже почти выработавшего свой ресурс; микроволнового анизотропного зонда «Уилкинсон» (WMAP), запущенного в 2003 году, и космического телескопа «Планк», выведенного на орбиту Европейским космическим агентством

(ESA) в 2009 году.

Космическое микроволновое фоновое излучение характеризуется тепловым спектром абсолютно черного тела при температуре около 2,7255°K и обладает изотропией высокой степени, то есть почти одинаково во всех направлениях, с незначительными температурными флуктуациями порядка миллионных долей диапазона. Работа Ша Жуйшаня состояла в том, чтобы, основываясь на наблюдениях, создать более подробную карту реликтового излучения.

Лаборатория была невелика. Оборудование для приема спутниковых данных и три компьютерных терминала, предназначенных для обработки информации с трех спутников, теснились в одном помещении.

Ша, явственно обрадовавшийся посетителю (еще бы — скучная работа в одиночестве уморит кого угодно!), спросил, какие именно данные интересуют Вана.

— Я хочу видеть общую флуктуацию реликтового излучения.

— А нельзя ли... поконкретнее?

— Меня интересует... э... общая изотропная флуктуация реликтового излучения от одного до пяти процентов, — произнес Ван, цитируя по

памяти электронную записку от Шэнь.

Ша широко улыбнулся. В первом году текущего столетия миюньская обсерватория была открыта для посетителей. Желая подзаработать, Ша частенько водил экскурсии и читал лекции интересующимся. Постепенно привыкший к поразительному научному невежеству туристов, Ша приберегал эту улыбку именно для них.

— Доктор Ван, насколько я понимаю, вы не специалист в этой области?

— Я занимаюсь нанотехнологиями.

— Тогда понятно. Но самое общее представление о реликтовом фоновом излучении у вас есть, не так ли?

— Именно что самое общее. Знаю, что микроволновое излучение — это те «угольки», которые остались после Большого взрыва. Оно наполняет весь космос, и его можно наблюдать в сантиметровом диапазоне волн. Кажется, в шестидесятых двое американцев случайно обнаружили его, тестируя сверхчувствительную спутниковую антенну...

Ша прервал его, подняв руку:

— Этого более чем достаточно! Тогда вам должно быть известно, что в отличие от местных вариаций, которые мы наблюдаем в различных

частях Вселенной, общая флуктуация реликтового излучения коррелирует с расширением Вселенной. В масштабах возраста Вселенной изменения идут очень-очень медленно. Даже при той чувствительности, какой обладает космический телескоп «Планк», можно вести наблюдения миллион лет, но так ничего и не обнаружить. А вам сегодня ночью приспичило увидеть флуктуацию в целых пять процентов! Вы хотя бы представляете, что это могло бы означать? Что Вселенная замигает, как люминесцентная лампа, собирающаяся перегореть!

«И она замигает, — подумал Ван. — Ради меня».

— Наверно, профессор Е хотела пошутить, — заключил Ша.

— Поверьте, я бы очень обрадовался, если бы это и в самом деле оказалось шуткой, — ответил Ван. Он хотел было сказать, что Е понятия не имеет, зачем Вану понадобилось реликтовое излучение, но побоялся, что тогда Ша откажется ему помогать.

— Ну что ж, раз профессор просила помочь, давайте перейдем к наблюдениям. Ничего сложного. Если вам нужна точность только в один процент, то достаточно и данных старичка COBE.

— Не прерывая речи, Ша быстро набирал что-то на терминале. Вскоре на экране нарисовалась зеленая линия. — Это кривая величины общего реликтового излучения, измеренной в реальном времени. Как видите, было бы точнее называть ее прямой. Температура 2,725±0,002°K. Эффект Доплера, обусловленный движением Млечного Пути, дает погрешность, но поправка уже взята. Если произойдет флуктуация в один процент, которую вы ожидаете, то линия изменит цвет на красный и станет волнистой. Но спорю на что угодно: она останется прямой и зеленой до конца времен. Если вы непременно хотите увидеть такую флуктуацию, вам, скорее всего, придется ждать еще долго после гибели Солнца.

— Простите, я не слишком вам мешаю?

— Что вы, вообще не мешаете! Итак, значит, данные COBE. Ну вот, все готово. Если вдруг такая невероятная флуктуация возникнет, информация автоматически будет сохранена на диске.

— Думаю, это случится около часу ночи.

— Ого, какая точность! Нет проблем, я все равно дежурю до утра. Вы уже поужинали? Хорошо, тогда пойдемте, покажу вам обсерваторию.

Ночь стояла безлунная. Они шли вдоль ряда антенн, и Ша проговорил, указывая на них:

— Дух захватывает, правда? Жаль только, что они как уши у глухого.

— Почему?

— Помехи. С самого момента окончания строительства — непрекращающиеся помехи. Сначала все эти пейджерные станции в восьмидесятых, а теперь мобильные сети, телефонные вышки... Наши телескопы способны выполнять самые разные научные задачи: следить за небом, обнаруживать источники радиоволн, наблюдать за останками сверхновых — но мы не в состоянии проводить большинство экспериментов! Мы много раз жаловались в Государственную комиссию по регулированию радиовещания, и все без толку. Разве нам тягаться с «Чайна Мобайл», «Чайна Юником» или «Чайна Нетком»! Тайны Вселенной не приносят денег, а значит, не стоят и кучки дерьма. Хорошо, что для моей работы нужны только спутники, а не эти «туристические аттракционы».

— Ну, вообще-то, в последнее время институты, занимающиеся фундаментальными исследованиями, стали довольно успешными в коммерческом плане — взять хотя бы физику высоких энергий... Наверно, стоило бы строить обсерватории подальше от городов?

— Вот именно что «стоило» бы. Опять все упирается в деньги. А пока единственное, что нам остается, — это придумать какие-нибудь щиты от помех. Эх, была бы здесь профессор Е! Она в этой области большой спец.

Беседа плавно перешла на Е Вэньцзе. Из уст ее бывшего студента Ван наконец узнал о жизни замечательной женщины. Ша порассказал о многом: как во время «культурной революции» на ее глазах погиб отец; как ее ложно обвинили, после чего она исчезла из Производственно-строительного корпуса и вновь объявилась только в начале девяностых, когда, вернувшись в Пекин, стала преподавать в том же университете Цинхуа, в котором был профессором ее отец. Там она проработала до ухода на пенсию.

— Только недавно стало известно, что Е провела более двадцати лет на военной базе «Красный берег».

Ван опешил.

— Вы хотите сказать, все эти слухи...

— ...по большей части правда. Один исследователь, занимавшийся разработкой шифровальной системы для «Красного берега», в прошлом году эмигрировал в Европу и написал книгу. Она и послужила источником большинства известных

вам слухов. Многие из участников программы «Красный берег» живы до сих пор.

— Но это же просто... фантастика какая-то!

— Особенно если учесть, в какое время все это происходило... Невероятно!

Они поговорили еще немного. Ша спросил, что стоит за необычной просьбой Вана. Тот уклонился от прямого ответа, а Ша не стал настаивать — профессиональное достоинство не позволяло ему выказывать чересчур большой интерес к запросу, идущему вразрез с его научными познаниями.

Затем они часа два просидели в ночном баре для туристов. С каждой новой кружкой пива язык у Ша развязывался все больше. Однако Ван начал нервничать, вспоминая зеленую линию на мониторе. Когда Ша наконец уступил настояниям Вана вернуться в лабораторию, было без десяти час.

Прожекторы выключили, и теперь лишенные подсветки антенны вырисовывались на фоне ночного неба плоскими двумерными силуэтами, словно ряд абстрактных символов. Все они смотрели вверх под одним и тем же углом, словно ожидая чего-то. От этой картины Вана пробрала дрожь, несмотря на теплую весеннюю ночь. Исполинские сооружения напомнили ему маятники

в «Трех телах».

К часу Ша и Ван были в лаборатории. Едва они приблизились к монитору, как началась флуктуация. Прямая линия превратилась в волнистую, с неравными расстояниями между пиками, и цвет ее изменился с зеленого на красный — словно змея, пробудившаяся от спячки, извиваясь, сбрасывала с себя кожу, наполненную кровью.

— Должно быть, COBE вышел из строя! — ахнул Ша, с ужасом глядя на экран.

— Не вышел, — бесстрастно сказал Ван. Он научился владеть собой в подобных случаях.

— Скоро узнаем, — пообещал Ша. Он метнулся к двум другим терминалам и проворно забарабанил пальцами, вызывая на экраны данные с остальных спутников — WMAP и «Планка».

Теперь волнистая линия синхронно извивалась сразу на трех мониторах.

Ша поспешно включил ноутбук, вставил сетевой кабель в разъем и принялся названивать по телефону. Из его разговора с неслышимым собеседником Ван заключил, что он пытается дозвониться до радиоастрономической обсерватории в Урумчи. Ша, уставившийся в экран, по-видимому, забыл про гостя; Ван слышал, как бурно он дышит.

Спустя несколько минут волнистая линия зазмеилась и на экране ноутбука — синхронно с тремя другими.

Три спутника и одна наземная обсерватория подтвердили факт: Вселенная мерцала.

— Можно распечатать данные? — спросил Ван.

Ша смахнул со лба холодный пот и кивнул. Двинув мышкой, он щелкнул по кнопке «Принт». Как только первая страница с волнистой линией выползла из принтера, Ван немедленно схватил ее, вынул из кармана листок с таблицей кода Морзе и принялся карандашом помечать тире и точки в соответствии с расстояниями между пиками:

. — — — —, . — — — —, — — — — —,
— — — . ., — — — . . ., . . — — —, . — — — —,
— — — . . ., . . . — —, — — . . .

«Это значит 1108:21:37», — подумал Ван.

. — — — —, . — — — —, — — — — —,
— — — . ., — — — . . ., . . — — —, . — — — —,
— — — . . ., . . . — —, — . . . .

1108:21:36.

Обратный отсчет продолжался теперь в мас-

штабах Вселенной. Девяносто два часа истекло, осталось всего 1108.

Ша взволнованно мерил шагами комнату, время от времени останавливаясь и бросая взгляд на последовательность чисел, которые выписывал Ван. Наконец, он не выдержал:

— Вы можете объяснить, что происходит?!

— Не могу, доктор Ша, — отрезал Ван. — Даже не спрашивайте.

Он отпихнул от себя стопку распечаток с извилистой линией и, не отрывая глаз от чисел, пробормотал:

— Может, все три спутника и обсерватория вышли из строя...

— Вы же прекрасно знаете, что это невозможно!

— А если это саботаж?

— Тоже невозможно! Синхронно сфальсифицировать данные трех спутников и наземной обсерватории?! Ну, знаете, в таком случае саботажник должен быть существом сверхъестественным!

Ван кивнул: уж лучше сверхъестественный саботажник, чем мигающая Вселенная. Но тут Ша отобрал у него и эту надежду:

— А знаете, ведь это легко проверить! Когда флуктуация реликтового излучения так велика,

ее можно увидеть просто глазами.

— Как это — глазами? Вы о чем? Длина волны реликтового излучения — семь сантиметров. Это на пять порядков больше, чем длина волны видимого света. Как его можно увидеть глазами?!

— С помощью ЗК-очков.

— Каких еще ЗК-очков?!

— Это мы сделали такую игрушку для столичного Планетария. Почти полвека назад Пензиас и Уилсон обнаружили реликтовое микроволновое излучение с помощью шестиметровой рупорной антенны. Технология настолько продвинулась вперед, что теперь эту антенну можно уменьшить до размера очков. Мы так и сделали. Потом добавили в устройство конвертер, преобразующий семисантиметровые волны в видимый красный свет. Ночные посетители Планетария могут надеть очки и наблюдать излучение собственными глазами.

— И где их взять, эти очки?

— В Планетарии. Мы сделали больше двадцати штук.

— Так давайте! Мне нужно успеть заполучить пару до пяти часов.

Ша схватил телефон. Ждать ответа пришлось довольно долго. Потом понадобилось затратить

немало слов, чтобы убедить служащего, разбуженного посреди ночи, пойти в Планетарий и подождать там Вана с часок.

Провожая гостя, Ша сказал:

— Я с вами не поеду. Я увидел достаточно, мне дальнейшие подтверждения ни к чему. Надеюсь, вы все же объясните мне случившееся, когда сочтете возможным. Если обнаруженный феномен выльется во что-то более значительное, уж я вас не забуду!

Открыв дверцу машины, Ван проговорил:

— Мерцание прекратится в пять утра. Думаю, вам не стоит пытаться обнаружить его после этого часа. Поверьте, вы ничего не добьетесь.

Ша посмотрел на Вана долгим взглядом, потом кивнул.

— Понимаю. В последнее время в науке происходит много странного...

— Именно. — Ван нырнул в машину. У него не было ни малейшего желания углубляться в тему.

— Значит, пришла наша очередь?..

— Во всяком случае, моя. — И Ван завел мотор.

* * *

Часом позже он подъехал к Планетарию и вышел из машины. Яркие огни ночного города

проникали сквозь прозрачные стены огромного стеклянного строения, так что можно было различить неясные очертания интерьера. Вану подумалось, что если архитектор намеревался выразить свое восприятие Вселенной, то замысел удался: ведь чем прозрачнее вещь, тем более глубокую тайну она скрывает. Вселенная сама по себе прозрачна, и при наличии достаточно острого зрения можно заглянуть в самые отдаленные ее уголки. Но чем дальше ты заглядываешь, тем таинственней она становится.

В дверях Вана ожидал заспанный служащий. Протянув посетителю небольшой футляр, он сказал:

— Здесь пять пар ЗК-очков, полностью заряженных. Нажмите на левую кнопку, и очки включатся. Правая кнопка — регулятор яркости. Наверху у меня еще десяток пар. Смотрите в свое удовольствие, а я пойду посплю. Этот ваш доктор Ша, должно быть, совсем сбрендил. — С этими словами служащий удалился в темные глубины Планетария.

Ван положил футляр на заднее сиденье, открыл и достал пару очков. Они походили на панорамный экран внутри шлема от V-костюма. Надев их, Ван осмотрелся вокруг. Город выглядел точно так

же, как и раньше, только огни потускнели. Ах да, очки ведь надо включить.

Теперь город предстал в виде множества туманно светящихся гало. Большинство из них стояло на месте, другие мерцали и двигались. Ван сообразил, что это источники излучения в сантиметровом диапазоне, преобразованного в видимый свет. Длина исходной волны была слишком большой, поэтому источники представали в виде размытых световых пятен.

Ученый поднял глаза. Небо тускло светилось красным. Это и было реликтовое космическое излучение, отголоски Большого взрыва, по-прежнему горячие «угольки» Творения, зародившегося миллиарды лет назад.

Звезд Ван не различал. Поскольку видимый свет тоже подвергался преобразованию, звезды должны были выглядеть как черные точки, но дифракция сантиметрового излучения не позволяла разглядеть мелкие детали.

Когда глаза приспособились, Ван заметил, что красноватый фон пульсирует. Весь небосвод мерцал, как если бы Вселенная была самым обыкновенным фонарем, раскачивающимся на ветру.

Стоя под мерцающим куполом ночного неба, Ван вдруг ощутил, что пространство словно

стянулось до размеров тюремной клетки и он в ней узник. Вселенная — это сжавшееся в спазме сердце; пронизывающий все вокруг красный свет — это наполняющая его кровь. Омываемый приливами крови, Ван обнаружил, что эти приливы нерегулярны — небо пульсировало неравномерно. Он почувствовал незримое присутствие чего-то до крайности странного, извращенного, не подвластного человеческому разумению...

Он снял очки, в изнеможении опустился на землю и прислонился спиной к автомобильному колесу. Ночной город постепенно вернул себе реальность видимого света. Но глаза Вана блуждали в поисках чего-то иного, трудно поддающегося определению. Вон там, через дорогу, вход в зоопарк, освещенный рядом неоновых фонарей. Один из них собирался перегореть и нерегулярно помаргивал. А вон деревца — их листья трепетали на ночном ветерке, беспорядочно мерцая в свете уличных фонарей. В отдалении возвышался выполненный в русском стиле шпиль Пекинского выставочного центра; красная звезда на его вершине посверкивала в лучах фар проезжающих внизу машин — случайно, неравномерно...

Вану чудилось, что даже складки на развевающихся у входа в Планетарий флагах и выбоинки

на обочине дороги посылают ему какие-то сообщения. Он пытался расшифровать их при помощи кода Морзе, но из этого ничего не выходило. Оставалось лишь ощущение все того же обратного отсчета — тик-так, секунда за секундой...

Ван потерял представление о времени. Наконец, появился служащий Планетария с вопросом, закончил ли гость свои дела. Но когда он увидел лицо Вана, его заспанные глаза мгновенно прояснились и налились страхом. Служащий упаковал очки, еще раз взглянул на Вана и торопливо убрался, унося с собой футляр.

* * *

Ван достал телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та ответила практически мгновенно. Должно быть, страдала бессонницей.

— Что произойдет, когда отсчет завершится? — спросил Ван.

— Не знаю. — Шэнь повесила трубку.

«Что же это будет? Может, я умру? Как Ян Дун?

Или случится катастрофа наподобие той великой цунами, что прокатилась по Индийскому океану несколько лет назад? И никто не свяжет ее с моими нанотехническими исследованиями. А может ли так быть, что все предыдущие вели-

кие катастрофы, включая обе мировые войны, тоже знаменовали собой окончания каких-то неведомых обратных отсчетов? И каждый раз ответственным за них был какой-нибудь маленький человек вроде меня?

А может, наступит конец света? Наш мир так плох, так порочен, что его конец, пожалуй, был бы желанным исходом».

Одно было ясно: всю эту тысячу с чем-то часов ожидания он, Ван, будет корчиться в ужасающих муках, пока не сойдет с ума.

Он сел в машину и поехал домой. Сейчас, перед рассветом, дороги были относительно пустынны, но Ван не решался ехать слишком быстро — ему мнилось, что чем выше скорость, тем быстрее идет отсчет. Когда восток слегка заалел, он остановился, вышел и принялся бесцельно бродить по улицам. В голове его не осталось ни одной мысли, кроме отсчета, пульсирующего на фоне тускло-красного реликтового свечения. Вану чудилось, будто он больше не человек, а просто таймер, колокол, который звонит неизвестно по ком.

Небо постепенно светлело. Ван устал и присел на лавочку. Затем поднял голову, увидел, куда привело его подсознание, и вздрогнул.

Он сидел перед собором Святого Иосифа на улице Ванфуцзин. В бледном свете утра романские башни походили на три гигантских пальца, указующих в космос.

Ван поднялся, собираясь уйти, но тут до его слуха донеслись звуки хорала. Сегодня не воскресенье, значит, скорее всего, шла репетиция хора. Звучал гимн «Приди, о дух благой». Слушая торжественную святую музыку, Ван Мяо снова ощутил, будто Вселенная сократилась до размеров пустой церкви. Своды ее тонули в мерцающем красном свете реликтового излучения, а он, Ван, был муравьем, ползающим в трещинах пола. Он снова стал беспомощным младенцем, чье трепещущее сердце сжала гигантская невидимая рука. Что-то в глубине его сознания, все это время поддерживавшее его и не позволявшее сдаться, размягчилось и поплыло, словно воск. И тогда он закрыл лицо ладонями и заплакал.

Но тут его рыдания прервал чей-то грубый смех:

— Во, глядите, еще один собрался на тот свет!

Ван обернулся.

Позади, выпуская изо рта клубы белого дыма, стоял Ши Цян.

Глава 10. Да Ши

Капитан Ши опустился на лавку рядом с Ваном и протянул ему ключи от машины:

— Вы бросили машину прямо на перекрестке Дундань. Не подоспей я вовремя, дорожный полицейский уже отволок бы ее куда положено.

«Да Ши, если бы я знал, что ты следишь за мной, мне было бы легче!» — подумал Ван, про себя назвав капитана дружеским прозвищем, однако самолюбие не позволило произнести эти слова вслух. Он взял предложенную Да Ши сигарету, прикурил и впервые за много лет с тех пор, как бросил курить, затянулся.

— Ну что, приятель? — сказал Ши. — Тяжела ноша, да? Я же предупреждал — тебе одному не справиться. А ты разыгрывал из себя крутого.

— Тебе не понять. — Ван сделал еще несколько глубоких затяжек.

— Твоя беда в том, что *ты* понимаешь слишком хорошо. Ладно, пошли пожрем чего-нибудь.

— Не голоден.

— Тогда пойдем выпьем. Угощаю.

Ван сел в автомобиль Да Ши, и они поехали в ресторанчик поблизости. В такой ранний час в

заведении было совсем пусто.

— Две порции жареных рубцов и бутылку «Эрготоу»[28]! — выкрикнул Да Ши, даже не заглянув в меню. Похоже, он был здесь завсегдатаем.

Перед ними поставили две тарелки с чем-то, зажаренным до черноты. Пустой желудок Вана сжался, его едва не стошнило. Да Ши заказал для своего спутника теплое соевое молоко и пресный жареный хворост. Ван с трудом заставил себя есть.

Затем они выпили «Эрготоу». Голова слегка закружилась, язык отмяк. Слово за слово, Ван рассказал Да Ши обо всех событиях последних трех дней, хотя подозревал, что капитан наверняка и сам уже все знает. Возможно даже, что Да Ши было известно больше, чем Вану.

— Так ты говоришь, что Вселенная... ну вроде как подмигивала тебе? — осведомился Да Ши, с хлюпаньем втягивая в рот полоски мяса, словно лапшу.

— В точку.

— Говно собачье.

— Неуч ты безграмотный, потому и не боишься!

---

[28] Примечания: 28

Марка китайской водки (байцзю) различной степени крепости. Стандартная крепость «Эрготоу» — 56°. — *Прим. перев.*

— Опять говно собачье. Давай пей!

Ван опрокинул еще стопку. Мир закружился в хороводе, и только жующий рубцы Ши Цян оставался на одном месте.

— Да Ши, ты когда-нибудь задумывался над великими философскими вопросами? Например, откуда пошел человек? Куда идет? Откуда пошла Вселенная? И куда идет? И так далее.

— Не-а.

— Никогда?

— Никогда.

— Но ты же смотришь на звезды! Неужели ты никогда не испытывал ни благоговения, ни любопытства?

— Не смотрю я на твои звезды.

— Но... Но как же... Я думал, ты часто работаешь в ночную смену?..

— Кореш, пока я буду таращиться в небо, подозреваемый свалит, только его и ищи.

— Да, мы действительно говорим на разных языках. Ну и черт с ним. Выпьем!

— Честно говоря, даже если бы я и глядел когда-никогда на звезды, то уж думать о твоих философских материях мне недосуг. У меня и без них хлопот полон рот. Платить ипотеку, копить деньги сыну на университет, а уж на работе — од-

но «дело» за другим, только успевай... Я человек прямой, без выкрутасов. Посмотри мне в горло и выглянешь из дырки в моей же заднице. Само собой, боссы меня не любят, и черта с два я знаю, как завоевать их сердце. Из армии уволился много лет назад, а карьера так и стоит по стойке «смирно». Одно выручает — я хорошо делаю свою работу, не то мне бы уже давно дали под зад. Так что, как видишь, проблем до фига! Откуда у меня время и силы любоваться звездочками?!

— Ты прав. Выпьем!

— Но, знаешь, я и в самом деле вывел одно железное правило.

— Какое?

— Когда что-то слишком странно, то дело нечисто.

— Что... что это еще за правило такое дурацкое?!

— Я говорю, что за вещами, которые на первый взгляд невозможно объяснить, всегда кроется чья-то грязная рука.

— Какая там рука! Если бы у тебя было хотя бы элементарное представление о науке, ты бы знал, что то, чему я стал свидетелем, не под силу никому! Особенно вот это, с излучением. Манипулировать явлениями в масштабах Вселенной...

Это не только невозможно объяснить с позиций сегодняшней науки — я не могу себе представить, чтобы это можно было вообще объяснить с каких-либо позиций, даже вне науки! Это более чем сверхъестественно! Это сверх-я-просто-незнаю-что...

— А я говорю тебе, что все это чушь собачья. Уж поверь мне. Я в своей жизни перевидал очень много странного.

— Тогда скажи, что мне делать дальше!

— Пить водку. А потом спать.

— Отлично, так и поступлю.

* * *

Ван Мяо не помнил, как добрался до своей машины. Повалившись на заднее сиденье, он уснул мертвецким сном. Проснувшись, подумал, что спал не очень долго, но оказалось, что солнце уже висит низко над западным горизонтом.

Ван вышел из автомобиля. Хотя его еще покачивало после утренней попойки, душевно он чувствовал себя лучше. Выяснилось, что он стоит у Запретного Города. Лучи заходящего солнца озаряли старинный дворец, золотые блики играли на воде окружающего его рва. Классическая картина. Мир в глазах Вана снова обрел стабиль-

ность.

Он сидел здесь до темноты, наслаждаясь покоем, которого больше не было в его жизни. Из потока уличного движения выскользнул знакомый черный «Фольксваген Сантана» и, взвизгнув тормозами, остановился рядом. Из машины вылез Ши Цян.

— Ну как, проспался? — гаркнул он.

— Да. А дальше что?

— Дальше? Иди домой ужинать. И накати еще. Потом снова заваливайся спать.

— А потом?

— Заладил «потом, потом»... Тебе что, на работу с утра не надо?

— Но этот отсчет... теперь ведь только 1091 час остался...

— Пошли его на х..., этот отсчет! У тебя сейчас первая забота — это стоять прямо и не валиться, задрав лапки. А потом поговорим об остальном.

— Да Ши, ну скажи же мне, что происходит! Прошу как человека!

Да Ши воззрился на Вана и заржал:

— Это то, что я уже много раз спрашивал у генерала Чана! Мы с тобой, кореш, братья по несчастью. Буду честен: ни хера я не знаю! Говорят, мол, чин у меня не тот, чтобы знать. Вообще,

иногда мне кажется, что все это только кошмарный сон.

— Но тебе все равно должно быть известно больше, чем мне!

— Ладно. Расскажу, что знаю, только это очень мало. Пошли.

Они уселись надо рвом, окружающим Запретный Город.

Наступил вечер. За их спинами несся бесконечный, как река, поток автомобилей; в свете их фар тени собеседников на воде то удлинялись, то укорачивались.

— Моя работа состоит в том, чтобы сопоставлять множество вещей, на первый взгляд не имеющих никакого отношения друг к другу. Стоит только установить между ними связи, и...

— Вот она, правда. Но в последнее время творится столько всего странного...

Взять хотя бы волну преступлений против людей науки и научно-исследовательских учреждений. Такого раньше никогда не бывало. Ну, о взрыве на строительстве Лянсянского ускорителя ты, конечно, знаешь. А еще кокнули того нобелевского лауреата — слыхал?.. Очень странные преступления — не ради денег, не ради мести, не по политическим соображениям. Просто уничто-

жение ради уничтожения.

Или другие странные происшествия, без криминальной подоплеки, например, «Рубежи науки» и самоубийства ученых. Тут еще эти защитнички окружающей среды — совсем оборзели, только и знают, что пикетируют строительство новых атомных и обычных гидроэлектростанций. Коммуны «назад к природе» и все в таком духе... Кино увлекаешься?

— Вообще-то нет.

— Последние высокобюджетные фильмы все как один про деревню. Зеленые горы, чистая водичка, сильные мужчины, красивые женщины, живущие неведомо в какую эпоху в полной гармонии с природой. По словам режиссеров, они «показывают чудесную жизнь до того, как наука загубила природу». Вон хотя бы «Персиковый источник»... Ну кто будет это смотреть?! А они тратят миллионы на производство такого дерьма. Или конкурс научной фантастики с первой премией в пять миллионов тому, кто придумает самый отвратительный вариант будущего. Потом еще потратили несколько сот миллионов на фильмы по победившим опусам. Уже не говоря про всякие дурацкие секты — растут как грибы после дождя, а у их лидеров денег куры

не клюют...

— Подожди, тебя, кажется, занесло. Какая связь между всем этим и преступлениями?

— А ты соедини точки между собой. Конечно, раньше я не сушил себе башку всей этой мутотенью, но после того как меня перевели из уголовного розыска в Боевой командный центр, мутотень стала частью моей работы. Даже генерал Чан восхищается моей способностью соединять точки.

— И какие выводы?

— Все происходящее координируется кем-то из-за кулис с одной целью: застопорить научный прогресс.

— И кто, по-твоему, этим занимается?

— Хрен я знаю! Но нюхом чую — есть план, очень сложный и изощренный: разрушить научные центры, поубивать ученых или довести их до сумасшествия, чтобы они сами влезали в петлю; при этом конечная цель — завести твой ум в такой тупик, что ты почувствуешь себя еще б`ольшим дураком, чем остальной неученый люд.

— В проницательности тебе не откажешь!

— И одновременно они хотят дискредитировать науку в глазах общества. Конечно, всегда были люди, выступающие против науки, но сей-

час все координируется из единого центра.

— Похоже на то...

— Ага, теперь ты мне веришь! Значит, вы, высоколобые умники, не смогли сами ни до чего додуматься, а я, у которого образование ну очень среднее, все понял?! Ха! Когда я изложил свои соображения начальству, то и оно, и умники подняли меня на смех.

— Если бы ты рассказал мне о своих выводах еще пару дней назад, я бы тоже посмеялся. Но сейчас... Знаешь кого шарлатаны, занимающиеся лженауками, боятся больше всех?

— Настоящих ученых, само собой.

— Нет. Даже настоящие ученые иногда обманываются и посвящают свою жизнь лженауке. Но есть один тип людей, которых псевдоученые боятся как огня: цирковые иллюзионисты. По сути, именно фокусники разоблачили многие трюки лжеученых. Ничего удивительного, что не какой-то книжный червь, а ты, опытный полицейский, распознал грандиозный заговор.

— Ну-у, есть люди и посмышленее меня. Те, кто у руля, знают о заговоре. Да, они поначалу подняли меня на смех, но это потому, что я выложил свои соображения не тому, кому следует. Позднее мой бывший командир, генерал Чан, устроил мне

перевод; и все равно я только мальчик на побегушках, не больше. Ну вот, теперь тебе известно столько же, сколько и мне.

— Следующий вопрос: при чем здесь армия?

— Вот и я сначала не врубался. Все спрашивал, спрашивал, а мне отвечали: мол, раз война, то, само собой, армия очень даже при чем. Я тоже думал, как ты: шутят они, что ли? Но ничего подобного, они вовсе не шутят. Армия в полной боевой готовности. Таких Боевых командных центров по миру разбросано больше двух десятков. А над ними — общая командная структура, про которую вообще никто ничего не знает.

— Но кто противник?

— А хрен его разберет! Натовцы не вылезают из нашего Генерального штаба, офицеры нашей армии работают сейчас в Пентагоне. А с кем воюем — ни хера не понятно.

— Дикость какая-то... Ты уверен, что все это так и есть?

— Куча моих бывших сослуживцев теперь стали генералами, так что кое-что мне все-таки известно...

— И СМИ еще ничего не пронюхали?

— В том-то и дело: все страны умудряются пока что держать языки за зубами. Одно ясно:

враг невероятно силен. Командование в ужасе! Я хорошо знаю генерала Чана, он из тех, кто не страшится никого и ничего; пусть хоть небо на голову упадет — не дрогнет. Но я вижу — он боится, боится чего-то такого, по сравнению с чем небо, свалившееся на башку, — мелочь, о которой и говорить не стоит. Они все напуганы до усрачки, и веры в нашу победу нет ни у кого.

— Если это правда, тогда все мы тем более должны бояться!

— Собственно, так оно и есть — каждый чего-нибудь боится. Неприятель тоже боится, и чем он могущественнее, тем больше у него есть что терять и тем сильнее его страх.

— И чего, по-твоему, боится неприятель?

— Вас! Людей науки! Но что самое непонятное: чем дальше область исследований отходит от практики — то есть всякие там заумные теории вроде тех, которыми занималась Ян Дун, — тем сильнее враг боится. Они боятся *вас* больше, чем ты своей подмигивающей Вселенной. И самое страшное для них — это ваш прогресс в теоретических науках. Вот почему враг так безжалостен. Если бы убийство ученых решило проблему, вы все сейчас уже были бы на том свете. Однако когда умирает один ученый, его место занима-

ет другой, поэтому самый эффективный метод — запутать вам мозги. Когда ум не разберет, где правда, где ложь, науке конец.

— Ты хочешь сказать, они боятся фундаментальной науки?!

— Вот именно!

— Но ведь мои исследования — это совсем не то, чем занималась Ян Дун! Наноматериал, над которым я работаю, — не фундаментальная теория. Просто очень прочный, можно сказать, сверхпрочный материал. Какую угрозу он может представлять для врага?

— Твой случай особенный. Обычно они прикладниками не заморачиваются. Должно быть, твой наноматериал пугает их до чертиков.

— И что мне делать?

— Продолжать работать, как раньше. Это лучший способ нанести противнику урон. И не суши себе голову тем проклятым отсчетом. Захочешь расслабиться после работы — поиграй в ту игру. А вдруг, если ты победишь в ней, это как-то поспособствует делу...

— В «ту игру»? В смысле в «Три тела»? Ты думаешь, она имеет отношение к происходящему?

— Абсолютно точно имеет. Я знаю, что несколько шишек из Боевого командного центра тоже

играют. Это не простая игра. Человек вроде меня, неученый и потому бесстрашный, не может в нее играть. Нужен такой, как ты — обладающий знаниями.

— Хорошо. Еще что-нибудь?

— Нет. Но если разузнаю больше, скажу. Смотри, кореш, чтобы телефон всегда был заряжен. И не теряй головы. А если опять башню сорвет, вспомни мое железное правило.

Да Ши уехал прежде, чем Ван успел поблагодарить его.

Глава 11. Три тела: Мо-цзы и море огня

Ван Мяо вернулся домой, по дороге остановившись, чтобы купить V-костюм. Жена сообщила, что ему весь день названивали с работы.

Ван включил телефон, проверил сообщения и ответил на некоторые звонки. Пообещал явиться завтра на работу. За ужином последовал совету Да Ши и «накатил» еще.

Но спать не хотелось. Жена отправилась на боковую, а Ван надел свой новый V-костюм, уселся перед компьютером и вошел в мир «Трех тел».

* * *

Пустынная равнина на рассвете.

Ван стоял перед пирамидой царя Чжоу. Снег, некогда покрывавший ее, исчез, каменные монолиты разъела эрозия. Почва под ногами была другого цвета. Вдали виднелись массивные строения — должно быть, решил Ван, дегидратории, хотя выглядели они иначе, чем те, что он видел раньше.

Все говорило о том, что с предыдущей игры прошли тысячелетия.

В предрассветных сумерках Ван принялся искать вход. Найдя, он увидел, что проем закрыт каменным блоком, но рядом, врезанная в склон, на самый верх уходит каменная лестница. Ван проследил за ней взглядом и обнаружил, что верхушка пирамиды срезана и превратилась в платформу, так что теперь пирамида больше напоминала не египетскую, а ацтекскую.

Он взобрался по лестнице на самый верх. Платформа походила на старинную астрономическую обсерваторию: в одном углу стоял телескоп высотой в несколько метров, а рядом полдесятка других, поменьше; в другом углу громоздились какие-то странные приборы, похожие на древние китайские армиллярные сферы — небесные глобусы, состоящие из колец.

Внимание Вана привлек к себе большой, двух метров в диаметре, медный шар в центре платформы, неторопливо вращавшийся при помощи сложной системы передач. Направление вращения и скорость все время менялись. Под механизмом зияла обширная квадратная яма. В тусклом свете факелов Ван разглядел в ней несколько человеческих фигур — по-видимому, рабов, — толкавших горизонтальное колесо со спицами, которое и приводило механизм в дви-

жение.

К Вану шел какой-то человек. И как во время первой встречи с царем Вэнем, его силуэт вырисовывался на фоне тонкой полоски света на горизонте, отчего Вану казалось, будто к нему плывут в темноте два пылающих глаза. Незнакомец, высокий и тощий, был одет в свободный черный балахон; из небрежного пучка волос на макушке выбились несколько прядей и развевались на ветру.

— Приветствую тебя, — сказал незнакомец. — Меня зовут Мо-цзы[29].

— Приветствую тебя. Меня зовут Хайжэнь.

— А, я тебя знаю! — оживился Мо-цзы. — Ты был последователем царя Вэня при цивилизации номер 137!

— Я действительно следовал за ним, но никогда не разделял его теорий.

— И правильно делал. — Мо-цзы торжественно кивнул Вану. Потом доверительно придвинулся ближе. — В течение трехсот шестидесяти двух тысяч лет, пока тебя не было, цивилизация возрождалась четыре раза. Эры Хаоса сменялись

---

[29] Примечания: 29

Мо-цзы был основателем философии моизма в эпоху Сражающихся Царств. Приверженец логики и опыта, Мо-цзы был известен как выдающийся механик и геометр. — *Прим. К. Л.*

Эрами Порядка. Цивилизации боролись за выживание и развитие. Самая кратковременная из них продвинулась только до нового каменного века, зато цивилизация номер 139 доросла до века пара.

— Ты хочешь сказать, что представители этой цивилизации выявили законы, по которым движется солнце?

Мо-цзы засмеялся и покачал головой:

— Ничего они не выявили. Им просто повезло — эпоха была благоприятной.

— Но они не оставляли попыток выяснить это?

— Не оставляли. Пойдем, посмотришь, к чему привели их усилия.

Мо-цзы проводил Вана в угол платформы. Внизу расстилалась земля, похожая на лоскут старой выдубленной кожи. Мо-цзы направил один из небольших телескопов на цель и жестом пригласил Вана взглянуть. Тот приставил глаз к окуляру и увидел нечто странное: скелет. В предрассветных сумерках отмытые добела кости сияли, как снег. Самым невероятным было то, что скелет стоял на собственных ногах. Поза его отличалась изяществом; одну руку он держал на подбородке, словно оглаживая давно исчезнувшую бороду. Голова была чуть приподнята, как

будто скелет окидывал небо и землю вопрошающим взглядом.

— Это Конфуций, — пояснил Мо-цзы. — Он верил, что все сущее должно соответствовать «ли» — конфуцианской концепции приличия и порядка, и ни для чего во Вселенной нельзя делать исключение. Он создал систему ритуалов и надеялся с их помощью предсказывать движение солнца.

— Результат мне ясен.

— И вновь ты прав. Приняв за аксиому то, что солнце будет следовать его ритуалам, он сделал вычисления и предсказал пять лет Эры Порядка. И знаешь что? Эра Порядка действительно наступила, только длилась... один месяц.

— А потом пришел день, когда солнце не встало?

— Нет, встать-то оно встало. Взошло до середины небосвода и исчезло.

— Что?.. Как это — исчезло?!

— А вот так. Постепенно меркло, меркло, становилось меньше в размерах, а потом разом пропало. Наступила ночь. И страшный холод. Конфуций как стоял, так и закостенел. С тех пор торчит там как ледяной столп.

— После того как солнце исчезло, на его месте

не появилось ничего необычного?

— Да, появилось — летящая звезда. Как будто солнце умерло и оставило в небе свою душу.

— Ты уверен, что солнце и в самом деле внезапно исчезло, а на его месте так же внезапно появилась летящая звезда?

— Абсолютно уверен. Можешь проверить по летописям. Там все тщательно задокументировано.

— Хм-м... — Ван принялся напряженно думать. У него уже начало формироваться представление о том, что происходит в мире «Трех тел», однако рассказ Мо-цзы опровергал его гипотезу. — Внезапно исчезло? Как подобное может произойти внезапно?.. — с досадой бормотал он.

— Сейчас у нас династия Хань — не знаю, правда, Западная или Восточная, — сообщил Мо-цзы.

— И тебе удавалось выживать все это время?

— У меня особая миссия: вести точные наблюдения за движением солнца. Все эти колдуны, даосы и мистики — бесполезный мусор. Книжные черви, не отличающие риса от проса! Руками никогда не работали, о практике и понятия не имеют, поставить опыт не в состоянии; погружены в свой мистицизм по самую макушку. Но я не такой! Я умею сам мастерить вещи! — Мо-цзы обвел рукой многочисленные инструменты на

платформе.

— Полагаешь, эта штуковина приведет тебя к цели? — Ван кивнул на большую медную сферу.

— У меня есть гипотеза, причем не мистического толка, основанная на большом количестве наблюдений. Во-первых, ты знаешь, что такое Вселенная? Вселенная — это машина.

— Ну-у, я бы сказал, это несколько упрощенный подход...

— Объясню конкретнее: Вселенная представляет собой полую сферу, со всех сторон объятую морем огня. В ней существуют многочисленные мелкие и одно крупное отверстие. Свет из огненного моря проникает внутрь сферы сквозь отверстия. Мелкие — это звезды, большое — солнце.

— Очень интересная модель. — Ван опять взглянул на медный шар, назначение которого теперь стало ему ясно. — Но в твоей теории есть неувязка. Когда солнце встает или садится, мы можем наблюдать его перемещение на фоне неподвижных звезд, тогда как в твоей модели все отверстия не меняют своего местоположения друг относительно друга.

— Верно! Вот почему я модифицировал ее. Общая сфера состоит из двух, одна внутри другой.

Поверхность внутренней сферы — это и есть наблюдаемое нами небо. Большое отверстие расположено во внешней сфере, внутренняя усеяна множеством мелких. Свет, проходящий сквозь большое отверстие, отражается и рассеивается в пространстве между сферами, наполняя его сиянием. Светящиеся мелкие дырочки, которые мы видим, — это звезды.

— А солнце?

— Солнце — это проекция большого отверстия внешней сферы на внутреннюю. Она так ярка, что лучи пронизывают внутреннюю сферу насквозь, как скорлупу яйца. И так мы видим солнце. Свет, рассеянный вокруг основного пятна, тоже очень ярок и виден из внутренней сферы. Так мы днем видим небо.

— И какая же сила приводит обе сферы в движение, причем нерегулярное?

— Сила огня, объемлющего мир снаружи.

— Да, но яркость и размеры солнца все время меняются. В твоей же модели они остаются неизменными. Даже если бы интенсивность огня была непостоянна, то размер-то отверстия одинаков!

— Ты понимаешь мою модель слишком упрощенно. Следуя изменениям условий в окружа-

ющем море огня, обе сферы то расширяются, то сжимаются. Так объясняются изменения в яркости и размерах солнца.

— А что ты скажешь о летящих звездах?

— О летящих звездах? Почему они так тебя заботят? Они вообще не имеют значения. Может, это просто пыль, попавшая между мировых сфер.

— А я считаю, что летящие звезды очень важны. Без них вряд ли можно объяснить внезапное исчезновение солнца во времена Конфуция. Как его истолковывает твоя модель?

— Это очень редкий феномен. Исключение из правила. Может, в море огня образовалось темное пятно — что-то вроде облака, которое прошло над большим отверстием во внешней сфере.

Ван указал на медный шар:

— Это и есть твоя модель, правильно?

— Да. Я построил машину, воспроизводящую механику Вселенной. Сложный привод моделирует силы, царящие в море огня. Законы, управляющие движением сфер, основываются на распределении пламени и течениях в огненном море. Я вывел их опытным путем за сотни лет наблюдений.

— Твоя сфера может расширяться и сжиматься?

— Конечно. Как раз сейчас она медленно сжимается.

Ван соединил взглядом точку на перилах, ограждающих платформу, с краем медного шара, и убедился, что Мо-цзы говорит правду.

— И внутри нее есть другая?

— Само собой. Внутренняя сфера тоже движется с помощью сложного механизма.

— Это воистину замечательная машина! — искренне восхитился Ван. — Но где же большое отверстие, через которое во внутреннюю сферу проникают солнечные лучи?

— Его нет. На внутренней поверхности внешней сферы я установил фонарь, имитирующий отверстие. Источником света в нем служит люминесцентное вещество, собранное у тысяч светлячков. Требуется холодное свечение, потому что внутренняя сфера сделана из светопроницаемого гипса, который плохо проводит тепло. Если бы я поставил обычный светильник, внутри сферы становилось бы очень жарко, а так проблема решена, и наблюдатель может находиться там долгое время.

— Внутри есть человек?!

— Да. Мой помощник стоит в центре сферы на подставке, снабженной колесами. После того как

мы приведем смоделированную Вселенную в соответствие с состоянием реальной, движение модели станет отображать будущие перемещения солнца. Помощник запишет все данные, и мы получим точный календарь. Вот она — мечта сотен предыдущих цивилизаций! Похоже, ты пришел вовремя. Согласно предсказаниям моей модели, скоро начнется Эра Порядка длиной в четыре года. Император У из династии Хань только что отдал приказ о регидрации, основанный на моем предсказании. Дождемся же восхода!

Мо-цзы вызвал игровой интерфейс и слегка ускорил время. Красное солнце встало над горизонтом, и лед на бесчисленных озерах начал таять. До этого момента все было покрыто слоем бурой пыли — не понять, где лед, а где земля; но сейчас водоемы превратились в зеркала, как будто открылось множество глаз. Отсюда, с высоты, Ван не мог различить подробности регидрации, зато видел людей, собирающихся на берегах, словно муравьи, по весне вылезающие из муравейника. Мир снова оживал.

— Не хочешь присоединиться к этому торжеству жизни? — поинтересовался Мо-цзы, указывая на толпы внизу. — Вновь возродившиеся женщины жаждут любви. Зачем тебе оставаться

здесь, наверху? Игра окончена. Я выиграл.

— С точки зрения практической механики твоя модель Вселенной весьма впечатляет. Но что касается твоих предсказаний... Можно мне воспользоваться телескопом? Хочу кое-что выяснить.

— Сделай одолжение. — Мо-цзы приглашающе взмахнул рукой в сторону большого телескопа.

Ван подошел к прибору.

— Я хочу посмотреть на солнце. Это возможно?

Мо-цзы достал круглое черное стеклышко:

— Вот тебе закопченное стекло. — Он вставил фильтр в окуляр.

Ван направил объектив на солнце, которое было уже на полпути к зениту. Да, надо отдать должное воображению Мо-цзы! Солнце и впрямь выглядело как отверстие, сквозь которое в мир врывается яростное пламя. Маленькое окно в великое запределье.

Но присмотревшись к солнцу внимательнее, Ван понял, что оно отличается от того, которое он привык видеть в реальном небе. У этого было маленькое яркое ядро. Если представить себе светило в виде глаза, то ядро — это зрачок, хоть и небольшой, но испускающий мощное сияние. Ядро окутывала дымчатая оболочка, по контрасту

казавшаяся почти бесплотной. Тот факт, что ядро было видно сквозь оболочку, означал, что она либо полностью, либо частично прозрачна и светится не самостоятельно, а лишь рассеивает лучи, исходящие от ядра.

Ван ошеломленно застыл. Он еще раз убедился, что создатели игры заложили в простую на первый взгляд картинку огромное количество информации — специально затем, чтобы игроки сами ее обнаружили.

Пока Ван, приходя во все большее и большее возбуждение, размышлял над увиденным, время игры шло ускоренным темпом, и солнце заметно сместилось к западу. Ван снова направил телескоп на светило и следил за ним, пока оно не скрылось за горизонтом.

Настала ночь, по всей долине зажглись костры, словно зеркальное отражение звезд в небе. Ван снял светофильтр с окуляра и принялся изучать ночной небосвод. Больше всего его интересовали летящие звезды, и вскоре он нашел две из них. Он едва успел понаблюдать только за одной, как вновь загорелся рассвет. Ван снова установил темный фильтр и продолжил следить за солнцем...

Больше десяти дней он занимался наблюдени-

ями, ощущая радостное предвкушение открытия. Ускорившееся игровое время помогало ему, потому что движение небесных тел становилось более заметным.

Шли семнадцатые сутки Эры Порядка. Рассвет должен был наступить еще пять часов назад, а мир по-прежнему окутывала тьма. У подножия пирамиды собралась толпа; пламя факелов плясало на холодном ветру.

— По-видимому, солнце не собирается подниматься, — обратился Ван к стоящему рядом Мо-цзы. — Очень похоже на конец цивилизации номер 137.

Мо-цзы погладил бороду и уверенно улыбнулся.

— Волноваться не стоит. Скоро оно взойдет, и Эра Порядка продолжится. Я досконально изучил движение моей модели Вселенной. Мои прогнозы безошибочны!

И словно в подтверждение его слов на горизонте появилась светлая полоса. Толпа вокруг пирамиды радостно загудела.

Серебристое сияние разгоралось быстрее обычного, как будто солнце хотело наверстать упущенное время. Вскоре стало так светло, словно наступил полдень, хотя солнце все еще таилось

за горизонтом.

Ван устремил взгляд на восход, где горело ослепительное зарево. Вскоре горизонт выгнулся пылающей аркой, протянувшейся насколько хватал глаз. Ван сообразил, что это вовсе не горизонт, а край поднимающегося светила. Светила, размеры которого превосходили всяческое воображение.

Когда глаза приспособились, Ван различил в отдалении столбы черного дыма, особенно четко видные на фоне пылающего солнечного диска. Оттуда к пирамиде летел всадник на резвом коне; пыль от копыт полосой протянулась через равнину.

Толпа расступилась, и Ван услышал, как всадник кричит во всю мощь своих легких:

— Дегидрация! Дегидрация!

Вслед за всадником бежал скот, неслись лошади и другие животные. Они горели на бегу. Казалось, будто по равнине расстелился огненный ковер.

Над горизонтом встала половина гигантского солнечного диска, занявшего б`ольшую часть небосвода. Казалось, будто Земля медленно опускается вдоль огромной сияющей стены. Ван, пристально вглядывавшийся в светило, отчетливо различал детали его поверхностной

структуры: завихрения и приливы в море пламени; блуждающие, словно призраки, пятна... Особенно поражала корона, широко простершая свои золотые крылья.

А на земле и те, кто успел дегидрировать, и те, кто не успел, — все горели, будто поленья в топке. Пламя, пожиравшее людей, пылало даже еще жарче, чем угольях в печи, но, в отличие от них, быстро угасало.

Огромное солнце продолжало подниматься и вскоре заполнило все небо. Подняв глаза, ученый обнаружил, что перспектива изменилась: казалось, он теперь смотрел не вверх, а вниз, словно поверхность солнца стала объятой пламенем землей и Ван падал в этот сверкающий ад.

Над высыхающими озерами и прудами поднимались грибовидные облака белого пара и рассеивались над равниной, засыпанной пеплом сгоревших заживо.

— Эра Порядка продолжится... Вселенная — это механизм... Я воссоздал этот механизм. Эра Порядка... Вселенная...

Ван повернул голову. Голос принадлежал Моцзы. Его тело было заключено в столп высокого оранжевого пламени, кожа сморщилась и почернела. Но глаза все еще лучились, их сияние

не мог приглушить даже пожирающий ученого огонь. Над его протянутыми ладонями, уже обуглившимися, клубилось облачко пепла — все, что осталось от его календаря.

Ван тоже горел. Он поднял руки и увидел, что они превратились в факелы.

Солнце быстро двигалось к западу и вскоре стало садиться за горизонт. На этот раз казалось, будто земля поднимается вдоль сияющей стены. Ослепительный закат уступил место ночи. Словно чьи-то гигантские руки укутали испепеленный мир в черный саван.

Земля тускло отсвечивала багровым, как угли в кострище. На короткий миг Ван увидел звезды, но вскоре пар и дым обволокли землю и скрыли небо. Мир погрузился в беспросветный хаос. На этом фоне появилась алая надпись:

> Цивилизация номер 141 погибла в пламени. В своем развитии она продвинулась до эпохи Восточной Хань.
>
> Но семена ее сохранились. Они пробудятся, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

Ван снял V-костюм. Когда ученый немного успо-

коился, к нему снова пришла мысль, что «Три тела» намеренно пытается создать впечатление полной иллюзии, но на самом деле игра заключает в себе намного более глубокую реальность. С другой стороны, Вану начало казаться, что реальный мир, представляющийся нам таким сложным, на поверку намного проще — как «По реке в День поминовения усопших» в сравнении с лаконичной фотографией пустого неба.

* * *

На следующий день Ван Мяо отправился на работу. В Институте нанотехнологий все было в порядке, если не считать небольшого беспокойства сотрудников по поводу его вчерашнего отсутствия. Оказалось, работа — весьма эффективный транквилизатор. Стоило Вану погрузиться в нее, и заботы отступили. Он намеренно целый день не давал себе отдыха и ушел из лаборатории только после наступления темноты.

Но не успел он покинуть здание института, как кошмар вернулся. Ему казалось, будто усыпанное звездами небо вовсе не небо, а увеличительное стекло, накрывшее целый мир, а он, Ван, — крошечная букашка и спрятаться ему негде.

Надо было срочно найти себе занятие. Он

вспомнил о матери Ян Дун, Е Вэньцзе, и поехал к ней.

Она была дома одна. Ван застал ее читающей на диване в гостиной. Он заметил, что пожилая женщина страдает одновременно и близорукостью, и дальнозоркостью, и потому, когда она переставала читать и смотрела на что-нибудь вдали, ей приходилось менять очки. Е очень обрадовалась приходу Вана и сказала, что он выглядит намного лучше, чем в свой прошлый визит.

Ван усмехнулся:

— Это все ваш женьшень!

Е помотала головой:

— Тот, что я дала тебе, не особо хороший. Там, в лесах вокруг базы, мы ухитрялись найти дикий. Однажды мне попался огромный, в-о-о-о-т такой!.. Интересно, как там сейчас? Слышала, оттуда все ушли, база стоит покинутая... Эх, старею я, старею... Все время думаю о прошлом...

— Я слышал, вы много пережили во время «культурной революции»...

— Жуйшань просветил? — Е взмахнула рукой, словно отметая паутину. — Было да быльем поросло... Он звонил вчера вечером. Так торопился, так захлебывался, что я его едва понимала. Разобрала только, что случилось что-то из ряда вон

выходящее. Я вот что тебе скажу, Сяо Ван: доживешь до моих лет — и все, что когда-то казалось жутко важным, покажется нестоящей мелочью.

— Спасибо вам, — произнес Ван. Он снова ощутил то тепло, которого ему так недоставало. Вот они, две опоры, поддерживающие его и не дающие сойти с ума: эта старая женщина, прошедшая сквозь множество жизненных бурь и ставшая мягкой и тихой, как вода, и Ши Цян — человек, который ничего не боится, потому что ничего не знает.

Е продолжала:

— Если говорить о «культурной революции», то мне еще повезло. В момент, когда казалось, что идти больше некуда, я вдруг нашла место, которое помогло мне выжить.

— Вы имеете в виду базу «Красный берег»?

Она кивнула.

— Какой, должно быть, неординарный научный проект! А я-то думал, что все это только слухи...

— Никакие не слухи. Если хочешь, могу рассказать о своей жизни там.

Услышав это предложение, Ван слегка забеспокоился:

— Профессор Е, я ведь просто так, из любопыт-

ства... Если вы собираетесь рассказать мне что-то, чего мне не положено знать, то...

— Пустяки, — перебила она. — Скажу откровенно: мне попросту хочется, чтобы кто-нибудь послушал мою болтовню.

— А почему вы не ходите в клуб ветеранов? Вам было бы не так одиноко.

— Многие из его завсегдатаев — мои коллеги по университету, но мне почему-то не хочется с ними общаться. Понимаешь, все любят рассказывать и никто не любит слушать. Когда кто-то пускается в воспоминания, это только раздражает остальных. Ты единственный, кому интересно узнать про «Красный берег».

— Но разве то, что вы собираетесь рассказать, не... не под грифом «совершенно секретно»?

— Ты прав, это по-прежнему под запретом. Но после выхода в свет той книги другие тоже начали делиться воспоминаниями. Так что эти секреты сейчас не такие уж и секреты. Автор книги, наш бывший сотрудник, человек совершенно безответственный. Даже если оставить в стороне мотивы, которыми он руководствовался, то о содержании его опуса можно сказать, что в нем полно неточностей. Я чувствую, что мой долг исправить хотя бы эти ошибки.

И Е Вэньцзе принялась рассказывать Вану о своей жизни на базе «Красный берег».

Глава 12. «Красный берег» II

Е Вэньцзе не сразу допустили к настоящей работе. Сначала ей поручали только чисто технические задания, и то лишь под неусыпным надзором охранника.

Еще на втором курсе колледжа Е уже знала, под руководством какого профессора будет готовить диплом. Это он, ее научный руководитель, сказал, что достичь успеха в изучении теории невозможно без практических навыков экспериментирования и наблюдения — во всяком случае, в Китае. Отец Е придерживался иного мнения, но сама она была согласна со своим профессором. Ей всегда казалось, что отец слишком погружен в теорию.

Ее научный руководитель был одним из пионеров радиоастрономии в Китае. Под его влиянием Вэньцзе тоже увлеклась ею и, как следствие, стала разбираться и в электротехнике, и в компьютерах — самой основе экспериментирования и наблюдений в этой отрасли. В течение двух лет магистратуры они с профессором протестировали первый в Китае малый радиотелескоп и накопили довольно большой опыт в этой об-

ласти.

Е Вэньцзе и в голову не могло прийти, что настанет время, и ее навыки пригодятся на военной базе «Красный берег»...

Через некоторое время ей поручили проводить наладку и ремонт оборудования в отделе передач, и вскоре Е стала там незаменимым работником.

Поначалу ситуация слегка озадачивала Е. Она была единственным человеком на базе, который не носил военную форму. Сослуживцы, помня о ее статусе, держались от нее на расстоянии. У нее не было иного способа забыть о своем одиночестве, кроме как полностью отдаться работе. И все же этих соображений было недостаточно, чтобы объяснить, почему на Е полагались так безоглядно. Ведь это все-таки был важный оборонный проект! Как получилось, что на нее, не имеющую ни формального инженерного образования, ни опыта работы, взвалили чуть ли не всю техническую часть? Неужели техперсонал базы был настолько некомпетентен?

И скоро она поняла причину. Здешние инженеры только притворялись неумехами. На самом деле «Красный берег» был укомплектован лучшими техническими специалистами Второго артиллерийского корпуса. Е могла бы учиться

всю жизнь и все равно только мечтать об уровне знаний этих отменных компьютерщиков и электронщиков. Дело было в том, что база находилась в глухомани, условия здесь были суровые, а основная задача уже выполнена; оставались лишь наладка аппаратуры да поддержание станции в рабочем состоянии, так что на выдающиеся научные результаты рассчитывать никому уже не приходилось. Инженеры базы не желали становиться незаменимыми, потому что прекрасно понимали: стоит занять ключевую должность в секретном проекте вроде «Красного берега» — и о переводе в другое место можно забыть. Вот почему они старались не высовываться.

И все-таки выглядеть совсем уж некомпетентными тоже было нельзя. Поэтому, когда им приказывали идти на восток, они со всем возможным рвением шли на запад, прикидываясь добросовестными тупицами в расчете, что начальство подумает: «Этот человек работает в поте лица, но ему не хватает знаний и навыков. Зачем его, такого, держать здесь? Будет только мешать». И метод срабатывал! Многие действительно добивались с его помощью перевода в другое место.

Вот так Е и стала ведущим техником «Красного

берега». Но существовала еще одна причина, сделавшая возможным такой карьерный рост Вэньцзе и тоже приводившая ее в недоумение: техническое обеспечение базы (по крайней мере, того отдела, в котором она работала) было довольно отсталым.

Постепенно строгости в отношении Е ослабли, даже охранника убрали. Ей разрешили доступ почти ко всем компонентам и системам «Красного берега», а также к технической документации. Конечно, кое-что все еще было для нее под запретом, например, системы компьютерного контроля. Правда, Е обнаружила, что область применения этих систем на базе гораздо *уже*, чем она ожидала. Кстати, все компьютерное оборудование трансляционного отдела заключалось в трех машинах, еще более примитивных, чем DJS130[30] — с неторопливой магнитной памятью, вводом данных с бумажной ленты и временем непрерывной работы, не превышающим пятнадцати часов. Е Вэньцзе узнала, что точность системы наведения у базы тоже была очень низкой — кажется, даже хуже, чем у обычного артиллерийского орудия.

Так прошло несколько лет, и однажды комиссар

---

[30] Примечания: 30

Китайский 16-битовый мини-компьютер, реплика американского Data General Nova. — *Прим. К. Л.*

Лэй обратился к Е с не совсем обычным разговором. К этому времени Ян Вэйнин и Лэй Чжичэн в глазах Е поменялись местами. Ян, главный инженер базы, высокого политического положения не занимал и вне технической сферы особым авторитетом не пользовался. Ему приходилось заискивать и перед своими подчиненными, и даже перед охранниками, не то его как «гнилого интеллигента» могли бы обвинить в неуважении к трудящимся массам. Поэтому, когда в работе возникали трудности, он срывал зло на Е. А вот комиссар Лэй, напротив, по мере роста инженерных заслуг Вэньцзе сменил грубость и холодность на дружеское расположение.

— Вэньцзе, — сказал комиссар, — ты теперь хорошо знаешь наш передатчик. Это главный компонент базы, ее сердце. Что ты можешь о нем сказать? Какое у тебя впечатление в целом?

Они сидели у обрыва, в самом уединенном месте Радарного Пика. Гора здесь отвесно уходила в пропасть, кажущуюся бездонной. В первое время это место пугало Е, но теперь она часто приходила сюда, чтобы побыть наедине с собой.

Вэньцзе растерялась. Ее делом было налаживать и ремонтировать оборудование; о «Красном береге» в целом, включая рабочие операции,

задачи и прочее, она знала очень немногое. Ей не положено было это знать. Ей даже не разрешалось присутствовать во время передач. Е подумала над ответом, потом открыла рот и тут же снова закрыла его.

— Давай, говори как есть, — подбодрил Лэй. Он сорвал былинку и принялся безотчетно крутить ее в пальцах.

— Ну... это всего лишь радиопередатчик...

— Правильно, всего лишь радиопередатчик. — Комиссар удовлетворенно кивнул. — Ты знаешь что-нибудь о микроволновых печах?

Е помотала головой.

— Ненужная роскошь, игрушка капиталистического Запада. В такой печке с помощью микроволнового излучения разогревают пищу. На исследовательской станции, где я работал раньше, у нас была одна — мы изучали влияние высоких температур на старение определенных компонентов. После работы мы нагревали в ней маньтоу[31], пекли картошку и тому подобное. Это очень интересно — пища сначала нагревается внутри, снаружи оставаясь холодной.

Комиссар Лэй встал и принялся расхаживать

---

[31] Примечания: 31

Своеобразный китайский хлеб — булочки, готовящиеся на пару. — *Прим. перев.*

туда-сюда так близко от края пропасти, что Е занервничала.

— «Красный берег» и есть что-то вроде такой печки, задача которой нагревать неприятельские космические аппараты. Если излучать микроволны с удельной мощностью 0,1 Вт/см^2 — 1 Вт/см^2, то можно выводить из строя или уничтожать электронные компоненты спутников, радаров и навигационных систем.

Вот теперь все стало на свои места. Даже если «Красный берег» и можно было считать всего лишь радиопередатчиком, то очень необычным. Самым удивительным была его мощность — целых двадцать пять мегаватт! Она превосходила мощность не только всех передатчиков связи, но даже мощность передатчиков радиолокаторов. В оборудование базы входил комплект гигантских конденсаторов для электропитания на пике потребления энергии. Передающие устройства тоже были неординарными. Теперь Е поняла, зачем нужна такая сверхмощность, однако тут же нашла, к чему прицепиться:

— Мы передаем модулированный сигнал...

— Верно. Но эта модуляция не похожа на те, что используются в обычном радиовещании. Целью служит не передача информации, а ис-

пользование переменных частот и амплитуд для проникновения сквозь возможную вражескую защиту. Конечно, все это лишь на стадии эксперимента.

Е кивнула. Теперь она получила ответы на многие вопросы.

— Недавно из Цзюцюаня запустили на орбиту два спутника-мишени. «Красный берег» их успешно уничтожил. Температура внутри спутников достигла почти тысячи градусов, и все приборы пришли в негодность. Задача нашей базы в будущих войнах — поражать неприятельские космические аппараты типа КН-8 или КН-9. Ты, наверно, слышала — это спутники-шпионы американских империалистов, их вот-вот запустят. Подобные же спутники советских ревизионистов движутся по более низким орбитам и потому еще более уязвимы. Если понадобится, у нас хватит мощности разрушить и советскую станцию «Салют», и американскую «Скайлэб», которую собираются запустить в следующем году.

Но тут из-за спины Е раздался голос:

— Комиссар! Что это вы ей тут рассказываете?!

Е обернулась и увидела Яна Вэйнина, возмущенно уставившегося на Лэя.

— Рабочая необходимость, — отрезал тот, повер-

нулся и пошел прочь. Ян скользнул по Е взглядом, ничего не сказал и последовал за комиссаром. Вэньцзе осталась одна.

«Ян привез меня сюда, но так до сих пор и не доверяет», — горько подумала она.

Е беспокоилась за Лэя. Он пользовался на базе большей властью, чем Ян, поскольку в самых важных вопросах последнее слово всегда оставалось за комиссаром; но судя по тому, как поспешно Лэй ушел, он, по-видимому, чувствовал себя пойманным на чем-то нехорошем. Из этого Е сделала вывод, что Лэй рассказал ей об истинных целях «Красного берега», ни с кем не посоветовавшись.

«Чем, интересно, это решение грозит ему?» — думала Е, глядя в спину удаляющегося комиссара и ощущая прилив благодарности. Для нее доверие было роскошью, о которой она не смела даже мечтать. По сравнению с Яном Лэй, отличавшийся откровенностью и прямолинейностью солдата, был ближе к ее представлениям о настоящем военном. Ян вел себя как типичный интеллигент той эпохи — осторожный, робкий, занятый только тем, как бы выжить. Несмотря на то, что Е понимала его, пропасть между ними, и без того глубокая, стала еще глубже.

На следующий день Е перевели из отдела пе-

редач в отдел мониторинга. Сначала она думала, что это следствие вчерашних событий, попытка удалить ее из наиболее важной секции «Красного берега». Однако прибыв на новое место работы, она поняла, что сердце базы — здесь. Хотя кое-каким оборудованием (например, антенной) оба подразделения пользовались совместно, технический уровень отдела мониторинга был гораздо выше.

Так, например, он располагал необыкновенно сложным и чувствительным радиоприемным устройством: рубиновый мазер[32] с усилителем бегущей волны усиливал сигнал, принимаемый гигантской антенной; с целью минимизации теплового шума входные каскады приемной системы были погружены в жидкий гелий с температурой минус 269°С (периодически на базу прилетал вертолет и пополнял запасы жидкого гелия). Приемник мог распознавать очень слабые, еле заметные сигналы. «Эх, такое бы оборудование да для радиоастрономических исследований!» — помечтала Е.

Компьютерная оснащенность отдела мониторинга тоже была мощнее и сложнее, чем в

[32] Примечания: 32

Мазер — то же самое, что лазер, только излучающий не световые, а радиоволны сантиметрового диапазона (микроволны). — *Прим. К. Л.*

трансляционном. Первый раз войдя в главный компьютерный зал, Е поразилась, увидев целый ряд дисплеев на электронно-лучевых трубках с бегущим по ним программным кодом. Операторы могли свободно редактировать код и запускать программы при помощи клавиатуры. Когда Е училась программированию в колледже, исходный код писался на специальной миллиметровке, а затем переводился на бумажную ленту с помощью телетайпа. Е слышала о компьютерах, в которые можно вводить программы, используя экран и клавиатуру, но воочию увидела их впервые.

Программное обеспечение поразило ее еще больше. Е узнала о существовании одной штуки, называемой FORTRAN, которая позволяла создавать программы, использующие язык, близкий к естественному. Можно даже было вписывать математические уравнения прямиком в код! Программирование становилось во много раз легче, чем с помощью машинного языка. А еще было кое-что, называвшееся «базой данных» и позволявшее хранить и обрабатывать большие объемы информации.

Через два дня комиссар Лэй снова завел беседу с Е, на этот раз в главном компьютерном зале перед рядом светящихся зеленых экранов. Ян

Вэйнин сидел тут же; участия в разговоре он не принимал, но и уходить не собирался, отчего Е чувствовала себя очень стесненно.

— Вэньцзе, — начал комиссар, — позволь мне рассказать тебе о целях и задачах отдела мониторинга. Коротко говоря, это наблюдение за вражеской активностью в космосе, перехват сообщений между их космическими кораблями и землей, координация работы телеметрии, следящих устройств и центров управления с целью определения орбит вражеских аппаратов и передача этих сведений боевым системам «Красного берега». Иными словами, здесь глаза и уши нашей базы...

Но тут его перебил Ян:

— Комиссар Лэй, по-моему, вы поступаете неправильно. Ни к чему ей об этом знать!

Е скользнула по нему глазами и робко проговорила:

— Комиссар, если мне не положено...

Лэй поднял ладонь:

— Все в порядке, Вэньцзе, — и повернулся к Яну: — Инженер Ян, я вам уже говорил и повторю сейчас: это производственная необходимость. Чтобы Вэньцзе могла лучше исполнять свою работу, надо, чтобы ей была известна цель этой

самой работы!

Ян поднялся с места:

— Я доложу об этом руководству.

— Ваше право. Но не волнуйтесь, инженер Ян. За все последствия буду отвечать только я.

Ян удалился с кислой миной.

— Не обращай внимания, Вэньцзе. Уж такой он человек, наш главный инженер, — очень осторожный. — Комиссар усмехнулся и покачал головой, затем пристально посмотрел на Е, и лицо его приняло торжественное выражение. — Вэньцзе, когда мы привезли тебя сюда, наша цель была проста. Работе мониторинговых систем базы часто мешают радиопомехи, источником которых служит электромагнитное излучение солнечных вспышек и пятен. По счастливой случайности мы заглянули в твое досье и узнали, что ты занималась вопросами солнечной активности. Твоя модель ее прогнозирования самая точная из всех, выдвинутых китайскими учеными; вот почему за решением этой проблемы мы обратились к тебе.

Но ты проявила себя так хорошо, что мы решили дать тебе более ответственную работу. План предусматривал, чтобы ты сначала поработала в отделе передач, потом в отделе мониторинга. Та-

ким образом, ты составила бы себе представление о «Красном береге» в целом, а мы бы понаблюдали и решили, куда перевести тебя после этого. Как видишь, план встретил некоторое сопротивление. Но я верю в тебя, Вэньцзе. Скажу прямо: пока что лишь я один из всего персонала доверяю тебе, больше никто. И я надеюсь, что ты будешь трудиться в поте лица, чтобы заслужить доверие всего коллектива.

Комиссар положил руку на плечо Е. Она почувствовала исходящие от его ладони тепло и силу.

— Вэньцзе, позволь мне поделиться своей заветной мечтой: настанет день, и я назову тебя «товарищ Е»!

Лэй встал и вышел из зала, по-строевому чеканя шаг. Глаза Вэньцзе наполнились слезами; текст на экране замерцал и расплылся. После смерти отца она заплакала впервые.

Приступив к работе, Е вскоре обнаружила, что здесь ей придется труднее, чем в отделе передач. Ее компьютерные знания устарели; пришлось учиться пользоваться новыми программами с нуля. Даже при том, что комиссар доверял ей, в отношении Вэньцзе все еще действовали строжайшие ограничения. Например, ей разрешалось заглядывать в исходный код, но запрещалось

трогать базу данных.

Ежедневный надзор за ее деятельностью в основном осуществлял инженер Ян. Он стал вести себя с ней еще грубее, давая волю гневу при самом пустячном поводе. Комиссар Лэй провел с ним несколько бесед, но все безрезультатно. Казалось, стоило главному инженеру только увидеть Е, как он начинал нервничать.

По мере того как у Вэньцзе накапливалось все больше вопросов без ответов, она стала понимать, что проект «Красный берег» намного сложнее, чем ей казалось раньше.

Однажды система наблюдения перехватила закодированное сообщение. После расшифровки выяснилось, что это фотографии со спутников-шпионов. Их переслали в Бюро наблюдений и картографии при Генеральном штабе, где определили, что на этих немного смазанных снимках изображены важные китайские военные объекты, в том числе военно-морская база в Циндао и несколько ключевых оборонных заводов. Анализ подтвердил, что фотографии сделаны американским спутником КН-9 — его тогда только что запустили.

Фотографии со спутников КН по большей части передавались на Землю в отделяемых капсу-

лах[33], однако на этом спутнике были проведены испытания новой технологии — передачи цифровых снимков по радио. Процедуру еще не отработали, поэтому спутник транслировал на низких частотах, что существенно расширяло район уверенного приема и позволяло «Красному берегу» перехватывать передачи. А поскольку это был только тест, то шифр не отличался сложностью и раскусить его не представляло труда.

КН-9 был, несомненно, важным объектом мониторинга, поскольку предоставлял редкую возможность собирать данные об американских разведывательных системах. И все же на третий день Ян Вэйнин скомандовал изменить частоту и направление мониторинга. Что за бессмысленное решение?! Е терялась в догадках.

Вскоре случилось еще одно событие, ввергшее Вэньцзе в недоумение. Хотя она и принадлежала

---

[33] Примечания: 33

Интересный факт: капсулы с пленками выбрасывались со спутника и падали на Землю. Их должны были подхватывать прямо в воздухе самолеты, снабженные специальной «клешней»; либо капсулы приводнялись в океан, где их подбирали американские военные корабли. Устройство капсулы было таково, что в случае, если ее не подбирали, она через два дня тонула. Однажды (а скорее всего, не однажды — это тайна, покрытая мраком) капсула приземлилась в Венесуэле, где ее обнаружили местные крестьяне. После этого с капсул удалили надпись «секретно!», а вместо нее писали на восьми языках обещания о вознаграждении тем, кто отправит ее в Соединенные Штаты. — *Прим. перев.*

теперь к команде мониторинга, иногда ее вызывали в отдел передач. Однажды она случайно увидела список частот для предстоящей передачи и обнаружила, что частоты, которые собирались использовать в трансляциях под номерами 304, 318 и 325, были ниже, чем диапазон микроволновых частот, а следовательно, ни о каком эффекте нагрева и речи не могло идти.

* * *

Однажды за Вэньцзе пришел дежурный офицер и отвел ее в главный административный корпус. Судя по выражению лица дежурного, Е грозили неприятности.

Картина, которую она увидела в офисе, была до боли знакома: здесь присутствовали все старшие офицеры базы, а также двое других, которых Е не знала, но сразу догадалась, что они из высшего командного звена.

Все посмотрели на нее ледяными взглядами, но развитая за время невзгод интуиция подсказала Вэньцзе, что сегодня начальственный гнев обращен не на нее. В углу с понурым видом сидел комиссар Лэй.

«Кажется, для него настало время поплатиться за проявленное ко мне доверие», — подумала

Е и сразу же решила во что бы то ни стало выгородить Лэя. Надо будет взять на себя любую ответственность — она возьмет, надо будет солгать — солжет!

Но, к ее удивлению, первым заговорил именно комиссар, и сказал он то, чего Е совсем не ожидала.

— Е Вэньцзе, должен сразу признаться: я противник того, что сейчас произойдет. Это решение было принято главным инженером Яном после того, как он послал запрос высшему командованию. Он и будет отвечать за возможные последствия.

Лэй повернулся и посмотрел на Яна — тот торжественно кивнул. Комиссар продолжил:

— Главный инженер Ян уже не раз запрашивал у командования разрешения на то, чтобы прекратить использовать в отношении тебя нашу легенду — это нужно, чтобы полнее применять твои навыки и знания. Товарищи из Главного политотдела армии, — Лэй кивнул на незнакомцев, — прибыли, чтобы обсудить этот вопрос. И, наконец, с одобрения командования мы решили открыть тебе истину о программе «Красный берег».

До Е не сразу дошла суть слов комиссара, а

именно: все это время он ее обманывал.

— Надеюсь, ты высоко оценишь предоставленную возможность и честным трудом заслужишь прощение за свои проступки. После того, что мы тебе откроем, твое поведение должно быть безупречным. Любое проявление контрреволюционности будет наказываться по всей строгости! — Комиссар буравил Е взглядом. Это был совсем другой человек, не тот, каким она привыкла его видеть. — Тебе все ясно? Хорошо. А теперь главный инженер Ян все тебе объяснит.

Присутствующие, кроме Яна и Е, покинули офис.

— Если ты не согласна, скажи об этом сейчас.

Слова Яна прозвучали очень внушительно. Теперь Е стала понятна та тревога, которую он проявлял при встречах с ней все последние недели. Чтобы работать с полной отдачей, ей необходимо узнать правду о «Красном береге». И в то же время, сделав этот выбор, Е лишалась последней надежды когда-либо покинуть Радарный Пик. Как только она скажет «да», все будет кончено: ей придется провести здесь остаток жизни.

— Я согласна, — произнесла Е тихо, но решительно.

Так в тот ранний летний вечер, под завывание

ветра в огромной параболической антенне и неспокойный шелест леса, покрывавшего склоны Большого Хингана, Ян Вэйнин рассказал Е Вэньцзе об истинных целях и задачах «Красного берега».

Вот это была настоящая легенда, еще более невероятная, чем все выдумки комиссара Лэя!

Глава 13. «Красный берег» III

Избранные документы проекта «Красный берег»

С этих документов сняли гриф секретности через три года после того, как Е Вэньцзе рассказала Вану о «Красном береге». Они доказывают, что Е говорила правду.

I.

О проблеме, которая в значительной степени игнорируется мировой фундаментальной наукой

(Изначально опубликовано для внутреннего пользования XX/XX/196X)

[*Краткое изложение*]

История человечества знает два подхода для претворения результатов фундаментальных теоретических исследований в практику: постепенный и скачкообразный.

Постепенный: результаты теоретических исследований внедряются в технологию медленно, небольшими порциями; улучшения накапливаются постепенно, пока не происходит переход

на новый уровень. Среди недавних примеров — развитие космических технологий.

Скачкообразный: результаты теоретических исследований внедряются в практику быстро, что приводит к технологическому прорыву. Среди недавних примеров — появление атомного оружия. Вплоть до сороковых годов XX века некоторые из наиболее выдающихся физиков считали, что человечество никогда не сможет овладеть энергией атома. Но прошло совсем немного времени — и появилось атомное оружие. Технологический прорыв происходит тогда, когда очень значительные порции теоретических достижений вводятся в практику в кратчайший срок.

В настоящее время и НАТО, и Варшавский Договор ведут интенсивные теоретические исследования и не жалеют на них средств. В любой момент может случиться один или несколько технологических прорывов, что может создать значительную угрозу нашим стратегическим планам.

Данная статья утверждает, что наше общество сфокусировано на постепенном подходе, тогда как скачкообразному особого внимания не уделяется. Прицел на более далекую перспективу

требует развить полномасштабную стратегию и набор принципов, которые позволили бы адекватно реагировать на прорыв в области технологии.

Отрасли, в которых наиболее вероятен технологический прорыв:

Физика [*опущено*]

Биология [*опущено*]

Компьютеры [*опущено*]

Поиски внеземного разума (The Search for Extraterrestrial Intelligence — SETI):

Это одна из тех отраслей, в которых ожидается наибольший технологический прорыв. Если он случится, его значение превзойдет сумму подобных прорывов в остальных трех отраслях.

[*Полный текст*] [*опущено*]

[*Инструкция центрального руководства*]

Принять данную статью к обсуждению в соответствующих профессиональных кругах и организовать дискуссионные группы. Мнения, выраженные в статье, возможно, не всем придутся по вкусу, но не стоит навешивать ярлыки раньше времени. Следует отдать должное масштабному мышлению автора статьи. Некоторые товарищи видят не дальше своего носа, в чем виновато либо их политическое окружение, либо

самоуверенность. Это нехорошо. «Слепые пятна» в области стратегии крайне опасны.

Что касается четырех отраслей, в которых может произойти технологический прорыв, о последней мы задумывались меньше всего. Однако она достойна внимания, и нам следует подвергнуть эту тему систематическому и глубокому анализу.

Подпись: XXX.

Дата: XX/XX/196X

II.

Доклад о вероятном технологическом прорыве в области поиска внеземных цивилизаций

1. Тенденции в современных мировых исследованиях [*Основные итоги*]

(1) Соединенные Штаты Америки и другие страны НАТО: необходимость в исследованиях признается повсеместно; осуществляется сильная поддержка отрасли со стороны научных кадров.

Программа «Озма»[34]: В 1960 году Национальная радиоастрономическая обсерватория в Грин-Банке, штат Западная Вирджиния, пред-

---

[34] Примечания: 34

«Ozma» — названа так в честь принцессы волшебной страны Оз. — *Прим. перев.*

приняла поиски внеземного разума с помощью 26-метрового радиотелескопа. Были исследованы звезды Тау Кита и Эпсилон Эридана. Наблюдения проводились в течение 200 часов на частоте 1,42 ГГц. Программа «Озма II», которая собирается расширить поле поисков и задействовать более широкий диапазон частот, запланирована на 1972 год.

Зонды: Запуск космических зондов «Пионер-10» и «Пионер-11», каждый из которых будет нести металлический диск с данными о земной цивилизации, запланирован на 1972 год. Запуск космических зондов «Вояджер» и «Вояджер-2», каждый из которых будет нести аудиозапись на металлическом диске, запланирован на 1977 год.

Обсерватория Аресибо в Пуэрто-Рико: построена в 1963 году. Важный инструмент SETI. Собирающая площадь примерно 73000 метров, что превосходит суммарную собирающую площадь всех других радиотелескопов мира. Компьютерная система в состоянии обрабатывать информацию с 65000 каналов одновременно. Обсерватория может работать как передатчик сигнала очень высокой мощности.

(2) Советский Союз: разведывательные данные ограниченны, но есть сведения, что в обсуждае-

мую область сделаны значительные инвестиции. По сравнению со странами НАТО исследования ведутся более систематически и им отводятся более длительные сроки. Основываясь на немногочисленных источниках информации, можно прийти к выводу, что осуществляется строительство глобальной системы радиотелескопов со сверхдлинной базой и синтезированной апертурой. Как только строительство окончится, у Советского Союза появится мощнейший инструмент для исследований глубокого космоса.

2. Предварительный анализ социального устройства внеземных цивилизаций, основанный на материалистическом подходе к истории [*опущено*]

3. Предварительный анализ влияния, которое может оказать контакт с инопланетным разумом на человеческое общество и политические тенденции [*опущено*]

4. Предварительный анализ влияния, которое может оказать контакт с внеземным разумом на текущую международную обстановку:

(1) Односторонний контакт (подразумевается только получение сообщений от внеземной цивилизации) [*опущено*]

(2) Двусторонний контакт (обмен сообщениями

с внеземной цивилизацией и прямой контакт) [*опущено*]

5. Опасность и последствия установления и монополизации сверхдержавами контакта с внеземным разумом:

(1) Анализ последствий в случае установления и монополизации такого контакта американскими империалистами и другими странами НАТО [*по-прежнему секретно*]

(2) Анализ последствий в случае установления и монополизации такого контакта советскими ревизионистами и странами Варшавского Договора [*по-прежнему секретно*]

[*Инструкция центрального руководства*]

Другие страны уже послали сообщения в космос. Опасно, если внеземные цивилизации услышат только их голоса. Нам тоже следует сказать свое слово! Только в этом случае у инопланетян создастся верное представление о человеческом обществе, ибо докопаться до правды, слушая лишь одну сторону, невозможно. Мы должны заняться этим как можно скорее.

Подпись: XXX

Число: XX/XX/196X

III.

Исследовательский отчет о начальной фазе

проекта «Красный берег» (XX/XX/196X)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Количество экземпляров: 2

Итоговый документ: Документ за номером XXXXXX направлен в Комиссию по науке, технике и оборонной промышленности, в Китайскую академию наук и Центральный комитет планирования Министерства обороны; распространен на XXXXXXX партийной конференции и XXXXXXX партийной конференции; частично распространен на XXXXXXX партийной конференции.

Серийный номер проекта 3760

Кодовое название: «Красный берег»

1. Направление исследований: [*Сжатое изложение*]

Поиск внеземного разума, попытка установления контакта и обмена информацией.

2. Теоретические аспекты исследований:

(1) Поиск и мониторинг

Диапазон мониторинга: от 1000 МГц до 40000 МГц

Количество каналов: 15000

Ключевые частоты наблюдений:

Частота излучения атома водорода — 1420 МГц

Частота излучения гидроксильной группы — 1667 МГц

Частота излучения молекулы воды — 22000 МГц

Наблюдаемый объем: сфера с Землей в центре и радиусом 1000 световых лет, содержащая приблизительно 20 миллионов звезд. Список конкретных целей приведен в Дополнении 1.

(2) Передача сообщений:

Частоты, на которых ведется передача: 2800 МГц, 12000 МГц, 22000 МГц

Мощность передатчика: 10–25 МВт

Целевой объем передач: сфера с Землей в центре и радиусом 200 световых лет, содержащая приблизительно 100 тысяч звезд. Список конкретных целей приведен в Дополнении 2.

(3) Разработка саморасшифровывающегося кода

Руководящий принцип: основываясь на универсальных законах физики и математики, создать элементарный лингвистический код, который будет понятен любой цивилизации, знакомой с началами алгебры, евклидовой геометрии и основами классической механики (нерелятивистской физики).

На основе созданного кода (см. выше), подкрепленного изображениями с низким разрешением, постепенно разработать полную лингвистиче-

скую систему. Предлагаемые языки: китайский, эсперанто.

Суммарный объем информации не должен превышать 680 Кбайт. Время передач на частотах 2800 МГц, 12000 МГц и 22000 МГц: 1183, 224 и 132 минуты соответственно.

3. План реализации программы «Красный берег»

(1) Предварительный проект систем поиска и мониторинга [*по-прежнему секретно*]

(2) Предварительный проект системы передачи [*по-прежнему секретно*]

(3) Предполагаемые места расположения базы [*опущено*]

(4) Предварительные соображения по формированию команды проекта «Красный берег» из сил Второго артиллерийского корпуса [*по-прежнему секретно*]

4. Содержание сообщения, передаваемого «Красным берегом» [*Сжатое изложение*]

Описание Земли (3,1 Кбайт), обзор жизни на Земле (4,4 Кбайт), представление о человеческом обществе (4,6 Кбайт), основные события мировой истории (5,4 Кбайт)

Суммарный объем информации 17,5 Кбайт.

Сообщение будет послано после передачи уни-

версального кода. Время передачи сообщения на частотах 2800 МГц, 12000 МГц и 22000 МГц: 31, 7,5 и 3,5 минуты соответственно.

Текст сообщения будет утвержден после анализа комплексной комиссией, чтобы случайно не разгласить положение Земли на Млечном Пути. Передачи на двух из утвержденных трех каналов, а именно на частотах 12000 МГц и 22000 МГц следует свести к минимуму, чтобы затруднить точное определение координат передатчика.

IV.

Послание к внеземным цивилизациям

Первый набросок [*Полный текст*]

Внимание! Внимание! Внимание! Это сообщение послано страной — оплотом революционной справедливости на Земле! Возможно, вы уже получили другие обращения из этой же точки космического пространства. Они посланы одной из империалистических сверхдержав нашей планеты. Эта сверхдержава борется с другой сверхдержавой за мировое господство с целью повернуть историю человечества вспять. Не слушайте их ложь! Станьте на сторону правды, на сторону революции!

[*Инструкция центрального руководства*]

Что за белиберда! Для пропагандистского пла-

ката сгодилось бы, но посылать это в космос нельзя! Руководители «культурной революции» не должны иметь ни малейшего отношения к программе «Красный берег». Такое важное послание нужно составить в чрезвычайно аккуратных выражениях. Наилучшим выходом было бы предоставить это дело специальному комитету, а затем обсудить и одобрить на совещании Политбюро.

Подпись: XXX

Дата: XX/XX/196X

Второй набросок [*опущено*]

Третий набросок [*опущено*]

Второй набросок [*опущено*]

Четвертый набросок [*Полный текст*]

Приветствуем вас, обитатели другого мира!

Мы надеемся, что после прочтения нижеследующего послания вы составите себе общее представление о цивилизации Земли. Человечество, пройдя длинный и трудный путь, создало замечательную цивилизацию, в которой процветает множество самых разных культур. Мы стоим на пороге проникновения в суть законов, управляющих природой и обществом. Нам есть чем гордиться!

Но наш мир не безупречен. Здесь существуют

ненависть, предрассудки и войны. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями приводят к крайне неравному распределению благ, поэтому многие люди прозябают в нищете.

Человечество упорно преодолевает трудности и препятствия, возникающие на его пути к светлому будущему. Страна, чье послание вы сейчас читаете, тоже идет по этому пути. Наша цель — построить идеальное общество, в котором труд и достоинство каждого его члена получат заслуженно высокую оценку и материальные и духовные запросы людей будут полностью удовлетворены. Человеческая цивилизация станет более совершенной.

С наилучшими намерениями мы надеемся на установление контакта с другими цивилизованными обществами. Давайте вместе трудиться, чтобы построить лучшую жизнь в нашей необъятной Вселенной!

V.

Основные методы и действия

1. Методы и действия после получения ответа от внеземной цивилизации [*опущено*]

2. Методы и действия после установления контакта с внеземной цивилизацией [*опущено*]

[*Инструкция центрального руководства*]

Это так важно — выкроить время в нашем напряженном графике и заняться чем-то не связанным с насущными нуждами! Проект «Красный берег» предоставил нам редкую возможность подумать о вещах, на которые обычно не хватает времени. В самом деле, осмыслить новые перспективы можно, только взглянув с существенно более высокой точки зрения. Одного этого достаточно, чтобы признать право программы «Красный берег» на существование.

Как будет чудесно, если окажется, что во Вселенной существуют иной разум и иные общества! Ведь самым свежим взглядом всегда обладает сторонний наблюдатель. Только он сможет определить, какую роль мы сыграли в истории — героев или злодеев.

Подпись: XXX

Дата: XX/XX/196X

Глава 14. «Красный берег» IV

— Профессор Е, — проговорил Ван Мяо, — у меня вопрос. В то время, о котором вы повествуете, поискам внеземного разума уделяли лишь поверхностное внимание. Почему же тогда «Красный берег» был так тщательно засекречен?

— Этот вопрос задавали множество раз уже на первой стадии программы и продолжали задавать до самого ее закрытия. Но сейчас-то ответ должен быть вам известен! Можно только восхищаться предусмотрительностью высшего руководителя проекта.

— Да, он был человеком дальновидным. — Ван мрачно кивнул.

Серьезно и систематически рассматривать вопрос о том, как и в какой степени контакт с внеземным разумом повлияет на человечество, стали только в последние несколько лет, и эти исследования быстро завоевали интерес публики. Выводы оказались ошеломляющими.

Наивные, идеалистические надежды разбились вдребезги. Ученые обнаружили, что, вопреки радостным ожиданиям большинства людей, контакт с инопланетянами не сулит человечеству

ничего хорошего. Последствием такого контакта будет не объединение, а еще больший раскол; конфликты между различными культурами усугубятся, а не смягчатся. Другими словами, если контакт произойдет, разногласия внутри земной цивилизации только усилятся, что может привести к катастрофе. Самый шокирующий вывод из всех гласил, что подобный итог не зависит ни от степени и типа контакта (то есть односторонний он или двусторонний), ни от формы и степени прогресса инопланетной цивилизации.

В книге «Железный занавес в 100000 световых лет: Социология SETI» социолог Билл Мазерс из корпорации RAND[35] выдвинул теорию «контакта как символа». Мазерс утверждал, что, каково бы ни было содержание встречи с инопланетным разумом, результаты будут одинаковыми.

Допустим, что произошел контакт, при котором всего лишь подтверждено существование инопланетной цивилизации и никаких других

---

[35] Примечания: 35

RAND (англ. аббревиатура от *Research and Development* — «Исследование и разработка») — американский стратегический исследовательский центр. Является некоммерческой организацией. Направление деятельности — содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и национальной безопасности США; разработка и выявление новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций. — *Прим. перев.*

существенных данных нет (Мазерс называет его «первичным»). Значение такого контакта будет воспринято человечеством через увеличительное стекло массового сознания и культуры, что окажет огромное влияние на дальнейшее развитие общества. Если монополия на контакт будет только у одной страны или политической силы, то это придаст невероятный импульс их экономической и военной мощи.

— Чем кончилась программа «Красный берег»?

— Вы, должно быть, и сами догадываетесь.

Ван опять кивнул. Если бы «Красный берег» выполнил свою задачу, мир сейчас был бы совсем иным. Чтобы утешить Е, он сказал:

— Но ведь пока трудно сказать, добились вы успеха или нет. Радиоволны, посланные «Красным берегом», ушли еще не слишком далеко.

Е покачала головой.

— Чем дальше уходят сигналы, тем они слабей и тем меньше вероятность, что внеземной разум уловит их. Конечно, если бы инопланетяне уже обнаружили Землю с ее богатой кислородом атмосферой и направили в ее сторону мощную аппаратуру — тогда была бы другая история. Но вообще-то исследования показывают, что для того чтобы инопланетяне уловили сигналы от нас,

мощность наших передач должна быть такой же, как мощность излучения средних размеров звезды.

Советский астрофизик Николай Кардашев разделил все цивилизации на три класса в зависимости от энергии, которую они могут направить на нужды связи. Цивилизация I класса может задействовать для этого энергию, сравнимую с общим выходом энергии Земли; по нашим прикидкам, это около 10^{15} — 10^{16} Вт. Цивилизация класса II — энергию, эквивалентную мощности средней звезды, то есть примерно 10^{26} Вт. Энергия, доступная цивилизации класса III, может достигать уровня 10^{36} Вт — примерно такова мощность излучения галактики. Земную цивилизацию пока что можно отнести к классу 0,7, даже не к классу I. А передачи «Красного берега» задействовали только около одной десятимиллионной доли всей совокупной энергии Земли. Писк комаришки в небе. Его никто не мог услышать.

— Но, — возразил Ван, — если бы кардашевские цивилизации класса II и III действительно существовали, мы были бы в состоянии услышать *их*!

— За двадцать лет деятельности базы мы не услышали ровным счетом ничего.

— Понятно. Значит, учитывая опыт «Красного

берега» и SETI, мы можем сказать, что все наши усилия доказали лишь одно: во всей Вселенной разумная жизнь существует только на Земле?

Е вздохнула.

— Ну... Определенного ответа на этот вопрос мы, скорей всего, не получим никогда. Но мой здравый смысл, как и здравый смысл всех, кто работал на базе «Красный берег», подсказывает, что вы правы.

— Жаль, что «Красный берег» был расформирован. Раз уж построили, могли бы и продолжать работу. Ведь какое грандиозное начинание!

— Процесс закрытия базы был постепенным. В начале восьмидесятых у нас провели большую реконструкцию. В частности, обновили компьютерный парк отделов передач и мониторинга; передающую систему автоматизировали, а мониторингу выделили два современных компьютера IBM на микропроцессорах. Стало возможно обрабатывать намного больший объем данных, количество каналов слежения выросло до сорока тысяч.

Но позже, когда стало ясно, с какими трудностями связаны поиски инопланетного разума, руководство утратило интерес к «Красному берегу». Сначала базе снизили рейтинг безопасности,

придя к выводу, что чрезвычайная секретность ни к чему. Охрану сократили — от роты остался лишь взвод, а потом и вовсе пять человек. К тому же после реконструкции, хотя база и оставалась в ведении Второго артиллерийского корпуса, научными изысканиями стал распоряжаться Институт астрономии Китайской академии наук. Было внедрено несколько исследовательских проектов, не имеющих ничего общего ни с поиском внеземных цивилизаций, ни с военными делами.

— Я правильно понимаю, что большинство ваших научных открытий вы совершили именно в это время?

— На начальном этапе «Красный берег» занимался не только поисками внеземных цивилизаций, но и некоторыми исследованиями в области радиоастрономии. На тот момент это был самый большой радиотелескоп в стране. Позже, когда построили другие радиоастрономические обсерватории, наша база обратилась к наблюдениям и анализу солнечной активности. Ради этой цели нас оснастили солнечным телескопом. Разработанная нами математическая модель солнечной активности была в те времена на переднем крае науки и получила широкое практическое приме-

нение. «Красный берег» вернул обществу хотя бы часть затраченных на него огромных средств.

Нельзя не признать, что в этом была большая заслуга комиссара Лэя. Конечно, он преследовал собственные интересы, понимая, что у него как у политического работника при научном подразделении перспективы на будущее не очень-то радужные. Прежде чем поступить в армию, Лэй изучал астрофизику, и ему захотелось вернуться обратно в науку. Всеми заказами на исследования, не связанные с поисками инопланетного разума, «Красный берег» обязан именно усилиям комиссара Лэя.

— Сомневаюсь, чтобы ему легко далось возвращение к научной деятельности после того, как он столько времени пробыл политработником. К тому же вас тогда еще не реабилитировали. Сдается мне, все, чем Лэй занимался, — это увековечиванием своего имени на ваших трудах.

Е улыбнулась прощающей улыбкой.

— Без Лэя «Красный берег» скончался бы еще раньше. После того как база подпала под конверсию, военные оставили ее, а у Академии наук не хватало средств на ее содержание. Поэтому проект «Красный берег» закрыли.

О своей обыденной жизни на Радарном Пике

Е рассказывала весьма скупо, а Ван не хотел расспрашивать. Через четыре года после прибытия на базу они с Ян Вэйнином поженились. Все произошло естественно и спокойно, без драм. Позже в результате несчастного случая Лэй и Ян погибли; дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, Ян Дун, родилась после смерти отца. Мать с дочерью уехали с Радарного Пика только в середине восьмидесятых, когда базу окончательно расформировали. Е вернулась в Цинхуа, свою альма-матер, и преподавала там астрофизику до ухода на пенсию. Все это Ван слышал от Ша Жуйшаня в Миюньской радиоастрономической обсерватории.

— Поиски внеземного разума — уникальная дисциплина. Она имеет глубокое влияние на жизненные взгляды исследователя. — Е говорила нараспев, словно рассказывая ребенку сказку. — В глухой ночи я сидела с наушниками и слушала безжизненный шум Вселенной — едва слышный, но непрекращающийся, еще более древний, чем сами звезды. Иногда мне казалось, что он похож на гул вечных ветров Большого Хингана. И тогда меня прохватывал озноб, а одиночество ощущалось гораздо глубже...

Иногда после ночной смены я всматривалась в звездное небо, и оно представлялось мне холод-

ной сверкающей пустыней, а я — заблудившимся в ней ребенком... Я думала, что жизнь, скорее всего, лишь случайность в ряду других случайностей, которыми так полна Вселенная. Космос — это пустой дворец, а человечество, эта букашка, — его единственный обитатель. Из-за подобных мыслей душевный настрой во второй половине моей жизни стал противоречив: то я считала человеческую жизнь великой ценностью, и все в ней было очень важно; то мне казалось, что человечество — грязь и ничто в мире не имеет значения. Так протекали годы в постоянных метаниях, и не успела я оглянуться, как подступила старость...

Вану хотелось утешить эту пожилую женщину, посвятившую жизнь одинокому, но великому начинанию, однако последние слова Е ввергли его в то же печальное настроение, в которое погрузилась и она сама. Он обнаружил, что ему нечего сказать ей, кроме:

— Профессор Е, однажды мы с вами съездим на то место, где стояла база «Красный берег»...

Его собеседница медленно покачала головой.

— Куда мне, Сяо Ван! Старею, здоровье уже не то. Я живу сегодняшним днем, не загадывая на будущее.

Глядя на серебряные волосы Е Вэньцзе, Ван понял, что она опять думает о дочери.

Глава 15. Три тела: Коперник, вселенский футбол и День трех солнц

После визита к Е Ван Мяо никак не мог успокоиться. События последних двух дней и история «Красного берега», на первый взгляд никак не связанные между собой, теперь переплелись вместе, за одну ночь превратив знакомый мир в незнакомый.

Придя домой и желая избавиться от тягостного настроения, Ван включил компьютер, надел V-костюм и в третий раз отправился в мир «Трех тел».

Это сработало. К тому времени, когда на экране появилось окно логина, Ван почувствовал себя другим человеком. В его душе царило необъяснимое радостное возбуждение. В отличие от первых двух игр, на этот раз он поставил перед собой четкую задачу: проникнуть в тайну мира «Трех тел».

Он создал новый ID, более подходящий его нынешней роли: Коперник.

* * *

Ван опять стоял посреди унылой равнины и наблюдал странный рассвет, столь характерный для мира «Трех тел». На востоке возвышалась колоссальная пирамида, но Ван сразу заметил, что это больше не пирамида царя Чжоу из династии Шан и не обсерватория Мо-цзы. Ее вершина была увенчана готической колокольней. Башня вонзалась в утреннее небо, отчего здание обретало сходство с собором Святого Иосифа на улице Ванфуцзин. Но если бы реальный собор поместить рядом с этой пирамидой, он сошел бы разве только за входной придел. В отдалении возвышалось много других строений, по всей вероятности, дегидраториев, теперь тоже выстроенных в готическом стиле, с длинными острыми шпилями — как будто земля ощетинилась множеством игл.

В стене пирамиды Ван увидел дверной проем, озаренный изнутри мерцающими огнями. В туннеле стоял ряд почерневших от дыма статуй олимпийских богов с факелами в руках. Войдя в Большой зал, Ван обнаружил, что здесь еще темнее, чем в туннеле. Единственным источником скудного освещения служили два серебряных канделябра на длинном мраморном столе.

За столом сидели несколько человек. Тусклый свет не позволял разглядеть лица — Ван видел только силуэты. Глаза собравшихся прятались в глубоких темных глазницах, но Ван ощущал сосредоточенные на нем пристальные взгляды. Сидящие за столом были одеты во что-то вроде средневековых мантий. Присмотревшись, Ван различил, что на одном или двух из них мантии были попроще и больше напоминали классические греческие хитоны. У одного конца стола сидел высокий худой человек с золотой тиарой на голове. Помимо канделябров тиара была единственным блестящим предметом в Большом зале. Ван напряг глаза и в тусклом свете свечей сумел разобрать, что мантия коронованной особы тоже отличается от других — она была красного цвета.

Он понял, что игра подстраивается под каждого конкретного игрока. Основываясь на нынешнем ID Вана, программа выбрала мир европейского позднего Средневековья.

— Ты опоздал. Собрание уже идет! — проговорил тиароносец в красной мантии. — Я папа Григорий.

Ван постарался припомнить то немногое, что знал о европейской средневековой истории —

основываясь на названном имени, он мог бы прикинуть, какого уровня достигла эта цивилизация, — но тут же вспомнил, что «Три тела» обращались с историей весьма вольно, не чураясь совершенно диких анахронизмов, и решил, что не стоит напрягаться.

— Я Аристотель, — представился человек в греческом хитоне с белыми кудрявыми волосами. — Ты сменил ID, но мы все тебя узнали. В первых двух играх ты побывал на Востоке.

— Верно, — кивнул Ван. — Там я стал свидетелем гибели двух цивилизаций — одной от запредельного холода, другой — от испепеляющего солнечного жара. Я также видел, какие неимоверные усилия прилагали восточные мудрецы, чтобы понять законы, по которым движется солнце.

— Ха! — выдохнул человек в эспаньолке и с подкрученными вверх усами, еще более тощий, чем папа. — Восточные мудрецы пытались разгадать тайну движения солнца с помощью медитации, мистических откровений и даже снов. Смехотворно!

— Это Галилей, — сказал Аристотель. — Он убежден, что мир познается через наблюдение и опыт. Он мыслитель, лишенный всяческой

фантазии, но к его выводам стоит прислушаться.

— Мо-цзы тоже проводил наблюдения и опыты, — возразил Ван.

Галилей фыркнул.

— Способ мышления Мо-цзы оставался восточным. Он был не кем иным, как мистиком в одежде ученого. Он никогда не принимал результатов собственных наблюдений всерьез, а свою модель построил на основе субъективных домыслов. Какая нелепость! Жаль, такое техническое оснащение — и все без толку! Но мы подходим к делу иначе. Опираясь на данные многочисленных наблюдений и экспериментов, мы сделаем строгие логические умозаключения, на которых и выстроим нашу модель Вселенной, а затем вновь обратимся к опыту и наблюдению, чтобы доказать ее истинность.

— Это правильный подход, — кивнул Ван. — Я тоже его придерживаюсь.

— Ну, тогда ты, наверно, и календарь принес? — с издевкой поинтересовался папа Григорий.

— Календаря у меня нет — только модель, построенная на результатах наблюдений. Хочу подчеркнуть: даже если она верна, еще неизвестно, можно ли с ее помощью в деталях прогнозировать движение солнца и создать точный

календарь. Тем не менее это необходимый шаг.

Несколько одиноких хлопков отозвались эхом от сводов Большого зала. Аплодировал Галилей.

— Превосходно, Коперник, превосходно! Твое мышление прагматика в сочетании с экспериментальным научным подходом — вот чего недостает большинству ученых. Уже только по одной этой причине твою теорию стоит выслушать.

Папа кивнул Вану:

— Продолжай.

Ван постарался взять себя в руки. Подойдя к другому концу длинного стола, он промолвил:

— Фактически все очень просто. Причина видимого хаотического поведения солнца заключается в том, что у нашего мира их целых три! Под влиянием постоянно меняющегося взаимного тяготения движение трех звезд становится непредсказуемым. Это так называемая «задача трех тел». Когда наша планета вращается вокруг только одной звезды по стабильной орбите, наступает Эра Порядка. Когда вторая или обе оставшихся звезды приближаются на определенное расстояние, их притяжение срывает планету с орбиты, в результате чего она начинает метаться в гравитационных полях всех трех солнц.

Наступает Эра Хаоса. Через некоторое время планета снова притягивается какой-то одной звездой и начинает двигаться по стабильной орбите — устанавливается Эра Порядка и так далее. Это как футбол, только вселенского масштаба, где три звезды — игроки, а наша планета — мяч.

Под гулкими сводами Большого зала раздался хохот.

— Сжечь его, — безучастно приказал папа. Двое стражников в ржавых латах двинулись к Вану, словно пара неуклюжих роботов.

— Сжечь! — повторил Галилей и вздохнул. — Я возлагал на тебя надежды, а ты всего лишь очередной колдун...

— С такими, как он, одна морока! — поддакнул Аристотель.

— По крайней мере, дайте мне закончить! — Ван отпихнул от себя железные рукавицы стражников.

— Ты когда-нибудь видел три солнца? — вопросил Галилей. — Или знаешь кого-нибудь, кто видел?

— Их все видели!

— Ну хорошо, мы видим одно во время Эр Порядка и Хаоса. А где же в это время два других?

— Солнце, которое мы наблюдаем в различные

эпохи, не обязательно одно и то же! Когда два других находятся далеко, они представляются нам как летящие звезды.

— Тебе не хватает элементарной научной подготовки, — покачал головой Галилей. — Солнце должно двигаться непрерывно; оно не может сразу прыгнуть из одной точки в другую, не пройдя через все промежуточные. Согласно твоей гипотезе, мы должны были бы наблюдать следующую ситуацию: солнце становится меньше, чем мы видим его обычно, но больше летящей звезды, а потом, удаляясь, постепенно становится летящей звездой. Но мы никогда не наблюдали ничего подобного.

— Поскольку у тебя научная подготовка на должном уровне, ты, стало быть, разобрался во внутренней структуре светила?

— Конечно. Этим своим открытием я горжусь больше всего. Солнце состоит из разреженного, очень обширного облака газов, внутри которого имеется плотное раскаленное ядро.

— Совершенно верно! — подтвердил Ван. — Но ты, по-видимому, еще не знаешь об особом оптическом взаимодействии между газообразной внешней оболочкой солнца и атмосферой нашей планеты. Этот феномен сродни поляризации или

гасящей интерференции. В результате, когда мы наблюдаем солнце изнутри нашей атмосферы, а потом оно отдаляется от нас на определенное расстояние, газообразный слой внезапно становится абсолютно прозрачным, и все, что видно, — это раскаленное внутреннее ядро. Поэтому оно и представляется нам летящей звездой.

Этот феномен вводил в заблуждение каждого исследователя на протяжении всей истории цивилизаций и не давал открыть существование трех солнц. Теперь вы понимаете, почему три летящих звезды знаменуют наступление экстремального холода: все три солнца удаляются на слишком большое расстояние от планеты.

Последовала короткая пауза — все обдумывали услышанное. Первым нарушил молчание Аристотель:

— Тебе не хватает элементарной логики. Это правда — временами мы видим три летящих звезды, после чего всегда наступает гибельный холод. Но, согласно твоей теории, иногда мы также должны были бы видеть на небе все три солнца нормального размера. А такого ни разу не случалось! Ни одна цивилизация этого не зафиксировала!

— Постойте-ка!

Длиннобородый человек в шляпе странного фасона поднялся и заговорил в первый раз.

— Я Леонардо да Винчи. Думается, подобные свидетельства есть. Одна цивилизация видела одновременно два солнца и погибла, сожженная их совместным жаром, но записи, оставленные ею, весьма туманны.

— Речь о трех солнцах, а не о двух! — отрезал Галилей. — Согласно теории Коперника, раз в небе иногда появляются три летящих звезды, то должны появляться и три солнца!

— Это случалось! — спокойно и уверенно заявил Ван. — Люди видели одновременно три солнца. Но никакой информации о событии не сохранилось просто потому, что свидетелям его оставалось жить не более нескольких мгновений! У них не было ни малейшего шанса спастись. День трех солнц — самая ужасающая из катастроф, могущих постигнуть наш мир. В такой день поверхность планеты в один миг превращается в пылающую топку; даже камень плавится. После рокового Дня трех солнц должна пройти целая вечность, прежде чем жизнь и цивилизация вновь возродятся. Вот почему нет свидетельств таких дней.

Повисла тишина. Взгляды присутствующих

обратились к папе.

— Сжечь его, — ласково проговорил тот. Улыбка на его лице показалась Вану знакомой: так улыбался царь Чжоу из династии Шан.

В Большом зале воцарилось оживление — казалось, будто начались приготовления к великому празднику. Галилей со товарищи весело приволокли из темного угла кол с привязанным к нему начерно обгоревшим трупом. Труп отвязали и отшвырнули в сторону, а кол воткнули вертикально. Другая группа ученых с упоением обкладывала его дровами. Один только Леонардо не принимал участия в суматохе. Он сидел у стола, погрузившись в раздумья, и время от времени брал гусиное перо и чертил какие-то цифры прямо на столешнице.

— Это Джордано Бруно, — пояснил Аристотель, указывая на обгорелый труп. — Тоже, как ты — пришел и начал вещать какой-то вздор.

— Поджарьте его на медленном огне, — слабым голосом проговорил папа.

Двое солдат принялись привязывать Ван Мяо к столбу асбестовыми веревками. Ван поднял пока еще свободную руку и указал на папу:

— Ты всего лишь программа! А вы, прочие, — либо тоже программа, либо кретины. Я вернусь

под новым логином!

— Как бы не так! — хохотнул Галилей. — Вылетишь с треском из «Трех тел» навсегда!

— Значит, ты действительно программа. Потому что живые люди знают, как работает Интернет. Самое большее, что может сделать игровая система, — это зарегистрировать мой MAC-адрес. Перейду на другой компьютер, создам новый ID, только и всего. Мы еще встретимся!

Леонардо поднял глаза на бунтовщика, проговорил: «Система просканировала твою сетчатку через шлем V-костюма» — и снова вернулся к своим вычислениям.

Вана охватил ужас.

— Не делайте этого! — закричал он. — Отпустите меня! Я говорю правду!

— Если ты говоришь правду, то не сгоришь, — утешил его Аристотель. — Игра вознаграждает тех, кто на верном пути.

Он широко улыбнулся, вынул зажигалку «Зиппо», виртуозно, как заправский фокусник, покрутил в пальцах и, наконец, чиркнул.

Он собрался было уже зажечь поленья под Ваном, но в этот момент туннель, ведущий в зал, вспыхнул алым светом, из входного проема пахн`ула жаром и гарью. Из алого зарева в по-

мещение галопом ворвался конь. Охваченный пламенем, он огненным шаром пролетел по залу. За всадником, рыцарем в раскаленных докрасна латах, тянулся белый шлейф дыма.

— Конец света! Конец света! Дегидрация! Дегидрация! — кричал рыцарь. Его конь упал и превратился в костер. Всадник вылетел из седла, кубарем прокатился по полу, замер около шеста и больше не шевелился. Из отверстий в его панцире продолжал валить белый дым. Жир мертвеца с шипением вытек на пол и загорелся — казалось, будто у рыцаря выросли два огненных крыла.

Все присутствующие в Большом зале ринулись к выходу, протиснулись в него и растворились в алом зареве туннеля. Ван Мяо изо всех сил боролся со своими путами, пока наконец не освободился, а тогда тоже кинулся через зал. Обогнув пылающих коня и всадника, он влетел в туннель и бежал, пока не выскочил наружу.

Земля светилась красным, как кусок железа в кузнечном горне. Раскаленные потоки лавы змеились по багровой равнине, словно огненная сеть расстелилась от горизонта до горизонта. К небу поднимались бесчисленные тонкие столбы пламени — это горели дегидратории. Сгорающие внутри них сухие оболочки придавали огню

странный голубоватый оттенок.

Неподалеку Ван увидел около десятка маленьких столбов пламени того же необычного цвета. Это горели те, кто выскочил из пирамиды чуть раньше: папа, Галилей, Аристотель, Леонардо и прочие. Пламя вокруг них было прозрачно-голубое, и Ван различал, как их лица и тела коробятся в огне. Уставившись на Вана и воздев руки к небу, они торжественно пропели в унисон:

— День трех солнц...

Ван взглянул вверх: там три гигантских солнца, занимавшие почти весь небосвод, медленно вращались вокруг невидимого центра, напоминая исполинский вентилятор, дышащий на планету смертельным жаром. Постепенно вся формация сместилась на запад и половина ее скрылась за горизонтом. Вентилятор продолжал вращаться; время от времени раскаленная лопасть взмывала в небо, и гибнущий мир видел очередные короткие восход и закат. Наступала недолгая ночь, земля кроваво светилась, а потом солнце всходило снова и пронзало пространство злобными параллельными лучами.

Но вот все три солнца зашли, и небосвод заволокло тучами, образовавшимися из испарившейся воды; их подбрюшье все еще горело

отраженным сиянием ушедших светил. Небо пылало адской, безумной красотой.

Наконец, последние сполохи погасли, и на фоне темно-багровых туч, подсвеченных снизу инфернальным пламенем, возникли гигантские иероглифы:

> Цивилизация номер 183 погибла в День трех солнц. В своем развитии она достигла эпохи Средневековья.
>
> Минуют эпохи, жизнь возродится, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел».
>
> Но на этот раз Копернику удалось открыть одну из основных тайн мироздания. Цивилизация «Трех тел» готова к переходу на качественно новую ступень развития.
>
> Поздравляем с переходом на второй уровень и приглашаем вас продолжить игру.

Глава 16. Задача трех тел

Ван вышел из игры, и в этот момент зазвонил телефон.

Это был Ши Цян с просьбой срочно прийти к нему в Управление уголовной полиции. Ученый посмотрел на часы: было три утра.

В захламленном кабинете Ши Цяна висела плотная завеса табачного дыма. Молодая женщина, тоже офицер полиции, обмахивалась блокнотом, отгоняя дым. Капитан представил ее как Сюй Бинбин, специалиста по компьютерам из Управления информационной безопасности.

Третьего из присутствующих, мужчину с всклокоченными густыми волосами, Ван никак не ожидал здесь увидеть. Это был Вэй Чэн — затворник, таинственный супруг Шэнь Юйфэй из «Рубежей науки». Вэй взглянул на новоприбывшего, но, кажется, не узнал.

— Извини, что пришлось сорвать тебя с места, но ты, похоже, все равно не спал, — сказал Да Ши. — Я тут разбираюсь с одним делом, о котором еще не докладывал Боевому командному центру, и мне нужен твой совет. — Он повернулся к Вэй Чэну: — Повторите ему то, что сказали мне.

— Моя жизнь в опасности, — проговорил Вэй с деревянным лицом.

— А можно сначала и поподробнее? — осведомился Ван.

— Хорошо. Только не жалуйтесь, что я слишком много болтаю. Вообще-то в последнее время мне очень хочется кому-нибудь высказаться... — Вэй повернулся к Сюй Бинбин. — А вы разве не собираетесь делать заметки или что там вам полагается делать?

— Не сейчас! — быстро сказал Да Ши. — А вам что — до сегодняшней ночи не с кем было поговорить?

— Нет, дело не в этом. Я слишком ленив, чтобы разговаривать. Таким уж я уродился.

Рассказ Вэй Чэна

Я с детства был лентяем. Живя в интернате, никогда не мыл за собой посуду и не заправлял постель. Ничто в мире не вызывало у меня интереса. Я ленился учиться. Я даже играть ленился. Так и брел сквозь будни безо всякой цели.

Правда, были у меня кое-какие таланты, отсутствующие у других. Например, если кто-то чертил отрезок, я всегда умел рассечь его точно в соответствии с золотой пропорцией 1:1,618.

Одноклассники пророчили мне большое будущее в качестве плотника. Но я догадывался, что тут кроется нечто большее — я обладал каким-то особым нюхом по части чисел и форм. При этом оценки по математике у меня были такие же низкие, как и по другим предметам. Я был слишком ленив, чтобы показывать, на что способен. На контрольных писал свои догадки вместо ответов. В восьмидесяти-девяноста процентах я догадывался правильно, но все равно — успеваемость у меня была не ахти какая.

Когда я был на втором курсе гимназии, на меня обратил внимание преподаватель математики. В те дни у многих школьных учителей был впечатляющий научный послужной список, потому что немалому количеству ученых пришлось идти работать в школу во время «культурной революции». Наш математик был как раз из таких.

Однажды он задержал меня после урока. Написав на доске около десятка числовых рядов, он попросил меня вывести суммирующую формулу для каждого. Для одних я написал формулы почти мгновенно, а на другие только взглянул и сразу определил их как расходящиеся.

Учитель достал книгу — это были «Записки о Шерлоке Холмсе» — и открыл какой-то рассказ,

кажется, «Этюд в багровых тонах». Там есть сцена, когда Ватсон видит из окна непритязательно одетого посыльного и указывает на него Холмсу, а тот говорит: «Вы имеете в виду отставного флотского сержанта?» Ватсон поражается, как Холмсу удалось так точно это определить, но Холмс не может сразу дать четкие объяснения, ему требуется некоторое время, чтобы выявить цепочку умозаключений. Что-то там было такое с рукой этого человека, его походкой и так далее. Он говорит Ватсону, что в этом нет ничего странного: большинство людей не сразу ответят, откуда им известно, что дважды два четыре.

Учитель закрыл книгу и сказал:

— Вот и ты такой же — быстро делаешь интуитивные умозаключения и не можешь даже сказать, как пришел к правильному ответу. — А потом он спросил: — Когда ты видишь ряд чисел, что ты чувствуешь? Заметь, я говорю о чувствах.

Я ответил:

— Я вижу любую комбинацию цифр в виде трехмерной фигуры. Правда, я не могу описать форму чисел, но они действительно представляются в виде фигур.

— А когда ты видишь геометрические фигуры? — спросил учитель.

— Тогда все наоборот. Геометрические фигуры у меня в голове становятся числами. Это как если очень близко смотреть на картинку в газете — она распадается на маленькие точки.

Учитель сказал:

— У тебя прирожденный талант к математике, но... но... — Он добавил еще несколько «но», расхаживая взад-вперед по классу, как будто я был проблемой, с которой он не мог справиться. — Такие люди, как ты, не ценят свой дар.

Он погрузился в размышления, а потом, по-видимому, сдавшись, проговорил:

— В следующем месяце пройдет окружная математическая олимпиада. Почему бы тебе не записаться на нее? Я не стану натаскивать тебя — с такими, как ты, это пустая трата времени. Но когда будешь давать ответы, напиши и умозаключения — как ты к ним пришел.

Ну я и записался. После округа пошел дальше, пока не попал на международную математическую олимпиаду в Будапеште, и везде я занимал первые места. Когда вернулся домой, меня без вступительных экзаменов приняли на математический факультет самого престижного университета...

Вам моя болтовня еще не надоела? Ага, хорошо.

Просто я вынужден заходить издалека, чтобы было понятно все, что произошло потом.

Учитель был прав — мне на свой талант было наплевать. Бакалавр, магистр, доктор — я получил все, не сильно утруждаясь. Однако, закончив учебу и выйдя в широкий мир, я понял, что не гожусь ровным счетом ни на что. Я разбирался только в математике и больше ни в чем. Вокруг кипела жизнь со всеми ее сложностями, а я словно пребывал в полусне. Карьера шла чем дальше, тем хуже. В конце концов я устроился в колледж лектором, но и там еле-еле тянул. К преподаванию я относился спустя рукава — просто не мог иначе. Я писал на доске «это легко доказуемо» и не понимал, почему студенты так тупят. Позже, когда стали увольнять худших преподавателей, меня вышибли.

К тому времени мне все осточертело до тошноты. Я упаковал чемодан и отправился в буддистский монастырь далеко в горах на юге Китая.

Нет, я не собирался становиться монахом, для этого я был слишком ленив. Мне хотелось только найти тихое местечко для жизни. Настоятелем был давний друг моего отца, интеллигент до мозга костей, на старости лет ставший монахом — по словам отца, у человека его уровня не было иного

выхода. Настоятель предложил мне остаться в монастыре. Я сказал:

— Все, что мне надо, — это тихое прозябание до конца моей жизни в каком-нибудь спокойном месте.

— Наш монастырь вряд ли можно назвать спокойным местом, — возразил он. — Здесь шагу некуда ступить от туристов и паломников. Люди, стремящиеся к истинному покою, способны найти его и в шумном городе. Чтобы достичь этого состояния, нужно опустошить себя.

— Я и так пуст, — сказал я. — Слава и богатство для меня ничто. В этом монастыре многие монахи — люди намного более светские, чем я.

Настоятель покачал головой:

— Нет. Пустота не значит «ничего». Пустота — это способ существования. Ты должен достигнуть экзистенциальной пустоты, чтобы наполнить себя ею.

Его слова послужили для меня озарением. Позже, когда я немного поразмыслил над ними, я понял, что эта философия не имела ничего общего с буддизмом; она скорее была сродни некоторым теориям современной физики. Настоятель также сказал, что не станет обсуждать со мной вопросы буддизма, и причина была та же самая, что у

преподавателя математики в гимназии: с такими людьми, как я, это пустая трата времени.

Первую ночь я провел в крохотной келье при храме. Вот уж не думал, что этот приют окажется таким неудобным! Простыня и одеяло были влажны от горного тумана, постель тверда, как камень. Стараясь уснуть, я попробовал следовать совету настоятеля и наполнить себя «пустотой».

Первой созданной мной «пустотой» была бесконечность космоса. В ней не было ничего, даже света. Но вскоре я понял, что эта пустая Вселенная не может даровать мне покой. Вместо него она наполнила меня непонятным страхом, какой охватывает утопающего, готового вцепиться во все, что попадется под руку.

И тогда я создал в этом бесконечном пространстве сферу — не слишком большую, но обладающую массой. Однако умственное состояние мое не улучшилось. Сфера плавала в середине «пустоты» — в безграничном космосе середина может быть где угодно. Во Вселенной не было ничего, что могло бы воздействовать на сферу, и сама она не могла воздействовать ни на что. Просто висела в пространстве, недвижимая, неизменная, как сама смерть.

Я создал еще одну сферу с такой же массой.

Поверхности обеих были идеальным зеркалом. Одна отражала другую, являя соседке единственную во Вселенной сущность, отличную от себя самой. Но это мало улучшило положение. Если не придать сферам начальную скорость — то есть если их не подтолкнуть, — они быстро притянутся друг к другу под влиянием сил гравитации и так и застынут символом смерти. Если же придать сферам начальную скорость и если они при этом не столкнутся, то они начнут вращаться друг вокруг друга. Независимо от начальных условий вращение постепенно стабилизируется и станет равномерным и неизменным. Это будет танец смерти.

Тогда я добавил третью сферу, и, к моему изумлению, ситуация полностью изменилась. Как я уже упоминал, в глубинах моего ума геометрические фигуры превращаются в числа. Вселенная без сферы, потом с одной сферой, потом с двумя явились мне в виде одного или нескольких уравнений, словно редкие одинокие листья поздней осенью. Но третья сфера подарила «пустоте» жизнь. Три сферы, которым был придан первоначальный толчок, пришли в движение, рисунок которого был сложным, запутанным и, похоже, никогда не повторялся. Описывающие

его уравнения струились в моем мозгу подобно нескончаемому ливню.

И тут я уснул. В моем сне три сферы продолжали свой беспорядочный, никогда не повторяющийся танец. И все же в глубине моего сознания эта круговерть обрела некий ритм — просто период повторения был бесконечно длинен. Я был заворожен. Захотелось описать если не весь период, то хотя бы его часть.

На следующий день я продолжал думать о трех сферах, танцующих в «пустоте». Еще никогда и ничто так не поглощало моего внимания. Неудивительно, что один из монахов поинтересовался у настоятеля, все ли у меня в порядке с головой. Тот рассмеялся и сказал:

— Не стоит беспокоиться. Он обрел пустоту.

Да, я действительно обрел пустоту. Теперь я смогу найти покой и в шумном городе. Даже посреди бурлящей толпы мое сердце останется безмятежным. Впервые в жизни математика дарила мне радость. Я чувствовал себя словно ветреник, всю жизнь беззаботно порхавший от женщины к женщине и вдруг искренне полюбивший.

Физические принципы, стоящие за задачей

трех тел[36], очень просты. Это проблема прежде всего математическая.

— Вы разве не были знакомы с трудами Анри Пуанкаре[37]? — прервал Ван Мяо рассказ Вэя.

— В то время нет. Я понимаю, что математик просто обязан знать труды титанов вроде Пуанкаре, но я не преклонялся перед великими мастерами и не собирался становиться одним из них, поэтому не изучал его работ. Но даже если бы и изучал, все равно не отступился бы от решения задачи трех тел.

По-видимому, все верят, будто Пуанкаре доказал, что задача трех тел не имеет решения; но я считаю, что они ошибаются. Он доказал лишь, что она чувствительна к начальным условиям и

---

[36] Примечания: 36

Как три тела будут двигаться под влиянием взаимного притяжения? — такова традиционная задача классической механики, возникающая в процессе изучения небесной механики. Над ней работали многие ученые, начиная с XVI века. Эйлер, Лагранж, а также наши современники (при помощи компьютеров) нашли решения для частных случаев задачи трех тел. Карл Ф. Зундман доказал существование общего решения в виде бесконечных сходящихся рядов, но ряды сходятся так медленно, что модель практически бесполезна. — *Прим. автора.*

[37] Примечания: 37

Пуанкаре показал, что задача трех тел проявляет чувствительную зависимость от начальных условий, что нынче понимается как характерный признак хаотического поведения. — *Прим. К. Л.*

Чтобы уяснить себе, о чем тут речь, см. статью в Википедии «Эффект бабочки». У некоторых хаотических систем есть такое свойство:

незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия где-нибудь в другом месте и в другое время. В хаотическом мире трудно предсказать, какие вариации возникнут в данное время и в данном месте, ошибки и неопределенность нарастают по экспоненте с течением времени. Эдвард Лоренц (1917–2008) назвал это явление «эффектом бабочки»: бабочка, взмахнувшая крыльями в Айове, может вызвать лавину эффектов, которые могут достигнуть высшей точки в дождливый сезон в Индонезии («эффект бабочки» вызывает и аллюзию к рассказу Р. Брэдбери «И грянул гром», где гибель бабочки в глубоком прошлом изменяет мир очень далекого будущего; также можно увидеть аллюзию к сказке братьев Гримм «Вошка и блошка», где ожог главной героини в итоге приводит к всемирному потопу).

«Небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении... Предсказание становится невозможным» (А. Пуанкаре, по: Хорган, 2001). — *Прим. перев.*

ее нельзя решить с помощью интегрального счисления. Но чувствительность не подразумевает полную неопределенность. Она означает лишь, что решение насчитывает большое количество различных форм. Все, что нужно, — это новый алгоритм.

И тогда я кое-что вспомнил. Вы слышали о методе Монте-Карло? Этот компьютерный алгоритм часто применяют для определения площадей неправильных фигур. Делается это так: компьютерная программа накладывает неправильную фигуру на фигуру, площадь которой известна, например, на круг, и начинает хаотично обстреливать круг с наложенной на него фигурой точками, словно крохотными «мячиками», ни разу не попадая в одно и то же место. После того как сделано достаточно много «выстрелов», соотношение количества «мячиков», попавших внутрь неправильной фигуры, к общему количеству «мячиков», которыми усеяли круг, даст приблизительную площадь неизвестной фигуры. Конечно, чем «мячики» меньше, тем точнее результат.

Хотя метод и прост, он демонстрирует, как грубая сила в ее математическом смысле может одержать верх над тонкой логикой. Это чис-

ленный метод, использующий количество для достижения качества. Такова моя стратегия в отношении задачи трех тел. Я изучаю систему мгновение за мгновением. И в каждый момент времени векторы движения сфер образуют бесконечное количество сочетаний. Каждое из них я рассматриваю как некую форму жизни. Ключевое условие — это установить правила: какие сочетания векторов «здоровые» и «полезные», а какие «губительные» и «вредные». Первые получают преимущество в выживании, последние — наоборот. При дальнейших вычислениях «вредные» комбинации отбрасываются, остаются только «полезные». Конечная выжившая комбинация и есть верное предсказание конфигурации системы в следующий момент времени.

— Эволюционный алгоритм, — заметил Ван.

— Как хорошо, что я догадался позвать тебя! — кивнул ему Ши Цян.

— Да. Только я узнал этот термин гораздо позже. Характерной чертой этого алгоритма является то, что он требует колоссального количества вычислений. Тех компьютерных мощностей, которыми мы располагаем сейчас, для решения задачи трех тел недостаточно.

А тогда, в храме, у меня даже карманного калькулятора не было. Пришлось наведаться в бухгалтерию и попросить чистый гроссбух и карандаш. Я начал строить свою математическую модель на бумаге. Это была очень объемная работа, и не успел я оглянуться, как исписал больше дюжины гроссбухов. Монах-счетовод сердился, но, уступая просьбе настоятеля, снабжал меня бумагой и ручками. Я прятал готовые вычисления под подушкой, а черновики сжигал во дворе, в курильнице для благовоний.

Однажды вечером в мою комнату ворвалась молодая женщина. Впервые в жизни женщина переступила порог моего жилища. В руке она сжимала несколько клочков бумаги, обгоревших по краям, — те самые черновики, что я выбросил.

— Мне сказали, что это ваше. Вы трудитесь над решением задачи трех тел? — Казалось, будто в ее глазах за большими очками полыхает огонь.

Женщина удивила меня, ведь я пользовался неординарным математическим методом и перешагивал через значительную часть расчетов и доказательств. То, что гостья сумела разобраться в предмете исследования по нескольким разрозненным бумажкам, свидетельствовало, что она обладает незаурядным математическим талан-

том и что она, как и я, тоже увлечена задачей трех тел.

О туристах и паломниках я был невысокого мнения. Туристы понятия не имели, на что, собственно, смотрят, только сновали туда-сюда с фотоаппаратами и щелкали все подряд. Паломники отличались от них тем, что одеты были намного беднее и, похоже, находились в состоянии транса. Но эта молодая женщина была не из числа тех или других. Сразу становилось ясно — перед тобой ученый. Позже я узнал, что она прибыла с группой японских туристов.

Не дожидаясь от меня ответа, она продолжила:

— Ваш подход гениален. Мы долго искали метод, позволивший свести сложность задачи трех тел к вычислениям, пусть и массивным. Само собой, требуется очень мощный компьютер.

Я сказал напрямик:

— Даже если бы в нашем распоряжении были все компьютеры мира, их было бы недостаточно.

— Но для исследований вам необходимы соответствующие условия, которых здесь нет. Я смогу предоставить в ваше распоряжение суперкомпьютер. И персональный тоже. Давайте завтра утром уедем отсюда вместе!

Эта молодая женщина, как вы догадались, бы-

ла Шэнь Юйфэй. Немногословная и властная, как и сейчас, тогда она была намного привлекательней... Я, человек по натуре холодный, интересовался женщинами еще меньше, чем тамошние монахи. Но с Шэнь Юйфэй, выпадавшей из общих представлений о женственности, все было по-другому. Меня потянуло к ней. И поскольку мне все равно нечего было делать, я тут же согласился.

В ту ночь я никак не мог уснуть. Наконец, накинул рубашку и вышел во двор. В отдалении, в темном храмовом зале, я увидел Шэнь. Она стояла на коленях перед статуей Будды, держа в руках ароматические палочки, и вся ее фигура лучилась благоговением. Я беззвучно подкрался к дверному проему и услышал, как она шепчет: «Будда, умоляю, помоги Господу моему спастись из моря бед!»

Я подумал, что ослышался. Но тут она повторила:

— Будда, умоляю, помоги Господу моему спастись из моря бед!

В религии я не силен, никогда ею не интересовался, однако эта молитва показалась мне чрезвычайно странной, и у меня вырвалось:

— О чем это вы?

Она не обратила на меня внимания; продолжала сидеть, полуприкрыв глаза и подняв к груди руки с зажатыми в них палочками. Казалось, будто Шэнь следила, как ее молитва с дымом поднимается к Будде. Спустя долгое время она наконец открыла глаза и, повернув голову в мою сторону, сказала, не глядя на меня:

— Идите к себе. Утром рано вставать.

— Этот «Господь», о котором вы упомянули, — буддистское понятие? — спросил я.

— Нет.

— Но тогда...

Она стремительно поднялась и ушла, не ответив, и я больше ни о чем не успел спросить. Я несколько раз повторил про себя ее молитву, и чем дольше я это делал, тем в большее замешательство она приводила меня. В конце концов мне стало страшно. Я побежал к настоятелю.

— Что это значит, когда кто-то взывает к Будде, прося его помочь другому Господу? — спросил я и рассказал о том, чему стал свидетелем.

Настоятель молча смотрел в книгу, которую держал в руке, но, по-видимому, не читал, а размышлял над моими словами. Потом проговорил:

— Будь добр, оставь меня ненадолго. Мне необходимо подумать.

Я сразу же вышел, осознав всю необычность его просьбы. Настоятель был глубоко образованным человеком и, как правило, мог ответить на любой вопрос касательно религии, истории и культуры не задумываясь. Я прождал за дверью примерно столько времени, сколько хватило бы, чтобы выкурить сигарету, когда настоятель позвал меня.

— Думаю, есть только одно возможное объяснение. — Лицо его было мрачно.

— Что? Что это может быть? Разве есть такая религия, богу которой нужно, чтобы его почитатели молились за него другим богам?!

— Ее Господь существует на самом деле.

Ответ настоятеля озадачил меня.

— То есть вы хотите сказать, что... Будды не существует? — ляпнул я и, тут же поняв, как невежливо это прозвучало, принялся извиняться.

Настоятель медленно поднял руку, останавливая меня.

— Я же говорил — мы с тобой не можем рассуждать о буддизме. Существование Будды — это экзистенция, постигнуть которую ты не в состоянии. Но Господь, о котором говорила эта женщина, существует в том смысле, который доступен твоему пониманию. Больше мне нечего

сказать на этот счет. Единственное, что я могу, — это советовать тебе не уезжать с ней.

— Почему?

— Интуиция подсказывает. Просто чувствую, что за ней стоит нечто такое, чего мы с тобой даже не можем себе вообразить.

Я покинул келью настоятеля и пошел через храм в свою каморку. Той ночью светила полная луна. Я взглянул на нее и вздрогнул — она показалась мне странным серебристым оком, изливающим на меня свой холодный жутковатый свет.

На следующий день я уехал с Шэнь, ведь я не мог оставаться в храме всю жизнь. Но я и не думал, что в течение последующих нескольких лет буду жить как в сказке. Шэнь выполнила свое обещание. У меня появился персональный компьютер, я был окружен удобствами. Даже несколько раз уезжал из страны, чтобы поработать на суперкомпьютере, имея его при этом в полном своем распоряжении. У Шэнь куча денег — понятия не имею откуда.

Спустя некоторое время мы поженились — без особой любви и страсти, из соображений удобства. Просто у обоих была работа, которую мы стремились выполнить. Для меня эти годы

пролетели как один день. Моя жизнь шла тихо и размеренно. В доме Шэнь обо мне заботились, мне не нужно было думать ни о еде, ни об одежде, так что я мог полностью сосредоточиться на решении задачи трех тел. В гараже стояла машина, которой я мог пользоваться по своему усмотрению. Шэнь никогда не вмешивалась в мою жизнь; думаю даже, что она не стала бы возражать, если бы я привел в дом другую женщину. Ее занимали только мои исследования, и все, о чем мы говорили изо дня в день, была задача трех тел.

— Вы не знаете, чем еще занималась Шэнь? — спросил Ши Цян.

— Только «Рубежами науки». Она отдавала им все свое время. К нам каждый день приходило множество людей.

— А вас она присоединиться не просила?

— Нет. Она даже никогда не говорила со мной об организации. Мне это было безразлично. Такой уж я человек — мне ни до чего нет дела. Шэнь знает об этом и называет меня лодырем, лишенным всяческих амбиций. Организация — это не для меня, она лишь помешала бы моим исследованиям.

— И что, какой-нибудь прогресс в решении

задачи трех тел есть? — поинтересовался Ван.

— В сравнении с общим состоянием дел в этой области мой прогресс можно было бы даже назвать прорывом. Несколько лет назад Ричард Монтгомери из Калифорнийского университета и Ален Шенсине из парижского Университета Дидро обнаружили еще одно стабильное периодическое решение задачи трех тел[38]. При соответствующих начальных условиях три тела будут следовать друг за другом по стабильной траектории в виде восьмерки. После сообщения Монтгомери и Шенсине все кинулись искать такие стабильные конфигурации, и каждое открытие встречалось ликованием. До сих пор их найдено только три или четыре.

Но мой эволюционный алгоритм открыл уже больше ста таких конфигураций! Если их зарисовать, из рисунков можно было бы составить целую галерею модернистской живописи. Но моя цель не в нахождении решения для частных случаев. Истинное решение задачи трех тел заключается в том, чтобы построить такую математическую модель, которая при любых

---

[38] Примечания: 38

См.: Alain Chenciner and Richard Montgomery, «A remarkable periodic solution of the three-body problem in the case of equal masses», *Annals of Mathematics*, 152 (2000), (881–901). — *Прим. К. Л.*

начальных условиях могла бы прогнозировать дальнейшее движение тел в системе. Того же самого жаждет и Шэнь Юйфэй.

Но вчера моя мирная жизнь кончилась.

— Это и есть преступление, о котором вы хотите заявить? — спросил Ши Цян.

— Да. Вчера позвонил какой-то человек и сказал, что, если я не прекращу исследования, мне конец.

— Кто это был?

— Не знаю.

— С какого номера он звонил?

— Не знаю. Мой телефон не определил.

— Еще какие-нибудь существенные детали?

— Я ничего больше не знаю.

Да Ши заржал и ткнул окурком в пепельницу.

— Ну и ну! Вы тут трындели целую вечность, а под конец выясняется, что все, что у вас есть, — это одна телефонная фраза да несколько «не знаю»!

— Если бы я не зашел издалека, разве бы вы поняли истинное значение этого звонка? К тому же, ограничься все только им одним, я не пошел бы к вам. Помните — я же ленив до одури. Но случилось еще кое-что. Глухой ночью, не помню вчера или сегодня, я лежал в постели и уже на-

чал засыпать, но вдруг почувствовал, как что-то холодное коснулось моего лица. Я открыл глаза и увидел Шэнь Юйфэй. Я чуть не умер от страха!

— И что такого страшного в том, чтобы увидеть среди ночи лицо собственной жены?

— У нее был такой взгляд, какого я в жизни не видел! На ее лицо падал свет от фонаря за окном, и она показалась мне призраком. В руке у нее был пистолет. Она приставила дуло к моему лбу и прошипела, чтобы я продолжал работать над задачей трех тел, иначе она убьет меня.

— Хм, а вот это уже интересно! — Да Ши удовлетворенно кивнул и прикурил очередную сигарету.

— Интересно?! Слушайте, мне же больше некуда идти! Вот я и пришел к вам.

— Повторите дословно, что она сказала.

— Она сказала: «Если тебе удастся решить задачу, ты станешь спасителем мира. Если прекратишь сейчас работу — грешником. Если бы кому-то было дано спасти или уничтожить человеческую расу, то твое возможное благодеяние или грех были бы вдвое больше, чем у него».

Да Ши выдохнул густой клуб дыма и пронзил Вэй Чэна таким взглядом, что тот поежился. Капитан выудил из хаоса на своем столе блокнот

и ручку.

— Вы хотели, чтобы мы делали заметки, да? Тогда повторите все, что только что сказали.

Вэй повторил.

— Ее высказывание действительно очень странно, — проговорил Ван. — Что она имела в виду под «вдвое тяжелее»?

Вэй моргнул.

— Должно быть, это все очень серьезно. Когда я пришел сюда, дежурный сразу сказал, что мне надо к вам, капитан. Похоже, вы уже начали приглядываться к нам с Шэнь?

Да Ши опять кивнул.

— Ответьте мне вот на какой вопрос: как вы думаете, пистолет, которым вам угрожала жена, существовал на самом деле? — Увидев, что Вэй не знает, что ответить, он добавил: — Вы ощущали запах смазки?

— Да, определенно!

— Угу. — Да Ши, все это время сидевший на столе, спрыгнул на пол. — Наконец у нас есть зацепка! Незаконное владение оружием — достаточный повод для обыска. Оформление бумаг оставим до завтра, сейчас не до этого. Действовать надо немедленно!

Он повернулся к Вану:

— Отдыхать некогда. Придется тебе потрудиться еще, мне нужен твой совет. — Затем обратился к Сюй Бинбин, которая за все это время не проронила ни слова: — Бинбин, сейчас у меня только двое помощников на дежурстве — чертовски мало! Знаю, народ из Отдела информационной безопасности не привык к оперативной работе, но мне нужно, чтобы ты пошла с нами.

Сюй кивнула, явно обрадовавшись возможности убраться из задымленного кабинета.

* * *

Помимо Да Ши и Сюй команда оперативников, отправившихся на обыск, состояла из Ван Мяо, Вэй Чэна и двух упомянутых служащих уголовного розыска. Все шестеро разместились в двух полицейских автомобилях и понеслись в предрассветных сумерках к элитному поселку на окраине.

Сюй с Ваном расположились на заднем сиденье. Не успела машина тронуться с места, как Сюй прошептала:

— Профессор Ван, ваша репутация в «Трех телах» очень высока.

Кто-то упомянул о «Трех телах» в реальном мире! Ван встревожился и обрадовался. Он сразу

ощутил душевное родство с женщиной в полицейской форме.

— Вы играете?!

— В мои обязанности входят мониторинг и трекинг. Нудная работа.

Ван с нетерпением воскликнул:

— Расскажите мне об игре! Пожалуйста! Мне так хочется узнать побольше!

В тусклом свете, проникающем сквозь окно автомобиля, Ван разглядел на лице Сюй загадочную улыбку.

— Да мы и сами не прочь бы узнать побольше! К сожалению, все игровые серверы находятся за границей, система и файрвол очень надежные и тяжело поддаются взлому. Нам известно очень немногое, но в одном мы уверены: она организована не ради прибыли. Качество программного обеспечения чрезвычайно высокое, количество содержащейся информации выходит за обычные рамки. Она даже не выглядит игрой!

— А вам ничто в ней не кажется... — Ван запнулся, ища подходящее слово, — ...*сверхъестественным*?

Эта ночь была полна для Вана странных совпадений: не успел он победить в таинственной игре, как его тут же вызвали обсуждать задачу

трех тел с Вэй Чэном; а теперь Сюй говорит ему, что занимается мониторингом игры. Что-то здесь неладно!

— Да вроде нет... В создании игры принимали участие многие разработчики со всех концов света. Метод сотрудничества похож на обычный, с открытым исходным кодом, вроде тех, что используются в системе Линукс. Правда, средства разработки самые передовые. Что же до содержания игры... В нем действительно ощущается нечто сверхъестественное, как вы сказали. Однако мы пока руководствуемся знаменитым правилом капитана Ши: все это дело человеческих рук. Наши попытки отслеживания довольно эффективны, и результаты не заставят себя ждать.

Молодая женщина не была искусной лгуньей — из ее последней фразы следовало, что ей известно гораздо больше, чем она говорит.

— Так его правило теперь «знаменитое»? — Ван взглянул на Да Ши, громоздящегося в водительском кресле.

Когда они подъехали к дому Вэя, солнце еще не встало. Примерно в это же время суток Ван застал Шэнь играющей в «Три тела». Окно на втором этаже светилось, но остальные были темны.

Ван вылез из машины и услышал, как на вто-

ром этаже что-то несколько раз стукнуло в стену. Да Ши, выскочивший из автомобиля раньше, рванулся вперед. Одним пинком распахнув калитку, он помчался через палисадник с неожиданным для его массивной фигуры проворством. Трое его коллег не отставали.

Ван с Вэем последовали за всеми в дом. Они взбежали по лестнице, ворвались в освещенную комнату — и из-под их подошв полетели брызги. Весь пол был залит кровью. Посередине комнаты лежала Шэнь; кровь еще сочилась из двух огнестрельных ран в ее груди. Третья пуля прошила левую бровь, и все лицо женщины превратилось в алую маску. Рядом в багровой луже валялся пистолет.

Да Ши и еще один полицейский бросились в темную комнату напротив. Окно в ней было открыто, и Ван услышал, как на улице завелся автомобиль. Коллега Да Ши принялся звонить по телефону. Сюй Бинбин держалась чуть в стороне, с опаской наблюдая за происходящим. Должно быть, она, как и Ван, никогда раньше не видела подобной картины.

Через несколько секунд Да Ши вернулся. Сунув пистолет в кобуру, он бросил полицейскому с телефоном:

— Черный «Фольксваген Сантана», в нем только один человек. Номер я не разглядел. Скажи, чтобы заблокировали все выезды на пятое кольцо. Вот дерьмо! Этому типу, скорее всего, удастся сбежать.

Да Ши осмотрелся и увидел отверстия от пуль в стене. Взглянув на рассыпанные по полу гильзы, он добавил:

— Подозреваемый выстрелил пять раз, три пули попали в женщину. Она стреляла дважды, оба раза промазала. — Ши и второй полицейский присели на корточки, чтобы внимательнее осмотреть тело. Сюй, держась все так же позади, украдкой поглядывала на Вэя, стоявшего рядом. Да Ши поднял на него глаза.

На лице Вэя можно было заметить след потрясения и намек на скорбь, но именно лишь след и намек — лицо его сохраняло свое обычное деревянное выражение. Математик вел себя намного спокойнее Вана.

— Похоже, вам это все до фонаря, — сказал ему Да Ши. — А ведь, по-видимому, это *вас* собирались убить!

Вэй криво улыбнулся.

— А что я-то могу поделать? Даже сейчас я фактически ничего не знаю о своей жене. Сколько

раз говорил ей, чтобы жила потихоньку, не высовывалась! Настоятель, пожалуй, был прав... Но... А, да ладно...

Да Ши выпрямился и, подойдя к Вэю, встал напротив него. Затем вытащил сигарету и прикурил.

— Думаю, вы рассказали нам не все.

— Мне попросту было лень.

— В таком случае советую вам сейчас немного потрудиться!

Вэй несколько мгновений раздумывал, затем произнес:

— Сегодня... нет, вчера после обеда она ругалась в гостиной с одним человеком, с Пань Ханем — известным защитником окружающей среды. Они и раньше, бывало, устраивали разборки, все время по-японски, наверно, чтобы я не понял. Но вчера им, по-видимому, было наплевать, и они ругались по-китайски. Ну я и услышал кое-что.

— Что именно? И постарайтесь поточнее.

— Ладно. Пань Хань сказал: «Хоть на первый взгляд нас и можно принять за соратников, на самом деле мы лютые враги!» Шэнь ответила: «Да, вы пытаетесь использовать мощь Господа нашего во вред человеческой расе!» Пань сказал: «В общем, вы понимаете правильно. Мы желаем,

чтобы Господь явился в этот мир и покарал тех, кто уже давно этого заслуживает. Однако вы стараетесь помешать его приходу! Вот почему мы не можем с вами примириться. Если вы не прекратите, мы найдем способ вас остановить!» Шэнь сказала: «Со стороны Командующего было недальновидно позволить вам присоединиться к организации!» Пань сказал: «Если уж мы об этом заговорили — вы можете определить, на чьей стороне Командующий? Адвентистов или редемпционистов[39]? Чего хочет Командующий — уничтожения человечества или его спасения?» Шэнь умолкла на некоторое время, а потом они продолжили спорить, но уже не так громко; больше я ничего не разобрал.

— А как звучал голос того человека, что угрожал вам по телефону?

— Вы имеете в виду, не был ли это Пань Хань? Не знаю. Он разговаривал шепотом, я не узнал голос.

Подъехало еще несколько полицейских машин с воющими сиренами. Группа полицейских в белых перчатках и с фотоаппаратами поднялась на второй этаж. Дом загудел — такая здесь воца-

---

[39] Примечания: 39

От латинских слов *adventus* — «пришествие» и *redimere* — «искупать», «избавлять», а также «улучшать». — *Прим. перев.*

рилась бурная деятельность. Да Ши велел Вану идти домой и отдыхать.

Но Ван вместо этого отправился в комнату с компьютером, где нашел Вэя.

— Вы не могли бы изложить мне общие принципы вашего эволюционного алгоритма? — попросил Ван. — Мне бы хотелось... кое-кого познакомить с ним. Понимаю, это весьма неожиданная просьба. Но если нельзя, то не надо.

Вэй достал какой-то CD и протянул его Вану:

— Все здесь — и модель, и дополнительные материалы. Сделайте одолжение, опубликуйте под собственным именем. Вы очень меня обяжете.

— Что вы, что вы! Разве можно!

— Профессор Ван, я обратил на вас внимание, еще когда вы в первый раз пришли в этот дом. Вы хороший человек, человек с развитым чувством ответственности. — Вэй указал на диск в руке Вана. — Именно поэтому я и советовал бы вам держаться от всего этого подальше. Мир накануне больших перемен. Самое лучшее в этих обстоятельствах — постараться прожить остаток своих дней в мире и покое. Заботьтесь только об этом, на остальное наплюйте, оно все равно яйца выеденного не стоит.

— Кажется, вам известно гораздо больше, чем

вы рассказали.

— Я общался с Шэнь ежедневно. Волей-неволей начнешь кое о чем догадываться.

— Так почему же вы не расскажете полиции?

Вэй презрительно улыбнулся.

— Полиция бессильна. Даже если бы сам Бог был здесь, человечеству это не помогло бы. Люди достигли рубежа, за которым никто не услышит их молитв.

Вэй стоял у окна, выходящего на восток. Небо за отдаленными силуэтами городских небоскребов посветлело. Почему-то эта картина напомнила Вану те странные рассветы, с которых начиналась каждая игра.

— Сказать правду, у меня тоже неспокойно на душе, — признался Вэй. — Последние несколько ночей я не спал. Каждое утро при виде восхода мне кажется, что это закат. — Вэй повернулся к Вану, долго молчал, а потом добавил: — А все потому, что Бог, или Господь, о котором говорила Шэнь, больше не может защитить даже себя самого.

Глава 17. Три тела: Ньютон, фон Нейман, первый император и сизигия[40] трех солнц

На втором уровне «Трех тел» начало игры мало чем отличалось от первого: все тот же странный холодный рассвет, та же колоссальная пирамида. Только на этот раз пирамида снова была в египетском стиле.

Послышался звон металла о металл. Звук еще больше подчеркнул тишину зябкого утра. Ван поискал глазами его источник и увидел у подножия пирамиды две темные фигуры. В тусклом свете сумерек между ними что-то посверкивало — шел поединок на шпагах.

Когда глаза приспособились, Ван смог рассмотреть фигуры получше. Судя по форме пирамиды, действие разворачивалось на Востоке (вернее, в его «трехтельной» версии), но дерущиеся носили европейскую одежду XVI–XVII веков. Тот, что пониже ростом, пригнулся, уклоняясь от шпаги,

---

[40] Примечания: 40

Сизигия (от др.-греч. *сизигос* — «сопряжение», «соединение») — термин, обозначающий расположение трех небесных тел на одной прямой, обычно применяемый в астрономии и астрологии. Пример сизигии — новолуние. — *Прим. перев.*

и его серебристый парик свалился на землю. Последовало еще несколько выпадов и парирований, а потом из-за угла пирамиды показался третий человек и побежал к дуэлянтам. Видимо, он собирался разнять их, но клинки, со свистом рассекающие воздух, не подпустили его близко.

Он крикнул:

— Остановитесь! У вас что, нет дел поважнее? Где ваше чувство ответственности? Если у цивилизации нет будущего, то какое значение имеет ничтожная толика славы, из-за которой вы деретесь?!

Дуэлянты, не обращая внимания на миротворца, продолжали махать шпагами. Тот, что был повыше, вскрикнул от боли, шпага его со звоном упала на землю. Он повернулся и побежал, держась за раненую руку. Второй сделал пару шагов вдогонку, остановился и плюнул вслед проигравшему.

— Ни стыда ни совести! — воскликнул он и наклонился за париком. Выпрямившись и увидев Вана, он махнул в сторону убежавшего и добавил: — Набрался наглости утверждать, что это он изобрел математический анализ! — Человек напялил парик на голову и церемонно раскланялся перед Ваном: — Исаак Ньютон, к вашим услугам!

— Проигравший, должно быть, Лейбниц? — осведомился Ван.

— Именно. Негодяй! Вообще-то, мне не особо-то и нужен этот мелкий осколок славы. Три закона механики уже сделали меня самой значительной личностью в этом мире после Господа Бога. Все — от движения планет до деления клетки — подчиняется трем великим законам. А теперь, имея такой мощный инструмент, как математический анализ, мы рассчитаем орбиты наших трех солнц — это лишь вопрос времени.

— Не так-то все просто, — возразил человек, пытавшийся остановить дуэль. — Вы не задумывались, какое количество вычислений потребуется? Я видел ваши дифференциальные уравнения и не думаю, что для нашей задачи имеется аналитическое решение, — только численное. И все же вычислений понадобится столько, что если засадить за эту работу всех математиков мира и заставить их трудиться беспрерывно, то они ее до конца света не решат. Конечно, если мы не научимся рассчитывать траектории солнц в ближайшее же время, то конец света наступит гораздо скорее, чем мы ожидаем. — Он тоже поклонился Вану, но на более современный манер.

— Фон Нейман[41].

— А разве вы не затем затащили нас так далеко на Восток, чтобы решить эти уравнения? — осведомился Ньютон и обратился к Вану: — С нами плыли Норберт Винер и этот дегенерат, который удрал. У Мадагаскара на нас напали пираты. Винер вступил с ними в бой, чтобы мы, остальные, могли спастись, а сам погиб смертью храбрых.

— Но зачем понадобилось ехать в такую даль, чтобы построить компьютер? — спросил Ван у фон Неймана.

Фон Нейман с Ньютоном в недоумении переглянулись.

— Компьютер? Машина для вычислений? А разве такое существует?!

— Вы не знаете о существовании компьютеров? А как же вы собирались справиться со всем этим огромным количеством вычислений?

---

[41] Примечания: 41

Джон фон Нейман (28 декабря 1903, Будапешт — 8 февраля 1957, Вашингтон) — американский математик еврейского происхождения, сделавший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику, экономику и другие отрасли науки.

Наиболее известен как человек, с именем которого (спорно) связывают архитектуру большинства современных компьютеров (так называемая архитектура фон Неймана) и применение теории операторов к квантовой механике (алгебра фон Неймана), а также как участник Манхэттенского проекта и создатель теории игр и концепции клеточных автоматов. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

Фон Нейман смотрел на Вана во все глаза, словно задавался вопросом, все ли у собеседника в порядке с головой.

— С помощью людей, конечно. Что в мире, кроме людей, способно производить вычисления?

— Но вы же только что сами сказали, что всех математиков мира будет недостаточно!

— Мы и не собираемся использовать математиков. Вместо них будут обычные люди. Но их нужно очень много — по меньшей мере, тридцать миллионов. Мы применим к математике грубую силу, бросимся на нее в массированную атаку!

— Обычные люди? Тридцать миллионов? — ошеломленно повторил Ван. — Но, насколько мне помнится, в эту эпоху девяносто процентов населения не знало грамоты! А вы хотите найти тридцать миллионов человек, разбирающихся в математическом анализе?!

— Вы не слышали анекдота про армию Сычуани? — Фон Нейман вытащил толстую сигару, откусил кончик, прикурил. — Солдаты, люди совершенно необразованные, во время муштры не могли справиться даже с самыми простыми командами типа «левой-правой». Командир нашел решение: велел каждому солдату обмотать левую ногу соломой, а правую — тряпкой. И когда

они начали маршировать, он кричал им... — Тут фон Нейман заговорил с сычуаньским акцентом: — «Солома — тряпка, солома — тряпка!» Вот таких солдат нам и надо. Только нам надо тридцать миллионов.

Услышав этот современный анекдот[42], Ван понял, что его собеседник — не программа, а реальный человек, скорее всего, китаец.

— Такую огромную армию трудно даже себе вообразить, — сказал Ван, качая головой.

— Поэтому мы и приехали к Цинь Шихуанди, Первому Императору[43]. — Ньютон указал на пирамиду.

— Он все еще у власти?

Ван оглянулся вокруг. Стражники, охранявшие вход в пирамиду, и правда были одеты в простые кожаные латы и держали в руках алебарды в стиле «цзи», популярном в эпоху династии Цинь. Анахронизмы и мешанина исторических элементов в «Трех телах» его больше не удивляли.

— И он будет властвовать над всем миром,

---

[42] Примечания: 42

Так написано у автора. Вообще-то анекдот про сено-солому давно обзавелся очень солидной бородой и популярен не только у китайцев. — *Прим. перев.*

[43] Примечания: 43

Тем, кто не знаком с личностью Цинь Шихуанди, настоятельно рекомендуем ознакомиться. — *Прим. перев.*

потому что его армия, насчитывающая больше тридцати миллионов человек, готовится к походу на Европу. Ну что ж, пойдем, познакомимся с императором! — Фон Нейман повернулся к Ньютону: — Бросьте шпагу!

Тот повиновался.

Все трое вошли в пирамиду. Пройдя по тоннелю, они собрались было ступить в Большой зал, но тут один из стражников потребовал, чтобы путники сняли с себя всю одежду. Ньютон взвился:

— Мы знаменитые ученые! Люди нашего ранга не носят тайного оружия!

Ситуация сложилась патовая. И в этот момент в глубине зала прозвучал глубокий мужской голос:

— Это тот чужестранец, что открыл три закона движения? Впустите его вместе со спутниками.

Они вошли в зал. Первый Император расхаживал взад-вперед, подол его мантии и знаменитый длинный меч волочились по полу. Когда Цинь Шихуанди повернулся к гостям, Ван увидел его глаза — они были точь-в-точь как у царя Чжоу из дома Шан и у папы Григория.

— Цель вашего визита мне известна. Вы из Европы. А почему вы не обратились к Цезарю?

Его империя велика. Уж он-то смог бы найти для вас тридцать миллионов солдат!

— О почтеннейший император, разве вы не знаете, во что превратилась его армия? Не знаете, в каком упадке его империя? Даже река, текущая через величественный Вечный город Рим, загрязнена до крайности. И знаете чем?

— Отходами военного производства?

— Нет, великий император — блевотиной римлян после их чересчур изобильных пиршеств. Перед началом пира под столы заранее ставят носилки. Когда патриции объедятся до такой степени, что не могут пошевелиться, слуги относят их домой. Вся империя погрязла в трясине излишеств, и вырваться из нее она не в состоянии. Даже если бы Цезарь и смог собрать тридцать миллионов человек, у них отсутствовали бы силы и качества, требующиеся для нашей великой задачи.

— Мне об этом известно, — сказал Цинь Шихуанди. — Но Цезарь сейчас реорганизовывает и вдыхает новую жизнь в свою армию. Познания жителей Запада внушают трепет. Вы не умнее людей Востока, но вы умеете прозревать верный путь. Например, Коперник установил, что солнц три, а ты, Ньютон, вывел свои три закона. Очень

впечатляющие достижения. Здесь, на Востоке, пока что нет ничего, равного им. У меня не хватит сил для завоевания Европы. Мои корабли недостаточно хороши, а линии снабжения по суше долго не продержатся.

Фон Нейман не упустил момент:

— Именно поэтому ваша империя должна продолжить свое развитие, великий император! Если вы выявите траектории движения солнц, то сможете полнее использовать Эры Порядка и сводить к минимуму вред, наносимый Эрами Хаоса. И тогда ваш прогресс пойдет намного быстрее, чем в Европе. Верьте нам, мы люди науки. До тех пор пока мы, опираясь на три закона механики и пользуясь математическим анализом, сможем вычислять орбиты солнц, нам безразлично, кто властвует над миром!

— Ты прав, мне необходимо иметь точные предсказания о перемещении светил. Но если вы хотите, чтобы я собрал для вас тридцать миллионов человек, вы обязаны по меньшей мере показать мне, как будут производиться ваши вычисления.

Фон Нейман воодушевился:

— Ваше императорское величество, дайте мне троих солдат, и я все вам продемонстрирую!

— Троих? Только троих? Я запросто могу дать тебе три тысячи! — Цинь Шихуанди бросил на фон Неймана недоверчивый взгляд.

— Ваше императорское величество, вы только что сами отметили изъян в восточном образе мышления по сравнению с западным. Вы пока еще не осознали, что даже самые сложные во Вселенной вещи составлены из простейших элементов. Мне нужны всего трое.

Цинь Шихуанди взмахнул рукой, и вперед выступили трое солдат — все очень молодые. Как и прочие воины Первого Императора, они двигались, словно автоматы, послушные приказанию.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказал фон Нейман и похлопал двоих из них по плечу. — Вы будете отвечать за входной сигнал, поэтому я буду называть вас Вход 1 и Вход 2. А ты, — он ткнул пальцем в третьего солдата, — будешь отвечать за выходной сигнал, поэтому твое имя Выход. — Он показал, как им стать. — Образуйте треугольник. Вот так. Выход в вершине. Входы 1 и 2 — в основании.

— Сказал бы просто: станьте как при атаке клином! — проговорил Цинь Шихуанди, смерив фон Неймана презрительным взглядом.

Ньютон достал шесть флажков: три белых и

три черных. Фон Нейман вручил их солдатам — каждому по два флажка разного цвета.

— Белый — это 0, черный — 1. Хорошо. А теперь слушайте меня внимательно. Выход, повернись кругом, лицом ко Входам. Если оба они поднимают черные флажки, ты тоже поднимаешь черный. При любых других сочетаниях ты поднимаешь белый.

— Я считаю, вам следовало бы использовать какие-то другие цвета, — сказал Цинь Шихуанди. — Белый означает капитуляцию.

Возбужденный фон Нейман не обратил на императора внимания. Он начал выкрикивать солдатам команды:

— Приступить к операции! Входы 1 и 2, вы можете поднять флажки, какие пожелаете. Уразумели? Хорошо. Поднять флажки! Отлично. Поднять еще раз! Поднять!

Вход 1 и Вход 2 подняли флажки три раза. В первый раз черный/черный, во второй — белый/черный, в третий — черный/белый. Выход реагировал правильно и поднял один раз черный флажок и два раза белый.

— Прекрасно! Ваше императорское величество, ваши солдаты очень сообразительны.

— Да на это любой идиот способен! Растолкуй

мне, что они, собственно, делают? — Вид у Цинь Шихуанди был озадаченный.

— Эти три солдата составляют логический элемент — своего рода вентиль. Мы называем его элементом «И». — Фон Нейман сделал паузу, чтобы император осмыслил информацию.

— Пока не впечатляет, — безразлично заметил Цинь Шихуанди. — Продолжай.

Фон Нейман снова повернулся к солдатам:

— А сейчас образуем другой элемент. Выход, если ты увидишь, что один из Входов поднял черный флаг, ты поднимаешь черный. Существуют три сочетания, при которых это будет верно: черный/черный, белый/черный, черный/белый. Когда будет белый/белый, ты поднимаешь белый флаг. Понял? Молодец, умный малый. Ты ключ к правильной работе вентиля. Трудись, и император вознаградит тебя! Приступим к операции. Поднять флаги! Отлично, поднять опять! Великолепно! Ваше императорское величество, данный компонент называется вентилем «ИЛИ».

Затем фон Нейман превратил тех же троих солдат в логический элемент «И-НЕ», затем в «ИЛИ-НЕ», в «исключающее ИЛИ», «исключающее ИЛИ-НЕ» и вентиль в высокоимпедансном состоянии. Под конец, задействовав только дво-

их солдат, он создал простейший из элементов — вентиль «НЕ», иначе называемый инвертором: Выход всегда поднимает флаг противоположного цвета, чем поднятый Входом.

Фон Нейман поклонился императору.

— Теперь, ваше императорское величество, вам были продемонстрированы все логические элементы. Просто, не правда ли? Достаточно часовой тренировки, и любая тройка солдат овладеет нужным навыком.

— И что, больше им ничего не надо учить? — не поверил Цинь Шихуанди.

— Больше ничего. Мы образуем десять миллионов таких вентилей и сведем все компоненты в единую систему. Она будет способна произвести нужные нам расчеты и решить дифференциальные уравнения, прогнозирующие движение солнц. Как же нам назвать это устройство... э-э...

— Компьютер, — подсказал Ван.

— А, здорово! — Фон Нейман поднял вверх оттопыренные большие пальцы. — Компьютер! Великолепное название[44]! Вся система — громадная машина, самая сложная машина

[44] Примечания: 44

Для тех, кто случайно позабыл: *computare* по-латыни буквально означает «составлять вместе», другие значения — «выявлять», «подводить итог», «высчитывать». — *Прим. перев.*

в истории!

* * *

Время игры ускорилось. Прошло три месяца.

Цинь Шихуанди, Ньютон, фон Нейман и Ван стояли на вершине пирамиды. Платформа, заполненная множеством астрономических приборов (некоторые современного европейского вида), походила на ту, где Ван встретился с Мо-цзы. Отсюда открывалось величественное зрелище: внизу на равнине расположилась армия Цинь в тридцать миллионов человек. Вся она уместилась в квадрате со стороной в шесть километров. Всходило солнце. Армия стояла неподвижно, похожая на гигантскую мозаику из миллионов терракотовых воинов. Однако стайка птиц, вздумавшая пролететь над головами солдат, мгновенно почувствовала исходящую от них смертельную угрозу и в панике унеслась прочь.

Ван немного посчитал в уме и поразился: если все население Земли собрать в одну такую фалангу, как эта, оно уместилось бы в границах шанхайского района Хуанпу. Несмотря на всю мощь собравшегося у подножия пирамиды войска, это зрелище наглядно показывало, как хрупка человеческая цивилизация.

Фон Нейман сказал:

— Великий император, ваша армия воистину не имеет себе равных. Мы смогли осуществить столь сложную подготовку в столь краткий срок!

Цинь Шихуанди положил ладонь на рукоять своего длинного меча.

— Хотя общее целое сложно, задача каждого воина очень проста. По сравнению с муштрой, которую им пришлось выдержать, готовясь противостоять македонской фаланге, это сущие пустяки!

— К тому же, — добавил Ньютон, — Бог благословил нас двумя Эрами Порядка подряд!

— Мое войско продолжает учения и в Эру Хаоса. Оно завершит расчеты в любых условиях! — Император смотрел на своих солдат с гордостью.

— В таком случае, ваше императорское величество, извольте отдать приказ! — Голос фон Неймана дрожал от нетерпения.

Цинь Шихуанди кивнул. К нему подскочил стражник, ухватился за рукоять длинного меча и сделал шаг назад. Длина клинка не позволяла императору самому извлечь его из ножен. Стражник преклонил колена и вручил оружие его хозяину. Цинь Шихуанди воздел меч к небу и провозгласил:

— Построиться в компьютер!

Тотчас из четырех громадных бронзовых жаровен в углах платформы взметнулись столбы ревущего пламени. Строй солдат, расположившийся на наклонной стене пирамиды, обращенной к войску, прокричал в унисон:

— Построиться в компьютер!

Войско внизу, на земле, ожило, задвигалось, заиграло цветами. Стали возникать сложные конфигурации цепей, которыми постепенно заполнился весь строй. Прошло десять минут — и войско превратилось в вычислительное устройство площадью в тридцать шесть квадратных километров.

Фон Нейман, указывая на гигантский человеческий компьютер у подножия пирамиды, приступил к объяснениям:

— Ваше императорское величество, этот компьютер мы назвали Qin[45] I. Взгляните: посередине центральный процессор. Это ядро вычислительных элементов, образованное из пяти ваших лучших дивизий. Сверяясь вот с этой схемой, вы сможете определить местонахождение сумматоров, регистров и стековой памяти.

---

[45] Примечания: 45

Произносится «Цинь». — *Прим. перев.*

Область вокруг с регулярно повторяющимся рисунком — ОЗУ, или оперативная память. Формируя этот компонент, мы обнаружили, что у нас не хватает солдат. К счастью, задачи, выполняемые каждым элементом этого отдела компьютера, крайне просты, поэтому мы обучили солдат работать с несколькими флагами разных цветов. Теперь один солдат выполняет работу, для которой раньше требовалось двадцать. Это позволило нам получить достаточно памяти для функционирования операционной системы Qin 1.0. Обратите также внимание на свободный коридор, идущий через весь строй, и ожидающую в нем легкую кавалерию. Это системная шина, ответственная за передачу информации между компонентами системы.

Шинная архитектура — великое изобретение. К основной операционной шине можно быстро подключить дополнительные программные модули, задействовав до десяти дивизий! Это позволяет легко расширять и совершенствовать аппаратное обеспечение Qin I. А теперь посмотрите сюда — возможно, для этого вам понадобится подзорная труба — здесь внешнее хранилище, которое мы, по предложению Коперника, называем «жесткий диск». Оно составлено из трех милли-

онов наиболее образованных солдат. Я слышал, что, объединив Китай, вы похоронили живьем сотни ученых. Какое счастье, что вы тогда пощадили *этих* людей! Каждый из них снабжен пером и бумагой для записи результатов. Конечно, их основная задача — служить виртуальной памятью и фиксировать промежуточные результаты вычислений. Жесткий диск — это бутылочное горлышко, фактор, ограничивающий скорость вычислений. И, наконец, ближайшая к нам область — это дисплей, показывающий наиболее важные параметры работы компьютера в режиме реального времени.

Фон Нейман с Ньютоном поднесли к императору громадный свиток высотой в рост человека и развернули его. Сердце Вана екнуло: он вспомнил легенду об убийце, спрятавшем кинжал в свиток, который он затем развернул перед императором. Но в этом свитке никакого кинжала не оказалось. Перед зрителями простерся огромный лист бумаги, сплошь исписанный символами размером с мушиную головку. Символов было так много, что в глазах рябило — так же как и при взгляде на живой компьютер внизу.

— Ваше императорское величество, это разработанная нами операционная система Qin 1.0. Под

ее управлением будет выполняться программа для расчетов. Там, внизу, — фон Нейман указал на живой компьютер, — аппаратное обеспечение. То, что вы видите здесь, на бумаге, — программное обеспечение. Отношение между аппаратным и программным обеспечением то же, что между цитрой гуцинь[46] и нотами, написанными на бумаге.

Фон Нейман с Ньютоном развернули еще один свиток, такой же громадный.

— Ваше императорское величество, а это программа, использующая численные методы для решения упомянутых дифференциальных уравнений. Мы введем сюда векторы движения солнц, полученные путем астрономических наблюдений в определенный момент времени; программа вычислит последующие перемещения светил, и тогда у нас будет прогноз для любого момента времени в будущем. Наша первая серия расчетов определит все позиции солнц на следующие два года. Временной шаг между каждым набором выходных данных — сто двадцать часов.

---

[46] Примечания: 46

Гуцинь, также называемый «цисяньцинь» (от кит. *Ци* — «семь», *сянь* — «струны», *цинь* — «~струнный инструмент~»), — китайский семиструнный щипковый музыкальный инструмент, разновидность цитры. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

Цинь Шихуанди кивнул.

— Хорошо. Приступайте.

Фон Нейман поднял обе руки над головой и торжественно провозгласил:

— По приказу великого императора включить компьютер! Приступить к встроенному тестированию!

Шеренга солдат, выстроившаяся посередине наклонной стены пирамиды, повторила команду при помощи флагов. В ту же секунду материнская плата из тридцати миллионов человек стала похожа на озеро, играющее яркими бликами в солнечный день. Взвивались и опускались миллионы флажков. На «дисплее», самом близком к пирамиде блоке, возникла и начала медленно удлиняться полоска зеленых флажков, показывающая прогресс тестирования в процентах. Через десять минут полоска дошла до конца.

— Встроенное тестирование окончено! Переходим к загрузке! Загрузить операционную систему!

По главной шине, проходящей через весь строй, полетела легкая кавалерия. Главная шина превратилась в бурную реку. Река разделилась на множество протоков, пронизывающих все модульные подразделения. Вскоре рябь черных и

белых флажков слилась в единые волны, которые принялись перекатываться по всей материнской плате. Особенно бурлил центральный процессор — словно в него насыпали порох и подожгли.

И вдруг движение в процессоре стало утихать и постепенно остановилось, словно порох вдруг выгорел. Затишье разошлось от процессора кругами по всем направлениям. Это было похоже на то, как замерзает море. Наконец вся материнская плата замерла, только несколько разрозненных элементов иногда безжизненно помаргивали, замкнувшись в бесконечном цикле. Центр дисплея замигал красным.

— Система зависла! — выкрикнул офицер-сигнальщик. Вскоре определили причину остановки: один из вентилей в регистре состояния процессора дал сбой.

— Перезагрузить систему! — уверенно скомандовал фон Нейман.

— Подождите! — Ньютон остановил офицера-сигнальщика и обратился к Цинь Шихуанди с коварной усмешкой на лице: — Ваше императорское величество, чтобы улучшить стабильность системы, надлежало бы принять корректировочные меры в отношении дефектных компонентов...

Цинь Шихуанди сжал свой меч и приказал:

— Заменить испортившийся компонент и отрубить головы всем его составляющим! На будущее запомните: при любом сбое будут приниматься те же меры!

Фон Нейман взглянул на Ньютона с отвращением. Несколько всадников с мечами наголо рванулись внутрь строя. После того как засбоивший компонент «отремонтировали», была вновь дана команда перезагрузить систему. На этот раз операция прошла без сучка без задоринки. Двадцать минут спустя впервые в истории «Трех тел» живой человеческий компьютер, основанный на архитектуре фон Неймана, приступил к работе под управлением операционной системы Qin 1.0.

— Запустить программу расчета солнечных орбит «Три тела 1.0»! — во все горло проорал Ньютон. — Загрузить главный вычислительный модуль! Загрузить модуль дифференциального счисления! Загрузить модуль анализа методом конечных элементов! Загрузить модуль спектрального метода! Ввести начальные условия и... начать расчеты!

Материнская плата засверкала, на дисплее появились индикаторы всех цветов радуги. Живой компьютер приступил к долгим вычислениям.

— Это действительно интересно, — сказал Цинь Шихуанди, указывая на впечатляющее красочное зрелище. — Поведение каждого индивида так просто, и все же все вместе они составляют такое сложное целое! Европейцы называют меня тираном, обвиняя в том, что я якобы подавляю порыв к творчеству. Но в действительности огромное количество людей, спаянных в единое целое и подчиняющихся суровой дисциплине, в состоянии произвести на свет великую мудрость!

— Государь, никакая это не мудрость. Всего лишь тупая механическая работа. Каждый из этих простецов сам по себе нуль, ничтожество. И только когда такой человек, как вы, встает во главе масс, целое проявляет свой глубинный смысл! — Ньютон льстиво улыбнулся.

— Отвратительная философия! — воскликнул фон Нейман, бросив на Ньютона неприязненный взгляд. — Если в конце концов окажется, что результаты, полученные на основе твоей теории и по твоей математической модели, не соответствуют действительности, тогда мы с тобой даже на нуль не потянем!

— Абсолютно верно. В этом случае вы превратитесь в ничто! — изрек Цинь Шихуанди, повернулся и покинул сцену.

* * *

Темп игры ускорился. Человеческий компьютер работал год и четыре месяца. Если вычесть время, затраченное на отладку программ, сами расчеты заняли примерно год и два месяца. В течение этого времени работу два раза приходилось прерывать из-за невыносимых погодных условий Эр Хаоса. Но перед каждым выключением компьютер сохранял данные и потом успешно возобновлял расчеты после перезапуска. К тому моменту, когда Цинь Шихуанди и европейские ученые снова взошли на пирамиду, первый этап вычислений завершился. Было получено точное описание траекторий, по которым светила будут двигаться следующие два года.

Рассвет был холодным. Факелы, освещавшие компьютер ночью, погасили. По завершении последних вычислений Qin I вошел в режим ожидания. Бурные волны, захлестывавшие материнскую плату, сменились легкой рябью.

Фон Нейман и Ньютон представили Цинь Шихуанди свиток с результатами вычислений. Ньютон принялся разъяснять:

— Великий Первый Император, эти расчеты были закончены трое суток назад. Мы ждали до

сегодняшнего дня, чтобы рассказать вам об этом, потому что, согласно результатам наших вычислений, долгая ночь вот-вот завершится и мы встретим первый рассвет Эры Порядка, которая продлится целый год. Судя по параметрам орбит, климат будет необычайно мягким и приятным. Да возродится ваша империя к новой жизни! Соизвольте отдать приказ о регидрации.

— Никто в моей империи не дегидрировал с того самого момента, когда мы затеяли всю эту возню, — раздраженно сказал Цинь Шихуанди, выхватывая свиток. — Я бросил все ресурсы на поддержание работы компьютера, у нас уже никаких припасов не осталось! Бесчисленное множество народу умерло от голода, холода и зноя! — Император махнул свитком вдаль. В тусклых утренних сумерках виднелись десятки светлых полос, разбегающихся от краев материнской платы и исчезающих за горизонтом. Это были дороги, по которым сюда со всех концов империи подвозили довольствие.

— Ваше императорское величество, вы скоро убедитесь в том, что жертвы были не напрасны, — заверил фон Нейман. — После того как мы вычислим траектории движения солнц, развитие империи Цинь пойдет семимильными шагами,

и она станет во много раз более могущественной, чем раньше!

— Согласно расчетам, до восхода осталось несколько мгновений. Великий Первый Император, приготовьтесь: наступает час вашего триумфа!

Словно в ответ на слова Ньютона, над горизонтом показался край красного солнца. Пирамида и живой компьютер озарились мягким светом. По материнской плате пронеслась волна ликования.

К наблюдателям спешил какой-то человек. Он бежал так быстро, что совсем запыхался. Это был императорский министр астрономии.

— Ваше величество, в вычисления вкралась ошибка! На нас надвигается беда! — воскликнул он, упав на колени.

— Что ты там бормочешь? — Ньютон пнул министра, не дожидаясь даже, когда заговорит император. — Не видишь, что ли: солнце встает именно в тот момент, который был предсказан нашими расчетами?!

— Но... — Министр чуть приподнялся и одной рукой указал на солнце. — Сколько солнц вы видите?

Все озадаченно уставились на восходящее

светило.

— Министр, вы же получили отличное западное образование, защитили докторскую при Кембриджском университете! — укорил фон Нейман. — Уж считать-то вы наверняка умеете! Конечно же, там только одно солнце. И температура воздуха очень даже приятная!

— Нет! — прокричал министр. По его щеками текли слезы. — Там их три! Два других прячутся за первым!

Все снова уставились на солнце с тем же недоумением.

— Императорская обсерватория подтвердила, что в данный момент мы являемся свидетелями чрезвычайно редкого феномена — сизигии трех солнц. Все три звезды находятся на одной прямой, двигаясь вокруг нашей планеты с одной и той же угловой скоростью! Три солнца и планета выстроились в один ряд, причем планета — на конце.

Ньютон схватил министра за воротник:

— Ты уверен, что вы не ошиблись?

— Абсолютно уверен! Наблюдения проводились в императорской обсерватории западными астрономами, среди которых были Кеплер и Гершель. Они пользовались самым большим телескопом в мире, привезенным из Европы.

Ньютон отпустил воротник министра и выпрямился. Сэр Исаак был бледен, однако при этом лицо его выражало самую что ни на есть искреннюю радость. Он сложил ладони перед грудью, словно в молитве, и сказал Цинь Шихуанди:

— О величайший из великих, небеса посылают вам самый большой знак своего благорасположения! Ибо теперь, когда все три солнца вращаются вокруг планеты, ваша империя стала центром мироздания! Такова божественная награда за все наши усилия. Позвольте мне еще раз проверить вычисления. Я докажу, что я прав!

И пока все стояли как громом пораженные, Ньютон улизнул. Позднее выяснилось, что сэр Исаак украл лошадь и скрылся в неизвестном направлении.

В этой наполненной страхом тишине вдруг раздался голос Вана:

— Ваше императорское величество, извольте обнажить свой меч!

— Это еще зачем? — Цинь Шихуанди недоуменно нахмурился, но все же подозвал солдата, и тот вытащил меч из ножен.

— Пожалуйста, государь, попробуйте замахнуться!

Цинь Шихуанди описал мечом широкую дугу.

Недоумение на его лице сменилось изумлением.

— Почему он такой легкий?!

— Наши V-костюмы не могут имитировать ощущение пониженной гравитации, не то мы почувствовали бы, что и сами стали легче.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — Вон там, внизу! Взгляните на лошадей! И на людей тоже!

Все обратили глаза вниз и увидели у подножия пирамиды кавалерийскую колонну. Лошади, казалось, плыли по воздуху, лишь изредка касаясь земли копытами. А вот и бегущие люди: сделав шаг, человек пролетал десяток метров, а потом медленно и плавно опускал стопу на землю. Один из солдат на вершине пирамиды попытался подпрыгнуть и легко улетел ввысь метра на три.

— Да что происходит?! — рявкнул Цинь Шихуанди, глядя, как солдат медленно опускается на платформу.

— Государь, три солнца выстроились над планетой в прямую линию, а значит, их гравитационные силы сложились вместе... — попытался объяснить министр астрономии, но обнаружил, что его собственные ноги оторвались от земли и он теперь парит над полом горизонтально. Другие тоже висели в воздухе под разными углами. Как не умеющие плавать купальщики, полезшие

в воду, они неуклюже молотили руками и ногами, пытаясь придать себе вертикальное положение, но вместо этого только налетали друг на друга.

По площадке, которую они только что покинули, разошлась паутина трещин. Они быстро расширялись, а потом раздался грохот, взметнулась пыль, и пирамида начала рассыпаться. Каменные монолиты, из которых она состояла, медленно закружились в воздухе. Ван увидел внизу Большой зал — тот тоже распадался на куски. Громадный котел, в котором когда-то варился Фу Си, и железный шест, к которому некогда привязали самого Вана, плавали в воздухе.

Солнце поднялось до середины небосвода. Все, что парило вокруг — люди, громадные каменные блоки, астрономические приборы, бронзовые котлы, — устремилось вверх, сначала медленно, потом все быстрее. Ван взглянул на живой компьютер внизу и увидел нечто кошмарное: тридцать миллионов человек, еще недавно образовывавших вычислительное устройство, оторвались от земли и поднимались вверх, словно скопище насекомых, которое втягивает в себя пылесос. На земле остались следы цепей материнской платы. Запутанные, сложные контуры, видимые только с большой высоты, станут в

отдаленном будущем археологической загадкой, над которой поломают головы представители следующей цивилизации «Трех тел».

Ван задрал голову вверх. Небо было затянуто странного вида облаками, состоящими из пыли, камней, людей и всякой всячины. А над облаками сияло солнце. Вдали Ван видел длинные горные хребты, тоже поднимающиеся в небо. Горы были кристально прозрачны, они, сверкая, меняли форму, потому что это были не горы, а океаны, улетавшие в космос.

Все, что было на поверхности мира «Трех тел», устремилось к солнцу.

Ван видел фон Неймана и Цинь Шихуанди — те плыли между небом и землей, и фон Нейман что-то кричал императору, но ни одного звука до ушей Вана не доносилось. Вместо них появились субтитры:

> «Я понял! Электронные элементы! Вот из чего надо делать логические схемы и объединять в компьютер! Такой компьютер будет во много раз быстрее, а места займет куда меньше. По моим прикидкам, для него хватит небольшого дома... Ваше императорское величество, вы ме-

ня слушаете?»

Цинь Шихуанди замахнулся на фон Неймана своим длинным мечом. Математик оттолкнулся от пролетавшего мимо булыжника и увернулся от удара. Меч чиркнул по камню, полетели искры, и клинок разлетелся на две половинки. А в следующий момент этот камень врезался в другой; Цинь Шихуанди раздавило двумя столкнувшимися глыбами. Полетело каменное крошево, во все стороны брызнули ошметки плоти и кровь. Ван содрогнулся.

Однако грохота столкновений он не слышал. Все происходило в полной тишине. Атмосфера улетучилась, а вместе с ней исчезли и звуки. Кровь бесчисленных парящих в воздухе мертвецов закипала в вакууме, их внутренние органы выворачивались наружу, и тела превращались в причудливой формы комья, окруженные облачками кристаллов из замерзших телесных жидкостей. Небо почернело. Плавающие в безвоздушном пространстве останки мира «Трех тел» отражали солнечный свет, и в космосе повисло сверкающее, будто звезды, облако. А потом оно взвихрилось, закрутилось и по гигантской спирали понеслось к месту последнего упокоения

— к солнцу.

Светило начало менять форму. Ван понял, что видит два других солнца, выглядывающих из-за первого. Ему показалось, что это сама Вселенная уставила на него свое пылающее око.

На фоне солнц появилась надпись:

> Цивилизация № 184 погибла от суммарной гравитации трех солнц, образовавшейся при их сизигии. В своем развитии она вступила в эпоху научно-промышленной революции.
>
> При этой цивилизации Ньютон разработал нерелятивистскую классическую механику. Одновременно благодаря изобретению математического анализа и Неймановой компьютерной архитектуры был заложен фундамент численного решения задачи трех тел.
>
> Минуют века, жизнь возродится, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

* * *

Не успел Ван выйти из игры, как зазвонил

телефон. Незнакомый мужской голос, явно принадлежащий человеку с большой харизмой, сказал:

— Здравствуйте! Первым делом позвольте вас поблагодарить за то, что зарегистрировали свой настоящий номер. Я системный администратор игры «Три тела».

Ван обрадовался и одновременно испугался.

— Будьте добры, назовите ваш возраст, образование, место работы и должность. Вы не заполнили эти поля, когда регистрировались.

— А разве это важно для игры?

— Достигнув данного уровня, вы обязаны дать запрашиваемую информацию. При отказе «Три тела» исключат вас из числа участников навсегда.

Ван правдиво ответил на вопросы админа.

— Очень хорошо, профессор Ван. Вы удовлетворяете условиям, необходимым для продолжения игры.

— Благодарю. Могу ли я задать вам несколько вопросов?

— Нет. Но завтра вечером состоится встреча участников игры. Добро пожаловать на наше собрание!

И админ назвал адрес.

Глава 18. Встреча

Встреча участников игры проходила в маленькой кофейне, спрятавшейся в тихом переулке. Вану подобные мероприятия всегда представлялись шумными и многолюдными, но в кафе сейчас собралось лишь семь человек, включая его самого. Как и Ван, никто не походил на фаната компьютерных игр. Только двое были относительно молоды; трое других, среди них одна женщина, были людьми среднего возраста. Последнему, пожилому, было за шестьдесят, а то и все семьдесят.

Ван ожидал, что, когда все соберутся, начнется оживленное обсуждение «Трех тел», но ошибся. Глубокое, необычное содержание игры действовало на психику ее участников. Ни у кого из присутствующих, в том числе и Вана, не хватало духу начать дискуссию. Они только коротко представились друг другу. Старик вынул изысканную трубку, набил ее табаком, закурил и принялся бродить по помещению, любуясь картинами на стенах. Остальные сидели молча, ожидая, когда прибудет организатор встречи. Оказывается, все заявились слишком рано.

Собственно, двоих Ван знал. Старик был знаменитым научным деятелем, сделавшим себе имя на объединении традиционной восточной философии с понятиями современной науки. Странно одетая женщина была известной писательницей и принадлежала к числу тех редких романистов, которые пишут в авангардистском стиле и у которых при этом много читателей. Ее книги можно было начинать с любой страницы.

Один из мужчин среднего возраста, вице-президент самой крупной в Китае компании по производству компьютерных программ, был одет просто и непритязательно, так что о его статусе трудно было догадаться; другой входил в правление Государственной энергетической корпорации. Из двух молодых людей один был популярным репортером, другой — докторантом в области естественных наук. Вану подумалось, что, наверно, и другие участники игры тоже принадлежат к социальной элите.

Вскоре появился организатор встречи. При виде его сердце Вана бешено забилось: им оказался Пань Хань, первый подозреваемый в деле об убийстве Шэнь Юйфэй. Ван улучил момент, когда никто на него не смотрел, вынул телефон и стал набирать Ши Цяну сообщение.

— Ха-ха, да вы ранние пташки! — Пань Хань приветствовал собравшихся в непринужденной манере, как будто ничего не случилось. В СМИ он обычно выступал растрепанный, одетый неряшливо, словно бродяга, но сегодня на нем были тщательно отутюженный костюм и начищенные туфли. — Именно такими я вас себе и представлял! «Три тела» предназначены для людей вашего класса, потому что простонародье не оценит ни смысла ее, ни настроя. Чтобы играть в эту игру, нужны знания и понимание, которыми обычные люди не обладают.

Ван отослал сообщение, гласившее: «Вышел на Пань Ханя. Кофейня Юньхэ в округе Сичэн».

Пань тем временем продолжал:

— Каждый из собравшихся здесь — великолепный игрок в «Три тела». У вас наилучшие результаты, и вы увлечены игрой. Уверен, «Три тела» уже стали существенной частью вашей жизни!

— Это одна из причин, почему я продолжаю жить, — промолвил молодой докторант.

— А я наткнулся на игру нечаянно на компьютере своего внука, — проговорил старый философ, приподняв трубку. — Юноша бросил ее после нескольких попыток, сказал — «слиш-

ком заумная». Я нашел ее странной, ужасной и... прекрасной. Столько информации, скрытой под кажущейся простотой!

Несколько человек, в их числе и Ван, закивали головами.

От Да Ши пришел ответ: «Мы тоже видим его. Не беспокойся. Продолжай. Разыгрывай из себя перед ними фаната, но смотри не переусердствуй».

— Да, — согласилась писательница и тоже кивнула. — Мне нравится литературная составляющая «Трех тел». Подъем и падение двухсот трех цивилизаций — это грандиозно! Эпично! Ново!

Она упомянула 203 цивилизации, но Вану известны были только 184. Это означало, что игра прогрессировала для каждого игрока в отдельности, независимо от других, а возможно, даже разворачивалась в разных мирах.

— Мне до чертиков надоел реальный мир, — сказал молодой репортер. — «Три тела» — это моя вторая реальность.

— Правда? — заинтересованно спросил Пань.

— И для меня тоже, — произнес вице-президент. — По сравнению с «Тремя телами» реальность выглядит такой убогой и вульгарной!

— Жаль, что это всего лишь игра... — вздохнул

член правления энергетической корпорации.

— Прекрасно! — сказал Пань. Ван заметил, что глаза его засветились воодушевлением.

— У меня вопрос, — проговорил Ван. — Думаю, ответ на него желал бы услышать каждый из нас.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Но все равно — спрашивайте.

— «Три тела» — это только игра?

Остальные закивали. Вопрос явно был на уме у всех.

Пань встал и торжественно произнес:

— Мир «Трех тел» — Трисолярис — реально существует.

— Где?! — в унисон спросили несколько игроков.

Пань по очереди вгляделся в каждого из собравшихся, потом сел и проговорил:

— На некоторые вопросы я могу ответить. На другие нет. Но если вам суждено связать судьбу с Трисолярисом, однажды вы получите ответы на все свои вопросы.

— Скажите... игра действительно отображает Трисолярис таким, каков он есть? — спросил журналист.

— Для начала: трисоляриане действитель-

но способны к дегидрации. Чтобы выжить в непредсказуемых природных условиях, зачастую несовместимых с жизнью, они умеют полностью избавляться от воды в своих телах и превращаться в сухую волокнистую оболочку.

— Как выглядят трисоляриане?

Пань покачал головой.

— Не знаю. Я в самом деле не знаю. В каждом новом цикле они выглядят по-другому. Однако игра истинно отображает один аспект, действительно существовавший на Трисолярисе: живой компьютер.

— Ха! А я-то думал, что он как раз самый нереалистичный! — высказался вице-президент. — Я провел тест на более чем сотне своих служащих. Даже если бы идея сама по себе сработала, человеческий компьютер наверняка оперировал бы так медленно, что быстрее считать вручную.

Пань улыбнулся загадочной улыбкой.

— Вы правы. Но представьте себе, что каждый из тридцати миллионов солдат, составлявших компьютер, способен поднимать и опускать флажки сто тысяч раз в секунду. И предположите, что легкая кавалерия в главной шине может скакать со скоростью, в несколько раз превышающей скорость звука, или даже еще быстрее.

Тогда результат получится совсем другой!

Вы только что спросили, как выглядят трисоляриане. Судя по некоторым признакам, тела трисоляриан, составляющих компьютер, имели гладкую отражающую поверхность, что, по-видимому, произошло в процессе эволюции как ответ на выживание в условиях мощного солнечного излучения. Зеркальной поверхности можно было придать любую форму, и трисоляриане общались между собой, фокусируя свет при помощи собственного тела. Такая световая речь передавала информацию чрезвычайно быстро, чем и воспользовались при создании живого компьютера. Конечно, даже при этом он был крайне малоэффективен, но все же мог производить вычисления, которые было бы очень трудно сделать вручную. Да, это правда — компьютер на Трисолярисе впервые появился в виде живого образования и только потом в виде механического и электронного устройств.

Пань встал и принялся прохаживаться за спинами игроков.

— «Три тела» заимствует у человечества внешние атрибуты и историю для моделирования развития Трисоляриса. Это сделано для того, чтобы игроки чувствовали себя в привычной

обстановке. Реальный Трисолярис очень отличается от мира в игре, но три солнца существуют в реальности. Они — основа мироздания Трисоляриса.

— Должно быть, разработка этой игры потребовала огромных затрат, как денег, так и усилий, — заметил вице-президент. — Но игра явно создана не с коммерческой целью.

— Цель у «Трех тел» одна, простая и ясная: собирать вокруг себя людей, исповедующих общие идеалы, — сказал Пань.

— И какие же идеалы могут быть общими у нас? — Ван тут же пожалел, что задал этот вопрос. Кажется, он прозвучал весьма недружелюбно.

Пань пристально оглядел слушателей, а потом тихо проговорил:

— Какие чувства возникли бы у вас при известии, что цивилизация Трисоляриса готова вступить в наш мир?

Воцарилась тишина.

Первым ее нарушил молодой репортер:

— Я бы обрадовался. После всего увиденного в последние годы я утратил веру в человечество. Оно не способно к самосовершенствованию, и нам необходимо вмешательство извне.

— Согласна! — воскликнула писательница. Она

пришла в такое возбуждение, как будто наконец нашла выход давно сдерживаемым эмоциям. — Человечество омерзительно! Я провела первую половину своей жизни, препарируя его уродство скальпелем литературы, но теперь меня уже воротит от хирургии. Я жажду, чтобы цивилизация трисоляриан привнесла настоящую красоту в этот мир!

Пань ничего не сказал, и лишь в глазах его вновь вспыхнула искра воодушевления.

Старый философ взмахнул погасшей трубкой и с серьезным видом произнес:

— Давайте подойдем к вопросу с более глубоких позиций. Итак, каково ваше впечатление от ацтеков?

— Мрак и кровь, — ответила писательница. — Залитые кровью пирамиды в пламени зловещих костров, пробивающемся сквозь чащу темного леса. Вот какое у меня впечатление.

Философ кивнул.

— Очень образно. А теперь попробуйте ответить на следующий вопрос: если бы не испанские конкистадоры, какое влияние эта цивилизация оказала бы на мировую историю?

— Вы называете черное белым, а белое черным, — сказал вице-президент. — Конкистадоры,

вторгнувшиеся на американский континент, были не кем иным, как убийцами и грабителями!

— Даже если это так, они, во всяком случае, помешали дальнейшему развитию ацтеков и превращению обеих Америк в великую империю мрака и крови. Иначе американская цивилизация сильно отличалась бы от той, которую мы знаем, и эпоха демократии для нее, да и для всего человечества не наступила бы позднее или вообще не наступила бы. Вот и ключ к вопросу: чем бы ни являлись трисоляриане, их прибытие в наш мир — хорошая новость для смертельно больного человечества.

— Но приняли ли вы во внимание тот факт, что европейские завоеватели полностью разрушили цивилизацию ацтеков?! — воскликнул член правления энергетической компании. Он оглянулся вокруг так, будто увидел собравшихся в первый раз. — Ваши рассуждения очень опасны!

— Вы хотите сказать глубоки! — воскликнул докторант, воздевая палец и энергично кивая философу. — У меня были те же мысли, но я не знал, как их выразить. А вы так хорошо сказали!

На мгновение повисла тишина, а потом Пань обратился к Вану:

— Все игроки, кроме вас, выразили свое мне-

ние. А вы что скажете?

— Я думаю так же, как они, — ответил Ван, указывая на репортера и философа. Углубляться в тему он не стал. «Чем меньше слов, тем лучше».

— Очень хорошо, — заключил Пань. Он повернулся к вице-президенту и члену правления: — Ваше дальнейшее присутствие здесь нежелательно, и вам больше не разрешается играть в «Три тела». Ваши ID будут стерты. Будьте добры удалиться. Спасибо.

Оба игрока встали, переглянулись, потом обвели присутствующих озадаченными взглядами и наконец покинули собрание.

Пань пожал руку каждому из оставшейся пятерки по очереди. Потом торжественно сказал:

— Мы теперь соратники.

Глава 19. Три тела: Эйнштейн, Монумент Трисоляриса и Великий Разрыв

Когда Ван в пятый раз вошел в мир «Трех тел», как обычно, был рассвет, но картина изменилась до неузнаваемости.

Великая пирамида, стоявшая здесь первые четыре раза, была разрушена во время сизигии трех солнц. На ее месте возвышалось теперь современное высотное здание, чей темно-серый силуэт был хорошо знаком Вану, — штаб-квартира Организации Объединенных Наций.

В отдалении виднелось множество других высоких построек — по-видимому, дегидратории. Поверхности их были зеркально гладкими. В утреннем свете они представлялись вырастающими из-под земли гигантскими друзами кристаллов.

Ван услышал звуки скрипки. Моцарт. Игру нельзя было назвать искусной, но она обладала неким шармом, словно музыкант говорил: «Я играю для себя». Скрипач, бездомный старый бродяга, сидел на ступенях штаб-квартиры ООН. Ветер играл его пышной серебристой шевелю-

рой. У ног бродяги стоял потертый цилиндр с несколькими мелкими монетками на донышке.

И тут Ван заметил светило. Но оно поднималось не с той стороны, где была заря, и небо вокруг него оставалось совершенно темным.

Солнце было очень большим — половина взошедшего диска занимала треть горизонта. Сердце Вана забилось быстрее: такое огромное солнце означало очередную грандиозную катастрофу. Однако, повернувшись, он увидел, что старик продолжает играть как ни в чем не бывало. Его серебристые волосы сияли на солнце, словно охваченные пламенем.

Солнце тоже было серебристым, как волосы старого скрипача, и изливало на землю бледный свет, но совсем никакого тепла. Ван присмотрелся к нему — солнце к этому времени полностью поднялось над горизонтом. Поверхность гигантского серебряного диска местами напоминала древесную кору. Это были горные хребты.

Ван понял, что диск не светится сам по себе, а лишь отражает лучи настоящего солнца, пока еще скрытого за горизонтом по другую сторону небосвода. Серебристое светило оказалось не солнцем, а огромной луной. Луна всходила быстро — ее движение можно было уловить нево-

оруженным глазом. По пути она превратилась из полной в полумесяц, затем в тонкий серпик. В холодном утреннем воздухе звучало пение скрипки. Величественная картина мироздания была словно музыка, ставшая материальной. Ван был очарован.

Гигантский серп погрузился в зарю и засиял еще сильнее. Когда из-за горизонта стали видны только два сверкающих кончика, Ван представил себе, что это концы рогов титанического быка, несущегося навстречу солнцу.

— Достопочтенный Коперник, присядьте, пусть ваши усталые ноги отдохнут, — проговорил старик, когда луна зашла. — Вы насладитесь Моцартом, а у меня тогда наберется денежек на обед.

— Если я не ошибаюсь...

Ван всматривался в лицо собеседника, покрытое морщинами — длинными и плавными, будто они тоже стремились к некой гармонии.

— Не ошибаетесь. Я Эйнштейн, жалкий человечек, полный веры в Бога, пусть и покинутый Им.

— Что это за гигантская луна? В предыдущие разы я ее не видел.

— Остыла уже...

— Что?

— Большая луна. В моем далеком детстве она была еще горячая. Когда она поднималась до середины неба, я мог видеть красное свечение, исходящее от центральных равнин. Но теперь она остыла... Неужели вы не слышали о Великом Разрыве?

— Нет. Что это?

Эйнштейн вздохнул и покачал головой.

— Давайте не будем об этом. Предадим прошлое забвению. Мое прошлое, прошлое цивилизации, прошлое Вселенной... Все эти воспоминания слишком болезненны.

— Что с вами случилось? Как вы дошли до такого? — Ван пошарил в кармане, извлек горстку мелочи, наклонился и высыпал монетки в шляпу.

— Благодарю, господин Коперник. Будем надеяться, что Бог не оставит вас, хотя мне в это что-то не верится. Чует моя душа, что модель, которую вы, Ньютон и другие создали на Востоке с помощью живого компьютера, была очень близка к истине. Один маленький неучтенный фактор — и перед вами с Ньютоном и прочими разверзлась непреодолимая пропасть.

Я всегда верил, что, не будь меня, специальную теорию относительности разработают другие.

Но общая теория относительности — совсем иное дело. Кусочек, которого не хватило Ньютону, — это воздействие, которое оказывает на орбиту планеты гравитационное искривление пространства-времени, описываемое общей теорией относительности. Ошибка крохотная, но для результата вычислений она оказалась фатальной. Взять бы поправку на гравитационные возмущения в пространстве-времени да добавить к классическим дифференциальным уравнениям — вот тогда получилась бы верная математическая модель. Требующиеся для этого вычислительные мощности далеко превосходят то, чего вы достигли на Востоке, но для современных компьютеров это не проблема.

— И астрономические наблюдения подтвердили результаты вычислений?

— Если бы это было так, сидел бы я здесь, по-вашему? Но с эстетической точки зрения должен быть прав я, а не Вселенная! Бог оставил меня, а вслед за Ним и все другие. Я никому не нужен. Из Принстона, где я был профессором, меня уволили. ЮНЕСКО я не нужен даже в качестве советника по науке. Раньше проси они хоть на коленях, я бы отказался от этой должности. Подумывал даже, не податься ли в президенты Израиля, но они там

передумали, сказали, что я попросту мошенник, и все...

Эйнштейн снова заиграл с того места, где остановился. Немного послушав, Ван зашагал к зданию ООН.

— Там никого нет, — сообщил Эйнштейн, не прерывая игры. — Все члены Генеральной Ассамблеи отправились на церемонию открытия Маятника.

Ван обошел здание. За углом открылось зрелище, от которого у него захватило дух: гигантский маятник, казалось, соединял землю с небом. Собственно, Ван и раньше видел его вершину, выглядывающую из-за здания, только не мог понять, что это такое.

Маятник был похож на те, которые возводил Фу Си с целью загипнотизировать бога солнца в эпоху Сражающихся Царств, в самую первую игру Вана. Но этот был полностью модернизирован. Его металлические пилоны могли помериться высотой с Эйфелевой башней. Груз тоже был из металла, с обтекаемой, зеркально-гладкой хромированной поверхностью, и висел на тросе, сделанном из какого-то сверхпрочного материала, такого тонкого, что его почти не было видно, и потому казалось, будто груз парит в воздухе

между двумя башнями.

Маятник окружала толпа людей, одетых в строгие костюмы — должно быть, лидеры разных стран, присутствовавшие на сессии Генеральной Ассамблеи. Они собирались в небольшие группы и негромко переговаривались, словно ожидая чего-то.

— Смотрите, это Коперник — человек, прошедший через пять игровых сессий! — раздался чей-то голос. Присутствующие разразились приветствиями.

— Вы один из тех, кому довелось собственными глазами видеть маятники в эпоху Сражающихся Царств! — сказал какой-то негр, дружески пожимая Вану руку. Кто-то представил его как Генерального секретаря ООН.

— Да, я видел их, — подтвердил Ван. — Но зачем нам еще один?

— Это монумент в честь Трисоляриса, а заодно и надгробный памятник. — Генеральный секретарь взглянул на груз. Отсюда, снизу, он казался размером с подводную лодку.

— Надгробный памятник? Но кому?!

— Стремлениям, борьбе, продолжавшейся в течение почти двухсот цивилизаций. Усилиям решить задачу трех тел, определить траектории

движения наших трех солнц.

— Борьба завершена?

— Да. Целиком и полностью.

Ван, мгновение поколебавшись, достал стопку бумаг — распечатку данных, полученных от Вэй Чэна.

— Я... Я пришел, чтобы передать вот это. Это математическая модель, решение задачи трех тел. У меня есть основания думать, что она сработает.

Не успел Ван произнести эти слова, как толпа потеряла к нему интерес. Люди вернулись к своим группам и прерванным беседам. Генеральный секретарь взял у Вана бумаги и, даже не глянув на них, сунул какому-то хлюпику в очках, стоявшему рядом.

— Мой советник по науке посмотрит их — чисто из уважения к вашей безупречной репутации. Собственно, все здесь присутствующие выказали вам глубокое уважение. Если бы кто-то другой сказал то же, что и вы, над ним бы просто посмеялись.

Советник по науке наскоро пролистал бумаги.

— Эволюционный алгоритм? Коперник, вы гений. Любого, кто додумался до такого алгоритма, можно считать гением. Для этого нужны не только глубокие познания в математике, но и

изрядное воображение.

— Вы хотите сказать, что кто-то другой уже разработал подобную математическую модель?

— Да, и не одну. Десятки других тоже. И больше половины из них совершеннее вашей. Их построили при помощи компьютеров. В течение двух прошедших столетий на массивные вычисления были брошены все силы этого мира. Результатов ждали словно Судного дня.

— И что?

— Мы со всей определенностью доказали, что задача трех тел решения не имеет.

Ван взглянул вверх, на огромный груз Маятника, сияющий в утреннем свете. Его выпуклая зеркальная поверхность отражала окружающее, словно око мира. На этом самом месте, но в давнюю эпоху, отделенную от нынешней многими цивилизациями, возвышался лес гигантских маятников, сквозь который Ван и царь Вэнь прошли на пути ко дворцу царя Чжоу. История описала широкий круг и вернулась к своему началу.

Советник по науке сказал:

— Мы уже давно предположили, что система из трех тел хаотическая, и так оно и оказалось. Малейшие возмущения могут привести к непредсказуемым последствиям. Траектории тел в

системе, по существу, не поддаются математическому прогнозу.

Здание научных представлений Вана пошатнулось. Мысли смешались, в голове воцарился кавардак.

— Но если даже такой простой механизм, как система из трех тел, настолько непредсказуем, как можно питать надежду на познание законов намного более сложной Вселенной?!

— Бог — бесстыдный старый шулер. Он покинул нас!

Это говорил Эйнштейн, размахивая своей скрипкой. Ван не заметил его появления.

Генеральный секретарь ООН медленно наклонил голову.

— Да, Бог играет в кости. Единственная надежда для трисоляриан — сыграть самим.

В этот момент из-за темной стороны горизонта снова начала всходить громадная луна. Ее серебристый лик отразился в зеркальной поверхности груза. Свет странным образом изогнулся, как будто луна и Маятник прониклись друг к другу некоей таинственной симпатией.

— Похоже, эта цивилизация дошла до очень высокой степени развития, — заметил Ван.

— Да. Мы овладели энергией атома и вступили

в информационную эру, — сказал Генеральный секретарь, судя по его виду, не слишком впечатленный собственными словами.

— Тогда есть еще надежда! Даже если движение солнц невозможно предсказать, цивилизация может в своем развитии дойти до такой стадии, когда ей удастся выживать во время разрушительных катастроф Эр Хаоса. Она научится защищаться!

— Когда-то люди думали так же, как вы. Эта надежда побуждала трисолярианскую цивилизацию возрождаться вновь и вновь. Но луна показала нам всю наивность наших упований. — Генеральный секретарь указал на восходящий гигантский спутник. — Наверно, вы видите ее впервые? Собственно говоря, это даже не луна. Поскольку она размером с четверть нашей планеты, правильнее было бы называть ее партнером нашего мира в двойной планетной системе. Таков результат Великого Разрыва.

— Великого Разрыва?

— Так мы называем катастрофу, уничтожившую прошлую цивилизацию. В отличие от всех предыдущих, она получила заблаговременное предупреждение. Судя по сохранившимся историческим записям, астрономы цивилизации

№ 191 рано обнаружили застывшую летящую звезду.

При последних словах сердце Вана сжалось. Застывшая летящая звезда служила для Трисоляриса самым зловещим предзнаменованием. Когда летящая звезда (иначе говоря, отдалившееся солнце) как бы останавливается, замирая на фоне остальных звезд, это означает, что векторы движения солнца и планеты лежат на одной прямой. Возможны три варианта: солнце и планета движутся в одном направлении с одинаковой скоростью; солнце и планета движутся в противоположные стороны друг от друга; солнце и планета движутся навстречу друг другу. До цивилизации № 191 такая ситуация считалась чисто теоретической, подобной катастрофы никогда не случалось. Однако страх перед нею жил в людях всегда, вынуждая их быть все время настороже. Поэтому выражение «застывшая летящая звезда» во многих трисолярианских цивилизациях служило синонимом трагедии. Одинокая летящая звезда, стоящая на одном месте, наводила ужас на всех.

— А потом практически одновременно застыли и две других звезды. Люди цивилизации № 191 стояли и беспомощно смотрели на три застыв-

ших звезды, три солнца, несущихся навстречу их планете. Через несколько дней одна из звезд приблизилась настолько, что стала видна ее газообразная оболочка. Посреди глухой ночи звезда вдруг превратилась в ослепительное солнце. Затем с интервалами примерно в тридцать часов появились и два других светила. Этот день трех солнц был особого рода. К тому моменту, когда последняя летящая звезда стала солнцем, первое светило пронеслось, можно сказать, в двух шагах от планеты. За ним то же самое сделали оба оставшихся, пролетев на еще более близком расстоянии, в границах предела Роша[47], так что приливные силы трех солнц превзошли собственное тяготение Трисоляриса. Прохождение первого солнца вызвало сотрясение в глубинных геологических слоях планеты; при прохождении второго образовалась трещина, дошедшая до самого ядра; третье солнце разорвало планету на две части.

Генеральный секретарь указал на луну:

— Это меньшая часть. На ней сохранились руины цивилизации № 191, но это безжизнен-

[47] Примечания: 47

Предел Роша — расстояние от планеты (звезды) до ее спутника, ближе которого спутник разрушается приливными силами. Первым его рассчитал французский астроном Эдуард Рош в 1847 г. — *Прим. К. Л.*

ный мир. Великий Разрыв — самая страшная катастрофа в истории Трисоляриса. Постепенно под действием собственного тяготения оба осколка приобрели сферическую форму. Плотное, раскаленное вещество ядра вытекло наружу, океаны вскипели, континенты дрейфовали по поверхности магмы, словно айсберги. Когда они сталкивались, земная кора становилась текучей, словно вода. Воздвигались горные массивы, за один час достигали в высоту десятка километров и так же быстро разрушались.

Некоторое время оба осколка соединялись между собой потоками раскаленной лавы, образовавшей что-то вроде текущей в космосе реки. Потом лава остыла и превратилась в кольца вокруг планет. Но кольца были нестабильны; камни, из которых они состояли, начали падать обратно на поверхность. Ливень из огромных камней продолжался несколько столетий... Можете представить себе этот ад? Такой ужасной экологической катастрофы наш мир еще не знал. Жизнь на спутнике исчезла совсем, материнская планета тоже едва не превратилась в пустыню... Но постепенно недра успокоились, и семенам жизни удалось прорасти вновь. В новом океане и на новых континентах эволюция сделала свои

первые неуверенные шаги... Время прошло, и возникла цивилизация — в сто девяносто второй раз. Весь процесс занял девяносто миллионов лет.

Положение Трисоляриса во Вселенной куда более шатко, а судьба гораздо страшнее, чем мы надеялись. Что случится, когда летящие звезды застынут в следующий раз? Скорее всего, наша планета не просто заденет край солнца, а упадет прямо в его пламенное нутро. Вопрос времени, только и всего.

Поначалу эта мысль была лишь наводящей страх гипотезой, но сделанное в последнее время астрономическое наблюдение отняло у нас всякую надежду. Исследователи намеревались восстановить по оставшимся признакам историю формирования звезд и планет в нашей системе. И обнаружили, что в очень далеком прошлом в ней было *двенадцать* планет. Осталась только одна.

Возможно лишь одно объяснение: прочие одиннадцать были поглощены солнцами. Наш мир единственный, выживший в этой Великой Охоте. То, что цивилизации удавалось возрождаться сто девяносто два раза, — чистая удача, если это можно так назвать. К тому же после более пристального изучения мы обнаружили феномен «дыхания» звезд.

— Звезды дышат?!

— Это всего лишь метафора. Вы открыли газообразную оболочку солнц, но вы не знали, что эти оболочки расширяются и сжимаются в течение очень долгих циклов, словно легкие у человека. Расширяясь, оболочка может увеличиться более чем в десять раз. В такую гигантскую ловушку поймать планету гораздо легче. Когда планета проходит на близком расстоянии от звезды, она пронзает ее газообразную оболочку. Трение может замедлить скорость планеты, и тогда она, словно метеор, устремится в пылающее ядро солнца, разворачивая за собой длинный огненный хвост.

Результаты исследований показывают, что за долгую историю трисолярианской звездной системы во время расширений газообразных оболочек поглощались одна-две планеты. Все одиннадцать когда-то существующих здесь планет стали добычей огненных глубин именно тогда, когда газовые оболочки достигали наибольшего диаметра. В настоящий момент эти слои наших светил находятся на стадии сжатия, иначе Трисолярис упал бы в одно из солнц, когда они проходили мимо в последний раз. Но ученые предсказывают, что очередное расширение на-

станет уже через тысячу лет.

— Пора убираться из этого ужасного места! — проговорил Эйнштейн, сидя на корточках, словно старый бродяга.

Генеральный секретарь кивнул.

— Больше нам нельзя здесь оставаться. У трисоляриан теперь только один путь — сыграть в кости со Вселенной.

— В каком смысле? — недоумевал Ван.

— Мы должны покинуть звездную систему Трисоляриса и пуститься в безграничное звездное море. Найти для себя в Галактике новый мир и поселиться в нем.

Послышался скрежет. Ван увидел, как массивный груз подтягивается кверху за тонкий трос, другой конец которого наматывается на приподнятую над землей лебедку. Маятник поднимался, а убывающая луна в небе за ним медленно опускалась...

Генеральный секретарь торжественно провозгласил:

— Пустить Маятник!

Лебедка отпустила трос, и груз бесшумно ринулся вниз, описывая плавную дугу — сначала медленно, потом все быстрее, пока не достиг наибольшей скорости в самой нижней точке дуги.

Маятник рассекал воздух с глубоким вибрирующим звуком, который постепенно становился тише и исчез совсем, когда груз достиг высшей точки с другой стороны. Маятник на мгновение застыл, а затем пошел обратно.

Ван ощущал силу, исходящую от исполинского сооружения. Казалось, будто сама земля содрогается в такт колебаниям гигантского Маятника. В отличие от реального мира, период колебания этого маятника был нестабилен. Это происходило из-за постоянно изменяющегося притяжения огромной луны. Когда луна находилась на этой стороне Трисоляриса, ее тяготение частично компенсировало тяготение планеты, и груз терял вес. Когда луна заходила на другую сторону планеты, взаимное тяготение обоих небесных тел складывалось, и вес груза возрастал почти до величины, которую он имел бы до Великого Разрыва.

Глядя на внушающее священный трепет качание Маятника, Ван задавался вопросом, что олицетворяет собой этот монумент — стремление к порядку или капитуляцию перед хаосом? А еще Вану казалось, что Маятник — это громадный металлический кулак, с неслышным, но неукротимым боевым трисолярианским кличем наносящий бесконечные удары равнодушной

Вселенной...

Сквозь выступившие на глазах слезы Ван Мяо увидел текст, возникший на фоне раскачивающегося Маятника:

> Спустя 451 год цивилизация № 192 была уничтожена в пламени двух солнц, появившихся вместе. В своем развитии она покорила атом и вступила в информационную эпоху.
>
> Цивилизация № 192 стала поворотным пунктом в истории Трисоляриса. Было доказано, что задача трех тел не имеет решения. Трисоляриане отказались от бесплодной борьбы, продолжавшейся в течение 191 цикла, и указали новый путь грядущим цивилизациям. Поэтому цель игры «Три тела» тоже изменилась.
>
> Новая цель: выйти в космос, найти новый дом.
>
> Мы приглашаем вас продолжить игру.

* * *

Вернувшись в реал, Ван почувствовал себя совершенно разбитым — как, впрочем, после каждой предыдущей сессии. Но на этот раз он

позволил себе отдохнуть только полчаса, прежде чем залогиниться снова.

Однако начало этой игры оказалось необычным. На черном как смоль фоне возникла надпись:

> Внимание, срочное сообщение! Серверы «Трех тел» скоро будут отключены. Располагайте оставшимся игровым временем по вашему усмотрению. «Три тела» переходит напрямую к последнему эпизоду.

Глава 20. Три тела: Экспедиция

Холодный рассвет, суровый голый пейзаж. Ни пирамиды, ни здания штаб-квартиры ООН, ни монументального Маятника, лишь темная каменистая пустыня, простирающаяся до самого горизонта — совсем как тогда, когда Ван вошел в игру в первый раз.

Но вскоре он понял, что ошибся. То, что он принял за камни, усеивающие пустыню, оказалось вовсе не камнями, а человеческими головами. Всю равнину запрудила густая толпа.

Стоя на пригорке, Ван смотрел на это людское море и не видел ему конца. По его прикидкам, только в поле зрения насчитывалось несколько сотен миллионов человек. Похоже, здесь собралось все население Трисоляриса.

Молчание всех этих бессчетных масс было настолько необычно, что становилось не по себе. «Чего они все ждут?» — недоумевал Ван. Оглянувшись вокруг, он увидел, что все неотрывно смотрят в звездное небо.

Ван тоже поднял голову. Его глазам открылось ошеломляющее зрелище: звезды построились в квадрат! Однако вскоре Ван разглядел, что

звезды перемещаются на фоне более блеклого и удаленного Млечного Пути. Они находились на стационарной орбите вокруг Трисоляриса.

Самые близкие к восточному горизонту звезды были также самыми яркими — в их серебристом свете предметы на земле отбрасывали тени. Чем дальше от линии рассвета, тем тусклее светились звезды. Ван насчитал более тридцати объектов по каждому краю строя — значит, там было не меньше тысячи звезд. Медленное движение явно искусственной формации на фоне Вселенной излучало торжественную мощь.

Человек, стоявший рядом с Ваном, легонько подтолкнул его локтем и прошептал:

— Ах великий Коперник, ну что ж вы так замешкались? Целых три цивилизации прошло, вы многое пропустили!

— Что это? — спросил Ван, указывая на небо.

— Межзвездный флот Трисоляриса. Экспедиция начинается!

— Уровень развития трисолярианской цивилизации позволяет совершать межзвездные перелеты?!

— Да. Все эти величественные корабли могут развивать скорость до одной десятой скорости света.

— Это потрясающее достижение, насколько я понимаю, однако этого все же недостаточно, чтобы преодолевать расстояния между звездами. Слишком медленно.

— Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага. Главное — найти верную цель.

— И куда же направляется флот?

— К звезде с планетами примерно в четырех световых годах отсюда. Это самая близкая к Трисолярису звезда.

Ван удивился.

— Ближайшая к нам звезда тоже находится примерно в четырех световых годах!

— К кому это — к вам?

— К Земле.

— Ничего удивительного. В большинстве регионов Млечного Пути звезды распределены более-менее равномерно. Это результат взаимной гравитации звездных скоплений. Среднее расстояние между звездами — от трех до шести световых лет.

Громкий ликующий крик вознесся над толпой. Ван взглянул вверх и увидел, как «звезды» в строю разгораются все ярче — это сами корабли испускали свет. Вскоре их сияние затмило зарю, и тысяча звезд стала тысячей маленьких

солнц. Трисолярис купался в великолепном дневном свете; люди воздели руки над головами, и равнина превратилась в бескрайнюю прерию поднятых рук.

Трисоляриански флот торжественно проплыл по небосводу, скользнул мимо только что взошедшей огромной луны, отбросив слабый голубой блик на ее горы и равнины, и начал ускорение.

Ликующие крики умолкли. Трисоляриане, обратив взгляды к западной части неба, безмолвно следили, как улетают вдаль их надежды. Они не узнают, чем закончится этот полет — их жизни на это не хватит, но через четыреста-пятьсот лет потомки получат весть из нового мира. Это будет новое начало для цивилизации Трисоляриса. Ван стоял среди этих людей и тоже молча смотрел, как строй из тысячи звезд превратился в одну звезду, а потом и она исчезла в ночном небе. Затем появилась надпись:

> Так началось путешествие Трисоляриса к новому миру. Флот по-прежнему находится в пути...
>
> Игра окончена. Если вы остаетесь верны данному вами обещанию, то, вернувшись в реальный мир, посетите собрание

Общества «Земля — Трисолярис». Адрес вы найдете в вашей электронной почте.

Часть III. Закат человечества

Глава 21. Отступники

В этот раз собрание было куда более многолюдным, чем последняя встреча игроков в «Три тела». Проходило оно в рабочей столовой при химическом заводе. Собственно, производство перевели в другое место. Помещения, предназначенные под снос, хоть и запущенные, были просторны. Здесь собралось около трех сотен человек, и Ван Мяо заметил много знакомых лиц: известные люди, представители элиты из разных областей общественной жизни, знаменитые ученые, писатели, политики и тому подобное.

Первым, что привлекло к себе внимание Вана, было странное устройство посреди столовой: над металлическим постаментом парили три серебристые сферы, размером чуть меньше шара для боулинга. Должно быть, магнитная левитация, предположил Ван. Сферы двигались по неправильным орбитам, кружась как попало, безо всякого порядка. Это была модель системы трех тел.

Остальные не обращали особого внимания на это художественное воплощение знаменитой задачи. Они сосредоточились на Пань Хане, сто-

явшем на сломанном столе в центре помещения.

— Это ты убил соратницу Шэнь Юйфэй? — спросил кто-то.

— Да, — ответил Пань Хань с полным самообладанием. — Потому что адвентисты внедряют в наши ряды предателей вроде нее, и это в то время, когда Общество «Земля — Трисолярис» стоит на пороге больших испытаний!

— Кто дал тебе право на убийство?

— Я сделал это из долга перед Обществом.

— Из долга? А я считаю, ты всегда руководствуешься злым умыслом!

— Что вы хотите этим сказать?!

— Чего добилась экологическая группа под твоим руководством? Ваша задача — подстраивать экологические бедствия и раздувать вокруг них шумиху, чтобы население возненавидело науку и современную промышленность. А на самом деле ты только использовал технологию и знания Господа нашего ради собственных богатства и славы!

— Вы считаете, что я добивался этой славы для себя самого?! Да в моих глазах все человечество — это куча мусора! Мне плевать, что обо мне думают люди! Но если бы я не стал известной личностью, то как, по-вашему, мне бы тогда удавалось мани-

пулировать общественным мнением?!

— Ты всегда берешься за то, что полегче. С тем, что вы сделали, самые обычные защитники окружающей среды и то справились бы лучше! Они искреннее вас и преданнее служат своему делу. Их нужно только чуть-чуть направлять и тогда можно легко обращать их акции себе на пользу. Ваша же группа была предназначена проводить экологические диверсии, а потом поднимать громкие публичные скандалы. Например, отравлять хранилища питьевой воды или организовывать утечки ядохимикатов с заводов... Вы сделали хоть что-нибудь из этого? Ровным счетом ничего!

— Мы выдвинули множество программ и планов, но Командующий наложил на все вето! Впрочем, такие акции были бы просто глупостью, во всяком случае, вплоть до последнего времени. Группа биологии и медицины однажды вызвала катастрофу путем чрезмерного использования антибиотиков, но это быстро выявили. А необдуманные действия Европейского отделения едва не привлекли внимание к нашему Обществу!

— И кто говорит о привлечении внимания — ты, который только что убил человека!

— Выслушайте меня, соратники! Рано или

поздно это все равно должно было случиться! Наверно, вы уже знаете, что правительства всех стран готовятся к войне. В Европе и Северной Америке уже принимают жесткие меры против нашего Общества. Как только то же самое начнется здесь, редемпционисты, безусловно, пойдут на сотрудничество с правительством. Таким образом, наша первоочередная задача — очистить организацию от редемпционистов!

— Это не тебе решать!

— Конечно, все решает Командующий! Но, соратники, могу сказать вам без обиняков: Командующий — адвентист!

— А вот это твои фантазии! Все знают, какой властью обладает Командующий. Если бы Командующий и вправду был адвентистом, редемпционистов уже давно выбросили бы из Общества!

— А может, Командующему известно что-то, чего мы не знаем. Возможно, для того мы здесь сегодня и собрались.

После этих слов внимание присутствующих перешло с Пань Ханя на кризис, с которым столкнулось Общество. Известный ученый, лауреат премии Тьюринга, взобрался на стол и заговорил:

— Время болтовни кончилось. Соратники, каким будет наш следующий шаг?

— Поднять глобальное восстание!

— Тогда нас всех перебьют!

— Да здравствует дух Трисоляриса! Мы должны продолжать борьбу, как упрямая трава — сколько ее ни жги, она вырастает снова!

— Восстание откроет наконец миру глаза на существование нашего Общества. А поскольку у нас имеется подходящий план действий, то, уверен, нас поддержат многие.

Последнюю реплику произнес Пань Хань, чем снискал аплодисменты публики.

Кто-то выкрикнул:

— Командующий здесь!

Толпа расступилась, образовав проход.

Ван поднял глаза и обомлел. Мир стал черно-белым, и единственным цветным пятном в нем был человек, только что появившийся в зале.

Окруженная телохранителями, в проход между людьми твердой поступью вошла Е Вэньцзе — руководитель подпольного Общества «Земля — Трисолярис».

Она остановилась посередине прохода, подняла костлявый кулак и с решительностью и силой, которых Ван совсем от нее не ожидал,

произнесла:

— Долой тиранию человечества!

Толпа отозвалась так слаженно, что сразу становилось ясно — ответ был отрепетирован несчетное количество раз:

— Мир принадлежит Трисолярису!

— Здравствуйте, соратники! — сказала Е. Голос ее снова стал таким, каким его знал Ван, — добрым и проникновенным. Только теперь он смог поверить, что это на самом деле она. — В последнее время мне нездоровилось, и я не могла видеться с вами чаще. Но сейчас чрезвычайная ситуация, и я знаю, что всем вам очень нелегко, поэтому решила прийти.

— Командующий, вы должны заботиться о своем здоровье, — раздался голос из толпы. В нем звучала искренняя тревога.

Е проговорила:

— Прежде чем мы перейдем к более важным темам, разберемся с одним маленьким вопросом. Пань Хань... — Даже выговаривая его имя, она не отводила глаз от толпы.

— Здесь, Командующий!

Пань Хань выступил вперед — до этого он пытался затеряться в людской массе. Он казался спокойным, но было ясно: в душе его царит страх.

Е не назвала его «соратник», и это было зловещим знаком.

— Ты совершил тяжелое нарушение правил нашей организации. — Е говорила, не глядя на Пань Ханя. Голос ее оставался мягким, как будто она разговаривала с расшалившимся ребенком.

— Командующий, Общество стоит на пороге истребления! Если не принять меры и не вычистить врагов и предателей из наших рядов, мы потеряем все!

Е подняла на Паня горящие глаза. Тот на мгновение перестал дышать.

— Конечная цель и идеал ОЗТ как раз и состоит в том, чтобы потерять все. Все, чем сейчас располагает человечество, включая и нас самих.

— Но тогда вы и правда адвентист! Командующий, прошу вас, объявите об этом открыто, это очень важно! Я прав, соратники? Это очень, очень важно! — воскликнул Пань, широко разведя руки и оглядываясь по сторонам. Но толпа безмолвствовала.

— Ты не имеешь права этого требовать. Ты серьезно нарушил наш этический кодекс. Если хочешь объяснить свое поведение, то делай это сейчас. В противном случае тебе придется нести ответственность. — Е говорила медленно, под-

черкивая каждое слово, будто сомневалась, что отчитываемый ребенок понимает ее.

— Я пошел к Шэнь, чтобы убить Вэй Чэна, этого гения математики. Такое решение принял соратник Эванс, и комитет одобрил его единогласно. Если Вэю удастся создать математическую модель, которая полностью решит задачу трех тел, Господь не придет и великая миссия трисоляриан на Земле не осуществится. А в Шэнь Юйфэй я выстрелил, потому что она выстрелила в меня первой. Это была самооборона!

Е кивнула.

— Хорошо, мы верим тебе. Как бы там ни было, этот вопрос не так уж и важен. Надеюсь, ты впредь не обманешь нашего доверия. А теперь повтори требование, которое ты только что выдвинул передо мной.

Пань на мгновение остолбенел. То, что Е не стала углубляться в вопрос убийства и пошла дальше, кажется, не успокоило его.

— Я... я попросил вас открыто признать, что вы адвентист. В конце концов, вы же разделяете план действий, выдвинутый адвентистами!

— Тогда повтори, в чем состоит этот план.

— Человеческое общество больше не может само справиться со своими проблемами. Оно

также не может рассчитывать на собственные силы в борьбе со своим безумием. Поэтому мы попросили Господа нашего прийти в этот мир, и властвовать над нами, и сделать нас лучше, и создать новую, совершенную человеческую цивилизацию.

— Адвентисты искренне верят в этот план?

— Конечно! Командующий, не слушайте наветов!

— Это вовсе не наветы! — воскликнул какой-то мужчина и протолкался вперед. — Меня зовут Рафаэль, я из Израиля. Три года назад мой четырнадцатилетний сын погиб в аварии. Я отдал его почку палестинской девочке, страдавшей почечной недостаточностью, выразив таким образом надежду, что два народа могут жить вместе мирно. Это идеал, за который я готов был отдать жизнь, и не только я — многие, многие израильтяне и палестинцы искренне стремились к той же цели. Но все напрасно. Наша страна погрязла в трясине бесконечной мести. В конце концов я потерял веру в человечество и присоединился к ОЗТ. Отчаяние превратило меня из пацифиста в экстремиста. А еще — наверно, потому, что я передал в дар Обществу значительную сумму денег, — я стал вхож во внутренние круги

фракции адвентистов. И могу сказать одно: они преследуют собственные тайные цели! Вот ход их рассуждений: люди злы и порочны. Человечество совершило тягчайшие преступления против собственной планеты и должно быть наказано. Конечная цель адвентистов — просить Господа нашего подвергнуть человеческую расу божественному наказанию, стерев ее с лица Земли.

— Реальная программа адвентистов давно уже ни для кого не тайна! — выкрикнул кто-то.

— Но вы не знаете одного: они пришли к этому убеждению не постепенно. Эта цель — мечта всей жизни Майка Эванса, идейного вдохновителя адвентистов — была такой с самого начала. Он лгал Обществу и одурачил всех, включая и Командующего! Эванс всегда преследовал только собственные интересы. Он превратил адвентистов в террористическую организацию, состоящую из фанатичных «зеленых» и безумцев, ненавидящих все человечество.

— Я не сразу узнала об истинных целях Эванса, — сказала Е. — Несмотря ни на что, я пыталась сгладить противоречия между фракциями Общества ради сохранения его единства. Но некоторые акции, предпринятые адвентистами в последнее время, свели все мои усилия на нет.

— Командующий, — проговорил Пань, — адвентисты — это ядро ОЗТ. Без нас движение «Земля — Трисолярис» умрет!

— Это плохое оправдание тому, что вы присвоили себе все средства связи между Господом нашим и Обществом!

— Но ведь это мы построили «Второй Красный берег», значит, нам им и управлять!

— Адвентисты воспользовались своим преимуществом и совершили черное предательство по отношению к организации: вы перехватили сообщения от Господа и передали нам только малую их часть, да и ту извратили! К тому же вы послали Господу со «Второго Красного берега» значительную порцию информации, не спрашивая позволения у Общества!

В зале повисло зловещее молчание. У Вана волосы зашевелились на голове.

Пань не ответил. Его лицо приняло холодное выражение, словно говоря: «Ну вот, наконец это произошло».

— Доказательств измены адвентистов предостаточно. Соратница Шэнь Юйфэй была одним из свидетелей. Хотя она и входила во внутренние круги фракции адвентистов, в душе она оставалась непоколебимым редемпционистом. Вы

обнаружили это совсем недавно. Она слишком много знала. Посылая тебя в ее дом, Эванс хотел, чтобы ты убил двоих, не одного!

Пань оглянулся вокруг, должно быть, оценивая ситуацию. Это не укрылось от Е.

— Ты видишь: большинство собравшихся — члены фракции редемпционистов. Я убеждена, что те несколько адвентистов, которые присутствуют здесь, станут на сторону Общества. Но с такими, как ты и Эванс, мы больше мириться не можем. Чтобы защитить программу и идеалы ОЗТ, нам надо раз и навсегда решить проблему адвентистов.

Снова настало несколько секунд тишины, а затем девушка, телохранитель Е, улыбнулась и небрежной походкой двинулась к Пань Ханю.

Лицо Паня исказилось. Он сунул руку за полу пиджака, но девушка метнулась к нему с невероятной скоростью. Никто не успел глазом моргнуть, как она одной тонкой рукой обхватила шею Паня, вторую наложила на его макушку и с неожиданной силой и профессиональным проворством крутнула голову предателя на 180 градусов. В гробовой тишине хруст сломавшихся позвонков прозвучал неправдоподобно громко.

Девушка тут же отдернула руки, как будто го-

лова Пань Ханя была слишком горяча. Мертвец рухнул, и пистолет, из которого была застрелена Шэнь Юйфэй, упал под стол. Туловище Паня содрогалось, глаза были открыты, язык вывалился изо рта, но голова оставалась неподвижной, как будто никогда не была частью его тела. Несколько мужчин поволокли мертвеца прочь; кровь, текущая изо рта Паня, прочертила по полу длинную дорожку.

— О, Сяо Ван, ты тоже здесь! Как твои дела? — Взгляд Е остановился на Ван Мяо. Она приветливо улыбнулась ему и кивнула, затем обратилась к остальным: — Это профессор Ван, член Китайской академии наук и мой друг. Он занимается наноматериалами. Именно эту технологию Господь наш хочет искоренить на Земле в первую очередь.

Никто не смотрел на Вана, а у него самого не было сил, чтобы что-то сказать. Пытаясь устоять на ногах, он ухватился было за рукав соседа, но тот отдернул руку.

— Сяо Ван, давай-ка я продолжу рассказывать о «Красном береге», хорошо? Остальным соратникам тоже будет интересно послушать. Это не пустая трата времени. В такой исключительный момент полезно вспомнить историю нашей ор-

ганизации.

— «Красный берег»... А разве вы не закончили? — тупо проговорил Ван.

Е медленно приблизилась к модели, завороженно глядя на три кружащихся шара. В разбитое окно заглядывало заходящее солнце, танцующие сферы посверкивали в его лучах, бросая отблески на предводительницу мятежников, подобно тому как летят искры от костра.

— Нет. Я только начала, — тихо сказала Е.

Глава 22. «Красный берег» V

С самого своего прибытия на «Красный берег» Е Вэньцзе ни разу не задумывалась о том, чтобы покинуть его. А узнав об истинных целях проекта (эта информация была тайной даже для многих служащих среднего уровня), она полностью порвала духовную связь с наружным миром и посвятила себя работе. С этого момента она не только стала одной из главных фигур технического персонала базы, но и взяла на себя значительные исследовательские задачи.

Комиссар Лэй всегда помнил, что первым, кто полностью доверился Е, был главный инженер Ян; однако он охотно предоставил Вэньцзе работу над важными научными проектами. Из-за своего статуса она не имела прав на результаты собственных исследований. А Лэй, изучавший астрофизику, был не просто политработником — он был человеком образованным (такое сочетание встречалось в те времена нечасто). Таким образом, он мог присвоить себе результаты трудов Е, выказывая себя перед начальством образцовым политическим руководителем, пламенным революционером с глубокими науч-

ными познаниями.

Толчком к тому, что «Красный берег» взял на службу Е Вэньцзе, послужила работа, которую она еще студенткой опубликовала в «Астрофизическом журнале» и в которой сделала попытку построить математическую модель Солнца. По сравнению с Землей Солнце — намного более простая физическая система, состоящая почти исключительно из водорода и гелия. Хотя проходящие в нем физические процессы и носят весьма бурный характер, они относительно просты: водород превращается в гелий, и на этом все. Значит, можно построить довольно точную математическую модель Солнца. Работа Е носила общий характер, но Лэй с Яном увидели в ней возможное решение технических трудностей, с которыми столкнулась мониторинговая система «Красного берега».

Солнечная засветка[48] — обычная проблема

[48] Примечания: 48

Солнечная засветка — искажение радиосигнала, принимаемого со спутника, в результате помех от Солнца. Солнце, наша звезда, излучает энергию не только в видимой (световой) части спектра, но и в виде радиоволн. Когда приемная спутниковая антенна, спутник, на который она наведена, и Солнце оказываются на одной прямой, прием сигналов со спутника невозможен: сигналы передатчика перекрываются более мощными шумами Солнца. Такое явление наблюдается дважды в год, весной и осенью. Засветка ухудшает качество связи и приводит к ее срывам. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

спутниковой связи — была для базы сущим мучением.

Когда Земля, искусственный спутник и Солнце находятся на одной прямой, ее отрезок, берущий начало от наземной антенны и проходящий через спутник, вторым концом упирается в Солнце. Наше светило — это исполинский источник электромагнитного излучения, и как результат радиопередача со спутника на Землю глушится помехами, исходящими от Солнца. Даже в двадцать первом столетии эта проблема полностью еще не решена.

Помехи, с которыми имел дело «Красный берег», были того же свойства, только причина их (Солнце) находилась между антенной «Красного берега» и источником принимаемых радиосигналов (дальним космосом). По сравнению с обычной спутниковой связью солнечные засветки, от которых страдал «Красный берег», были мощнее и случались чаще. В процессе строительства проект базы претерпел изменения в сторону упрощения; наблюдение и передачи проводились здесь с помощью одной и той же антенны. Это делало время, отведенное для наблюдений, чрезвычайно ценным, а солнечная засветка из неудобства превращалась в очень большую проблему.

Лэй с Яном придумали простой способ управиться с помехами: надо определить спектр частот и характеристики солнечного излучения в диапазоне мониторинга, а потом отфильтровать их на компьютере. Оба были технически грамотны, что во времена, когда невежда зачастую руководил ученым, было редкой удачей. Но Ян не был специалистом в астрофизике, а Лэй выбрал карьеру политического работника, что не позволило ему углубить свои знания по части технологии. В действительности электромагнитное излучение Солнца стабильно только в очень ограниченном диапазоне: от ближнего ультрафиолетового до середины инфракрасного спектра, включая видимый свет. В остальных диапазонах оно довольно неустойчиво и непредсказуемо.

Чтобы не слишком обнадеживать начальство, Е в своем первом же научном отчете пояснила, что в периоды возросшей солнечной активности, то есть при пятнах, вспышках, корональных выбросах массы и так далее, избавиться от помех невозможно, и поэтому в своих исследованиях она ограничилась частотами, на которых вел наблюдения «Красный берег» в периоды нормальной солнечной активности.

Условия для проведения научных изысканий

на базе были, в общем, неплохими. Библиотека могла раздобыть нужные материалы на иностранных языках, включая последние выпуски европейских и американских научных журналов. В те годы это было совсем не легкой задачей. Е также разрешалось пользоваться военной телефонной линией для связи с двумя группами исследователей Солнца в Китайской академии наук и получать данные их наблюдений по факсу.

После полугода исследований всякая надежда в Е погасла. Она быстро обнаружила, что в пределах диапазона частот, которые мониторил «Красный берег», солнечное излучение вело себя непредсказуемо. Анализируя большие объемы данных, Е обнаружила одно таинственное явление, поставившее ее в тупик. Иногда во время внезапных флуктуаций солнечного излучения поверхность звезды была спокойна. Поскольку сотни тысяч километров солнечного вещества поглощают любое коротко- и микроволновое излучение, испускаемое ядром, причиной флуктуаций, по-видимому, является поверхностная активность. Но если никаких возмущений на поверхности Солнца не наблюдается, то что вызывает эти неожиданные изменения в узких

диапазонах частот? Чем больше Е думала об этой аномалии, тем таинственнее она казалась.

Так ни до чего и не додумавшись, Е сдалась. В своем последнем отчете она признала, что не в состоянии решить задачу. Не стоило воспринимать это как поражение. Еще до того, как Е взялась за свои исследования, военное ведомство привлекло для изучения этой проблемы несколько групп ученых при университетах и Академии наук, и все их усилия ни к чему не привели. Однако Ян хотел попробовать еще раз, полагаясь на выдающийся талант Е. Побудительные мотивы Лэя были проще: подписаться под научными работами Е Вэньцзе. Тема исследований, такая сложная и фундаментальная, выставила бы его перед начальством в весьма выгодном свете. Сейчас, когда хаос в обществе наконец начал успокаиваться, менялись и требования к кадрам. Появилась острая необходимость в таких людях, как Лэй, — политически зрелых и научно подкованных. Он не сомневался, что его ждет радужное будущее. Будет ли решена проблема солнечных засветок, ему было абсолютно безразлично.

Но в самый последний момент Е удержалась и не сдала свой отчет, испугавшись, что если проект закроют, то библиотека базы перестанет

получать иностранные журналы и другую научную литературу и, следовательно, доступ к сокровищнице астрофизических данных будет закрыт. Поэтому она делала вид, что продолжает работу над проблемой, а на самом деле занялась шлифовкой своей математической модели Солнца.

Как-то вечером Е в привычном одиночестве сидела в читальном зале библиотеки. На длинном столе перед ней громоздилась куча открытых журналов и документов. Закончив серию скучных и утомительных матричных вычислений, Е решила отдохнуть: подышала на руки, чтобы согреть их, и взяла последний номер «Астрофизического журнала». Ее внимание привлекла заметка о Юпитере:

> В прошлом номере была опубликована статья доктора Гарри Питерсона из обсерватории Маунт-Вилсон «В Солнечной системе обнаружен новый мощный источник излучения». В статье приводились данные, случайно полученные при наблюдении прецессии Юпитера 12 июня и 2 июля. Было обнаружено сильное электромагнитное излучение, длившееся

81 секунду и 76 секунд соответственно. В это же время Питерсон наблюдал определенные изменения в Большом Красном Пятне. Это открытие вызвало серьезный интерес у планетологов. В нынешнем номере мы помещаем статью Г. Маккензи, в которой он приводит аргументы в пользу того, что это признак термоядерной реакции, начавшейся в ядре Юпитера. В следующем номере мы опубликуем статью Инуэ Кумосеки, в которой утверждается, что всплески радиоизлучения Юпитера имеют более сложную подоплеку, а именно подвижки во внутренних пластах металлического водорода; в подтверждение будут приведены полные математические расчеты.

Е отчетливо помнила те два дня, о которых шла речь в заметке: в этот период мониторинговая система «Красного берега» переживала сильные солнечные помехи. Она проверила журнал операций — из него следовало, что память ее не подводит. Время тоже приблизительно совпадало, с той только разницей, что солнечные засветки наступали через 16 минут и 42 секунды

после того, как всплески радиоизлучения Юпитера достигали Земли.

«Шестнадцать минут и сорок две секунды — это чрезвычайно важно!»

Е постаралась утихомирить бешено бьющееся сердце. Она попросила библиотекаря связаться с Национальной обсерваторией и получить таблицы с координатами Земли и Юпитера в течение этих двух периодов времени.

Е начертила на доске большой треугольник с Солнцем, Землей и Юпитером на вершинах; вдоль трех сторон отметила расстояния, а около Земли записала время прибытия радиосигналов. По расстоянию между Землей и Юпитером было легко рассчитать, сколько времени затратили радиосигналы на путешествие между обеими планетами. Затем Е вычислила время, за которое сигналы дошли от Юпитера до Солнца, а затем от Солнца до Земли. Разница между двумя приемами сигналов составила точно 16 минут и 42 секунды.

Е сверилась со своей математической моделью Солнца и попыталась найти теоретическое объяснение. Ее взгляд замер на описании того, что она назвала «энергетическими зеркалами» внутри зоны лучистого переноса.

Энергия, высвобождающаяся в ходе реакций в ядре Солнца, излучается сначала в виде высокоэнергетических гамма-лучей. Зона лучистого переноса — внутренний слой, окружающий ядро, — поглощает высокоэнергетические фотоны и вновь испускает их на чуть более низком энергетическом уровне. После многочисленных циклов последовательного поглощения и переизлучения (фотону может потребоваться тысяча лет, чтобы покинуть Солнце[49]) гамма-лучи преобразуются в рентгеновские, потом в ультрафиолетовые, потом в видимый свет и другие виды излучения.

Таковы были общеизвестные факты. Но модель Е давала основания для другого следствия: на пути к поверхности Солнца излучение понижается в частоте; внутри зоны лучистого переноса существуют слои для каждого вида излучения, и когда энергия пересекает границу слоев, частота излучения резко падает. Эта концепция отличалась от традиционного взгляда, согласно которому частота излучения понижается постепенно на всем пути от ядра к поверхности. Расчеты Е показывали, что границы между слоями отражают излучение, приходящее со стороны более низкой

[49] Примечания: 49

Википедия утверждает, что для Солнца этот срок составляет в среднем 170 тысяч лет. — *Прим. перев.*

частоты, почему она и назвала их «энергетическими зеркалами».

Е тщательно изучила эти разграничивающие мембраны, парящие в океане высокоэнергетической плазмы, и обнаружила в них множество удивительных свойств. Самое необычное из них она назвала «накапливающей отражательной способностью». Оно было таким из ряда вон выходящим, что доказать его существование было очень трудно, и Е сама не была полностью уверена в реальности его существования. Оно скорее походило на результат ошибки, вкравшейся в головокружительно сложные вычисления.

Но сейчас Е сделала первый шаг на пути подтверждения своей догадки о накапливающей отражательной способности солнечных энергетических зеркал: они не только отражали излучение, приходящее со стороны более низкой частоты, но и усиливали его. Все наблюдаемые ею внезапные таинственные флуктуации в границах узких частотных полос возникали фактически под влиянием другого, приходившего из космоса излучения, отражавшегося и усиливавшегося энергетическими зеркалами внутри Солнца. Вот чем объяснялось отсутствие наблюдаемых возмущений на поверхности звезды.

На этот раз юпитерианские радиовсплески достигли Солнца, отразились, как от зеркала, и, усилившись примерно в сто миллионов раз, были снова излучены в пространство. Земля приняла обе серии излучения — до и после усиления — с интервалом в 16 минут и 42 секунды.

Солнце действовало как усилитель радиоволн.

Тут возникал закономерный вопрос. Солнце, надо полагать, принимает электромагнитное излучение из космоса каждую секунду, в том числе и радиоволны с Земли. Почему же усиливаются только некоторые из них? Ответ был прост: кроме избирательности энергетических зеркал по отношению к частотам, которые они отражают, главную роль играет экранирующий эффект конвективной зоны Солнца. Вечно бурлящая конвективная зона, окружающая зону лучистого переноса, — самый близкий к поверхности плотный слой звезды. Радиоволны, приходящие из космоса, прежде чем достичь энергетических зеркал в лучистой зоне, должны пробиться сквозь конвективную зону, а это значит, что добраться до зеркал могут только волны, мощность которых превосходит определенное пороговое значение. Подавляющее большинство земных радиоисточников не может преодолеть этот порог, но

радиовсплеску Юпитера это удалось.

И максимальная мощность передачи «Красного берега» тоже превосходила этот порог.

Проблема солнечных засветок не была решена, зато открылась новая захватывающая возможность: Солнце можно использовать в качестве суперантенны, при помощи которой можно будет посылать радиоволны в дальний космос. К услугам человечества будет мощь Солнца, в сотни миллионов раз превосходящая все радиопередатчики Земли, вместе взятые.

Человеческая цивилизация могла теперь вести передачи на уровне кардашевской цивилизации II типа.

Следующим шагом было сравнение формы сигналов двух юпитерианских всплесков с формами сигналов солнечных помех, полученных «Красным берегом». Если они совпадут, догадка Е получит дальнейшее подтверждение.

Е попросила руководство базы вступить в контакт с Гарри Питерсоном и получить у него записи обоих юпитерианских всплесков. Это было нелегко: сначала надо было найти верные каналы связи, затем пройти сквозь тяжелую бюрократическую волокиту, требующую огромного количества документов... Малейшая ошибка — и

Е заподозрили бы в шпионаже. Приходилось ждать.

Но существовал и другой, более прямой способ доказать гипотезу: «Красный берег» сам мог послать к Солнцу радиоволны с мощностью, превосходящей пороговую величину.

Е снова обратилась с просьбой к руководству базы, но не осмелилась назвать им истинную причину — настолько та была фантастична. Ей бы никто не поверил, отказ был обеспечен. Поэтому она объяснила, что хочет провести эксперимент для собственных исследований Солнца: трансляционная система «Красного берега» будет задействована в качестве солнечного радара, чьи эхо-сигналы она проанализирует, чтобы получить побольше сведений о солнечном излучении. Оба, и Лэй, и Ян, обладали глубокими познаниями в технике, обвести их вокруг пальца было бы нелегко; однако у эксперимента, который описывала Е, действительно имелись прецеденты в исследованиях Солнца западными учеными. Ее предложение в техническом плане было даже легче, чем радарные исследования планет земного типа.

— Е Вэньцзе, ты выходишь за рамки, — предупредил комиссар Лэй. — Тебе следовало бы

сосредоточиться на теории. Ты точно уверена, что нам нужна вся эта головная боль?

Е принялась упрашивать:

— Комиссар, мы стоим на пороге великого открытия! Эксперименты абсолютно необходимы! Дайте мне попробовать всего один раз! Пожалуйста!

— Комиссар Лэй, — присоединился Ян, — может, и правда попробовать? Только один раз! В рабочем плане это вполне возможно. Ждать отраженных сигналов после передачи нужно...

— Примерно четверть часа, — закончил Лэй.

— У «Красного берега» будет достаточно времени, чтобы сменить режим с передачи на мониторинг.

Лэй снова покачал головой.

— Я знаю, что технически и оперативно это выполнимо. Но вы, инженер Ян... э-э... Вы не понимаете... Видите ли, какое дело... Вы хотите направить сверхмощные радиосигналы на красное солнце. Разве вам не ясен политический символизм этого эксперимента?[50]

Ян с Е оторопели, но аргумент Лэя не показался им смехотворным. Как раз наоборот: они при-

---

[50] Примечания: 50

Председателя Мао часто сравнивали с «красным солнцем», особенно в годы «культурной революции». — *Прим. К. Л.*

шли в ужас, что сами не подумали об этом. В те годы поиски политического символизма во всем подряд дошли до полного абсурда. Лэй тщательно проверял и перепроверял научные отчеты, которые сдавала Е, чтобы даже из чисто научных терминов, касающихся Солнца, убрать всякий политический подтекст. Такие выражения, как «пятна на Солнце»[51], были запрещены. Эксперимент, который послал бы к светилу мощный радиосигнал, можно было истолковать и на тысячу позитивных ладов, но одна-единственная негативная интерпретация грозила навлечь политическую катастрофу на всех, причастных к нему. Причину, по которой Лэй отказывал в проведении эксперимента, отмести было нельзя.

Но Е не сдалась. В самом деле, до тех пор пока она не идет на крайний риск, выполнить задачу было несложно. «Красный берег» обладал сверхмощным передатчиком, но все его компоненты были произведены в Китае во время «культурной революции». Поскольку качество было отнюдь не на высоте, оборудование часто ломалось. После каждых пятнадцати трансляций приходилось

[51] Примечания: 51

Китайское обозначение «солнечного пятна» буквально значит «черное солнечное пятно». Черный, само собой, считался цветом контрреволюции. — *Прим. К. Л.*

проводить осмотр и наладку всей системы, а затем испытательную передачу. На этих тестах народу присутствовало не много, а цели и прочие параметры выбирались наугад.

После одной такой переналадки Е Вэньцзе поручили провести испытательную передачу. Поскольку при этом не нужно было следовать обычной строгой процедуре, в помещении, помимо самой Е, присутствовало только пятеро. Трое из них были операторами низкого ранга и в технике разбирались плохо. Оставшиеся два, техник и инженер, до того устали за двое суток ремонта, что их внимание сильно притупилось.

Сначала Е настроила передатчик так, чтобы мощность сигнала превосходила пороговое значение, которое предсказывала ее теория накапливающих энергетических зеркал, использовав для этого всю мощность, на которую была способна трансляционная система «Красного берега». Затем Е задала частоту, которую, по ее предположениям, должно было усилить энергетическое зеркало. Под предлогом проверки механических частей антенны Е направила ее на запад, на заходящее солнце. Содержание передачи ничем не отличалось от обычного.

Все это происходило ясным осенним вечером

1971 года. Впоследствии Е не раз думала об этом событии, но не могла припомнить, чтобы ею владело какое-то особое чувство, кроме желания поскорее завершить передачу. Больше всего она боялась, как бы о ее проделке не узнали коллеги. Хотя она и придумала заранее несколько оправданий, но в случае чего они бы мало чем помогли: использовать антенну на полную мощность во время тестирования было делом необычным — ведь это влекло за собой быстрый износ компонентов. Кроме того, система наведения антенны не предназначалась для того, чтобы целиться прямо на Солнце. Е чувствовала, как нагревается окуляр. Если он сгорит, ее ожидают серьезные неприятности.

Солнце медленно садилось, Е пришлось вести за ним антенну вручную. В этот момент антенна «Красного берега» напоминала огромный подсолнух, медленно поворачивающийся вслед за светилом. К тому моменту, когда загорелся красный огонек, обозначавший конец передачи, с Е сошло сто потов.

Она оглянулась вокруг. Трое операторов возле контрольной панели выключали оборудование — блок за блоком, согласно строгим инструкциям. Инженер в углу диспетчерской пил воду из

стакана, а техник мирно дремал на своем стуле. В каких бы тонах историки и писатели ни описывали эту сцену впоследствии, реальность была весьма прозаичной.

Едва закончив передачу, Е выскочила из диспетчерской, пронеслась по коридору и ворвалась в кабинет Ян Вэйнина. Переведя дыхание, она проговорила:

— Передайте на радиостанцию базы, чтобы начали прослушивать частоту 12 тысяч мегагерц!

— И что же это мы принимаем? — Ян с удивлением воззрился на пряди волос, прилипшие к мокрому лбу Вэньцзе. По сравнению с высокочувствительной мониторинговой системой «Красного берега» обычная армейская радиостанция, которой пользовались для связи с внешним миром, была сущей детской игрушкой.

— Может быть, что-нибудь и примем. Нет времени перестраивать «Красный берег» в режим мониторинга!

Обычно для разогрева и перехода от передачи к наблюдению требовалось чуть больше десяти минут. Но сейчас мониторинговая система тоже подвергалась переналадке, многие ее компоненты еще не успели собрать заново, так что на быстрый ввод ее в строй рассчитывать не при-

ходилось.

Ян несколько секунд таращился на свою собеседницу, затем схватил телефон и приказал офицеру-связисту следовать распоряжениям Е.

— У этого радио чувствительность такая низкая, что единственные инопланетяне, сигнал которых мы сможем принять, — это жители Луны, — сказал Ян.

— Сигнал придет от Солнца, — сказала Е. За окном красный как кровь солнечный диск уже почти коснулся гор на горизонте.

— Вы воспользовались нашей антенной, чтобы послать сигнал на Солнце? — ужаснулся Ян.

Е кивнула.

— Никому не говорите! Это никогда не должно повториться! Никогда! — Ян оглянулся, не подслушивает ли кто под дверью.

Е снова кивнула.

— Но зачем? Отраженные сигналы будут очень слабыми, далеко за пределами чувствительности обычного радио!

— Нет. Если моя догадка верна, мы услышим невероятно громкое эхо! Оно будет сильнее, чем... ну, я и вообразить не могу, чем что. При мощности сигнала, превосходящей определенный порог, солнце усилит его в сто миллионов раз.

Ян бросил на Е удивленный взгляд, но та больше ничего не добавила. Оба молча ждали. Ян отчетливо слышал взволнованное дыхание Вэньцзе, громкие удары ее сердца. Слова Е проскочили мимо его сознания, зато чувства, похороненные в его душе много лет назад, вынырнули на поверхность. Ему оставалось только взять себя в руки и ждать.

Прошло двадцать минут. Ян взял телефон, позвонил на радиостанцию и задал несколько коротких вопросов.

Потом положил трубку.

— Они ничего не приняли.

Е, затаившая дыхание, пока он разговаривал со станцией, испустила долгий выдох и кивнула.

— Зато американский астроном отозвался. — Ян вынул толстый конверт, залепленный наклейками таможни, и протянул Е. Она разорвала конверт и углубилась в письмо. Гарри Питерсон писал, что не мог даже вообразить, что в Китае есть коллеги, изучающие планетарный электромагнетизм, и ему очень хотелось бы сотрудничать и обмениваться информацией в будущем. Он также послал две пачки документов — запись юпитерианских радиовсплесков. Это были фотокопии, снятые с длинных записываю-

щих лент, которые следовало сложить фрагмент за фрагментом. Надо сказать, в те годы большинство китайцев в глаза не видели копировальной машины.

Е принялась укладывать листы бумаги в две полосы на полу. Дойдя примерно до половины, она распрощалась с надеждами. Формы сигналов, присущие солнечным засветкам, были ей хорошо известны. Они не походили на те, что лежали сейчас перед ней.

Е стала медленно подбирать бумаги с пола. Ян присел рядом на корточки, чтобы помочь. Отдавая пачку фотокопий женщине, которую любил всей душой, он заметил на ее лице улыбку, такую грустную, что у него затрепетало сердце.

— Что случилось? — спросил он, не отдавая себе отчета, что никогда еще не разговаривал с нею так мягко.

— Ничего. Я просто очнулась от сна. — Е снова улыбнулась, забрала фотокопии и конверт и вышла из кабинета. Она направилась прямиком к себе, взяла коробку для еды и пошла в столовую. Там оставались только маньтоу и пикули; работники столовой нетерпеливо объяснили ей, что закрываются. Делать нечего — она взяла свою порцию, вышла наружу и зашагала к обрыву. Там

она уселась на траву и принялась есть холодные маньтоу.

Солнце уже зашло. Горы Большого Хингана были такими же серыми и туманными, как жизнь Е. На этом унылом фоне мечта светилась особенно ярко и радужно. Но мечтам неизменно приходит конец, они уходят, как солнце, которое хоть и встанет снова, но не принесет с собой надежды. В эти мгновения дальнейшая жизнь представилась Е безграничной серой бездной. Она опять улыбнулась со слезами на глазах и продолжила жевать холодные маньтоу.

Она не знала, что в этот момент первый крик земной цивилизации, который мог быть услышан в дальнем космосе, уже распространялся от Солнца по Вселенной со скоростью света. Радиоволна, усиленная мощью звезды, величественным цунами перекатилась через орбиту Юпитера.

В этот миг на частоте 12000 МГц звезда под названием Солнце была самой яркой на всем Млечном Пути.

Глава 23. «Красный берег» VI

Следующие восемь лет были самыми спокойными в жизни Е Вэньцзе. Страх, терзавший ее во время «культурной революции», постепенно притупился, и Е наконец смогла немного расслабиться. Испытательная и вводная фазы программы «Красный берег» завершились, проект вошел в штатный режим. Оставалось все меньше и меньше технических проблем; жизнь и работа упорядочились.

Сейчас, когда наступил покой, все, что еще недавно заглушалось страхом и тревогой, пробудилось с новой силой. Е обнаружила, что настоящая боль только начинается. Кошмарные воспоминания вернулись к жизни и, словно уголья, разгорелись с новой силой, мучая ее сердце жгучей болью. Говорят, что время лечит все раны. Для большинства людей это и правда так. В конце концов, от «культурной революции» пострадала не одна Е Вэньцзе, и ее судьба оказалась счастливее, чем у многих. Но ее память была цепкой памятью человека науки: Е не умела забывать. Вместо этого она рассматривала безумие и ненависть, сломавшие ей жизнь, рациональным

взглядом ученого.

Е стала задумываться над темной стороной человечества в тот день, когда прочитала «Безмолвную весну». Ян Вэйнин, с которым она постепенно сблизилась, под видом сбора материалов для исследований в области технологии находил для нее классические работы зарубежных мыслителей и историков. Кровавая история человечества ввергла Е в шок; глубокие аналитические раздумья философов привели ее к пониманию самых фундаментальных, самых тайных аспектов человеческой натуры.

Даже здесь, на Радарном Пике, в глухомани, сумасшествие и иррациональность человеческой расы являли себя во всей красе. Е видела, как лес, окружавший пик, продолжает падать под варварскими топорами ее бывших сотоварищей. С каждым днем проплешины в лесных чащах становились все обширнее — казалось, будто в этих местах с Большого Хингана содрали шкуру. Когда участки голой земли соединились в сплошную вырубку, уцелевшие одинокие деревья стали казаться чем-то ненормальным. Чтобы расправиться с лесом окончательно, вырубку поджигали. Радарный Пик стал прибежищем для птиц, спасавшихся из огненного ада. Все время,

пока кругом бушевало пламя, над базой не прекращался жалобный стон — это кричали птицы с обожженными перьями...

Безумие человеческой расы достигло своего исторического апогея. «Холодная война» была в разгаре. Ядерные ракеты, способные уничтожить Землю десять раз, стояли наготове — только нажми кнопку, и они вылетят из бесчисленных ракетных шахт, усеивающих два континента или скрытых в глубинах морей на призрачных атомных подлодках. Одна-единственная субмарина класса *Lafayette* или *Yankee* содержала столько боеголовок, что хватило бы разрушить сотни городов и убить сотни миллионов человек...

...а большинство людей жило себе, как будто ничего особенного не происходило.

Будучи астрофизиком, Е была непримиримым противником ядерного оружия. Она считала, что только звезды имеют право на обладание подобной силой. Она также знала, что в распоряжении Вселенной имеются еще более чудовищные силы: черные дыры, антиматерия и многое другое. В сравнении с ними термоядерная бомба — даже не свечка, а крошечный огарок. Если человечество овладеет хотя бы одной из названных сил, мир может прекратить свое существование в один

миг! Перед лицом безумия разум бессилен.

* * *

Через четыре года после прибытия Е на «Красный берег» они с Яном поженились. Со стороны Яна это было настоящее, глубокое чувство. Ради любви он отказался от будущего.

Самый бурный период «культурной революции» был позади, и политический климат несколько смягчился. Яна не подвергли прямым гонениям за то, что он женился на контрреволюционерке, однако его посчитали политически незрелым и сместили с должности главного инженера. Единственной причиной, по которой ему с женой позволили остаться на базе в качестве рядовых работников, было то, что «Красный берег» не мог обойтись без их технических знаний и навыков.

Е приняла предложение Яна в основном из благодарности: если бы он в самый опасный момент ее жизни не предоставил ей это убежище, Вэньцзе, возможно, уже не было бы в живых. Ян был человеком талантливым, культурным, с хорошим вкусом. Е не находила его неприятным, но сердце ее было как пепел, в котором пламя любви больше разгореться не может.

Раздумья о человеческой природе привели Е к очередному духовному кризису — она окончательно утратила цель в жизни. Когда-то Вэньцзе была идеалисткой, желающей поставить свой талант на службу великой цели, но сейчас она осознала, что вся ее жизнь была бессмысленна и будущее тоже не сулит никаких значительных свершений. Погружаясь в пучину депрессии, Е все больше отчуждалась от мира. Ей не было в нем места. Вэньцзе мучило чувство, будто она бродит в духовной пустыне. После того как она нашла себе приют у Яна, душа ее стала бесприютной.

Однажды Е работала в ночную смену. В это время она всегда чувствовала себя особенно одинокой. В глубокой полночной тишине Вселенная представала перед слушающими ее во всем своем безбрежном мрачном запустении. Больше всего Е Вэньцзе была отвратительна волнообразная линия, медленно ползущая по экрану — визуальное воплощение бессмысленного космического шума, принимаемого «Красным берегом». Эта бесконечная кривая казалась Е абстрактным выражением самой сути Вселенной: один конец уходит в прошлое, другой в будущее, а посередине лишь случайные взлеты и падения — без жизни, без порядка, — одномерная пустыня, в ко-

торой все песчинки выстроены в ряд, одинокий и унылый, такой непостижимо длинный, что это становится невыносимым. Можно следовать по этой кривой вперед или назад как угодно долго и никогда не прийти к концу...

Однако в эту ночь Е, взглянув на экран, увидела кое-что странное. Даже эксперты, глядя невооруженным глазом, затруднились бы сказать, несет ли кривая какую-либо информацию, но Е шум Вселенной был знаком досконально, так что она сразу разглядела нечто необычное в бегущих перед ее глазами волнах. Тонкая кривая с ее подъемами и спусками словно бы обрела душу. Несомненно, этот радиосигнал был послан разумным существом!

Она поспешила к другому терминалу и проверила по нему рейтинг узнаваемости: ААААА. До этого момента ни один радиосигнал, полученный «Красным берегом», не поднимался выше С. Рейтинг А означал, что вероятность того, что передача содержит разумную информацию, превышает 90 %. Рейтинг ААААА представлял собой особый, экстремальный случай: он означал, что содержание принятой передачи закодировано тем же кодом, которым пользовался в своих радиопосланиях в космос «Красный берег».

Е включила систему дешифровки. Программа была способна расшифровать любой сигнал, рейтинг узнаваемости которого превосходит В. За все время операций «Красного берега» программа ни разу не была задействована в настоящем деле, только в тестах. Согласно данным тестирования, дешифровка сигнала, в котором, по подозрению, содержалось сообщение, могла потребовать нескольких дней, а то и месяцев компьютерных вычислений, и в большинстве случаев результат получился бы ошибочным. Но на этот раз едва программа начала работать с файлом оригинальной передачи, как на дисплее появилось сообщение, что дешифровка окончена.

Е открыла итоговый документ... и впервые в истории человек прочитал сообщение, посланное из другого мира.

Содержание оказалось довольно неожиданным. Это было предупреждение, повторенное три раза:

Не отвечайте!
Не отвечайте!!
Не отвечайте!!!

С головой, кружащейся от возбуждения и замешательства, Е все же дешифровала второе

сообщение.

> Этот мир принял ваше послание.
>
> Я пацифист. Вашей цивилизации невероятно повезло, что я оказался первым, кто принял ваше сообщение. И я заклинаю вас: не отвечайте! Не отвечайте!! Не отвечайте!!!
>
> В вашем направлении находятся десятки миллионов звезд. До тех пор пока вы не ответите, этот мир не сможет засечь, откуда пришел сигнал.
>
> Но если вы ответите, источник будет сразу локализован. Ваша планета подвергнется вторжению. Ваш мир будет завоеван!
>
> Не отвечайте! Не отвечайте!! Не отвечайте!!!

Читая мигающий зеленый текст на дисплее, Е потеряла ясность мышления. Ее потрясенный разум мог осознать только одно: с того момента, когда она послала сообщение к солнцу, прошло не больше девяти лет. Но тогда источник ответной передачи должен находиться примерно в четырех с половиной световых годах от Земли. Значит, сигнал мог прийти лишь с самой близкой к Солн-

цу звездной системы — альфы Центавра[52].

Вселенная не голая пустыня! Она полна жизни! Человечество заглядывало в ее самые дальние уголки, не подозревая, что разумная жизнь существует уже на ближайшей звезде!

Е смотрела на дисплей с бегущей по нему волной: сигнал продолжал поступать из космоса на антенну «Красного берега». Она открыла другой интерфейс и начала дешифровку в режиме реального времени. Сообщение тут же появилось на экране.

В течение четырех последующих часов Е узнала о существовании Трисоляриса, о погибающей и вновь возрождающейся цивилизации, о планах трисоляриан мигрировать к звездам...

В четыре утра передача с альфы Центавра закончилась. Дешифровальная система продолжала работать вхолостую, выдавая на экран

---

[52] Примечания: 52

Альфа Центавра хотя и кажется невооруженному глазу одной звездой, на самом деле представляет собой двойную звездную систему: альфа Центавра А и альфа Центавра В. Третья звезда, называемая Проксимой Центавра и невидимая невооруженным глазом, возможно, связана тяготением с двойной звездой. Из китайского наименования объекта вытекает, что «звезда» в действительности — это три звезды. — *Прим. К. Л.*

Расстояние до альфы Центавра примерно 4,36 световых лет. Проксима находится ближе других к Земле. Интересно, что у этой звездной системы есть несколько собственных имен; чаще всего употребляется «Ригель Кентаврус» («Нога Кентавра»). — *Прим. перев.*

бесконечную серию ошибочных кодов. Система мониторинга «Красного берега» снова слышала только космический шум.

Но Е была уверена, что все это ей не приснилось.

Солнце действительно работало как усиливающая антенна. Но почему, когда Е восемь лет назад проводила свой эксперимент, не пришли никакие отраженные сигналы? Почему формы юпитерианских радиовсплесков не соответствовали тем, что пришли позже от Солнца? Через некоторое время Е придумала несколько разных объяснений. Возможно, радиостанция базы не могла принимать волны нужной частоты, а может, она и приняла их, да связист решил, что это просто помехи, не стоящий внимания шум. Что касается формы сигнала, то, может быть, Солнце, усиливая радиоволны, добавляет к ним какую-то свою волну? Это может быть периодическая волна, которую легко отфильтровала дешифровальная система инопланетян, но неопытному глазу Е волны от Юпитера и от Солнца представились абсолютно разными. После того как годы спустя Е Вэньцзе покинула «Красный берег», ей удалось подтвердить эту свою догадку: Солнце и вправду добавило свою синусоиду.

Она тревожно оглянулась вокруг. В главной диспетчерской было еще три человека: двое сидели в углу и болтали, а третий дремал около своего терминала. В блоке анализа данных системы наблюдения только те два терминала, что находились перед Е, могли показывать рейтинг узнаваемости сигнала и имели доступ к системе дешифровки.

Сохраняя невозмутимый вид, Е быстро работала, переводя принятые сообщения в скрытую поддиректорию с многоуровневым шифрованием. Затем она скопировала сектор с шумом, принятым год назад, и подставила его на место передачи, шедшей в течение последних пяти часов.

И, наконец, она послала с этого терминала короткое сообщение в буфер передачи «Красного берега».

Е поднялась на ноги и вышла из диспетчерской. Холодный ветер пахнул в ее разгоряченное лицо. Восток чуть посветлел, и Е пошла по усыпанной гравием дорожке, едва видной в слабом свете зари, в центр управления передачами. Над ее головой антенна «Красного берега» молча протягивала свою гигантскую ладонь навстречу космосу. В тени у дверей маячил силуэт часового;

он, как всегда, не обратил на Е ни малейшего внимания.

В центре управления передачами было гораздо темнее, чем в диспетчерской мониторинга. Е миновала ряды монтажных шкафов, остановилась у контрольной панели и привычным, автоматическим движением включила десяток переключателей — надо было прогреть передатчик. Двое дежурных, сидящих здесь же, подняли на нее сонные глаза. Один взглянул на часы, после чего вернулся досматривать сон, второй принялся перелистывать замусоленную газету. На базе у Е не было никакого политического статуса, но она все же пользовалась определенной свободой в том, что касалось технической части. Она часто проверяла оборудование перед трансляцией; и хотя сегодня она пришла рановато — передача должна состояться только через три часа, — начинать прогрев раньше положенного было, в общем, делом обычным.

Следующие полчаса были самыми длинными в жизни Е. За это время она настроила передатчик на частоту, оптимальную для солнечного энергетического зеркала, и довела мощность передачи до максимума. Затем, глядя в окуляр оптической позиционной системы, проследила за поднимаю-

щимся над горизонтом светилом, активировала систему наведения антенны и медленно выровняла ее по Солнцу. Колоссальная антенна начала поворачиваться, раздался громкий скрежет, и в помещении все задрожало. Один из дежурных взглянул на Е, но ничего не сказал.

Солнце теперь полностью взошло над горизонтом. Перекрестье оптического прицела было направлено на верхний край диска в расчете на время, нужное сигналу, чтобы достичь светила. Передатчик был готов.

Кнопка включения передачи представляла собой длинный прямоугольник, очень похожий на кнопку «Пробел» на компьютерной клавиатуре, только красного цвета.

Рука Е застыла в паре сантиметров над ней.

Судьба всего человечества зависела сейчас от этих тонких пальцев.

Е решительно нажала на кнопку.

— Что ты делаешь? — сонно спросил один из дежурных.

Е улыбнулась, ничего не ответив, и нажала желтую кнопку остановки передачи. Потом передвинула рычаг управления так, чтобы антенна смотрела куда-то в другое место. А затем отошла от контрольной панели и направилась к двери.

Дежурный взглянул на часы — смена закончилась. Он взял журнал, решая, стоит ли записать отчет о действиях Е — они все же были несколько неординарными. Но взглянув на записывающую бумажную ленту и увидев, что передача длилась не больше трех секунд, бросил журнал обратно, зевнул, нахлобучил фуражку и вышел.

Послание, летящее к Солнцу, гласило:

«Приходите! Я помогу вам заполучить этот мир. Наша цивилизация больше не способна решить собственные проблемы. Нам нужна помощь извне».

Утреннее солнце ослепило Е. Не успев отойти от двери центра управления, она рухнула без сознания на траву.

Очнувшись, Вэньцзе обнаружила, что находится в лазарете. Рядом с кроватью сидел Ян и смотрел на жену взволнованными глазами, как несколько лет назад в вертолете. Врач наказал Е поменьше работать и побольше отдыхать.

— Ты беременна, — сообщил он ей.

Глава 24. Мятеж

Е Вэньцзе закончила рассказ о первом контакте с Трисолярисом. В столовой еще несколько мгновений продолжала царить тишина. Многие, похоже, слышали эту историю впервые. Увлеченный рассказом, Ван на время забыл о своих страхах. Не удержавшись, он спросил:

— А как ОЗТ разрослось до нынешних масштабов?

— Тогда мне надо было бы рассказать, как я познакомилась с Эвансом, — сказала Е. — Но все здесь уже знают эту историю, так что не будем зря терять время. Сяо Ван, давай лучше побеседуем о твоем наноматериале.

— Этот... Господь, о котором вы говорили... Почему он так боится наноматериала?

— Потому что наноматериал позволит людям освободиться от уз гравитации и приступить к сооружению более значительных космических объектов.

Вана осенило:

— Вы имеете в виду космический лифт?

— Да. Если сверхпрочные наноматериалы можно будет пустить в массовое производство, это

создаст технические условия для строительства космического лифта с поверхности Земли на геостационарную орбиту. Для Господа в этом изобретении нет ничего выдающегося, но для людей его значение огромно. С такой технологией люди быстро завоюют ближний космос и построят крупномасштабные оборонительные сооружения. Значит, эту технологию надо искоренить.

Ван задал вопрос, мучивший его больше всего:

— Что произойдет в конце отсчета?

— Не знаю, — улыбнулась Е.

— Но попытка остановить меня ничего не даст! Ведь это не фундаментальное исследование. Основываясь на том, чего мы уже достигли, кто угодно сможет додуматься до остального. — Ван говорил громко, но голос его дрожал.

— Правильно. Гораздо эффективнее запутать умы исследователей. Но ты прав — мы не остановили прогресс вовремя. Как бы там ни было, твои изыскания чисто прикладного характера. Наши методы действуют намного лучше против фундаментальных исследований.

— Раз уж мы заговорили о фундаментальных исследованиях — как умерла ваша дочь?

Вопрос заставил Е замолчать. Ван заметил, что

свет в ее глазах чуть потускнел. Но через несколько секунд она овладела собой и сказала:

— Воистину, по сравнению с Господом, мощь которого безмерна, все наши дела бессмысленны. Мы лишь делаем, что можем.

Не успела она договорить, как раздался грохот — это ломали дверь в столовую. В помещение ворвался взвод солдат с автоматами. Ван увидел, что это армия, а не вооруженная полиция. Солдаты быстро и бесшумно выстроились вдоль стен, взяв мятежников в кольцо. Последним в столовую вошел Ши Цян. Куртка его была распахнута, в руке он сжимал пистолет, держа его за ствол, словно молоток.

Да Ши обвел всех взглядом прищуренных глаз, а потом вдруг рванулся вперед. Стремительный взмах, глухой удар металла о череп — и один из мятежников рухнул на пол; пистолет, который он собирался пустить в ход, отлетел далеко в сторону. Солдаты принялись стрелять вверх, с потолка посыпались пыль и ошметки штукатурки. Кто-то схватил Ван Мяо и вытащил его в безопасное место за спины солдат.

— Всем сложить оружие на стол! Клянусь, следующего, кто вздумает что-нибудь учудить, пристрелю на месте! — Да Ши указал на солдат

с автоматами у себя за спиной. — Я знаю, вы не боитесь смерти, но и мы тоже. Короче, так: законы и обычные полицейские процедуры на вас не распространяются. На вас даже законы ведения войны больше не распространяются! Поскольку вы угрожаете существованию всего человечества, нам дали право делать с вами все, что захотим!

Среди членов ОЗТ поднялось некоторое смятение, но ни один не поддался панике. Лицо Е оставалось бесстрастным. Из толпы вдруг выскочили трое, в том числе и та девушка, что свернула шею Пань Ханю, и кинулись к скульптуре в центре зала; каждый схватил и прижал к груди по сфере.

Девушка обеими руками подняла перед собой сверкающий металлический шар, будто готовясь выполнить гимнастическое упражнение, улыбнулась и проговорила:

— Уважаемые полицейские, в наших руках три ядерные бомбы, примерно в полторы килотонны каждая. Не очень большие, потому что нам нравятся маленькие игрушки, но все же достаточно мощные. А вот и детонатор.

Все замерли. Единственным, кто шевельнулся, был Ши Цян. Он вложил пистолет обратно в кобуру под левой подмышкой и с полным само-

обладанием сложил руки на груди.

— Наше требование просто: дайте Командующему уйти, — продолжала девушка, — а потом сыграем в любую игру по вашему выбору.

Судя по ее тону, она не боялась ни Ши Цяна, ни солдат.

— Я останусь со своими соратниками, — спокойно сказала Е.

— Можешь проверить — она правду говорит? — спросил Да Ши стоящего рядом с ним специалиста-подрывника.

Офицер бросил на пол перед троицей с шарами сумку. Один из мятежников подобрал ее и вынул ручные пружинные весы вроде тех, которые обыватели приносят с собой на рынок, чтобы проверить, не надувают ли их продавцы, — только побольше размером. Он положил свой шар в сумку, зацепил его крючком и поднял весы. Стрелка опустилась примерно до середины шкалы и остановилась.

Девушка издала смешок. Эксперт-подрывник тоже презрительно рассмеялся.

Мятежник вынул шар из сумки и бросил на пол. Второй из троицы повторил процедуру со своим шаром и тоже бросил его на пол.

Дошла очередь до девушки. Она подобрала

сумку, вложила в нее свой шар, зацепила крючок, подняла — и стрелка мгновенно опустилась в нижний конец шкалы, растянув пружину до предела.

Улыбка на лице подрывника застыла. Он прошептал Да Ши:

— Черт! У них действительно есть бомба.

Да Ши остался невозмутим.

Подрывник сказал:

— По крайней мере, мы можем подтвердить, что внутри сферы есть тяжелые элементы, расщепляющийся материал. Но мы не знаем, работает ли детонатор.

Лучи фонариков, прикрепленных к автоматам, сосредоточились на девушке с ядерной бомбой. Держа в руках разрушительную силу, равную полутора килотоннам тротила, та улыбалась во весь рот, как будто стояла на сцене в свете прожекторов и наслаждалась овацией.

— Мой совет: выстрелить в шар, — прошептал подрывник Да Ши.

— Но ведь тогда бомба взорвется?

— Верхний слой — обычная взрывчатка — действительно взорвется, но взрыв будет не направленный. Он не приведет к сжатию радиоактивного материала, необходимому для

ядерного взрыва.

Да Ши стоял, сверля взглядом девушку с бомбой, и молчал.

— А снайпер ее не снимет? — спросил подрывник.

Да Ши едва заметно потряс головой.

— Позиция неудобная. У этой ядерной девицы острое чутье — стоит только навести на нее оптический прицел, и она сразу это почувствует.

Капитан двинулся вперед. Толпа отпрянула, и он остановился посреди образовавшегося пустого пространства.

— Стоять! — вскрикнула девушка, пристально глядя на Да Ши. Ее правый большой палец лежал на детонаторе. Она больше не улыбалась.

— Тихо, тихо, — проговорил Да Ши, останавливаясь метрах в шести-семи от нее. Он вынул из кармана конверт. — У меня тут кое-что интересненькое для тебя. Твоя мать нашлась.

Лихорадочный блеск в зрачках девушки потускнел. В это мгновение ее глаза и в самом деле стали окнами в душу.

Да Ши сделал два шага вперед. Теперь его отделяло от девушки не больше пяти метров. Та подняла бомбу выше и предупреждающе сузила глаза, но внимание ее уже немного притупилось.

Двое других, те, что бросили свои фальшивые бомбы, шагнули к Да Ши, чтобы забрать у него конверт. В тот момент, когда один из них оказался между девушкой и капитаном, Да Ши молниеносным движением выхватил пистолет из кобуры. Девушка успела только увидеть вспышку около уха парня, собиравшегося схватить письмо, и тут бомба в ее руках взорвалась.

Ван услышал приглушенный грохот, но увидеть ничего не увидел — у него потемнело в глазах. Кто-то выволок его из столовой. Из двери валил густой желтый дым, внутри царила какофония криков и выстрелов. Время от времени кто-нибудь прорывался сквозь клубы дыма наружу.

Ван поднялся на ноги и попытался вернуться в столовую, но подрывник остановил его, обхватив за пояс.

— Туда нельзя! Радиация!

Суматоха в конце концов улеглась. Около десятка мятежников из Общества «Земля — Трисолярис» были убиты в перестрелке. Остальных — больше двухсот, в том числе и Е Вэньцзе, — арестовали. Девица с бомбой превратилась в кровавые ошметки, но она оказалась единственной смертельной жертвой неудавшегося ядерного взрыва. Парень, пытавшийся забрать у Да Ши

конверт, получил тяжелые ранения. Поскольку его тело защитило капитана от осколков, Да Ши отделался только царапинами; однако и он, и все те, кто оставался в столовой после взрыва, пострадали от радиационного загрязнения.

Через маленькое окошко «Скорой помощи» Ван смотрел на лежащего внутри капитана. Из ссадины на голове Да Ши текла кровь. Медсестра, перевязывавшая его, была одета в прозрачный защитный костюм. Ван и Да Ши могли разговаривать только по мобильнику.

— Кто была мать той девушки? — спросил Ван.

Да Ши осклабился:

— Чтоб я сдох, если знаю. Просто бил наугад. Девицы вроде нее, как правило, не ладят со своими матерями. После двадцати лет в полиции я научился неплохо разбираться в людях.

— Ты, наверно, рад до смерти, что оказался прав. Всем этим действительно заправляла коечья грязная рука. — Ван выдавил из себя улыбку, надеясь, что Да Ши видит ее.

Капитан помотал головой и заржал:

— Кореш, это не я оказался прав, а ты! Я б никогда в жизни не поверил, что в деле и правда замешаны гребаные пришельцы!

Глава 25. Как умерли Лэй Чжичэн и Ян Вэйнин

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Имя?

Е ВЭНЬЦЗЕ: Е Вэньцзе.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Дата рождения?

Е: Июнь 1943 года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Должность?

Е: Профессор астрофизики в Университете Цинхуа. Вышла на пенсию в 2004 году.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Принимая во внимание состояние вашего здоровья, ставлю вас в известность, что вы можете в любой момент сделать перерыв.

Е: Благодарю, со мной все в порядке.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Сейчас мы проводим обычное уголовное расследование и пока не будем касаться более чувствительных тем. Давайте покончим с этим поскорее. Надеемся на ваше сотрудничество.

Е: Я понимаю, на что вы намекаете. Да, я буду сотрудничать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Мы провели расследование, и у нас есть основания подозревать, что во время работы на базе «Красный берег» вы совершили

убийство.

Е: Я действительно убила двоих человек.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Когда?

Е: 21 октября 1979 года, под вечер.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Имена жертв?

Е: Политкомиссар базы Лэй Чжичэн и мой муж, инженер Ян Вэйнин.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Объясните, что вас толкнуло на это.

Е: Я надеюсь, вам известна подоплека событий?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: В общих чертах. Если мне что-нибудь будет непонятно, спрошу.

Е: Хорошо. В тот день, когда пришло послание инопланетян и я ответила на него, выяснилось, что сообщение приняла не я одна. Лэй тоже.

* * *

Лэй был типичным политическим работником того времени, из чего следует, что он обладал исключительно острым нюхом на политику и смотрел на все сквозь призму идеологии. Почти никто на базе не знал, что на главном компьютере в фоновом режиме выполняется небольшая программа, постоянно считывающая записи с передающего и приемного буферов и сохраняющая

их в скрытом зашифрованном файле. Таким образом, там были копии всего, что «Красный берег» послал и принял, и читать это мог только Лэй. Вот так он и узнал о вести от внеземного разума.

Под вечер того дня, когда я послала сообщение к восходящему солнцу и узнала, что беременна, Лэй вызвал меня в свой кабинет. Я увидела на его терминале послание с Трисоляриса, которое приняла накануне ночью...

— С того момента, когда ты получила первое сообщение, прошло восемь часов. Вместо того чтобы подать рапорт, ты уничтожила оригинальное сообщение и, возможно, спрятала где-то копию. Я прав?

Я не подняла головы и не ответила.

— Предвижу твой следующий шаг. Ты собираешься ответить. Если бы я не обнаружил все это вовремя, ты могла бы привести всю человеческую цивилизацию к гибели! Конечно, я не говорю, что мы боимся вторжения инопланетян. Даже если предположить худшее и это действительно бы случилось, пришельцы из космоса утонут в океане справедливой войны человечества!

Ах, вот оно что: он не знает, что я уже ответила! Помещая ответ напрямую в буфер передачи, я не воспользовалась обычным файловым интер-

фейсом. К счастью, это помогло обойти следящую программу Лэя.

— Е Вэньцзе, я знаю, что ты вполне на это способна. Ты всегда питала глубокую ненависть к партии и народу и воспользовалась бы любой возможностью, чтобы отомстить. Осознаешь ли ты последствия своих действий?

Еще бы мне не осознавать! Я кивнула. Лэй мгновение молчал. Но я никак не ожидала услышать то, что он сказал дальше:

— Е Вэньцзе, мне тебя ничуть не жаль. Ты всегда была классовым врагом, противопоставлявшим себя трудовым массам. Но я много лет проработал рядом с Яном. Мне невыносима мысль о том, чтобы ты сломала ему жизнь, и уж тем более я не могу допустить, чтобы ты сломала жизнь его ребенку. Ты же беременна, так?

То, что он сказал, не было пустыми домыслами. В ту эпоху, если бы мои поступки выплыли на свет, они безусловно повлекли бы за собой тяжелые последствия для моего мужа, несмотря на то что он не имел к ним никакого отношения.

Лэй заговорил очень тихо:

— Сейчас только мы с тобой знаем, что произошло. Необходимо свести к минимуму результаты того, что ты наделала. Притворись, будто ничего

не случилось, и никому никогда словечка об этом не проронишь, даже Яну. Об остальном я позабочусь. До тех пор, пока ты будешь держать язык за зубами, ты сможешь избежать катастрофических последствий.

Я сразу же поняла, куда метит Лэй. Ему хотелось стать первым человеком, обнаружившим существование внеземной цивилизации! Перед ним открылась поистине великая возможность вписать свое имя в учебники истории.

Я согласилась. И вышла из кабинета. Про себя я уже все решила.

Я взяла маленький гаечный ключ и направилась к инструментальной стойке обрабатывающего модуля приемника. Поскольку мне часто приходилось проверять оборудование, никто не обратил на меня внимания. Я открыла дверцу и осторожно ослабила болт, крепящий провод заземления к корпусу. Помехи на приемнике мгновенно усилились, и сопротивление в контуре заземления подскочило с 0,6 до 5 Ом. Дежурный техник сразу же подумал, что проблема с тем концом провода, который уходит в землю. Таков был обычный диагноз, потому что подобные неполадки возникали постоянно. Ему бы никогда и в голову не пришло, что неисправность

на верхнем конце провода — ведь тот надежно закреплен; к тому же я сообщила, что только что проверила крепление.

Вершина Радарного Пика имела одну геологическую особенность: ее покрывал слой глины толщиной более десятка метров. Глина плохо проводит ток. Провод заземления надо было закапывать на достаточную глубину, иначе сопротивление контура было бы слишком высоким. Но в то же время его нельзя было закапывать чересчур глубоко, потому что глина вызывала сильную коррозию и через некоторое время среднюю часть проводника разъедало. В конце концов нашли следующее решение проблемы: перебросили провод через кромку обрыва так, что он опустился ниже глинистого слоя, а потом закопали его в откос. Но и при этом способе заземление было нестабильно, и сопротивление частенько зашкаливало. При подобных неполадках виновником всегда оказывалась та часть, что уходила за обрыв. Чтобы устранить поломку, приходилось висеть на веревках над пропастью.

Дежурный техник сообщил о случившемся команде солдат-ремонтников. Один из них привязал веревку к железному столбу и полез вниз. Провозившись с полчаса, он поднялся наверх,

насквозь мокрый от пота, и сказал, что не смог найти неполадку. Похоже, следующий сеанс наблюдений придется отложить. Ничего не поделаешь; оставалось предупредить командование базы. Я ждала у железного столба на обрыве. И вскоре, как я и рассчитывала, появился Лэй Чжичэн в сопровождении того же солдата.

Буду справедлива к Лэю — он отдавал работе всего себя и четко следовал требованиям, предъявляемым в те времена к политработнику: влиться в массы и всегда находиться на переднем крае. Может, все это было только показное, но в таком случае он был очень хорошим актером. Как только где-нибудь возникали сложности и надо было провести какие-то опасные работы, Лэй сразу вызывался добровольцем. Одной из таких работ, которые он выполнял не раз, был ремонт заземляющего кабеля — задача и рискованная, и изматывающая. Технически несложная, она все же требовала опыта. У поломки могло быть несколько причин: например, контакт разошелся из-за воздействия открытого воздуха (трудно определяемая) или место, где кабель входил в обрыв, стало слишком сухим. Солдаты-добровольцы, ответственные за внешний ремонт, все были новичками, никто не обладал нужным

опытом. Вот почему я не сомневалась, что Лэй непременно придет на обрыв.

Он надел страховочный пояс и опустился на канате вниз, сделав вид, что меня здесь нет. Я отослала солдата с каким-то поручением и, оставшись одна, вынула из кармана короткую пилу. Я смастерила ее из длинного ножовочного полотна, разломанного на три части, которые потом сложила вместе, одна на другую. Разрез, сделанный такой пилой, очень сильно лохматился, так что позже было не так легко определить, что веревка перерезана инструментом.

И тут появился мой муж, Ян Вэйнин.

Я объяснила ему, что случилось. Он заглянул через край обрыва, потом сказал, что для проверки контура заземления нужно глубоко копать, в одиночку Лэй не справится, поэтому он спустится ему на помощь. Ян надел страховочный пояс, оставленный ушедшим солдатом. Я попросила его воспользоваться другим тросом, но он отказался, говоря, что тот, на котором висит Лэй, достаточно прочен, выдержит двоих. Я настаивала, и он в конце концов сдался, сказал, чтобы я сходила и принесла другую веревку. Но когда я вернулась, он уже спустился. Высунув голову за край, я увидела, что они уже закончили проверку

и поднимаются обратно. Лэй карабкался первым.

Вряд ли бы мне когда-нибудь предоставилась другая возможность. Я вынула ножовку и перепилила канат.

* * *

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Я хотел бы задать один вопрос, но вносить ответ в протокол не стану. Что вы чувствовали в этот момент?

Е: Ничего не чувствовала. Я проделала все это совершенно спокойно. Наконец я нашла цель, которой могла посвятить себя. Мне была безразлична цена, которую надо было заплатить — мне или другим. Я знала также, что вся человеческая раса заплатит за мой поступок невиданную цену. То было лишь начало, скромное и незаметное.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Хорошо. Продолжайте.

Е: Раздались два-три изумленных крика, потом послышались удары тел о камни у подножия обрыва. Через некоторое время я увидела, что ручеек, протекавший внизу, покраснел... Это все, что я могу сказать на этот счет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Понимаю. Вот протокол. Проверьте все тщательно. Если не найдете ошибок, подпишите.

Глава 26. Никто не раскаивается

Гибель Лэя и Яна посчитали несчастным случаем. Все на базе знали, что у Яна с Е счастливая семья, и Вэньцзе ни в чем не заподозрили.

На базу прислали нового комиссара, и все вернулось на круги своя. С каждым днем крохотная жизнь внутри Е становилась все больше. Одновременно Вэньцзе стала подмечать перемены в окружающем мире.

Однажды командир охраны попросил Е прийти в караулку у главных ворот. Там ее ждал сюрприз — трое подростков: два мальчика и девочка, все лет пятнадцати-шестнадцати. На них были старые дохи и шапки из собачьего меха. Явно местные ребята. Дежурный сказал, что они из деревни Цицзятунь; узнали, что на Радарном Пике работают настоящие ученые, и пришли задать несколько вопросов по школьным предметам.

Е подивилась, как они осмелились заявиться на Радарный Пик, ведь это закрытая военная зона, и охранники могут открывать стрельбу по нарушителям после первого предупреждения. Заметив ее недоумение, дежурный пояснил: только что получено новое распоряжение: режим

безопасности «Красного берега» понижен. Местным жителям теперь разрешалось приходить на Радарный Пик, но не заходить на территорию базы. Несколько крестьян уже были здесь вчера, приносили овощи на продажу.

Один из ребят достал потрепанный учебник физики для средних классов. Руки у подростка были грязные и потрескавшиеся, словно древесная кора. С тяжелым северо-восточным акцентом он задал простой вопрос: в учебнике сказано, что тело в свободном падении движется с постоянным ускорением, однако скорость его никогда не превосходит некой конечной величины. Ребята ломали над этим головы несколько вечеров подряд, но так и не смогли понять, в чем тут дело.

— И вы шли в такую даль только затем, чтобы задать этот вопрос? — изумилась Е.

— Учитель Е, вы разве не знаете, что экзамен опять ввели? — радостно спросила девочка.

— Экзамен?

— Общенациональный государственный экзамен для поступления в вуз! Теперь те, кто прилежно учится и получает высокие оценки, могут идти учиться дальше в университет! Ввели

два года назад[53]. Вы не знали?

— Значит, теперь не нужны рекомендации?

— Нет. Любой может сдать экзамен, даже дети «пяти черных категорий»[54].

Е остолбенела. Это известие всколыхнуло в ней множество противоречивых чувств. Прошло довольно много времени, прежде чем она опомнилась и увидела, что дети все еще ждут с раскрытым учебником. Она поспешила ответить на их вопрос: явление объясняется тем, что сила тяготения уравновешивается силой сопротивления воздуха. Затем Е пообещала, что, если дети в будущем столкнутся с какими-нибудь трудностями в учебе, они всегда смогут рассчитывать на ее помощь.

Три дня спустя к Е заявились уже семеро: к

---

[53] Примечания: 53

Гаокао — всекитайский вступительный экзамен — был впервые введен в 1952 году. В 1966–1976 гг. (время «культурной революции») не проводился. Первый после «культурной революции» экзамен состоялся в конце 1977 года. «В начале «культурной революции» студентам и школьникам выдали небольшие сборники изречений Мао об образовании, где тот поносил профессоров за «ненужную ученость»: «они не способны различить пять зерен», «чем больше они знают, тем они глупее». Здесь же Мао осуждал принцип аттестации по результатам экзаменов: университеты для «красных», а не для «всезнаек» — дорогу «красным» по происхождению!» (цит. по: С. Куртуа, Н. Верт, Ж-Л. Панне и др. Черная книга коммунизма.) — *Прим. перев.*

[54] Примечания: 54

«Пять черных категорий жителей», подвергавшихся репрессиям во время «культурной революции»: помещики, кулаки, контрреволюци-

онеры, «ненадежные» и правые элементы. — *Прим. К. Л.*

первым трем добавились четверо из отдаленных деревень. На третий раз пришли пятнадцать, а с ними и учитель из поселковой гимназии.

Учителей не хватало, поэтому ему приходилось вести и физику, и математику, и химию; он пришел просить Е о помощи. Учителю было за пятьдесят, и все его лицо избороздили морщины. Разговаривая с Е, он очень волновался и то и дело ронял книжки. Когда гости покидали караулку, Е услышала, как он сказал ученикам:

— Ребята, вот это Ученый. Настоящий Ученый, знающий восемь канонов!

После этого школьники повадились ходить к Е каждые несколько дней. Иногда их приходило так много, что караулка не вмещала всех. С разрешения дежурного офицера безопасности часовые провожали детей в столовую, в которой Е повесила маленькую классную доску, — там и проходили занятия.

Было уже темно, когда Е освободилась от работы в канун китайского Нового года, 1980-го. Большинство служащих уже покинули Радарный Пик, отправившись в трехдневный отпуск, и кругом царила тишина. Е вернулась в свою комнату. Еще недавно она была их с Ян Вэйнином домом, а теперь опустела, и единственную компанию

Вэньцзе составлял ее нерожденный ребенок. Снаружи в ночи завывал холодный ветер Большого Хингана, донося с собой приглушенный треск петард в деревне Цицзятунь. Тяжелая рука одиночества душила Е, грозя раздавить совсем; Вэньцзе казалось, будто она стала такой крохотной, что еще чуть-чуть — и она исчезнет где-то в глухом углу Вселенной...

Но тут неожиданно раздался стук в дверь. Открыв, Е сначала увидела охранника, а затем за его спиной мечущееся на холодном ветру пламя нескольких сосновых факелов. Факелы держала толпа детей; их лица покраснели, с шапок свисали сосульки. Когда дети вошли в помещение, вместе с ними туда ворвалось дыхание зимы. Два мальчика, одетые совсем легко, замерзли больше других — по дороге они сняли верхнюю одежду, чтобы укутать свою ношу. В комнате они развернули дохи, и под ними оказался большой горшок, исходящий горячим паром. Горшок был полон квашеной капусты и пельменей со свининой.

* * *

В тот же год, через восемь месяцев после того, как сообщение ушло к Солнцу, у Е начались роды. Плод лежал неправильно, роженица сильно

ослабела; врач базы не смог справиться с этим случаем и отправил пациентку в ближайшую поселковую больницу.

Настал один из самых тяжелых периодов жизни Е. Схватки измучили ее; она потеряла много крови и впала в кому. Сквозь пелену тумана, закрывшую взор, она видела лишь три ослепительных, раскаленных солнца, медленно вращающихся вокруг и поджаривающих ее живьем. Мучениям не видно было конца, и Е решила, что, должно быть, умерла и попала в преисподнюю. Пламя трех солнц будет жечь и терзать ее вечно. Таково было наказание за предательство — предательство, равного которому в истории еще не случалось. Вэньцзе охватил страх — не за себя, а за своего нерожденного ребенка. А он все еще внутри нее? Или уже вышел наружу, в этот ад, чтобы вечно страдать вместе с матерью?

Она не знала, сколько прошло времени. Постепенно три солнца уходили все дальше и дальше. Достигнув определенной точки в пространстве, они внезапно уменьшились и превратились в хрустальные летящие звезды. Воздух вокруг Е стал прохладнее, боль начала отступать. Она, наконец, очнулась.

И услышала крик, раздавшийся совсем рядом. С

огромным трудом повернув голову, она увидела мокрое, красное личико младенца.

Врач сказал, что Е потеряла два литра крови. Десятки жителей деревни Цицзятунь пришли, чтобы отдать ей свою. У многих из них дети ходили на уроки Е, но большинство не имели к ней никакого отношения, просто слышали ее имя от других. Без помощи этих людей Е, несомненно, умерла бы.

После рождения ребенка жизнь Е сильно осложнилась. Тяжелые роды подорвали ее здоровье. Оставаться на базе с ребенком на руках было совершенно невозможно, а родственников, которые могли бы помочь, у нее не было. И тут на базу пришла пожилая пара из деревни и обратилась к командованию с предложением забрать Е с ребенком к себе в Цицзятунь. Старик раньше промышлял охотой, а заодно собирал травы для традиционной китайской медицины. Позже, когда окрестные леса вырубили, супруги стали вести крестьянское хозяйство, но люди по привычке продолжали звать старика Охотник Ци. У них было двое сыновей и две дочери. Дочери вышли замуж и съехали к мужьям. Один из сыновей служил в армии далеко от дома, другой был женат и жил вместе с ними. Невестка тоже

только что родила.

Е пока что еще не была политически реабилитирована, поэтому командование базы затруднялось, как поступить. Но поскольку другого выхода не было, начальство в конце концов махнуло рукой и разрешило забрать Е с младенцем. Старики увезли их на санях прямо из больницы.

Больше полугода Е жила в крестьянской семье в горах Большого Хингана. Она была так слаба после родов, что молоко у нее не появилось. Все это время крошку Ян Дун кормила Фэн, невестка Охотника Ци — крепкая здоровая женщина, типичная уроженка северо-востока. Она каждый день ела сорго, и ее большие груди были полны молока — хватало на двух младенцев. Ян Дун подкармливали и другие кормящие матери, жительницы Цицзятунь. Они любили малышку и говорили, что она вырастет такой же умницей, как и ее мать.

Постепенно дом Охотника Ци стал местом посиделок деревенских женщин: молодые и старые, замужние и незамужние — все с удовольствием заглядывали сюда, когда не было других дел. Е вызывала у них восхищение и неуемное любопытство. Вэньцзе обнаружила, что у них много чисто женских тем для обсуждения.

Бессчетные дни Е с Ян Дун на руках сидела с другими деревенскими жительницами во дворе, обнесенном березовым штакетником; тут же играли детишки, ленивый черный пес нежился на солнышке... Некоторые женщины курили трубки. Е любила наблюдать, как они неторопливо выпускали изо рта колечки дыма; дым серебрился на солнце, и так же светились тонкие волоски на пухлых руках крестьянок. Как-то раз одна из них протянула Е длинную мельхиоровую трубку, сказав, что, может быть, покурив, она почувствует себя лучше. Вэньцзе затянулась всего пару раз, и ее так «повело», что женщины смеялись над ней целую неделю.

С мужчинами Е разговаривала мало — попросту не о чем было. Темы, занимавшие мужскую половину деревни, ее совсем не интересовали. Из немногих бесед с ними она узнала, что кое-кто был бы не прочь выращивать женьшень на продажу, раз уж правительство дало некоторые послабления, однако ни у кого не хватало смелости попробовать. Мужчины относились к ней с уважением и почтительностью. Поначалу это казалось ей само собой разумеющимся, но через некоторое время, увидев, как жестоко эти же самые мужчины избивали своих жен и беззa-

стенчиво заигрывали с деревенскими вдовами, говоря им скабрезности, от которых Е краснела до ушей, она поняла, как ценно их уважительное отношение. Раз в два-три дня кто-нибудь из них приносил в дом Охотника Ци свою охотничью добычу — то зайца, то фазана. Они также дарили Ян Дун необычные, занятные игрушки, которые мастерили собственными руками.

Когда Е вспоминала те месяцы, ей казалось, что все это происходило с кем-то другим, не с ней; словно то была часть чьего-то чужого бытия, легким перышком впорхнувшая в ее жизнь. Те дни в деревне остались в памяти Вэньцзе серией классических картин — не китайских рисунков кисточкой, а европейских масляных полотен. Китайские рисунки сотканы из пустоты, а жизнь в Цицзятунь была очень насыщенной. Как на старинных картинах маслом, она была полна богатых, ярких красок. Все здесь было жарко и

колоритно: печки-лежанки *кан*[55] с подогревом, устланные пышными тюфяками, набитыми пушицей; табак из Гуаньдуна и Мохэ, которым набивали медные трубки; густая сорговая каша; крепкая водка-байцзю, которую гнали из того же сорго... Жизнь мирная и неторопливая, как речка на окраине деревни.

Больше всего Е запомнились вечера. Сын Охотника Ци — первый человек, покинувший деревню ради заработка, — уехал в город и торговал там грибами; Е делила комнату с его женой Фэн. В те времена в Цицзятунь не было электричества, поэтому вечерами обе женщины усаживались около керосиновой лампы; Е читала, Фэн шила. Вэньцзе, сама того не замечая, наклонялась к лампе все ниже и ниже, иногда опаляя челку, и

---

[55] Примечания: 55

Кан — традиционная система отопления в крестьянских домах Северного Китая и Кореи. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам, служившим также дымоходом, проходил горячий воздух от печи. Печь, находившаяся у одного из концов лежанки, использовалась и для приготовления пищи. Сверху кан накрывался бамбуковыми или соломенными циновками. Иногда имел вид деревянных нар, внутри которых проходили глинобитные трубы, через которые дым из очага поступал к высокой трубе (3–3,5 м в высоту, по свидетельству Генри Джеймса), стоящей рядом с жилищем. Ночью на кане расстилали постель и спали; днем ели, играли в карты, и т. д. Во время еды на кан ставили небольшой столик (около 30 см высотой), вокруг которого семья садилась обедать или ужинать. Иностранные путешественники восхищались экономичностью системы: совсем небольшого количества топлива было достаточно, чтобы прогреть кан

до комфортной температуры, которую он сохранял всю ночь. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

тогда обе вскидывали друг на друга глаза и улыбались. С Фэн, понятное дело, такого никогда не случалось. Зрение у нее было острое, она могла делать тонкую вышивку в полутьме, при свете тлеющих углей. Два младенца, которым еще не исполнилось и полугода, сладко спали рядышком на кане. Е любила наблюдать, как они спят; их ровное посапывание было единственным звуком, нарушавшим тишину комнаты.

Поначалу Е не нравилось спать на нагретом кане, ей даже становилось нехорошо, но постепенно она привыкла. Ей снилось, будто она ребенок, лежащий в чьих-то теплых объятиях. Человек, который держал Вэньцзе, не был ни ее отцом, ни матерью, ни покойным мужем. Она не знала, кто это. Но ощущение было таким реальным, что она часто просыпалась в слезах.

Однажды она отложила книгу и увидела, что Фэн опустила на колено матерчатую туфлю, которую вышивала, и сидит недвижно, уставившись на огонек керосиновой лампы. Заметив, что Е смотрит на нее, Фэн спросила:

— Сестра, а почему звезды не падают с неба на землю?

Е пристально всмотрелась в Фэн. Керосиновая лампа, этот чудесный художник, создала

классический портрет в благородных тонах с отдельными яркими мазками: Фэн в наброшенном на плечи жакете, оставляющем на виду ее алый кушак и сильную, ловкую руку. Фигура молодой женщины, окутанная светом лампы, играла живыми, теплыми красками, тогда как остальное помещение утопало в мягкой полутьме. Приглядевшись внимательнее, Е обнаружила, что свет имеет красноватый оттенок, исходящий не от лампы, а от тлеющих на полу углей. Воздух в помещении был влажен, и мороз разрисовал оконные стекла красивыми ледяными узорами.

— Ты боишься, как бы звезды не упали? — тихо спросила Е.

Фэн засмеялась и встряхнула головой.

— Да чего их бояться-то? Они же крохотные!

Е не стала вдаваться в астрофизические материи, сказала лишь:

— Звезды очень, очень далеко. Они не могут упасть.

Фэн удовлетворилась ответом и вернулась к своей вышивке. Но Е вдруг стало тревожно. Она опустила книгу, прилегла на теплый кан и закрыла глаза. В своем воображении Е заставила Вселенную вокруг их маленького домика исчезнуть, померкнуть, наподобие того как свет

керосиновой лампы оставляет б`ольшую часть комнаты в тени. А потом Е заменила настоящую Вселенную на ту, которая жила в сердце Фэн: ночное небо, словно огромный черный купол, накрывает всю землю; его усеивают серебряные звездочки размером с зеркальце на старой деревянной тумбочке у кровати... Мир, плоский как стол, раскинулся во все стороны, но все же где-то вдали, где он сходится с небом, у него есть край. Плоская поверхность покрыта горами, похожими на горы Большого Хингана, горы поросли лесами, а в лесах притаились деревеньки, такие же как Цицзятунь... Игрушечная вселенная навеяла на Вэньцзе покой, и картина, созданная ее воображением, плавно перетекла в сон...

Так в этой затерянной в горах Большого Хингана деревушке сердце Е начало оттаивать. В морозной тундре ее души появилось крошечное чистое озерцо талой воды.

* * *

Через некоторое время Е с маленькой Ян Дун вернулись на «Красный берег». По прошествии двух лет, в течение которых тревога сменялась покоем и опять тревогой, Вэньцзе получила сообщение, что оба — и она, и ее отец — реабили-

тированы. А потом из Цинхуа прибыло письмо, уведомляющее, что она в любой момент может вернуться на свою прежнюю работу. Вместе с письмом пришла значительная сумма денег — невыплаченная зарплата ее отца, которую университет был должен ему после реабилитации. И, наконец, руководство базы стало обращаться к ней «товарищ Е».

Вэньцзе восприняла все эти перемены равнодушно, не выказывая ни радости, ни энтузиазма. Мир за пределами базы ее не интересовал. Единственное, чего ей хотелось, — это жить на тихом, затерянном в глуши «Красном береге». Но Ян Дун требовалось достойное образование, поэтому Е в конце концов покинула Радарный Пик — место, в котором собиралась провести всю оставшуюся жизнь, — и вернулась в свою альма-матер.

Спускаясь с гор, Е почувствовала веяние весны. Холодной зиме «культурной революции» пришел конец, и все возрождалось к жизни. Хотя хаос только-только улегся, все вокруг лежало в руинах и огромное множество мужчин и женщин все еще зализывали свои раны, не было сомнений, что всходит новая заря. В кампусы возвращались студенты, зачастую вместе с собственными детьми; в книжных магазинах хорошая литерату-

ра шла нарасхват; на фабриках и заводах начали внедрять передовую технологию; научные изыскания вернули себе прежний священный ореол. Наука и техника были единственными ключами к двери, ведущей в будущее, и люди вновь стали подступаться к твердыням знаний с верой и искренностью учеников начальной школы. Пусть их попытки и были наивны, но практические результаты не заставили себя ждать. На первой Общенациональной научной конференции Го Можо, президент Китайской академии наук, провозгласил, что для сильно поредевших рядов научных работников настало время возрождения и обновления.

Означало ли это, что безумию пришел конец? Что наука и разум действительно возвращаются? Такие вопросы Е задавала себе постоянно.

Она никогда больше не получала от Трисолариса ни одного сообщения. Это и понятно: ответа следовало ждать по меньшей мере восемь лет, а покинув «Красный берег», Е потеряла возможность принять его.

Такое невиданно важное дело — и все же она справилась с ним сама, без посторонней помощи! Е не могла поверить в реальность происшедшего. С течением времени чувство это только усили-

лось. То, что случилось тогда, было похоже на грезу. Неужели Солнце действительно способно усиливать радиосигнал? Правда ли, что она, Е, послала во Вселенную весть о существовании человеческой цивилизации? И в самом ли деле она получила от звезд ответ? И было ли в ее жизни то окрашенное в кровь утро, когда она предала все человечество? А совершенные ею убийства?..

Е пыталась глушить воспоминания работой, и это ей почти удалось. Некий странный инстинкт самосохранения заставил ее забыть о прошлом, перестать думать о том, что как-то раз она обменялась сообщениями с инопланетной цивилизацией. Так и проходила жизнь Е Вэньцзе — день за днем, спокойно и размеренно...

* * *

Через некоторое время после возвращения в университет Е повела Дундун в гости к бабушке, Шао Линь. Вскоре после смерти мужа Шао оправилась от умственного расстройства и отыскала способ выжить в опасных теснинах политики. Ее старания держать нос по политическому ветру и кричать правильные лозунги наконец принесли дивиденды, и позже, когда наступила фаза «Вернуться в школу, продолжать революцию», она

снова стала преподавать[56].

А потом Шао учудила такое, чего никто от нее не ожидал: вышла замуж за репрессированного служащего высшего звена Министерства образования. В то время он еще находился на «перевоспитании трудом» в «коровнике»[57]. Этот шаг был частью далеко идущего плана Шао Линь. Она понимала, что общественный хаос не вечен. Молодые бунтари, кидающиеся в атаку на все, что движется, не имеют опыта управления страной. Рано или поздно репрессированные старые кадры снова встанут у руля.

Шао рискнула и выиграла. «Культурная революция» еще не завершилась, а ее мужа уже частично восстановили на прежней должности. Вскоре после Третьего пленарного заседания

---

[56] Примечания: 56

В течение первой фазы «культурной революции» занятия во всех учебных заведениях — как в школе всех ступеней, так и в вузах, — прекратились, студенты и учащиеся ушли в хунвэйбины. Последовал такой хаос, что в конце 1967 г. пекинское руководство вынуждено было просить бунтарей вернуться к учебе и продолжить революцию в более контролируемой форме. — *Прим. К. Л.*

[57] Примечания: 57

Так на ранней стадии «культурной революции» называли помещения при различных трудовых учреждениях (заводах, школах, городских хозяйствах и пр.), в которых жили «чудища и демоны» (т. е. контрреволюционные элементы: реакционные академики и преподаватели, «пять черных категорий» и т. п.). — *Прим. К. Л.*

Центрального Комитета КПК 11-го созыва[58] его сделали заместителем министра. Вместе с мужем «выросла» и Шао Линь. Сделавшись членом Китайской академии наук, она весьма предусмотрительно оставила свой прежний вуз, после чего ее сразу же назначили проректором в другой знаменитый университет.

Е Вэньцзе восприняла эту новую версию своей матери как пример высокообразованной женщины, умеющей позаботиться о себе. По внешнему виду и всей повадке Шао Линь невозможно было даже догадаться, что когда-то она подвергалась репрессиям. Шао радушно приняла Е и Дундун, с участием расспрашивала дочь о ее жизни за протекшие годы, восхищалась красотой и умом внучки и давала подробные указания кухарке, как готовить любимые блюда Е. Все было сделано умело, четко и с приличествующей долей сердечности. И все же Вэньцзе явственно ощущала стену, отгораживающую ее от матери. В беседе обе избегали затрагивать чувствительные темы и ни разу не упомянули об отце Е.

После обеда Шао Линь с мужем проводили Е и Дундун вниз, на улицу, где и попрощались. Затем

---

[58] Примечания: 58

Это заседание ознаменовало собой начало политики «реформ и открытости». Именно тогда лидером страны стал Дэн Сяопин. — *Прим. К. Л.*

Шао вернулась в квартиру, а ее муж остался поговорить с Вэньцзе. В одно мгновение приветливая улыбка на лице заместителя министра превратилась в ледяную — складывалось впечатление, будто он только и ждал этого момента, чтобы сбросить маску.

— Мы будем рады и впредь принимать у себя вас с ребенком, но только при одном условии: не копаться в прошлом и не пытаться взыскивать старые долги. Твоя мать не несет никакой ответственности за смерть твоего отца. Она тоже была жертвой. Цепляясь за свои убеждения, Е Чжэтай поступал себе же во вред, что и привело его к печальному концу. Он забыл об ответственности перед семьей и причинил тебе и твоей матери глубокие страдания.

— Не смейте говорить о моем отце! — яростно отчеканила Е. — Это наше с матерью дело. Не суйте в него свой нос!

— Ты права, — холодно ответил муж Шао Линь. — Я всего лишь передаю слова твоей матери.

Е окинула взглядом шикарный особняк с квартирами для высшего партийного руководства. Шао Линь следила за этой сценой исподтишка, приподняв уголок оконной занавески. Не произнеся больше ни слова, Е наклонилась, взяла

дочь за руку и ушла, чтобы больше никогда не вернуться.

* * *

Е долго искала хоть какие-нибудь сведения о четырех девочках-хунвэйбинках, убивших ее отца, и наконец нашла трех из них. Все они были в свое время высланы в сельскую местность[59], а теперь вернулись в город. Ни у одной не было работы. Разузнав их адреса, Е написала каждой короткое письмо с просьбой встретиться на спортплощадке, где умер ее отец. Просто поговорить, ничего больше.

Е не собиралась мстить. Тогда, на базе «Красный берег», она отомстила разом всему человечеству, включая и хунвэйбинов. Но ей хотелось услышать от этих убийц слова раскаяния, хотелось узнать, сохранилось ли в них хоть что-то человеческое...

В тот день после лекций Е ждала на спортпло-

---

[59] Примечания: 59

В последние годы «культурной революции» привилегированную, образованную городскую молодежь высылали в бедную горную сельскую местность жить и учиться у тамошних крестьян. Многие из этих молодых людей состояли раньше в организации хунвэйбинов. Некоторые комментаторы считают, что в основе такой политики Председателя Мао лежало желание восстановить порядок, удалив из городов вышедших из-под контроля бунтарей. — *Прим. К. Л.*

щадке. Особых надежд она не питала. Тем не менее в назначенный час бывшие хунвэйбинки появились на условленном месте.

Е узнала их издалека: все три были одеты в непопулярную нынче военную форму. Когда они подошли ближе, стало ясно, что это та же самая форма, которую они носили во время «митинга борьбы». Одежду стирали столько раз, что она совершенно выцвела; повсюду пестрели заплатки. Кроме формы, больше ничего общего у этих женщин с теми юными и на вид такими храбрыми хунвэйбинками не было. Они утратили не только молодость, но и кое-что еще.

Е сразу бросилось в глаза, что эти три женщины, некогда словно отлитые по одной форме, теперь разительно отличались друг от друга. Одна страшно исхудала; одежда висела на ней, как на вешалке, спина согнулась, словно под грузом лет, волосы приобрели желтоватый оттенок. Другая растолстела так, что китель не застегивался. Небрежная стрижка, нечистая кожа на лице... Похоже, трудности жизни лишили ее всякой женственности, оставив в наследство лишь тупость и грубость. Третья еще не совсем избавилась от былой юношеской привлекательности, но один рукав ее кителя был пуст и болтался при ходьбе.

Три бывшие хунвэйбинки стояли перед Е в ряд — так же, как стояли когда-то перед Е Чжэтаем, — и пытались придать себе хоть толику давно утраченного достоинства, но тщетно. Демоническая духовная энергия, распиравшая их в прошлом, исчезла. Лицо худышки походило на мышиную мордочку. Тупая физиономия толстухи не выражала вообще ничего. Однорукая уставилась в небо.

— Небось думала, мы не отважимся прийти? — вызывающе спросила толстуха.

— Я решила, что хорошо бы повидаться, — ответила Е, — и закрыть некоторые страницы прошлого.

— А они и так закрыты. Уж ты-то должна бы это знать! — Голос у тощей срывался на визг, как будто она чего-то боялась.

— Мне просто хочется поговорить по душам.

— Ага, ждешь, что мы покаемся? — процедила толстуха.

— Вы не считаете, что вам следовало бы это сделать?

— А кто покается перед нами? — спросила однорукая.

— Из нас четырех, — заговорила толстая, — три подписались под агитплакатом в гимназии при

Университете Цинхуа. Революционные походы, великие митинги на Тяньаньмэнь, междоусобные войны Красной охраны, Первый Красный штаб, Второй Красный штаб, Третий Красный штаб, Западные пикеты, Восточные пикеты, Коммуна Нового Пекинского университета, Краснознаменная военная бригада, Красный Восток — мы прошли через все вехи истории Красной охраны, от ее рождения до смерти.

Эстафету переняла однорукая:

— Во время Стодневной войны[60] в Цинхуа две из нас состояли в Цзинганском горном корпусе, две другие — во фракции Четырнадцатого апреля. Я с одной только гранатой пошла на самодельный танк Цзинганской фракции. Гусеницами мне раздавило руку. Мои плоть, и кровь, и кости были вдавлены в грязь. А было мне тогда всего пятнадцать!

— А после этого нас выслали в глушь! — Толстуха махнула рукой. — Две из нас поехали в Шааньси, две другие в Хэнань, в самые отдален-

---

[60] Примечания: 60

Стодневная война в Университете Цинхуа была одной из самых кровопролитных войн Красной охраны. Она проходила между двумя фракциями хунвэйбинов и длилась с 23 апреля по 27 июля 1968 г. Холодное оружие, гранаты, винтовки, мины, артиллерия — все шло в ход. 18 человек было убито, больше 1100 ранено, более 30 получили пожизненные увечья. — *Прим. К. Л.*

ные и нищие углы. Отправляясь туда, мы были полны энтузиазма, но его хватило ненадолго. После целого дня работы в поле уставали так, что были не в состоянии даже одежду постирать! Лежали вповалку в протекающих соломенных шалашах и слушали, как волки воют по ночам. Тогда мы и начали пробуждаться от мечтаний. Гнили там в медвежьих углах, и никому не было до нас дела...

Снова заговорила однорукая, глядя в землю:

— Там, в деревне, бывало бредешь по пустоши и нет-нет да и натыкаешься на другого хунвэйбина — товарища или врага. Поднимешь глаза, посмотришь: оба в лохмотьях, оба с ног до головы в грязи и навозе... Нам нечего было сказать друг другу.

Толстуха уставилась на Е.

— Тан Хунцзин — так звали ту девчонку, что нанесла твоему отцу последний, смертельный удар — утонула в Желтой реке. Наводнение унесло нескольких общинных овец. Тогда парторг воззвал к присланным студентам: «Революционная молодежь! Пришло время испытать ваше мужество!» Ну, Хунцзин с тремя другими и сиганули в воду — спасать овец. А было это ранней весной, на реке еще держался тонкий ледок. Все четверо погибли, и никто не знает даже отчего

— от переохлаждения или просто утонули. Увидев их тела, я... я... Нет, пошло все к черту, не хочу больше об этом говорить! — Она закрыла глаза и всхлипнула.

В глазах тощей тоже стояли слезы. Она вздохнула.

— Через некоторое время мы вернулись в город. И что с того? У нас как не было ничего, так и нет. Тем, кто приехал из деревни, приходится совсем туго. Мы не можем получить даже самую грязную работу! Ни работы, ни денег, ни будущего. Ничего.

У Е не было слов.

Опять подала голос однорукая:

— Есть такой фильм — «Клен». Не знаю, ты смотрела, нет? Там в конце взрослый и ребенок стоят на могиле хунвэйбина, погибшего во время фракционных войн. Ребенок спрашивает: «Они герои, да?» Взрослый отвечает: «Нет». Тогда ребенок спрашивает: «Они злодеи?» Взрослый отвечает: «Нет». «А кто же они тогда?» — спрашивает ребенок, и взрослый отвечает: «История».

— Слышала?! — Толстуха возбужденно взмахнула рукой. — История! История! Сейчас настала новая эпоха. Кто-нибудь когда-нибудь вспомнит о нас? Помянет нас хоть словом? Ты, что ли?! Все,

абсолютно все будет забыто!

И три бывшие хунвэйбинки ушли, оставив Е на спортплощадке одну. Полтора десятка лет назад, в дождливый безрадостный день она точно так же стояла здесь и смотрела на своего мертвого отца. В голове Е Вэньцзе продолжали звучать последние слова бывшей хунвэйбинки...

В лучах заходящего солнца от тонкой фигурки Е протянулась длинная тень. Вспыхнувшая в ней искорка надежды, что люди стали лучше, угасла. Крохотное сомнение в оправданности своего предательства тоже исчезло без следа.

Е незыблемо уверилась в истинности своего идеала: привести с просторов Вселенной в мир людей высшую цивилизацию.

Глава 27. Эванс

Через полгода после возвращения в Цинхуа Е Вэньцзе взялась за важное дело: подготовить проект большой радиоастрономической обсерватории. Она объездила всю страну с изыскательской партией, выбирая наиболее подходящее место для строительства. Первоначальные соображения были чисто техническими. В отличие от обычных, радиоастрономическая обсерватория не предъявляет особых требований к состоянию атмосферы, для нее важно иметь как можно меньше электромагнитных помех. Е побывала во многих местах и наконец выбрала одно, самое чистое в этом отношении, — в уединенных холмах на северо-западе.

Растительный покров лессовых возвышенностей был скуден. Изъеденные эрозией склоны походили на старые, морщинистые лица. Осмотрев окрестности, изыскатели остановились на отдых в деревушке, большинство обитателей которой жило в традиционных пещерных жилищах. Руководитель сельхозбригады сразу признал в Е человека образованного и спросил, умеет ли она разговаривать на иностранном

языке. Е осведомилась, о каком языке речь. Он ответил, что не знает, но если она умеет говорить по-иноземному, то он, руководитель, пошлет кого-нибудь наверх за Бетюном[61], с которым ему нужно кое-что обсудить.

— Бетюном? — изумилась Е.

— Да мы просто не знаем, как имя этого иностранца, вот и зовем его «Бетюн».

— Он врач?

— Нет. Он сажает на холмах деревья. Уже почитай три года.

— Сажает деревья? Зачем?

— Говорит, для птичек. Тут, говорит, есть один вид — вот-вот исчезнет.

Новоприбывших разобрало любопытство, и они попросили руководителя отвести их к «Бетюну». Все поднялись по тропе на пригорок, и руководитель указал на одно место среди лессовых пустошей. Глазам Е предстала радостная картина: один из склонов был покрыт молодым лесом. Казалось, будто на старый, пожелтевший холст плеснули зеленой краски.

---

[61] Примечания: 61

Норман Бетюн (1890–1939) был канадским хирургом, боровшимся вместе с китайскими коммунистами против японских захватчиков во время Второй мировой войны. Будучи одним из немногих представителей Запада, дружественно настроенных к китайским коммунистам, Бетюн стал героем, почитаемым и взрослыми, и детьми.

Вскоре они увидели иностранца. Если не считать светлых волос, зеленых глаз, потертых джинсов и ковбойского вида куртки, он мало чем отличался от местных жителей, всю свою жизнь трудившихся в поле. Даже кожа его приобрела тот же темный оттенок, что и у них. Особого интереса к гостям «Бетюн» не проявил. Он представился как Майк Эванс, о своей национальности ничего не сказал, но в его английском был явственно слышен американский акцент. Эванс жил в простой двухкомнатной хижине, заваленной инструментами для ухода за растениями. Тяпки, лопаты, пилы для обрезания веток и прочее — все непритязательное, сработанное местными мастерами. Вездесущая северо-западная пыль тонким слоем покрывала грубо сколоченную кровать и кухонный стол. На кровати лежала груда книг, в основном по различным отраслям биологии. Е сразу заметила «Освобождение животных» Питера Сингера. Единственным признаком современности служило маленькое радио на батарейках. Еще в хижине был старый телескоп.

Эванс извинился, что не может предложить гостям что-нибудь выпить: кофе давно закончился; вода была, но в распоряжении Эванса имелся только один стакан.

— Можно спросить, чем же вы здесь, собственно, занимаетесь? — поинтересовался один из коллег Е.

— Спасаю жизни.

— Спасаете жизни?.. Чьи — местных жителей? Конечно, здешняя экология...

— Да что вы все заладили одно и то же? — неожиданно вспылил Эванс. — Значит, чтобы считаться героем, надо непременно спасать человеческие жизни, да? А спасать другие виды — это так, чепуха?! Кто дал людям право так заноситься? Не-ет, люди в спасении не нуждаются. Они и без того живут лучше, чем заслуживают.

— Нам сказали, что вы пытаетесь сохранить какой-то вид птиц...

— Да, ласточку. Подвид северо-западной бурой ласточки. Ее латинское наименование слишком длинно, не стану вас затруднять. Каждую весну они, следуя древнему непреклонному инстинкту, возвращаются с юга. Они гнездятся только здесь; но поскольку лесные массивы сокращаются с каждым годом, птицы лишаются деревьев, на которых можно было бы свить гнездо. Когда я открыл этот подвид, в нем насчитывалось не больше тысячи особей. Если так будет продолжаться, то лет через пять от него ничего не

останется. Деревья, которые я посадил, стали для ласточек домом, и популяция понемногу растет. Нужно посадить еще — пусть этот Эдем станет побольше.

Эванс предложил гостям посмотреть на птиц в телескоп. С его помощью они наконец разглядели нескольких черных пичуг, стремительно носившихся между деревьями.

— Не бог весть какие красавицы, правда? Конечно, моей ласточке далеко до любимицы публики, гигантской панды. На этой планете каждый день вымирают какие-нибудь виды, не удостоившиеся интереса толпы.

— Вы посадили все эти деревья сами, в одиночку?

— Большинство. Вначале я нанял в помощники кое-кого из местных, но деньги скоро кончились. Саженцы, ирригация — все стоит очень дорого. И знаете что? Мой отец — миллиардер, президент международной нефтяной корпорации — прекратил спонсирование. Да я и сам не хочу больше пользоваться его деньгами.

Оттаяв, Эванс, казалось, торопился излить все, что накопилось на душе.

— Когда мне было двенадцать, нефтяной танкер водоизмещением тридцать тысяч тонн, принад-

лежавший отцовской компании, сел на мель у Атлантического побережья. Больше двадцати тысяч тонн сырой нефти вылилось в океан. В то время наша семья проводила отпуск в пляжном доме недалеко от места аварии. Услышав новость, отец первым делом озаботился тем, как бы избежать ответственности и свести ущерб для компании к минимуму.

В тот день под вечер я отправился взглянуть на этот ужас. Море было черным, волны, затянутые липкой жирной пленкой, еле плескались. Пляж тоже был весь покрыт нефтью. Я и несколько добровольцев занялись поисками еще живых птиц — те, увязшие в густой нефти, походили на черные статуэтки, изваянные из асфальта, только глаза двигались. Эти глаза, взирающие на меня из черной гущи, снятся мне до сих пор. Мы буквально вымачивали птиц в моющих средствах, пытаясь удалить нефть. Это была адски сложная задача: перья слиплись; стоило только потереть чуть-чуть сильнее — и они сходили вместе с нефтью... К вечеру большинство птиц умерло. Я сидел на черном берегу, изможденный, измазанный с ног до головы, смотрел, как солнце садится в черную воду, и мне казалось, что настал конец света.

Я не заметил, как сзади приблизился отец. Он спросил, помню ли я тот маленький скелет динозавра. Еще бы не помнить — во время разработки одного нефтяного месторождения нашли почти полный скелет динозаврика. Отец купил его за бешеные деньги и установил в саду при дедушкином особняке.

А потом отец сказал вот что:

«Майк, я рассказывал тебе о том, как вымерли динозавры: на Землю упал астероид; мир сначала превратился в море огня, а затем погрузился в долгую эру тьмы и холода... Однажды ночью ты очнулся от кошмара — тебе приснилось, будто ты попал в ту ужасную эпоху. Сейчас я скажу тебе то, что хотел сказать той ночью: если бы ты на самом деле жил в меловом периоде, тебя можно было бы считать счастливчиком. Время, в которое мы живем, намного страшнее. Виды животных вымирают сейчас гораздо быстрее, чем в позднем меловом. Нынешнюю эпоху с полным правом можно было бы назвать эпохой массового вымирания. Сынок, то, чему ты стал свидетелем сегодня, — лишь незначительный эпизод в намного более грандиозном процессе. Мы можем прожить без морских птиц, но мы не можем прожить без нефти. Ты в состоянии

вообразить себе жизнь без нефти? Помнишь ту чудесную «Феррари», которую я подарил тебе на твой прошлый день рождения и пообещал, что ты сможешь сесть за руль, как только тебе исполнится пятнадцать? Но без нефти «Феррари» — лишь куча металлолома. Когда тебе хочется навестить дедушку, ты садишься в мой личный самолет; каких-то десять часов — и ты по ту сторону океана. Но без нефти тебе пришлось бы болтаться в море на паруснике больше месяца. Таковы законы цивилизации: прежде всего надо обеспечить существование и комфорт человеческой расе. Остальное второстепенно».

Отец возлагал на меня большие надежды, но я их не оправдал. Глаза несчастных, погибающих в нефти птиц преследовали меня все последующие дни и определили дальнейшее течение моей жизни. Когда мне исполнилось тринадцать, отец спросил, кем я хочу стать, когда вырасту. Я ответил: хочу спасать жизни. На самом деле моя мечта не была такой всеобъемлющей, я всего лишь хотел спасать виды, которым грозит вымирание: не очень красивую птицу, неказистую бабочку, жука, на которого никто никогда не обратил бы внимания... Позже, изучая биологию, я специализировался на охране птиц и насекомых. С

моей точки зрения, я занимаюсь великим делом. Спасение птиц или насекомых ничуть не менее важно, чем спасение людей. «Все жизни имеют равную ценность» — таков основной принцип общевидового коммунизма.

— Как вы сказали? — Е подумала, что ослышалась.

— Общевидовой коммунизм. Это идеология, которую я сам разработал. Или вера — называйте, как хотите. Ее основное убеждение — что все виды на Земле созданы равноценными.

— Это далекий от практической жизни идеал. Наши сельскохозяйственные культуры — тоже живые виды. Когда речь идет о выживании человечества, равенства, о котором вы говорите, быть не может.

— Рабовладельцы в давние времена наверняка думали о своих рабах примерно так же. И не забудьте о технологиях: настанет день, когда человечество будет производить пищу на фабриках. Поэтому заложить идеологические и теоретические основы следует заранее. В самом деле, общевидовой коммунизм — это естественное продолжение Всеобщей декларации прав человека. Французская революция произошла двести лет назад, а мы с тех пор не продвину-

лись ни на шаг. Если взглянуть под таким углом зрения, становится видно все двуличие и эгоизм человеческой расы.

— Как долго вы намерены здесь оставаться?

— Не знаю. Если понадобится, посвящу этому всю жизнь. Такое прекрасное чувство! Но где вам его понять...

Эванс явно потерял интерес к беседе. Сказав, что ему нужно работать, он подхватил пилу с лопатой и собрался уходить. Прощаясь, он посмотрел на Е такими глазами, словно разглядел в ней нечто необычное.

На обратном пути один из ее коллег процитировал эссе Председателя Мао «Памяти Бетюна»:

— «Благородный и чистый, человек кристальной честности, чуждый вульгарным интересам». — Он вздохнул. — Оказывается, есть на свете люди, которые и правда могут жить по таким принципам...

Другие тоже выразили как восхищение, так и противоречивые чувства, вызванные в них этим человеком.

— Если бы таких людей, как он, было больше, — сказала Е, в первую очередь, по-видимому, обращаясь к самой себе, — то все повернулось бы совсем по-другому...

Разумеется, никто не уловил скрытого смысла ее слов.

Начальник группы изыскателей вернул беседу в рабочее русло:

— Боюсь, нам не разрешат строить здесь. Начальство забракует.

— Почему? Из всех возможных мест у этого наилучшая электромагнитная обстановка.

— А как насчет житейской обстановки? Товарищи, не концентрируйтесь только на технической стороне дела. Посмотрите, какая здесь нищета! Чем беднее деревня, тем хитроумнее ее жители. Понимаете, что я хочу сказать? Если разместить тут обсерваторию, то с местными будут постоянные хлопоты. Здешние жители будут смотреть на астрономический комплекс как на толстый ломоть, от которого не грех отгрызть кусок!

И действительно, площадку не одобрили, и причина была именно та, на которую указал начальник изыскательской партии.

* * *

Прошло три года, в течение которых Е ничего не слышала об Эвансе.

Но как-то весной она получила от него открытку с одной-единственной строчкой: «Приезжайте.

Подскажите, что делать дальше».

Е Вэньцзе ехала в поезде целый день и целую ночь, потом много часов тряслась в автобусе и наконец добралась до деревушки, затерянной в отдаленных холмах на северо-западе.

Вскарабкавшись на знакомый пригорок, она снова увидела лес. Деревья выросли, поэтому зеленый массив казался гуще, но Е заметила, что раньше он был намного обширнее. Участки с молодыми деревьями уже пошли под топор.

Вырубка шла полным ходом. Деревья падали повсюду, куда ни глянь. Лес напоминал тутовый листок, со всех сторон объеденный шелковичными червями. При таких темпах от него скоро ничего не останется! И занимались этим жители двух окрестных деревень. Под их топорами и пилами едва подросшие деревья одно за другим валились на землю, после чего их стаскивали к подножию холма тракторами и на воловьих упряжках. Лесорубов было огромное множество, и между ними постоянно вспыхивали драки.

Небольшие деревца падали без особого шума, да и вой бензопил здесь не слышался, и все же от знакомой картины у Е замерло сердце.

Кто-то окликнул ее. Это оказался прежний руководитель сельхозбригады, теперь председа-

тель сельсовета. Он узнал Е. Когда она спросила, почему они валят лес, председатель ответил:

— Так он же не под охраной закона.

— Как это не под охраной?! Только что обнародовали Закон о пользовании лесами!

— Да, но кто позволил Бетюну сажать здесь деревья? Приперся какой-то иностранец без разрешения — так какой тут может быть закон?!

— Нельзя так рассуждать! Он сажал деревья на голых склонах, не занял ни пяди обрабатываемой земли. И кстати, когда он начинал это дело, вы не возражали!

— Это так. Уезд даже наградил его премией за то, что он тут насажал. Жители нашей деревни с самого начала планировали свалить этот лес, только немного погодя — свинье надо дать нагулять жир, прежде чем резать, так ведь? Но народ из деревни Наньгэ не мог больше ждать, и если бы мои люди не присоединились, нам бы вообще ничего не досталось!

— Вы должны немедленно прекратить это! Я пожалуюсь вашему руководству!

— Да жалуйтесь на здоровье! — Председатель повел кончиком зажженной сигареты в сторону грузовика неподалеку, на который грузили стволы. — Видите? Это для секретаря уездного лесного

правления. А вон там народ из городской полиции — они заграбастали себе больше деревьев, чем любой наш брат селянин! Говорю же: у этого леса нет защиты. И на ваши жалобы всем плевать. Так что, товарищ, вы, кажется, профессор в университете? Вот и идите профессорствуйте, а в наши дела не лезьте!

Хижина Эванса стояла на прежнем месте, но хозяин куда-то отлучился. Е нашла его в лесу с топориком — он аккуратно подрезал деревцо. Должно быть, Эванс работал уже давно, потому что во всей его фигуре сквозила усталость.

— Да знаю я, что это бессмысленно, но мне все равно. Не могу остановиться. Если я остановлюсь, то просто рассыплюсь на куски. — Эванс натренированным движением срубил крючковатый сучок.

— Давайте вместе сходим в уездное правление! Если они не откажутся положить этому конец, обратимся к областным властям. Кто-то же должен их остановить! — взволнованно проговорила Е.

Эванс удивленно воззрился на Е. Косые лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь листву, зажгли в его глазах огоньки.

— Е, вы в самом деле думаете, что я корячусь здесь ради этого леса? — Он засмеялся и бросил

топор, затем уселся на землю спиной к стволу. — Если б я захотел, то остановить их — как пальцами щелкнуть! Я только что вернулся из Америки. Отец скончался два месяца назад, и я унаследовал почти весь капитал. Мои брат с сестрой получили всего лишь по пять миллионов каждый. Вот уж чего я никак не ожидал! Должно быть, глубоко в душе отец питал ко мне уважение. Или к моим идеалам. Знаете, сколько я получил, не считая средств, вложенных в предприятия? Около четырех с половиной миллиардов долларов. Да я запросто мог бы заставить этих мужланов сажать деревья, вместо того чтобы рубить их! Все эти лессовые холмы могли бы покрыться лесами, если бы я захотел. Но что толку-то?!

Причина тому, что здесь сейчас происходит, нищета. Вопрос: почему в более развитых странах дела обстоят лучше? Да потому, что они, заботясь о собственной природе, переводят грязное производство в бедные страны! Вам, наверно, известно, что американское правительство только что отказалось подписать Киотский протокол?.. И вся человеческая раса такова! До тех пор пока цивилизация продолжает развиваться в этом направлении, мои, а также и все прочие ласточки обречены на гибель. Дело времени, только

и всего.

Е сидела молча, глядя на наклонные столбы солнечного света между деревьями и прислушиваясь к шуму, производимому лесорубами. Мысленно она вернулась на двадцать лет назад, в леса Большого Хингана, к похожей беседе с другим человеком.

— Знаете, почему я приехал сюда? — продолжал Эванс. — Первые ростки общевидового коммунизма пробились давным-давно здесь, на Древнем Востоке.

— Вы имеете в виду буддизм?

— Да. Христианство сфокусировано на Человеке. Хотя Ной и взял в свой ковчег всякой твари по паре, но другим видам никогда не придавалось такого же значения, как человеку. Тогда как в центре буддистского учения стоит сохранение *всякой* жизни. Вот почему я приехал на Восток. Но... Но теперь мне ясно, что везде одно и то же.

— Да, верно, люди везде одинаковы.

— И что мне теперь делать? В чем цель моей жизни? У меня четыре с половиной миллиарда долларов и международная нефтяная компания. И какой прок от всех этих денег? Наверняка на защиту окружающей среды затрачены уже не четыре с половиной, а четыреста пятьдесят

миллиардов. Ну и что с того?! Цивилизация продолжает шагать по пути уничтожения всей жизни на Земле, кроме человеческой. Четырех с половиной миллиардов хватит, чтобы построить авианосец, но лавину человеческого безумия не остановит и тысяча авианосцев!

— Майк, именно это я и хотела вам сказать. Человечество больше не в состоянии выбраться из своих проблем собственными силами.

— А разве есть какая-нибудь сила вне человечества? Бог, если он и существовал, то давно уже умер!

— Да, такая сила есть.

Солнце зашло, лесорубы отправились по домам. Лес и холмы погрузились в тишину. И тогда Е рассказала Эвансу историю «Красного берега» и Трисоляриса. Эванс слушал затаив дыхание. Казалось, будто и лес, и холмы тоже слушают. Когда Е закончила, на востоке поднялась полная луна, в ее ярком свете лес заиграл тенями.

Эванс проговорил:

— Не могу поверить. Это слишком фантастично! Но, к счастью, у меня есть возможность получить подтверждение вашим сведениям. Если то, что вы мне рассказали, правда... — Он протянул руку для пожатия и произнес слова, которые в буду-

щем станут повторять все, кто присоединялся к Обществу «Земля — Трисолярис»: — ...То мы теперь соратники.

Глава 28. «Второй Красный берег»

Прошло еще три года. Эванс словно в воздухе растворился. Е не знала, где он, чем занимается. Может, и в самом деле пытается найти подтверждение ее рассказу? Хотя как вообще он сможет его найти? По масштабам Вселенной расстояние в четыре с половиной световых года — это, что называется, рукой подать, и все же оно невообразимо велико для хрупкой жизни. Два мира были словно исток и устье реки, протянувшейся через бескрайний космос. Любые связи между ними чрезвычайно затруднены.

Как-то зимой Е получила приглашение на полгода читать лекции в одном не очень известном западноевропейском университете. В Хитроу ее встретил некий молодой человек. Но вместо того, чтобы покинуть аэропорт, оба вернулись на летное поле. Молодой человек проводил Е Вэньцзе к ожидающему там вертолету.

Вертолет пробивался сквозь туманы Англии, а Е казалось, будто время потекло вспять. Она испытала чувство дежавю. Много лет назад, когда она впервые летела на вертолете, жизнь ее круто изменилась. Что уготовано ей судьбой на

этот раз?

— Мы направляемся на «Второй Красный берег».

Вертолет пересек береговую линию и направился прямиком в открытый океан. Через полчаса он завис над огромным судном. Вид его напомнил Е о Радарном Пике. Только сейчас она сообразила, что своей формой Пик действительно походил на корабль, а бескрайние леса Большого Хинган — на Атлантический океан. Однако больше всего напоминала ей о «Красном береге» гигантская параболическая антенна, возвышавшаяся посередине верхней палубы, будто огромный круглый парус. Само судно, этот плавучий стальной остров, представляло собой перестроенный нефтеналивной танкер водоизмещением в 60000 тонн. Эванс построил свою базу на судне — возможно, потому, что посреди моря наилучшие условия приема-передачи, а возможно, потому, что плавучую радиообсерваторию будет труднее засечь. Позже Е узнала, что бывший танкер называется «День гнева».

Сойдя с вертолета, она услышала знакомый гул — это исполинская антенна пела на океанском ветру. Звук тоже напомнил Е о прошлом.

Под антенной на обширной палубе собралась

толпа — не меньше двух тысяч человек.

К новоприбывшей подошел Эванс и торжественно сказал:

— Мы воспользовались частотой и координатами, которые вы указали, и получили послание от трисоляриан. Ваш рассказ подтвержден целиком и полностью.

Е сдержанно кивнула.

— Трисолярианский межзвездный флот уже пустился в путь. Его цель — Солнечная система. Они прибудут сюда через четыреста пятьдесят лет.

Е осталась невозмутима. Ничто на свете больше не могло лишить ее присутствия духа.

Эванс указал на толпу за его спиной:

— Вы видите перед собой первых членов Общества «Земля — Трисолярис». Наша цель — помочь трисолярианам реформировать человечество, обуздать его безумие и злобу, способствовать тому, чтобы Земля вновь стала гармоничным, процветающим, безгрешным миром. Все больше людей разделяют наши идеалы, и общество быстро растет. Его ячейки существуют по всей Земле.

— Какова будет моя роль? — тихо спросила Е.

— Вы станете главнокомандующим движения «Земля — Трисолярис». Таково желание всех борцов нашей организации.

Несколько мгновений Е молчала. Затем медленно кивнула.

— Сделаю все, что в моих силах.

Эванс прокричал толпе, потрясая сжатым кулаком:

— Долой тиранию человечества!

И тогда на фоне плеска разбивающихся о борта волн и под завывание ветра в антенне согласно прозвучал клич борцов ОЗТ:

— Мир принадлежит Трисолярису!

В этот день было положено начало движению «Земля — Трисолярис».

Глава 29. Движение «Земля — Трисолярис»

Наиболее удивительным аспектом этого движения было количество людей, потерявших веру в человечество, ненавидящих его, без колебаний готовых предать родной биологический вид и даже наслаждающихся грандиозной перспективой уничтожения всей человеческой расы, включая и их самих вместе с собственными детьми.

ОЗТ называли организацией духовной элиты. Большинство ее членов были людьми высокообразованными, многие принадлежали к высоким политическим или финансовым кругам. Одно время ОЗТ пыталось распространить свои идеи среди простого люда, но из этого ничего не вышло. Наверно, решили приверженцы ОЗТ, простонародье, в отличие от людей образованных, не в состоянии увидеть и постичь темные стороны человеческой натуры. Что еще важнее, мышление простолюдинов слишком поверхностно, чтобы воспринять передовые научные и философские идеи, и поэтому они гораздо теснее, на чисто инстинктивном уровне, ощущают свою принад-

лежность к роду человеческому. Предать его для них просто немыслимо. Но интеллектуальная элита совсем другое дело: многие из ее представителей уже начали смотреть на вещи с позиций внеземного разума. Так внутри человеческой расы зародилось стремление к отчуждению от нее.

Как бы ни впечатлял численный рост Общества, количество его участников не давало истинного представления о силе ОЗТ. Поскольку большинство его членов обладали высоким социальным статусом, в их руках сосредотачивались значительные власть и влияние.

Е, будучи главнокомандующим отступников, являлась лишь их духовным лидером. Она не вникала в детали различных операций, проводимых Обществом, не знала, до каких размеров разрослось ОЗТ, не имела понятия о количестве его членов.

Чтобы ускорить свой рост, организация действовала почти в открытую, но правительства государств не обращали на нее особого внимания. ОЗТ как раз и рассчитывало на то, что его будут защищать консерватизм и недостаток воображения людей, стоящих у власти. Те и в самом деле не принимали воззваний ОЗТ всерьез, думая, что это очередные экстремисты несут очередную ересь. А

по причине высокого социального статуса членов ОЗТ с ними обращались весьма корректно. К тому времени, когда власти прозрели, отступники расплодились уже по всей Земле. И только когда ОЗТ начало формировать собственные вооруженные силы, органы безопасности некоторых государств спохватились, сообразив, что дело, пожалуй, зашло слишком далеко. Как следствие этого промедления эффективные атаки на ОЗТ начались всего два года назад.

В самом Обществе, однако, не было единства. Внутри организации существовало несколько направлений, каждое со своей идеологией. Большинство из них образовало две фракции.

Адвентисты, ответвление ОЗТ, объединявшее в основном приверженцев эвансовского «общевидового коммунизма», были чистейшего вида фундаменталистами. Они полностью разочаровались в человечестве, и причиной этого разочарования было массовое уничтожение видов как следствие развития цивилизации. Позже появились и другие адвентисты, чье неприятие человеческой расы базировалось на других явлениях, не связанных напрямую с загрязнением среды или бесконечными войнами. Некоторые возвели свою ненависть на абстрактный,

философский уровень. Что бы ни говорили об адвентистах впоследствии, большинство из них были людьми трезвыми и даже на инопланетян, которым верно служили, особых надежд не возлагали. Они стали предателями исключительно из отчаяния и ненависти к человечеству. Майк Эванс выдвинул девиз адвентистов: «Мы не знаем, что собой представляют инопланетяне, но мы знаем, что собой представляют люди».

Редемпционисты появились гораздо позже адвентистов. Эта группа являлась, по сути, религиозной организацией, и ее члены были приверженцами культа Трисоляриса.

Инопланетная цивилизация, безусловно, обладает большой притягательной силой для высокообразованных классов, и эти люди взлелеяли прекрасные мечты о неведомых пришельцах. Человеческая раса наивна, противиться привлекательности гораздо более развитой космической цивилизации она не в силах. Вот вам приблизительная аналогия: молодой, неискушенный человек бредет в одиночестве по вселенской пустыне, и вдруг ему становится известно, что где-то там вдали его ждет потенциальная возлюбленная; молодой человек не может видеть ни лица, ни фигуры этой женщины, но само

знание о ее существовании вызывает к жизни чарующие фантазии, которые не обуздать, как ни старайся. По мере того как фантазии редемпционистов о далекой цивилизации расцветали все более буйным цветом, они начали испытывать к Трисолярису религиозные чувства. Альфа Центавра представлялась им космическим Олимпом, жилищем богов. Так родилась трисолярианская вера, которая не имела ни малейшего отношения к религии, существующей на Трисолярисе. В отличие от других земных религий редемпционисты поклонялись тому, что существовало в действительности. Другим отличием было также то, что на этот раз в помощи нуждался сам Господь, и бремя его спасения легло на плечи верующих.

Основным методом пропаганды трисолярианской культуры в человеческом обществе стала игра «Три тела». ОЗТ вложило в эту невероятно сложную программу огромное количество ресурсов. Первоначальная цель была двоякой: во-первых, распространять трисолярианскую веру; во-вторых, дать ОЗТ возможность запустить щупальца в средние и нижние социальные слои, пополняя свои ряды молодежью из этих классов.

Игра повествовала о культуре и истории Трисо-

ляриса, облекая их в реалии земной культуры и истории, чтобы не шокировать начинающих игроков. Как только игрок достигал определенного уровня и проникался симпатией к цивилизации Трисоляриса, ОЗТ входило с ним в контакт, проводило проверку и, наконец, вербовало в свои ряды тех, кто успешно прошел тест. Однако «Три тела» оставалась относительно малоизвестной игрой, потому что требовала от своих участников значительного багажа знаний и умения смотреть в корень, а молодые игроки, как правило, не отличались ни терпением, ни проницательностью, чтобы обнаружить поразительную правду, скрывающуюся за сравнительно простым фасадом. Таким образом, большинство поклонников игры по-прежнему происходило из числа интеллигентов.

Б`ольшая часть редемпционистов познакомилась с цивилизацией трисоляриан именно через «Три тела», так что, можно сказать, игра стала колыбелью их фракции.

Но редемпционисты отличались от адвентистов не только религиозными чувствами к Трисолярису — их позиция в отношении человеческой цивилизации не была столь сурова. Их целью было прежде всего спасти Господа. Они

готовы были до известной степени пожертвовать человечеством ради того, чтобы их Господь продолжал существовать. Однако большинство из них считали идеальным решением найти способ, который позволил бы трисолярианам жить дома, в звездной системе альфы Центавра, сделав таким образом их вторжение на Землю ненужным. Они наивно полагали, что стоит решить задачу трех тел — и тогда будут спасены обе цивилизации.

Надо признать, сама по себе идея была не так уж глупа. Трисоляриане многие тысячелетия питали ту же надежду; в течение нескольких сотен цивилизаций они не жалели усилий для решения проблемы. Многие редемпционисты с углубленными познаниями в математике и физике брались за эту задачу; и даже после того, как было установлено, что она не имеет аналитического решения, попытки не прекращались, превратившись в нечто вроде религиозного ритуала. Хотя в рядах редемпционистов было много блистательных математиков и физиков, исследования в этой области не приносили никаких результатов, пока за дело не взялся Вэй Чэн — математический гений, не имевший никакого отношения ни к ОЗТ, ни к трисолярианскому культу. Чисто интуитивно он совершил прорыв,

на который и стали возлагать свои надежды редемпционисты.

Две фракции находились в постоянном непримиримом конфликте. Адвентисты считали редемпционистов самой большой угрозой ОЗТ. Пожалуй, в этом был свой резон: именно благодаря некоторым редемпционистам с развитым чувством долга правительства начали понимать, какая угроза стоит за отступниками из ОЗТ. Численно обе фракции были примерно равны и обладали достаточными вооруженными силами, чтобы начать кровавую междоусобную войну. Е Вэньцзе использовала весь свой авторитет, чтобы уменьшить пропасть между соперниками, но результат был далек от совершенства.

По мере роста движения «Земля — Трисолярис» в нем выделилась и третья фракция — «выживальщики». После того как было подтверждено существование флота инопланетян, многими овладело естественное человеческое желание выжить в грядущей войне. Конечно, она произойдет только через 450 лет и к тому времени никого из ныне живущих уже не останется, но люди надеялись, что их потомкам все-таки будет позволено жить, даже если человечество проиграет. А что может лучше помочь в достижении этой

цели, чем служение захватчикам? По сравнению с другими двумя фракциями «выживальщики» были, как правило, выходцами из социальных низов, и большинство из них — с Востока, в частности из Китая. Количество членов этой фракции было пока что невелико, но оно быстро росло. В будущем они станут силой, с которой придется считаться.

Итак, отчуждение членов ОЗТ от остального человечества произошло под влиянием различных причин: ненависти к человеческой расе за ее преступления, преклонения перед более развитой цивилизацией и стремления дать своим потомкам возможность жить. Эти три могучих мотива обеспечили ОЗТ быстрые темпы роста.

Пришельцы были еще где-то далеко-далеко в космосе, от человечества их отделял путь длиной в четыреста пятьдесят лет. Все, что они когда-либо послали на Землю, было лишь несколько радиосообщений.

Таким образом, теория Билла Мазерса о «контакте как символе» получила жуткое в своей безукоризненности подтверждение.

Глава 30. Два протона

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Продолжаем расследование. Надеемся на ваше сотрудничество, как и в нашу прошлую встречу.

Е ВЭНЬЦЗЕ: Я уже рассказала вам все, что знаю. Собственно, теперь *мне* хотелось бы кое-что у вас разузнать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Не думаю, что вы рассказали все. Прежде всего нам хотелось бы знать, что было в тех сообщениях с Трисоляриса, которые перехватили адвентисты?

Е: Не могу сказать. Адвентисты хранят их в строжайшей тайне. Знаю лишь, что они скрыли от нас несколько сообщений.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Сменим тему. После того как адвентисты монополизировали связь с Трисолярисом, вы построили третий «Красный берег»?

Е: У меня было такое намерение. Но мы построили только приемник, после чего дело застопорилось. И оборудование, и помещения — мы все размонтировали.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почему?

Е: Потому что больше посланий с альфы Центавра не поступало. Ничего, ни на каких частотах.

Думается, вы уже это установили.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Да. Четыре года назад Трисолярис решил прекратить всяческое общение с Землей. Это делает послания, перехваченные адвентистами, еще более важными.

Е: Да, конечно. Но мне и в самом деле нечего сказать по этому поводу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (после некоторой паузы): Тогда давайте перейдем к теме, по поводу которой вам, возможно, есть что сказать. Майк Эванс лгал вам, не так ли?

Е: Наверно, можно и так сказать. Он никогда не доверял мне своих самых потаенных мыслей, говорил лишь о своем чувстве долга перед другими видами на Земле. Я и не догадывалась, что его чувство долга переросло в такую ненависть к человечеству, что он поставил целью всей своей жизни погубить его.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Давайте взглянем на нынешнее положение дел в ОЗТ. Адвентисты хотят с помощью инопланетян уничтожить человеческую расу; редемпционисты поклоняются внеземной цивилизации, словно богу; «выживальщики» готовы ценой предательства обеспечить собственное выживание. Ни в одном из этих течений программа не совпадает с вашим изначальным

намерением призвать инопланетян, чтобы они, так сказать, перевоспитали человечество.

Е: Я разожгла огонь, но потеряла контроль над ним.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: У вас был план избавиться от адвентистов, и вы даже начали приводить его в действие. Но ведь их база и командный центр находятся на «Дне гнева», Майк Эванс и его соратники практически живут там. Б`ольшая часть военных формирований редемпционистов верна вам, и боеприпасов у вас достаточно, чтобы потопить или захватить судно. Почему же вы не атаковали его в первую очередь?

Е: Из-за посланий от Господа, которые они перехватили. Все они хранятся на «Втором Красном береге», в компьютерах «Дня гнева». Если мы нападем на судно, то как только адвентисты поймут, что сообщения могут попасть к нам, они их уничтожат. А эти сообщения слишком важны для нас, чтобы рисковать их потерей. Для редемпционистов это то же самое, что для христиан лишиться Библии, а для мусульман Корана. Думаю, вы столкнулись с той же проблемой? Адвентисты держат послания Господа в качестве заложников. Именно поэтому «День гнева» до сих пор цел и невредим.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы можете что-нибудь нам посоветовать?

Е: Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы также назвали Трисолярис «Господом». Означает ли это, что вы, как и редемпционисты, поклоняетесь ему как богу? Вы последователь трисолярианского культа?

Е: Никоим образом. Это просто привычка... Не желаю обсуждать это дальше.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Давайте вернемся к тем перехваченным сообщениям. Может, точное содержание вам и неизвестно, но ведь до вас наверняка дошли какие-нибудь слухи?

Е: Слухи доходили — скорее всего, безосновательные.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какие же?

Е: ...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Передавали ли трисоляриане адвентистам свои технологии, передовые по сравнению с земными?

Е: Вряд ли. Ведь был риск, что они попадут в ваши руки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Последний и самый важный вопрос: правда ли, что до настоящего момента единственное, что приходило с Трисолярис на Землю, — это радиоволны?

Е: Почти правда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почти?!

Е: Нынешняя цивилизация трисоляриан способна путешествовать между звездами на одной десятой скорости света. Этот технологический скачок произошел несколько десятков лет назад по земному летосчислению. До него их максимальная скорость не превышала одной тысячной скорости света. Крохотные зонды, которые они послали к Земле, не преодолели пока и сотой доли расстояния между нами и альфой Центавра.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Тогда у меня такой вопрос: если трисолярианский флот способен развить скорость до одной десятой скорости света, то чтобы достичь Солнечной системы, ему хватило бы чуть больше сорока лет. Почему же вы утверждаете, что путешествие займет четыреста пятьдесят?

Е: Дело в следующем. Межзвездный флот Трисоляриса состоит из невероятно массивных кораблей. Разгон их — процесс медленный. Одна десятая — это их максимальная скорость, но они не могут идти на ней все время, потому что задолго до Солнечной системы им придется начать торможение. К тому же источником энергии для кораблей служит аннигиляция материи и антиматерии. На носу каждого корабля установлено

магнитное поле в форме воронки — ловушка для забора частиц антиматерии из космического пространства. Процесс этот тоже медленный; требуется долго ждать, прежде чем наберется достаточно антиматерии, чтобы на короткое время разогнать корабль. Таким образом, ускорение будет идти рывками, а между ними будут долгие периоды дрейфа для сбора антиматерии. Поэтому время, требующееся трисолярианскому флоту для того, чтобы достичь Земли, в десять раз больше, чем для маленького зонда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Но тогда что вы имели в виду под словом «почти»?

Е: Мы говорим о скорости космического полета в определенном контексте. Вне этого контекста даже люди с их недоразвитыми технологиями способны разгонять некоторые объекты чуть ли не до скорости света.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*после паузы*): Под «контекстом» вы подразумеваете макромасштаб? Потому что в микромасштабе люди уже используют ускорители высоких энергий и разгоняют элементарные частицы почти до скорости света. Вы ведь эти «объекты» имеете в виду?

Е: Вы очень умны.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*указывает на крохотный науш-*

ник): Со мной на связи самые передовые ученые мира.

Е: Да, я имела в виду субатомные частицы. Шесть лет назад в своей далекой звездной системе трисоляриане разогнали два ядра атома водорода примерно до скорости света и выстрелили ими в сторону Солнечной системы. Эти два ядра, или два протона, прибыли в Солнечную систему два года назад и достигли Земли.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Два протона? Они послали только два протона? Но это же почти ничего!

Е (смеясь): Видите, вы тоже сказали «почти». Это предел мощности трисоляриан. Они могут разогнать до скорости света только что-то крохотное, например, протон. К объекту, находящемуся в четырех световых годах от них, они могут послать только два протона.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: На макроскопическом уровне два протона — это практически ничто. У бактерии одна ресничка содержит миллиарды протонов. В чем смысл?

Е: Эти протоны — зам`ок.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Зам`ок? Но что же он запирает?!

Е: Они блокируют прогресс земной науки. Из-за этих двух протонов человечество в течение четырех с половиной веков, пока сюда не доберется

трисолярианский флот, не сможет осуществить сколько-нибудь значительного научного прогресса. Эванс как-то сказал, что день, в который два протона долетели до Земли, стал днем гибели земной науки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это... просто нелепица какая-то... Два протона... как?..

Е: Не знаю. Я действительно не знаю. В глазах трисоляриан мы, должно быть, даже не примитивные дикари. Мы что-то вроде клопов.

* * *

Уже почти наступила полночь, когда Ван Мяо и Дин И вышли из Боевого командного центра. Обоих пригласили туда послушать допрос Е, поскольку Ван имел непосредственное отношение к делу, а Дин был близким другом ее дочери.

— Ты веришь тому, что сказала Е Вэньцзе? — спросил Ван.

— А ты?

— В последнее время случилось столько всего невероятного... Но два протона, которые заблокируют прогресс всей человеческой науки? Это кажется...

— Тормози. Давай-ка для начала вот о чем подумаем. Трисоляриане выстрелили в Землю двумя

протонами. Частицы преодолели расстояние в четыре с половиной световых года и обе достигли цели! Такая точность просто выходит за пределы вероятного. На пути огромное количество препятствий — межзвездная пыль, например. И Солнечная система, и Земля движутся. Для такого подвига требуется б`ольшая точность, чем если бы попробовать застрелить отсюда комара на орбите Плутона. Вот это стрелок!

При слове «стрелок» сердце Вана екнуло.

— И что это значит, по-твоему?

— Понятия не имею. А как ты себе представляешь субатомные частицы типа нейтрона и протона?

— В виде точки. Хотя эта точка имеет внутреннюю структуру.

— К счастью, образ, который у меня в голове, гораздо ближе к действительности. — Дин отбросил в сторону окурок. — Вот скажи, что это такое? — спросил он, указывая на окурок.

— Сигаретный фильтр.

— Хорошо. Глядя на него с этого расстояния, как бы ты его описал?

— Ну... точка, да и все.

— Правильно.

Дин отошел и поднял окурок, затем разорвал

бумажную обертку. Глазам Вана предстал желтоватый губчатый материал, до ноздрей донесся запах горелой смолы. Дин продолжал:

— Взгляни — если развернуть фильтр, то окажется, что адсорбирующая поверхность по площади равняется большой комнате. — Дин выбросил окурок. — Ты куришь трубку?

— Я уже давно ничего не курю.

— В трубках используется более сложный фильтр. Его можно купить за три юаня. Диаметр примерно такой же, как у сигаретного, но он длиннее и представляет собой тонкую бумажную трубочку, наполненную активированным углем. Если вынуть уголь, то получится маленькая кучка черных крупиц, похожих на мышиный помет. Но общая поверхность всех малюсеньких дырочек в угольках будет примерно с теннисный корт. Вот почему активированный уголь обладает такой сильной адсорбирующей способностью.

Ван вслушивался в каждое слово собеседника.

— К чему ты ведешь?

— Губка или активированный уголь в фильтрах — трехмерные вещи. А вот их адсорбирующие поверхности — двумерные. Теперь ты видишь, что маленькая структура более высокой размерности может содержать в себе огромную структуру бо-

лее низкой размерности. На макроскопическом уровне речь идет о пределе возможности пространства с большей размерностью содержать пространство с меньшей размерностью. Бог, этот старый скряга, во время Большого взрыва наделил макроскопические объекты только тремя пространственными измерениями и одним временным. Но это не значит, что не существует большей размерности. В микромире, или, точнее, в квантовом мире, существуют еще семь дополнительных измерений. Плюс четыре измерения макромира. Итого элементарные частицы существуют в одиннадцатимерном пространстве-времени.

— И что?

— Хочу лишь подчеркнуть один факт: в масштабах Вселенной важным признаком технологического прогресса служит способность цивилизации контролировать и манипулировать измерениями микромира. Извлекать пользу из элементарных частиц можно и без этого, — что проделывали уже наши волосатые дикие предки, разводя костры в своих пещерах. Контролированная химическая реакция — это манипулирование частицами, не затрагивающее микроизмерений. Конечно, оно тоже прогрес-

сировало от грубого и примитивного к более тонкому: от костра к паровому двигателю, а затем и к электрогенератору. Нынешняя способность человечества манипулировать микрочастицами на макроуровне достигла своего пика: у нас есть компьютеры и наноматериалы. Но все это достигнуто без вмешательства в мир микроизмерений. С точки зрения более развитой космической цивилизации компьютеры и наноматериалы в основе своей ничем не отличаются от костров. Это явления одного порядка. Вот почему в глазах инопланетян люди все равно что клопы. К сожалению, думаю, они правы.

— А не мог бы ты объяснить конкретнее? Какое отношение все это имеет к нашим двум протонам? Что в конечном счете может сделать пара протонов, достигших Земли? Как сказал следователь, одна ресничка бактерии содержит миллиарды протонов. Если бы эти два протона, посаженные на кончик моего пальца, полностью обратились в энергию, я бы, наверно, почувствовал разве что легкое покалывание?..

— Ты и этого не почувствовал бы. Даже бактерия ничего бы не почувствовала.

— Тогда что ты пытаешься сказать?

— Ничего. Я ничего не знаю. Что может знать

клоп?

— Но ты-то физик среди клопов! Тебе известно больше, чем мне. Для тебя протоны — не такой темный лес, как для остальных. Ну расскажи больше! Пожалуйста! Иначе я не усну ночью!

— Если я скажу больше — вот тогда ты точно не уснешь. Выкинь из головы! К чему сушить себе мозги? Надо учиться смотреть на все философски, как Вэй Чэн и Ши Цян. Просто старайся делать свое дело как следует, и все. Пойдем выпьем чего-нибудь и отправимся на боковую, как подобает хорошим клопам.

Глава 31. Операция «Гучжэн»

— Расслабься, — сказал Ши Цян, усаживаясь за совещательный стол рядом с Ваном. — Я больше не радиоактивный. Последние пару дней меня полоскали изнутри и снаружи, как мешок для муки. Вообще-то тебя не хотели звать на это собрание, но я настоял. Хе! Чует моя душа, что на этот раз мы с тобой сыграем очень важную роль.

Разглагольствуя, Да Ши выудил из пепельницы окурок сигары, прикурил и со смаком затянулся. Кивнул и медленно, лениво выдохнул дым прямо в физиономии сидящих напротив. Одним из этих визави был прежний владелец сигары Стентон, полковник морской пехоты США. Он бросил на Да Ши брезгливый взгляд.

На этом совещании присутствовало гораздо больше иностранных военных, чем на прежних. Впервые в истории вооруженные силы всех земных наций противостояли единому врагу.

Слово взял генерал Чан:

— Товарищи, все присутствующие на этом совещании теперь имеют примерно одинаковое представление о ситуации. Или, как выразился бы Да Ши, установлен информационный пари-

тет. Человечество находится в состоянии войны с инопланетными захватчиками. Наши потомки столкнутся с ними лицом к лицу только через четыреста пятьдесят лет. Пока что нашими непосредственными противниками являются люди. Этих предателей человечества можно считать врагами наряду с пришельцами. Мы еще никогда не сталкивались с подобным противником. Всем должно быть ясно, что нашим следующим шагом будет получить в свое распоряжение послания с Трисоляриса, хранящиеся на «Дне гнева». Они будут иметь решающее значение для нашего выживания.

До сих пор мы действовали осторожно, и пока что на «Дне гнева» никто ни о чем не догадывается. Судно продолжает свободное плавание в Атлантике. Оно подало запрос в администрацию Панамского канала на проход по каналу через четыре дня. Мы просто обязаны воспользоваться такой возможностью! Судя по развитию ситуации, другой может и не представиться. В настоящий момент все боевые командные центры мира разрабатывают планы операции. В течение ближайших десяти часов Главный Центр выберет один из них и приступит к его осуществлению. Целью настоящего совещания является

обсуждение возможных планов операции; три лучших предложения пойдут в Главный Центр. Время не ждет, поэтому мы должны работать с наибольшей отдачей.

Заметьте, каков бы ни был план, он должен гарантировать одно: захват трисолярианских посланий в целости и сохранности. «День гнева» — это бывший танкер; его внешние и внутренние части подверглись основательной перестройке, в результате которой появились новые помещения и коридоры. Структура так сложна, что, по всей вероятности, даже членам команды в незнакомых местах приходится сверяться с картой. Нам, естественно, о внутреннем устройстве «Дня гнева» известно еще меньше. Мы не знаем с уверенностью, где на судне расположен компьютерный центр, сохраняются ли трисолярианские послания там или в каком-то другом месте и сколько имеется копий. Единственный способ достичь цели — это захватить полный контроль над «Днем гнева».

Самое трудное — это не дать врагу стереть информацию во время атаки. Уничтожить данные очень легко. Противник, конечно, не станет делать это обычными методами, потому что потом данные можно восстановить с помощью соот-

ветствующей технологии. Но если они попросту выпустят обойму в жесткий диск или другие устройства хранения, то все будет кончено, а понадобится на это не больше десяти секунд. Значит, в течение десяти секунд после начала атаки мы должны вывести из строя всех, кто находится рядом с хранилищем данных. А поскольку точное местонахождение этого помещения, как и количество копий трисолярианских посланий, нам неизвестно, то уничтожить всю живую силу «Дня гнева» следует в считаные мгновения, еще до того, как противник поймет, что на него напали. В то же время мы не должны разрушить судно, особенно его компьютерное оборудование. Так что задача очень сложная. Кое-кто считает ее невыполнимой.

Заговорил офицер Сил самообороны Японии:

— Мы считаем, что наш единственный шанс — это шпионы на борту «Дня гнева». Если им известно, где находятся данные с Трисоляриса, они могли бы контролировать подходы к этому помещению или перепрятать устройства хранения перед самым началом атаки.

Кто-то спросил:

— Наблюдение за «Днем гнева» всегда было прерогативой военной разведки НАТО и ЦРУ.

Есть у вас там шпионы?

— Нет, — ответил представитель НАТО.

— Тогда нам больше нечего обсуждать, кроме говна собачьего, — буркнул Да Ши и получил в ответ залп неприязненных взглядов со всех сторон.

Полковник Стентон сказал:

— Поскольку наша задача — уничтожить весь персонал, не допустив разрушения оборудования, то нашей первой мыслью было воспользоваться искусственной шаровой молнией.

Дин И покачал головой:

— Существование этого рода оружия стало теперь достоянием общественности. Мы не знаем: а вдруг «День гнева» оснащен магнитными стенами для защиты от шаровой молнии? Даже если и не оснащен, шаровая молния и впрямь может убить всех, кто находится внутри судна, но она не может сделать это в один момент. К тому же после ее запуска на судно молния сначала повисит на одном месте и только потом высвободит свою энергию. Ожидание может длиться от десяти секунд до нескольких минут или дольше. У противника будет достаточно времени, чтобы понять, что на него напали, и уничтожить данные.

— А как насчет нейтронной бомбы? — спросил полковник Стентон.

— Полковник, уж вы-то должны бы понимать, что это не сработает! — подал голос российский офицер. — Радиация нейтронной бомбы не убивает мгновенно. У врага будет в запасе достаточно времени, чтобы устроить совещание вроде того, на котором мы сейчас присутствуем.

— Была еще задумка использовать нервно-паралитический газ, — сказал натовский офицер. — Но опять-таки — его распространение по судну займет некоторое время, так что и этот план не удовлетворяет требованиям генерала Чана.

— Тогда остаются бомбы объемного взрыва и инфразвуковые волны, — произнес Стентон. Собравшиеся ждали, что он разовьет мысль, но полковник молчал.

— Я как-то использовал бомбу объемного взрыва при полицейской облаве, — проговорил Да Ши. — Детские игрушки! Они и правда могут отправить человека в нокаут в закрытом помещении. Хорошая штука, если у тебя только одна-две комнаты. У вас есть такие бомбы, которые оглушили бы разом целый танкер с кучей людей на борту?

Стентон покачал головой:

— Нет. Даже если бы и были, то такое большое взрывное устройство безусловно повредило бы и оборудование.

— А что там насчет инфразвукового оружия? — поинтересовался кто-то.

— Оно пока еще на стадии эксперимента и в настоящем бою использоваться не может. К тому же судно очень большое. При том уровне энергии, которую задействуют опытные прототипы, все, на что можно рассчитывать при атаке на «День гнева», — это что люди на борту почувствуют головокружение и тошноту, вот и все.

— Ха! — Да Ши сунул в пепельницу окурок сигары, теперь размером с горошину. — Я ж сказал — уже битый час обсуждаем собачье говно. Напомню слова генерала: время не ждет. — Он хитро подмигнул переводчице, красивой девушке в чине лейтенанта, по лицу которой было видно, что у нее проблемы с капитанской манерой выражаться. — Что, товарищ, трудновато приходится? Не парься, доведи до них общий смысл, и дело с концом.

Но Стентон, похоже, понял и без перевода. Он наставил на Да Ши свежую сигару, которую только что вытащил из красивого деревянного ящичка:

— Кто он такой, этот полисмен? По какому праву он так с нами разговаривает?

— А ты кто такой? — не остался в долгу Да Ши.

— Полковник Стентон — эксперт по спецоперациям, — пояснил офицер НАТО. — Он принимал участие во всех значительных военных операциях со времен вьетнамской войны.

— Тогда я тебе сейчас скажу, кто *я* такой! — рявкнул Да Ши. — Больше тридцати лет назад мой разведывательный взвод ухитрился проникнуть на десятки километров за линии вьетнамской обороны и захватить гидроэлектростанцию, которая очень хорошо охранялась. Мы помешали вьетнамцам взорвать плотину и смыть к чертям нашу наступающую армию. Вот кто я такой. Я победил врага, который в свое время победил *вас*!

— Хватит! — Генерал Чан грохнул кулаком по столу. — Дело говори! У тебя есть план? Излагай!

— Я считаю, этот полисмен только зря тратит наше время! — презрительно сказал Стентон, зажигая сигару.

Да Ши вскочил, не дожидаясь перевода.

— *Пао-ли-си* — это слово я услышал уже дважды! Что, считаешь, что мы, полицейские, по сравнению с вами так, говно собачье? Конечно, если речь о том, чтобы кинуть десяток бомб и разнести корабль на куски, то тут вы, вояки, мастера! Но если речь о том, чтобы вытащить оттуда кое-что целым и невредимым, то мне плевать, сколько у

тебя звезд на погонах, потому как тогда тебе обычный карманник сто очков вперед даст! Для таких трюков надо научиться мыслить нестандартно. НЕ-СТАН-ДАРТ-НО! Понял? Да тебе ни в жизнь не придумать того, что придумает нестандартно мыслящий преступник! Это, скажу я вам, такой находчивый народ! Я как-то расследовал грабеж — преступники ухитрились украсть вагон поезда прямо на ходу. Они сцепили вагон, который шел перед угнанным, с тем, что шел за ним, так что поезд ехал себе до самого конца, и никто ничего не заметил. А использовали при этом моток проволоки и несколько стальных крюков. Вот кто настоящий эксперт по спецоперациям! Если хотите знать, то я, полицейский следователь, играющий с уголовниками в кошки-мышки уже полтора десятка лет, многому у них научился. Вот где тренировочка так тренировочка!

— Тогда выкладывай план, — приказал генерал. — А если его нет, то заткнись!

— Ну тут же столько важных персон, разве ж мне с ними тягаться? Я и рот боюсь раскрыть: а вдруг вы, генерал, опять скажете, что я хамлю?

— Ты уже всем тут нахамил под самую завязку. Хватит болтать! Ознакомь нас со своим нестандартным планом.

Да Ши вытащил авторучку и нарисовал на столе две параллельные линии.

— Это канал.

Поместил между линиями пепельницу.

— Это «День гнева».

Потом Да Ши перегнулся через стол и вытащил сигару изо рта полковника Стентона.

— Я больше не намерен терпеть выходки этого наглеца! — возопил полковник, вскакивая на ноги.

— Пошел вон, Да Ши! — рявкнул генерал Чан.

— Всего одну минуту. Я скоро закончу. — Да Ши протянул к Стентону руку.

— Чего тебе надо? — недоуменно спросил полковник.

— Дай еще одну.

Стентон мгновение поколебался, потом вытащил из ящичка сигару и протянул капитану. Тот прижал горящий конец первой сигары к столешнице, так что сигара теперь стояла на одном берегу канала. Затем Да Ши расплющил конец второй сигары и установил ее на другом берегу.

— Мы поставим по столбу на каждом берегу канала, а между ними натянем множество параллельных тончайших нитей, с интервалом примерно в полметра. Нити должны быть сде-

ланы из наноматериала, который называется «парящее лезвие» — его разработал профессор Ван. Названьице в самую точку для нашего случая.

Закончив говорить, Ши Цян несколько секунд стоял молча. Потом поднял руки, сказал ошеломленному собранию: «У меня все», повернулся и вышел.

Все словно окаменели. Казалось, что в зале замерз сам воздух. Даже гул многочисленных компьютеров стал слабее.

Через некоторое время в тишине раздался чей-то робкий голос:

— Профессор Ван, это ваше «парящее лезвие» — оно в самом деле как нить?

Ван кивнул.

— На нынешнем уровне молекулярной технологии единственная форма, которую мы в состоянии сделать, — это нить толщиной примерно в одну сотую человеческого волоса. Офицер Ши получил от меня эту информацию еще до собрания.

— У вас достаточно материала?

— Какой ширины канал? Какой высоты судно?

— Ширина канала в самом узком месте сто пятьдесят метров. «День гнева» в высоту трид-

цать один метр, осадка — восемь или что-то в этом роде.

Ван уставился на стоящие торчком сигары, производя в уме подсчеты.

— Думаю, материала у нас хватит.

Опять последовало долгое молчание. Все старались прийти в себя после шока.

— А что, если устройства, на которых хранятся трисолярианские данные — жесткие или оптические диски, — тоже будут разрезаны?

— Вероятность этого очень мала.

— Даже если их разрежет, — пояснил эксперт-компьютерщик, — то ничего страшного. Нити чрезвычайно тонкие, края разреза будут очень гладкие. При таких условиях мы сможем спасти б`ольшую часть данных, на чем бы они ни были записаны — на жестких и оптических дисках или в микросхемах.

— У кого-нибудь есть идея получше? — Чан окинул присутствующих взглядом. Все молчали. — Хорошо. Тогда приступаем к проработке деталей.

Полковник Стентон, который за все это время не произнес ни слова, встал.

— Пойду позову офицера Ши обратно.

Генерал знаком велел ему сесть.

— Да Ши! — позвал он.

Капитан вернулся, лучась улыбкой. Схватил со стола обе сигары. Ту, что дымилась, сунул в рот, вторую положил в карман.

Кто-то спросил:

— Когда «День гнева» будет проходить между столбами, смогут ли они выдержать натяжение нитей? Не случится ли так, что «парящее лезвие» прежде всего разрежет сами столбы?

— Эту проблему легко решить, — успокоил Ван. — У нас есть немного наноматериала в виде нешироких полосок. Ими мы защитим те части опор, к которым будут крепиться нити.

После этого дискуссия шла в основном между моряками и экспертами по навигации.

— Тоннаж «Дня гнева» почти предельный для судов, проходящих по каналу. Осадка глубокая. Может, стоит подумать, а не натянуть ли нити и под ватерлинией?

— Это будет очень сложно. Да и времени нет, так что, думаю, не стоит и заморачиваться. Части судна, лежащие под ватерлинией, используются в основном для двигателей, горючего, балласта; там слишком много шума, вибраций и помех. Неподходящие условия для компьютеров и прочей тонкой электроники. А для надводных частей

чем больше нитей мы натянем, тем лучше.

— Тогда целесообразно установить ловушку в одном из шлюзов. «День гнева» — судно класса «Панамакс»[62], помещается в шлюзы впритык. Тогда нам достаточно натянуть нити всего в тридцать два метра длиной. Будет легче и столбы ставить, и нити натягивать...

— Нет. В шлюзах и на подходах к ним всегда слишком много суеты. Кроме того, судно тянут через шлюзы четыре «мула»-электровоза, едущих по рельсам. Они движутся медленно; к тому же когда судно проходит шлюзы, команда всегда начеку. Нашу ловушку наверняка быстро обнаружат.

— А как насчет «Моста двух Америк» сразу за шлюзами Мирафлорес? Мы можем натянуть нити между его опорами.

— Не годится. Расстояние слишком велико. Материала не хватит.

— Тогда решено: операцию надо провести в

---

[62] Примечания: 62

«Панамакс» (англ. *Panamax*) — тип судов, которые обладают максимальными габаритами, позволяющими пройти через шлюзы Панамского канала (размеры шлюзов: 305 м в длину, 33,5 м в ширину, 26 м в глубину). По современным меркам эти суда являются средними по размеру. Они входят в шлюзы впритык и имеют очень ограниченную возможность маневра. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

самом узком месте — в Кулебрской выемке[63], ширина там сто пятьдесят метров. Ну, подбросить еще немного для столбов... Итого, скажем, сто семьдесят метров.

— При таком раскладе, — заметил Ван, — расстояние между нитями будет пятьдесят сантиметров. Для более тесной сети у нас нет материала.

— Иными словами, нужно подгадать так, чтобы корабль прошел там днем, — заключил Да Ши, изрыгая очередной клуб дыма.

— Почему?

— Потому что ночью б`ольшая часть команды дрыхнет, то есть находится в горизонтальном положении. А у нас пятьдесят сантиметров между нитями. Зато днем, даже если они сидят или лазят на четвереньках, этого расстояния достаточно.

Раздалось несколько смешков — так присутствующие, все под тяжелым стрессом, несколько выпустили пар, хоть он явно имел запах крови.

— Капитан, вы просто демон какой-то! — ужаснулась представительница ООН.

— А невинные люди могут пострадать? — дро-

---

[63] Примечания: 63

Кулебрская выемка — часть Панамского канала, прорытая сквозь горы. Одной из ключевых фигур при строительстве Кулебрской выемки был американский военный инженер Давид Дю-Боз Гайяр (1859–1913). — *Прим. перев.*

жащим голосом спросил Ван.

Ему ответил офицер-моряк:

— Во время прохождения через шлюзы на борт поднимается десятка полтора рабочих, но как только судно минует шлюз, они все сходят на берег. Лоцман будет сопровождать судно все восемьдесят два километра. Им придется пожертвовать.

Служащий ЦРУ добавил:

— И наверняка не все в команде знают об истинном назначении судна.

— Профессор, — обратился генерал Чан к Вану, — выбросьте эти мысли из головы. Информация, которую мы собираемся получить, необходима для выживания всего человечества. Другого выбора нет.

После окончания совещания полковник Стентон подвинул ящичек с сигарами к Ши Цяну.

— Держите, капитан. Лучшие гаванские.

* * *

Четыре дня спустя, Кулебрская выемка, Панамский канал

Ван не ощущал, что находится в другой стране. Он знал, что на западе, не очень далеко отсюда,

расположено красивое озеро Гатун, а на востоке — величественный «Мост двух Америк» и город Панама[64]. Но у него не было ни малейшей возможности увидеть хоть что-либо из этого.

Позавчера он прибыл прямым рейсом из Китая в Токумен — международный аэропорт Панамы, — а оттуда вылетел на вертолете. В пейзаже, расстилающемся перед ним, не было ничего примечательного: стройка как стройка. На канале велись работы по его расширению, и тропический лес по обоим берегам был вытеснен обширными участками голой желтоватой почвы. Родной Вану цвет. Сам канал тоже не казался чем-то выдающимся, возможно, потому, что был в этом месте очень узок. Тем не менее в прошлом веке сто тысяч человек выкопали его обычными кирками и лопатами.

Ван и полковник Стентон сидели в шезлонгах под навесом, устроенным на середине отлогого берегового склона. В просторных цветастых

---

[64] Примечания: 64

В географическом положении Панамского канала есть изюминка. Казалось бы, чтобы попасть из Атлантического океана в Тихий, надо плыть с востока на запад. Но Панамский перешеек изогнут буквой S, и канал проложен так, что вход в него из Атлантики расположен на северо-западе, а выход в Тихий океан — на юго-востоке. Вот почему искусственное озеро Гатун, лежащее близ Атлантического побережья, расположено от Вана на западе, а город Панама у Тихоокеанского побережья — на востоке. — *Прим. перев.*

рубашках, с панамами, валяющимися рядом на земле, они могли бы сойти за праздных туристов.

Внизу, по одному на каждом берегу, лежали на земле параллельно каналу два столба длиной 24 метра. Между ними были натянуты пятьдесят сверхпрочных «парящих лезвий» 160 метров длиной. На восточном берегу каждая нить прикреплялась к обычной стальной проволоке — так нитям добавили длины и с помощью дополнительных грузов опустили на дно. Такое решение давало возможность другим судам беспрепятственно проходить по каналу. К счастью, движение здесь оказалось не таким интенсивным, как ожидал Ван. В среднем за сутки здесь следовало около сорока больших судов.

Операция носила кодовое наименование «Гучжэн»: конструкция походила на древнюю китайскую цитру с тем же названием. Поэтому и сами натянутые нити называли просто «цитрой».

Час назад «День гнева» вошел в Кулебрскую выемку со стороны озера Гатун.

Стентон спросил Вана, бывал ли тот в Панаме раньше.

— Нет, — ответил Ван.

— А я был. В 1989 году.

— Тогда здесь, кажется, шла война?

— Да, и это была одна из тех войн, что не оставили по себе особых воспоминаний. Помню только, как стоял перед посольством Ватикана, где в то время скрывался Норьега, а репродукторы орали «Nowhere to Run»[65]. Кстати, моя идея.

Внизу по каналу плыл белоснежный французский круизный теплоход. Несколько пассажиров в яркой одежде беспечно прогуливались по застеленной зеленым ковром палубе.

— Второй наблюдательный пост докладывает: перед целью нет других судов, — проскрипела рация Стентона.

Полковник скомандовал:

— Поднять цитру!

На берегах появились мужчины в защитных касках, вроде тех, что носят ремонтники. Ван привстал, но полковник потянул его вниз.

---

[65] Примечания: 65

Полковник рассказывает об эпизоде военного конфликта в Панаме, когда свергнутый руководитель этой страны Мануэль Норьега скрывался от американцев в посольстве Ватикана. Американские военные придумали трюк, чтобы помучить его: трое суток напролет передавали рок-музыку через мощные громкоговорители, установленные у посольства. Особенной популярностью пользовался названный полковником Стентоном хит группы «Martha Reeves and the Vandellas» *Nowhere to Run — Nowhere to Hide* (букв. «Некуда бежать, негде скрыться»). Пытка музыкой прекратилась, когда папский нунций взмолился, что не может заснуть. — *Прим. перев.*

— Не волнуйтесь вы так, профессор. Они свое дело знают.

Ван наблюдал, как рабочие на восточном берегу быстро накручивали на барабаны стальные провода, соединенные с «парящими лезвиями», а потом закрепляли нити на столбе. Потом медленно-медленно оба столба поставили на шарнирах вертикально. Для маскировки на них повесили навигационные знаки и указатель глубин. Рабочие трудились не торопясь, как будто выполняли самую что ни на есть рутинную, скучную работу. Ван во все глаза смотрел в пространство между столбами и ничего не видел. Казалось, что там ничего нет, однако смертоносная цитра уже заняла свою позицию.

— Расстояние от объекта до цитры четыре километра, — протрещала рация.

Стентон отложил ее в сторону и продолжал вспоминать:

— Второй раз я приехал сюда в 1999 году, чтобы присутствовать на церемонии передачи Панамского канала. И знаете что — к тому времени, когда мы прибыли к зданию администрации, «звезды и полосы» уже исчезли. По предположениям, правительство США приказало убрать флаг на сутки раньше, чтобы его не пришлось

спускать на глазах у всего честного народа. Тогда я считал себя свидетелем великого исторического события. А сегодня оно кажется таким незначительным...

— *До цитры три километра.*

— Угу, незначительным... — пробормотал Ван. Он совсем не слушал Стентона. Все его внимание сфокусировалось на той точке, где вскоре должен появиться «День гнева», остальной мир перестал для него существовать. Сейчас солнце, поднявшееся над Атлантикой, спускалось к Тихому океану. Канал искрился золотом. Смертоносная цитра ничем не выдавала своего присутствия. Столбы, сработанные из темной стали, не отражали солнечного света; казалось, будто они были старше самого канала.

— *До цитры два километра.*

Стентон продолжал, словно не слыша вяканья рации:

— После того как я узнал, что к Земле идет флот инопланетян, у меня стала проявляться амнезия. Так странно. Многие события прошлого выпали из головы. Не помню подробностей войн, в которых участвовал. Как я уже сказал, теперь все они кажутся незначительными. Те, кто узнал правду о происходящем, духовно перерождаются

и смотрят на мир иначе. Я все думаю: если бы две тысячи лет назад или даже еще раньше люди узнали, что через несколько тысяч лет на Землю прибудет флот захватчиков-инопланетян — какой была бы сейчас человеческая цивилизация? Профессор, вы можете это себе вообразить?

— А? Нет... — отсутствующе проговорил Ван. Его мысли были совсем в другом месте.

— *До цитры один и пять десятых километра.*

— Профессор, думаю, вы станете Гайяром новой эпохи. Мы ждем, когда вы построите новый Панамский канал. Нет, в самом деле, космический лифт — это тоже канал. Как Панамский канал соединяет два океана, так космический лифт соединит Землю с космосом...

Ван понимал, что полковник трещит без умолку, дабы облегчить ему тягостное ожидание. Он был благодарен Стентону, но его уловка не действовала.

— *До цитры один километр.*

Появился «День гнева». В лучах садящегося за прибрежные холмы солнца судно выглядело как темный силуэт на фоне сверкающей золотом воды. Бывший танкер оказался гораздо больше, чем представлял себе Ван. Словно между холмами вдруг поднялась еще одна вершина. Ван

знал, что канал способен принять суда водоизмещением до семидесяти тысяч тонн, и все равно зрелище такой махины в столь узкой водной артерии вызывало в нем странное чувство: казалось, будто под судном вовсе нет воды, канал словно исчез. «День гнева» походил на гору, плавно скользящую прямо по земле. Наконец глаза Вана приспособились к солнечному свету, и он разглядел, что корпус у судна угольно-черный, а над ним возвышается белоснежная надстройка. Гигантской антенны не было. До ушей Вана и Стентона доносились гул судовых дизелей и плеск волн, расходящихся от закругленного форштевня и разбивающихся о берега канала.

Расстояние между «Днем гнева» и смертоносной цитрой сокращалось; сердце Вана билось все быстрей и быстрей, дыхание участилось. Он был бы не прочь сорваться с места и задать стрекача, но его охватила такая слабость, что он не мог и пальцем пошевельнуть. Внезапно на него накатила волна ненависти к Ши Цяну: «Как этот ублюдок посмел выдвинуть такую чудовищную идею? Правильно сказала та дама из ООН, что он сущий демон!» Но волна быстро схлынула, сменившись мыслью, что, будь Да Ши рядом, Ван чувствовал бы себя лучше. Стентон звал капита-

на ехать с ними, но генерал не дал разрешения, заявив, что Да Ши нужен ему для других дел.

Ван почувствовал, как на его спину легла рука полковника.

— Профессор, это все пройдет.

«День гнева» находился сейчас прямо под ними, двигаясь сквозь страшную цитру. Когда форштевень коснулся невидимой плоскости между столбами — пространства, казавшегося пустым, — волосы на голове Вана зашевелились. Но ничего не произошло. Громадное судно как ни в чем не бывало продолжало свой путь. Когда половина его прошла между столбами, Ван начал сомневаться: может, там и вовсе нет никаких нитей?

Но тут он заметил кое-что, отчего его сомнения улетучились: тонкая антенна на самом верху надстройки надломилась у основания и полетела вниз.

А вскоре проявился и еще один признак, при виде которого Ван едва не лишился чувств. Со своего места на берегу он ясно видел всю картину. Обширная палуба «Дня гнева» была пуста, если не считать одного человека — тот стоял на корме и поливал из шланга кнехты. В тот момент, когда судно проходило между столбами,

кусок шланга поблизости от матроса срезало, как бритвой, и из отверстия полилась вода. Матрос, ошалев, выронил наконечник шланга. Несколько секунд человек стоял неподвижно, а потом рухнул, причем тело его, падая, разделилось на две половины. Верхняя половина ползла во все увеличивавшейся луже крови, загребая... нет, не руками, а двумя кровавыми обрубками. Кисти были отрезаны напрочь.

Но вот корма судна прошла между столбами. «День гнева» продолжал двигаться вперед на прежней скорости; с виду все выглядело совершенно нормально. А потом Ван услышал, как гул дизеля превратился в какой-то странный визг, который затем сменился беспорядочным грохотом. Гремело и звенело так, как если бы в двигатель бросили гаечный ключ. Нет, не один ключ, а по меньшей мере сотню. Ван понял: это тарахтят разрезанные вращающиеся части двигателя. Раздался громкий треск, и в борту судна образовалась дыра, из которой вылетел большой кусок металла. Обломок упал в воду, подняв огромный столб брызг. Ван успел разглядеть, что это был фрагмент судового коленчатого вала.

Из дыры повалил густой дым. «День гнева», идущий ближе к правому берегу, стало развора-

чивать поперек. Вскоре он, таща за собой дымный хвост, пересек канал и врезался в левый берег. Ван наблюдал, как колоссальный форштевень, искореженный при ударе, вспорол холм, словно воду, отчего земля вспучилась волнами во все стороны. Одновременно «День гнева» начал разделяться на четыре десятка ломтей, полметра толщиной каждый. Верхние ломти двигались быстрее нижних, и судно легло на берег, словно колода карт. Раздавался пронзительный, режущий уши звук — это железо скрежетало о железо. Казалось, будто множество гигантских ногтей скрипят по стеклу.

Когда ужасный звук наконец стих, «День гнева» лежал на берегу, словно стопка тарелок, которые уронил споткнувшийся официант; верхние «тарелки» легли дальше нижних. «Ломти», на вид мягкие, как ткань, быстро деформировались, и вскоре никто бы уже не сказал, что раньше они были частями судна.

По береговым склонам посыпались вниз солдаты. Ван удивился: он и не подозревал, что совсем рядом прячется столько народу. Послышался приближающийся рев винтов: целый флот вертолетов пролетел над каналом, покрытым радужными разводами нефти, завис над тем, что

было когда-то «Днем гнева», и принялся заливать его противопожарной пеной и засыпать порошком. Через несколько минут огонь был взят под контроль, и с трех других вертолетов начали спускать на тросах поисковиков.

Полковника Стентона уже след простыл. Ван поднял бинокль, который тот, уходя, оставил, и дрожащими руками поднес к глазам. Корпус разбитого судна сейчас был покрыт пеной и порошком, но кое-где виднелись срезы «ломтей»: гладкие, будто зеркало, они идеально отражали яростный алый свет заката. Или то была кровь?..

* * *

Спустя три дня

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Насколько полное представление вы имеете о трисолярианской цивилизации?

Е ВЭНЬЦЗЕ: Я знаю совсем мало. Мы получили весьма ограниченную информацию. Никто не владеет подробными знаниями об этой цивилизации, кроме Майка Эванса и некоторых его ближайших соратников, перехвативших сообщения трисоляриан.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Тогда почему вы возложили на трисоляриан такие надежды, рассчитывая,

что они реформируют и улучшат человеческое общество?

Е: Если они могут преодолеть расстояние между звездами и прийти в наш мир, это значит, что их наука находится на очень высоком уровне развития. Общество с такой передовой наукой обладает и более высокими моральными устоями.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы считаете это заключение научно обоснованным?

Е: ...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Позвольте мне сделать некоторые предположения. Ваш отец находился под глубоким влиянием идей вашего деда, считавшего, что только наука может спасти Китай. А вы находились под глубоким влиянием вашего отца.

Е (тихо вздыхая): Я не знаю...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Мы уже получили все сообщения с Трисоляриса, хранившиеся у адвентистов.

Е: Ох... А что с Эвансом?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Он погиб во время операции по захвату «Дня гнева». Но поза, в которой лежало его тело, подсказала нам, в каких компьютерах содержатся копии трисолярианских сообщений. К счастью, все они были зашифрованы при помощи кода, использовавшегося «Красным берегом».

Е: И много было данных?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Да, около двадцати восьми гигабайт.

Е: Но это невозможно! Межзвездная коммуникация страшно неэффективна. Как удалось передать такое огромное количество данных?!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Мы тоже стали в тупик поначалу. Но действительность превзошла наши самые дерзкие, самые фантастические предположения. Вот, взгляните сюда. Это фрагмент предварительного анализа захваченных данных. Ознакомьтесь с трисолярианской реальностью и сравните ее с вашими прекрасными фантазиями.

Глава 32. Трисолярис: Слушатель

Передачи с Трисоляриса не содержали никаких описаний биологии его жителей. Ну да все равно — раз людям доведется увидеть трисоляриан только через четыре с лишним сотни лет, то почему бы и не представлять их себе гуманоидами? Так Е и поступила. Читая их сообщения, она заполняла пустоты с помощью воображения.

* * *

Пост прослушивания № 1379 функционировал уже много сотен лет. Таких постов на Трисоларисе насчитывалось несколько тысяч. Все они направляли свои усилия на обнаружение разумной жизни во Вселенной.

Поначалу на каждом посту работало несколько сотен операторов, но по мере развития технологии это число сокращалось, пока на каждом посту не остался только один дежурный. Карьера слушателя считалась незавидной. Хотя внутри постов поддерживалась постоянная температура и системы жизнеобеспечения гарантировали выживание во время Эр Хаоса без дегидрации,

слушателям приходилось безвылазно сидеть в тесных помещениях, словно в тюрьме. Радости Эр Порядка были доступны им в гораздо меньшей мере, чем остальным трисолярианам.

Слушатель на посту № 1379 смотрел на расстилающийся за крохотным иллюминатором трисолярианский пейзаж — там царила ночь Эры Хаоса. Гигантская луна еще не взошла; большинство людей пребывало в состоянии анабиоза. Даже растения и те инстинктивно дегидрировали и легли на землю безжизненными пучками сухих волокон... В свете звезд земля казалась огромным, необозримым листом холодного металла.

В это время Слушатель всегда чувствовал себя особенно одиноким. В глубокой полночной тишине Вселенная представала перед ним во всем своем безбрежном мрачном запустении. Больше всего ему была отвратительна волнообразная линия, медленно ползущая по экрану — визуальное воплощение бессмысленного космического шума. Эта бесконечная кривая казалась Слушателю абстрактным выражением самой сути Вселенной: один конец уходит в прошлое, другой в будущее, а посередине лишь случайные взлеты и падения — без жизни, без порядка, — одномерная пустыня, в которой все

песчинки выстроены в ряд, одинокий и унылый, такой непостижимо длинный, что это становится невыносимым. Можно следовать по этой кривой вперед или назад как угодно долго и никогда не прийти к концу...

Однако в эту ночь Слушатель, взглянув на экран, увидел кое-что странное. Даже эксперты, глядя невооруженным глазом, затруднились бы сказать, несет ли кривая какую-либо информацию, но Слушателю шум Вселенной был знаком досконально, так что он сразу разглядел нечто необычное в бегущих перед его глазами волнах. Тонкая кривая с ее подъемами и спусками словно бы обрела душу. Несомненно, этот радиосигнал был послан разумным существом!

Он поспешил к другому терминалу и проверил по нему рейтинг узнаваемости: Красный-10. До этого момента ни один радиосигнал, полученный постом, не поднимался выше Синего-2. Красный означал, что вероятность того, что передача содержит разумную информацию, превышает 90 %. Рейтинг Красный-10 означал, что принимаемое сообщение содержит универсальный код! Компьютер-дешифровальщик заработал на полную мощность.

Вне себя от неожиданности и возбуждения,

Слушатель таращился на экран с волнообразной линией. Информация из глубин Вселенной продолжала поступать на приемное устройство. Наличие универсального кода облегчило компьютеру задачу расшифровки, и он начал переводить в режиме реального времени.

Слушатель открыл получившийся в результате расшифровки текст... и впервые в истории трисолярианин прочитал сообщение, посланное из другого мира.

> С наилучшими намерениями мы надеемся на установление контакта с другими цивилизованными обществами. Давайте вместе трудиться, чтобы построить лучшую жизнь в нашей необъятной Вселенной!

* * *

В течение двух следующих трисолярианских часов Слушатель узнал о существовании Земли — мира, вращающегося вокруг только одного солнца, мира постоянной Эры Порядка — и получил представление о человечестве, живущем в раю с неизменно мягким климатом...

Передача из Солнечной системы закончилась.

Компьютер-дешифровальщик продолжал трудиться, но теперь вхолостую. Пост снова слышал только бессмысленный шум Вселенной.

Однако Слушатель был уверен: то, что случилось, — не наваждение. Он знал также, что несколько тысяч постов прослушивания, разбросанных по всей планете, тоже приняли эту столь долгожданную весть. В течение двухсот цивилизационных циклов трисоляриане блуждали в темном туннеле, и вот наконец перед ними забрезжил свет.

Слушатель перечитал сообщение с Земли. Мысленно он парил над никогда не замерзающим синим океаном, над зелеными лесами и полями, радуясь теплому солнышку и прохладному ветерку. «Какой прекрасный мир! Значит, рай, о котором мы мечтали, существует на самом деле!»

Восторг и возбуждение постепенно улеглись, сменившись унынием и чувством потери. Много раз в течение своего долгого одинокого дежурства Слушатель задавал себе вопрос: «Если даже когда-нибудь и придет послание от чужой космической цивилизации — мне-то лично что с того?» Его горькая бесприютная жизнь не изменится ни на йоту!

«Но я, во всяком случае, смогу насладиться этим чудесным миром хотя бы во сне...» — решил Слушатель и тут же уснул. Эволюция наделила трисоляриан способностью засыпать и просыпаться по собственной воле в считаные секунды.

Однако Слушатель увидел не тот сон, который хотел. Да, ему приснилась голубая планета, но... под обстрелом огромного межзвездного флота. Ее континенты пылали, глубокие синие океаны кипели и испарялись... Это был кошмар.

Он пробудился. Через крохотный иллюминатор в помещение проникал тонкий холодный луч только что взошедшей луны. Слушатель смотрел на вымороженный пейзаж за стеклом и раздумывал о своей одинокой жизни. Он прожил шестьсот тысяч трисолярианских часов. Средняя продолжительность жизни трисоляриан — семьсот-восемьсот тысяч часов. Большинство, впрочем, теряют работоспособность гораздо раньше. Тогда их принудительно дегидрируют, а высохшую плоть бросают в огонь. На Трисоляри-се с нахлебниками не церемонились.

Однако перед Слушателем теперь открылась новая перспектива. Он был не прав, считая, что весть из космоса не окажет влияния на его жизнь. После подтверждения приема количество постов

прослушивания будет сокращено. А такие посты, как этот — устаревший, обветшалый, — закроют в первую очередь. Значит, Слушатель останется без работы. И поскольку ничего иного, кроме как выполнять немногочисленные рутинные операции да поддерживать пост в рабочем состоянии, он не умел, то другой работы ему не найти. Через пять тысяч часов после закрытия поста его принудительно дегидрируют и сожгут.

Единственный способ избежать такой судьбы — это образовать пару с особью противоположного пола. Тогда органическое вещество их тел сольется воедино. Две трети этого вещества станут топливом для биохимической реакции, в результате которой все клетки оставшейся трети полностью обновятся и преобразуются в новое тело. Затем это тело разделится на три-пять крохотных новых особей — их детей. Они унаследуют некоторую часть памяти родителей и будут жить дальше — так начнется новый жизненный цикл. Однако кому он, старик с низким социальным статусом, ведущий тяжкую жизнь на затерянном в глуши посту, нужен в качестве партнера?

Последние несколько лет Слушатель миллионы раз задавался вопросом: «Неужели это все, что уготовила мне жизнь?» И миллионы раз сам себе

отвечал: «Да, это все. Бесконечное одиночество в тесном мирке поста прослушивания».

И пусть рай явился ему только в мечтах, он не допустит его гибели!

Слушатель знал: в масштабах космоса, не имея достаточно длинной базы параллакса, расстояние до источника низкочастотной радиопередачи определить невозможно — только направление. Источник может быть мощным, но далеким, или слабым, но близким. Там, откуда пришла передача, находились миллиарды звезд, и каждая сияла на фоне множества других, лежащих в том же направлении на разных расстояниях. А не зная расстояния до объекта, невозможно определить его точные координаты.

«Расстояние. Это ключ ко всему!»

Вообще-то существовал легкий способ узнать расстояние до источника передачи: ответить на сообщение, и если противоположная сторона отзовется немедленно, то, исходя из скорости света, по времени ожидания можно определить расстояние. Ну разве что инопланетяне сильно замешкаются с ответом — тогда время, которое сообщение было в пути, не определить.

Вопрос был: а отзовется ли противоположная сторона? Судя по тому, что земляне посылают

сигналы в космос, они активно ищут братьев по разуму, а значит, получив ответное послание от Трисоляриса, скорее всего, отзовутся. Слушатель был уверен, что правительство уже дало приказ послать сообщение, чтобы вызвать ответную реакцию землян. Может статься, оно уже в пути, а может, и нет. В последнем случае у Слушателя был шанс совершить хотя бы один славный поступок в своей жалкой жизни.

Он бросился к терминалу и набрал короткое простое сообщение, затем с помощью компьютера-дешифровальщика перевел его на язык земного послания. Выполнив все это, он направил антенну туда, откуда пришло сообщение.

Пальцы Слушателя застыли над красным прямоугольником — кнопкой включения передачи.

Судьба всей трисолярианской цивилизации зависела сейчас от этих тонких пальцев.

Слушатель решительно нажал на кнопку, и мощная радиоволна понесла через космический мрак сообщение, которое могло спасти другую цивилизацию:

Не отвечайте! Не отвечайте!! Не отвечайте!!!

* * *

Нам неизвестно, как выглядит официальная резиденция трисолярианского правителя, но одно можно утверждать уверенно: ее стены должны быть достаточно массивны, чтобы защитить главу государства от погодных катаклизмов. Пирамида из «Трех тел» — это одно из предположений касательно внешнего вида резиденции. Другое — что она находится глубоко под землей.

Пять трисолярианских часов назад правителю доложили о послании с другой звезды. Два трисолярианских часа назад ему доложили о том, что пост прослушивания № 1379 послал предупреждение в ту сторону, откуда пришла инопланетная передача.

Как первый доклад не заставил правителя подпрыгнуть от восторга, так и второй не поверг его в депрессию. Он даже не рассердился и не возмутился. Подобные эмоции — как и многие другие, вроде страха, печали, радости и чувства прекрасного — относились к вещам, которых трисоляриане старались избегать или вообще полностью искоренить. Эти чувства духовно ослабляли все общество в целом и каждого индивида в отдельности и не помогали выжить в

их суровом мире. Трисолярианам необходимо сохранять спокойствие и невозмутимость. История двухсот предыдущих циклов доказывала, что цивилизации, в которых превалировали эти два душевных состояния, имели больше шансов на выживание, чем прочие.

— Почему ты так поступил? — спросил правитель у слушателя с поста № 1379.

— Чтобы моя жизнь не прошла даром, — спокойно ответил тот.

— Предупреждение, которое ты послал, возможно, лишило трисолярианскую цивилизацию шанса на выживание.

— Зато дало его землянам. Правитель, желание нашей цивилизации найти для себя жизненное пространство подобно желанию изголодавшегося человека насытиться, и оно столь же беспредельно. Мы не сможем жить на Земле совместно с ее исконными обитателями. Нам захочется полностью уничтожить всю земную цивилизацию и подчинить себе Солнечную систему. Я прав?

— Да. Но есть и иная причина для уничтожения земной цивилизации. Это воинственная раса. Очень опасная. Если мы попробуем сосуществовать с ней на одной планете, они быстро переймут нашу технологию. Сложится положение, которое

не позволит процветать ни коренным жителям, ни пришельцам. Я задам тебе вопрос: ты желаешь стать спасителем Земли, но неужели в тебе нет чувства ответственности по отношению к твоей собственной расе?

— Я устал от Трисоляриса. Все наши физические и духовные силы уходят на борьбу за существование.

— И что в этом плохого?

— Ничего плохого, конечно. Существование — это необходимое условие для всего остального. Но, правитель, присмотритесь внимательнее к нашей жизни: все посвящено одному — выживанию. Чтобы выжила вся раса в целом, уважение к отдельной личности сведено почти к нулю. Как только кто-то не может больше работать, его убивают. Наше общество крайне авторитарное. У закона только два исхода: невиновного отпускают, виновного карают смертью. Все, что может привести к душевной слабости, объявлено злом. Для меня наиболее невыносимы духовные монотонность и пустота. У нас нет ни литературы, ни искусства, ни стремления к любованию красотой. Что касается любви, то о ней даже разговоры — и те под запретом. Правитель, какой смысл в такой жизни?!

— Цивилизация, по которой ты тоскуешь, или подобная ей, однажды существовала на Трисолярисе. Свободное демократическое общество, оставившее после себя богатое культурное наследие. Вряд ли ты что-нибудь знаешь о нем. Большинство сведений были скрыты в тайных хранилищах и запрещены к показу. Однако среди всех трисолярианских циклов эта цивилизация явилась самой слабой и кратковременной. Умеренной Эры Хаоса оказалось достаточно, чтобы уничтожить ее. Взгляни еще раз на земную культуру, которую ты так стремишься спасти. Общество, рожденное и живущее в мягких, тепличных условиях вечной весны, не продержалось бы на Трисолярисе и миллиона часов.

— Возможно, этот цветок слишком нежен, но как же он прекрасен, как блистателен! Земная цивилизация наслаждается свободой и красотой в блаженстве своего рая.

— Если трисоляриане завладеют этим миром, они тоже смогут жить такой жизнью.

— Правитель, я сомневаюсь в этом. Мы насквозь пропитались духом Трисоляриса, затвердели, как камень. Неужели вы и вправду думаете, что мы способны смягчиться? Я маленький человек, прозябающий на самом дне общества. Никому

нет до меня дела. Моя жизнь одинока и безотрадна; у меня нет ни общественного положения, ни любви, ни надежды. Если я спасу далекий прекрасный мир, который мне так полюбился, моя жизнь будет прожита не напрасно. К тому же, правитель, это дало мне шанс лично предстать перед вами. Человек моего ранга может любоваться вашей особой только на экране телевизора. Поэтому позвольте мне считать себя удостоившимся награды.

— Ты виновен, в этом нет никаких сомнений. Ты самый страшный преступник за всю историю Трисоляриса. Но на этот раз мы сделаем исключение из нашего закона. Ты свободен.

— Почему?!

— Потому что дегидрация и сожжение для тебя слишком мягкая кара. Ты стар, не дотянешь до полного уничтожения земной цивилизации. Но ты будешь жить с сознанием, что тебе не удалось ее спасти. Я хочу, чтобы ты дожил до того момента, когда Земля потеряет всякую надежду. А теперь можешь идти.

* * *

После того как слушатель с поста № 1379 ушел, правитель вызвал к себе советника, отвечающе-

го за систему космического наблюдения. Глава государства постарался не дать волю своему гневу. Вместо этого он подошел к вопросу чисто по-деловому:

— Как получилось, что ты допустил к работе такую слабую и злонамеренную личность?

— Правитель, в нашей системе сотни тысяч работников. Тщательно проверять каждого попросту нет возможности. Этот человек хорошо справлялся с работой, не допускал промахов... б`ольшую часть своей жизни. Разумеется, я готов нести ответственность за самую тяжкую его ошибку.

— Сколько человек в Трисолярианской системе космического наблюдения несет хотя бы частичную ответственность за это упущение?

— По моим предварительным подсчетам — около шести тысяч на всех уровнях.

— Они все виновны.

— Да, правитель.

— Дегидрировать все шесть тысяч и сжечь на площади в центре столицы. Что до тебя, то ты послужишь растопкой.

— Благодарю вас, правитель. Это хоть немного облегчит нашу совесть.

— Но прежде хочу тебя спросить: как далеко

может улететь его предупреждение?

— Пост прослушивания № 1379 — маленький, мощность его передатчика невелика. Предельное расстояние около двенадцати миллионов световых часов, то есть тысяча двести световых лет.

— Достаточно далеко, значит. У тебя есть какие-нибудь соображения относительно следующих шагов Трисоляриса?

— Как насчет того, чтобы отправить им продуманно составленное сообщение, спровоцировав их на ответ?

— Не пойдет. Это может ухудшить положение. Во всяком случае, предупреждение было очень коротким. Может, земляне вообще проигнорируют его или неправильно истолкуют... Ладно. Можешь идти.

После ухода советника правитель вызвал командующего трисолярианским флотом.

— Сколько времени займет полная подготовка первой волны?

— Правитель, строительство флота находится на завершающей стадии. Потребуется еще по крайней мере шестьдесят тысяч часов, прежде чем корабли будут готовы выйти в космос.

— Скоро я представлю свой план на одобрение Объединенной ассамблеи советников. После

завершения строительства флот должен будет отправиться в путь немедленно.

— Правитель, передача шла на такой частоте, что даже направление можно определить только приблизительно. Флот может идти с крейсерской скоростью лишь в одну сотую скорости света. Его резервной мощности хватит только на одно торможение, а это значит, что вести поиски в таком огромном объеме пространства невозможно. Если расстояние до объекта неизвестно, то флот неизбежно затеряется в космической бездне.

— Взгляни на наши три солнца. В любой момент внешний плазменный слой любого из них может начать расширяться и поглотит свою последнюю планету, наш Трисолярис! У нас нет выбора. Придется пойти на риск.

Глава 33. Трисолярис: Софон

Спустя 86 тысяч трисолярианских часов (около 8,6 земного года)

Правитель созвал всех своих советников на внеочередное заседание. Неординарное событие. Должно быть, случилось что-то крайне важное.

Межзвездный флот отправился в путь 20 тысяч трисолярианских часов назад. Было известно приблизительное направление, но не расстояние до цели. Она могла находиться в миллионе световых лет от Трисоляриса или вообще на другом конце Галактики. В этом безбрежном океане звезд миссия экспедиции становилась практически безнадежной.

Заседание состоялось под гигантским Маятником. [Когда об этом читал Ван Мяо, он все время вспоминал Сессию ассамблеи ООН из игры «Три тела». Великий Маятник был одним из немногочисленных реально существующих на Трисолярисе объектов.]

Выбор места вызвал недоумение у большинства советников. Эра Хаоса еще не кончилась; маленькое солнце только что взошло, но могло в

любой момент закатиться. Стоял холод, и многие из собравшихся надели костюмы с электроподогревом. Исполинский Маятник величественно рассекал морозный воздух, отбрасывая на землю длинную качающуюся тень. Казалось, будто это шагает великан, головой достающий до неба. Под пристальными взглядами собравшихся правитель взошел на пьедестал монумента и нажал на красную кнопку.

Обернувшись к советникам, правитель сказал:

— Я только что отключил питание Маятника. Под влиянием сопротивления воздуха он постепенно остановится.

— Но почему, правитель? — спросил один советник.

— Мы все знаем, какое значение придавалось маятникам в нашей истории. Их возводили с целью усыпить Бога. Но больше нам не нужно Его усыплять, ибо Он теперь благоволит к нам.

Все молчали, обдумывая сказанное. Маятник качнулся три раза, и только тогда один из советников спросил:

— Земля ответила?

— Да, — кивнул правитель. — Полчаса назад я принял рапорт. Пришел ответ на предупреждение, посланное Земле.

— Так скоро! Прошло всего восемьдесят шесть тысяч часов. Это значит... это значит...

— Это значит, что Земля находится всего в сорока трех тысячах световых часов от нас.

— Но тогда это должна быть ближайшая к нам звезда?!

— Именно. Вот почему я говорю, что Бог благоволит к трисолярианам.

Присутствующие впали в экстаз, но поскольку они старались сдерживать эмоции, собрание стало напоминать вулкан перед взрывом. Правитель понимал, что нельзя давать выход чувствам, это слабость, это опасно. Поэтому он охладил пыл собравшихся ушатом холодной воды:

— Я уже приказал нашему флоту повернуть к нужной звезде. Но дела не такие радужные, как может показаться. Судя по тому, что нам стало известно, флот летит навстречу неизбежной гибели.

Советники затихли.

— Кто-нибудь понимает, почему я пришел к такому выводу?

— Я понимаю, — отозвался советник по науке. — Мы тщательно изучили первые послания с Земли. Наибольшего внимания заслуживает история земного человечества. Давайте посмотрим

на факты. Их обществу понадобилось больше ста тысяч земных лет, чтобы развиться от охотников-собирателей до земледельцев. Переход к промышленной эпохе занял несколько тысяч лет. Но от начала промышленной эпохи до вступления в эру атома прошло всего двести земных лет. А в информационную эру человечество вступило всего через несколько десятков лет. Способность этой цивилизации к ускорению прогресса поражает и устрашает. Ни для одной из двухсот трисолярианских цивилизаций, включая и нашу, не характерно такое ускоренное развитие. На Трисолярисе прогресс науки и техники идет равномерно или даже показывает тенденцию к замедлению. В нашем мире все стадии занимают примерно одинаковый период времени, развитие идет устойчиво и размеренно.

Правитель кивнул.

— Несомненно одно: когда через четыре миллиона пятьсот тысяч часов межзвездный флот достигнет Земли, уровень ее технологии намного превзойдет наш, поскольку развитие земной цивилизации идет по экспоненте. Путь трисолярианского флота далек и труден, ему предстоит преодолеть два облака межзвездной пыли. Скорее всего, до цели доберется только половина

кораблей, остальные погибнут по дороге. И после всех трудов они окажутся в полной власти гораздо более могущественной земной цивилизации. Это не экспедиция, это похоронная процессия.

— Но если это так, правитель, тогда последствия могут быть еще более ужасающими... — промолвил военный советник.

— Да. Легко себе представить. Координаты Трисоляриса землянам уже известны. Чтобы избавиться от угрозы в будущем, межзвездный флот Земли бросится в контратаку. И очень возможно, что, когда нашу планету поглотит раздувшаяся звезда, цивилизации на ней уже не будет — ее уничтожат земляне.

Лучезарное будущее внезапно обернулось беспросветным мраком. Советники впали в ступор.

Правитель продолжал:

— Наш следующий шаг — это сдержать развитие земной цивилизации. К счастью, приняв первую передачу с Земли, мы сразу же приступили к разработке соответствующего плана. Сейчас стало известно о благоприятном обстоятельстве, облегчающем его выполнение: ответ, только что полученный нами, послан предателем Земли. Нужно думать, там таких много. Из этого надо извлечь максимальную пользу.

— Правитель, это не так-то просто. Линия коммуникации с Землей чрезвычайно тонка. На каждый цикл «вопрос-ответ» требуется более восьмидесяти тысяч часов.

— Но не забывайте: так же, как это случилось с нами, весть о существовании инопланетян потрясет все земное сообщество и окажет на него глубокое воздействие. У нас есть основания считать, что это будет способствовать консолидации отступников и росту их мощи.

— Но что они смогут сделать? Устраивать акты саботажа?

— Принимая во внимание, что разрыв во времени между нами составляет более сорока тысяч часов, стратегическая ценность обычных военных и террористических актов незначительна, земляне успеют оправиться от них. Чтобы эффективно сдержать прогресс цивилизации и разоружить ее на таком долгом отрезке времени, есть только один метод: убить ее науку.

Слово взял советник по науке:

— План фокусируется на том, чтобы всячески подчеркивать негативное воздействие науки на экологию Земли; кроме того, нужно показать землянам признаки присутствия в их мире сверхъестественной силы. Мы попытаемся под-

строить серию «чудес» и создадим таким образом иллюзорную вселенную, которую нельзя будет объяснить с позиций науки. По прошествии некоторого времени Трисолярис, возможно, станет объектом религиозного поклонения. Среди земных интеллектуалов возобладают ненаучные методы мышления, что приведет к коллапсу всей системы научных представлений.

— И как мы организуем эти «чудеса»?

— Суть в том, чтобы они не выглядели дешевыми трюками. Для этого, возможно, придется передать некоторые наши технологии земным отступникам.

— Слишком рискованно. Кто знает, в чьи руки в конце концов попадут эти технологии? Это же игра с огнем.

— Конечно, вопрос о том, какие именно технологии следует передать землянам для производства «чудес», предстоит тщательно проработать...

— Погодите-ка, — вмешался военный советник. — Правитель, мое мнение — этот план практически бесполезен. Он не сможет остановить развитие земной технологии.

— Но все же это лучше, чем ничего! — возразил советник по науке.

— Ненамного! — презрительно бросил военный

советник.

— Я согласен с тобой, — сказал правитель. — Этот план если и помешает развитию земной науки, то очень незначительно. Нам нужно совершить нечто такое, что полностью задушило бы науку на Земле и заморозило бы ее на нынешнем уровне. Итак, ключевое суждение: общее технологическое развитие зиждется на прогрессе фундаментальной науки, а она, в свою очередь, опирается на исследования глубинных структур материи. Если нет прогресса в этой отрасли, то о значительных прорывах в других областях науки и техники можно забыть. Само собой, этот закон выполняется не только для цивилизации Земли. Он годится для любых миров, которые трисоляриане вознамерятся завоевать. Мы начали разработки в этой области еще до того, как получили первое сообщение с Земли. Но в последнее время мы утроили наши усилия. — Правитель сделал паузу. — А теперь все посмотрите вверх. Что вы видите?

Правитель указал в небо. Советники подняли головы и увидели в космосе металлическое кольцо, сияющее в лучах солнца.

— Что это — док для постройки второго флота?

— Нет. Это строится большой ускоритель ча-

стиц. Планы постройки второго флота отменены. Все ресурсы брошены на проект «Софон».

— Проект «Софон»?

— Да. Мы хранили его в секрете от большинства здесь присутствующих. Сейчас я попрошу советника по науке представить вам проект.

— Я знал об этом плане, но не подозревал, что он продвинулся так далеко, — удивился советник по промышленности.

А советник по культуре и образованию добавил:

— Я тоже знал, но считал, что это выдумки вроде волшебных сказок.

— Постараюсь быть немногословным, — начал советник по науке. — Проект «Софон» состоит в том, чтобы преобразовать обычный протон в сверхкомпьютер с искусственным интеллектом[66].

— Это научная фантазия, о которой слышали многие из нас, — проговорил советник по сельскому хозяйству. — Но разве ее можно сделать реальностью? Я знаю, что наши физики уже научились манипулировать девятью из одиннадцати измерений микромира, но мы так пока и

---

[66] Примечания: 66

В китайском языке здесь игра слов: «протон» и «софон» звучат почти одинаково: «чжицзи». — *Прим. К. Л.*

не представляем себе, с помощью какого пинцета можно встроить в протон интегральные схемы из макромира.

— Разумеется, это невозможно. Изготовить микроинтегральные схемы можно только в макромасштабе и только на макроскопической двумерной плоскости. А это значит, что мы должны развернуть протон в два измерения.

— Развернуть девятимерную структуру в два измерения? Какая же у нее тогда будет площадь?!

— Очень большая, — улыбнулся советник по науке. — Погодите немного и сами увидите.

* * *

Прошло еще 60 тысяч трисолярианских часов. Через 20 тысяч часов после завершения строительства большого ускорителя на стационарной орбите вокруг Трисоляриса должно было начаться развертывание протона в два измерения.

Стоял чудесный теплый день Эры Порядка. Небо было чисто. Как и восемьдесят тысяч часов назад, в тот день, когда улетал космический флот, все жители Трисоляриса смотрели в небо на гигантское кольцо. Правитель и его советники опять собрались под Великим Маятником. Тот уже давно остановился, груз застыл между двумя

пилонами незыблемо, словно скала. При взгляде на него не верилось, что некогда он двигался.

Советник по науке отдал приказ развернуть протон в два измерения. В космосе вокруг кольца плавали три куба — это были термоядерные генераторы, питающие ускоритель. Их радиаторы постепенно разгорались тусклым красным светом. Толпа, затаив дыхание, следила за ускорителем, но там, казалось, ничего не происходило.

Через одну десятую трисолярианского часа советник по науке поднес к уху наушник и принялся напряженно слушать. Потом сказал:

— Правитель, к сожалению, нас постигла неудача. Мы развернули на одно измерение больше, чем надо, так что протон стал одномерным.

— Одномерным? Вытянулся в линию?

— Да. В бесконечно тонкую струну. Теоретически она должна бы протянуться на тысячу пятьсот световых часов.

— Мы затратили все ресурсы, на которые можно было построить второй межзвездный флот, — процедил военный советник, — чтобы получить этакий результат?!

— При научных экспериментах, как правило, идет процесс, в течение которого сглаживаются шероховатости. Как-никак сегодня мы развора-

чиваем протон впервые в истории.

Разочарованная толпа начала расходиться, однако эксперимент вовсе не закончился. Физики полагали, что одномерный протон останется на стационарной орбите вокруг Трисоляриса навечно, но под воздействием солнечных ветров струна разломалась, и кусочки выпали в атмосферу. Спустя шесть часов каждый, кто находился под открытым небом, мог наблюдать в воздухе странные отсветы, тончайшие, словно паутинки, мерцающие нити. В новостях сообщили, что это одномерный протон, под действием силы тяжести стремящийся к земле. Хотя нити были неимоверно тонкими, они все же создавали поле, отражающее видимый свет. Впервые люди видели материю, состоящую не из атомов: призрачные нити были фрагментами одного-единственного протона.

— Эти штуки так раздражают. — Правитель то и дело проводил ладонью по лицу. Он и советник по науке стояли на широких ступенях Дома Правительства. — Лицо зудит.

— Правитель, это обман чувств. Все струны в сумме имеют массу протона, то есть они не могут нанести никакого вреда, не могут вообще оказать какое-либо воздействие на макромир. Их все

равно что не существует.

Но падающих с неба нитей становилось все больше. Весь приземный слой воздуха светился крохотными огоньками. Солнце и звезды обзавелись серебристыми гало. Струны цеплялись за одежду тех, кто находился на улице; за пешеходами тянулись светящиеся шлейфы. Люди возвращались в жилища, занося с собой и нити; в свете ламп виднелись тончайшие сияющие полоски. Когда люди двигались, полоски тоже двигались, увлекаемые потоками воздуха. Это раздражало, несмотря на то что одномерные струны были видны только на свету и на ощупь никак не ощущались.

Светопреставление продолжалось больше двадцати часов. Наконец, оно завершилось, но не потому, что все струны упали на поверхность планеты. Хотя их суммарная масса и была невообразимо мала, но она все же существовала, и поэтому ускорение свободного падения для них было таким же, как и у обычной материи; однако сопротивление атмосферного воздуха не позволяло им упасть на землю. Произошло следующее: при развертывании протона в одном измерении сильное ядерное взаимодействие ослабло, струны постепенно распались на мельчайшие

фрагменты, и отражаемый ими свет стал невидим для глаза. Люди думали, что нити исчезли, но на самом деле их крохотные обрывки будут плавать в атмосфере Трисолярис вечно.

* * *

Спустя 50 трисолярианских часов началась вторая попытка развернуть протон в двух измерениях. Вскоре зрители на земле увидели нечто странное. Сначала термоядерные генераторы засветились красным, а затем около ускорителя возникло несколько колоссальных объектов в форме правильных геометрических тел. Тут были сферы, тетраэдры, кубы, конусы и тому подобное. Они переливались разными красками, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что на самом деле объекты были бесцветными, просто их поверхности представляли собой идеальное зеркало. То, что люди принимали за цвета, было игрой отражений.

— Ну что, удалось? — спросил правитель. — Мы развернули протон в двух измерениях?

Советник по науке отвечал:

— Правитель, еще одна неудача. Я только что получил рапорт из контрольного центра ускорителя. На этот раз ошиблись на одну единицу

в другую сторону, и протон развернулся в трех измерениях.

Исполинские зеркальные тела продолжали возникать словно бы из ниоткуда; формы их стали разнообразнее: теперь тут были торы, кресты, даже нечто, смахивающее на ленту Мебиуса. Тела медленно удалялись от ускорителя. Через полчаса они усыпали половину небосклона — как будто некий исполинский ребенок опорожнил в небо содержимое целой коробки с детским конструктором. Свет, отраженный зеркальными поверхностями, добавился к свету солнца, и освещенность планеты возросла раза в два, правда, ее интенсивность все время менялась. Тень от Великого Маятника то пропадала, то появлялась и шаталась из стороны в сторону.

А затем объекты начали менять форму, терять правильность, словно плавясь под действием жара. Процесс постепенно ускорялся, формы, вернее, бесформенные образования становились более и более сложными. Теперь объекты в небе напоминали зрителям не части детского конструктора, а конечности и внутренности какого-то мифического расчлененного великана. Поскольку формы тел были теперь неправильными, свет, отражаемый ими на поверхность

планеты, смягчился, зато расцветка стала еще более странной и непредсказуемой.

В мешанине трехмерных объектов некоторые привлекли к себе особенное внимание зрителей — сначала только потому, что очень походили друг на друга. Но рассмотрев их внимательнее, люди пришли в ужас.

Это были глаза!

[Конечно, нам неизвестно, как выглядят глаза трисоляриан, но несомненно одно: любая разумная раса весьма чувствительна к изображению органов зрения.]

Правитель был одним из немногих, кто сохранил спокойствие. Он задал советнику по науке вопрос:

— Насколько сложной может быть внутренняя структура элементарной частицы?

— Зависит от количества измерений относительно точки зрения наблюдателя. С одномерной перспективы это точка — так обычные люди и представляют себе элементарные частицы. С двух- и трехмерной перспективы начинает проявляться внутренняя структура частиц. С четырехмерной перспективы элементарная частица предстает необъятным миром.

— Мне кажется странным использовать слово

«необъятный» для описания субатомной частицы типа протона, — заметил правитель.

Но советник по науке не обратил на его реплику внимания и продолжал:

— При переходе на более высокие измерения сложность и количество внутренних структур частицы значительно возрастают. Аналогии, которые я сейчас приведу, неточны, но они дадут вам представление о масштабах. Структура частицы, наблюдаемой с перспективы седьмого измерения, так же сложна, как наша трехмерная звездная система. С перспективы восьмого измерения частица по масштабам сравнима с Млечным Путем. В девяти измерениях внутренняя структура и сложность элементарной частицы сравнимы с параметрами целой Вселенной. Что касается измерений еще более высокого порядка, то наши физики пока не имели возможности исследовать их, так что мы даже и вообразить себе не можем эту степень сложности.

Правитель указал на гигантские глаза в космосе:

— Не демонстрирует ли это, что микрокосмос развернутого протона заключает в себе разумную жизнь?

— Наше определение «жизни», скорее всего,

неприемлемо для микрокосмоса высоких измерений. Выражаясь более осторожно, мы могли бы сказать, что эта вселенная обладает разумом и мудростью. Ученые уже давно делали предположения на этот счет. Было бы странно, если бы в таком сложном и огромном мире не развилось что-либо, подобное интеллекту.

— Но почему они преобразовались в глаза? Чтобы наблюдать за нами? — Правитель смотрел на небесные очи — прекрасные, живые, все как одно окидывающие планету любопытными взглядами.

— Возможно, затем, чтобы мы узнали об их существовании.

— Они могут упасть сюда, вниз?

— Нет, этого не произойдет. Не о чем тревожиться, правитель. Даже если бы они упали, суммарная масса этих огромных образований равна массе протона. Так же, как и с одномерными струнами в прошлый раз, они не окажут ни малейшего влияния на наш мир. Людям просто нужно привыкнуть к странному зрелищу.

Но на сей раз советник по науке глубоко заблуждался.

Люди заметили, что глаза движутся быстрее других тел, заполнявших небосвод, и что они

стремятся к одному и тому же месту. В скором времени два глаза встретились и слились в один, побольше. К получившемуся глазу присоединялись другие; он рос и рос, пока, наконец, все глаза не слились в одно огромное око, которым, казалось, космос наблюдал за Трисолярисом. В центре чистой и яркой радужки сияло солнце. Поверхность исполинского глазного яблока играла разными цветами. Но вскоре зрелище начало меркнуть, детали его становились неразличимы, зрачок исчез, и глаз стал незрячим. А затем он деформировался, потерял форму глаза и преобразовался в идеальный круг. Когда круг начал вращаться, люди увидели, что он не плоский, а имеет параболическую форму, как будто от гигантской сферы отрезали кусочек.

Военный советник во все глаза смотрел на вращающийся в космосе колоссальный объект. Наконец его осенило, и он воскликнул:

— Правитель, коллеги, немедленно спуститесь в подземный бункер! — Советник указал на небо. — Это...

— Параболическое зеркало, — спокойно закончил правитель. — Отправьте к нему силы космической обороны — пусть уничтожат его. Мы останемся там, где мы сейчас.

Параболическое зеркало сфокусировало солнечные лучи и направило их пучок на поверхность планеты. Поначалу площадь блика была очень большой, жар в фокусе не был смертелен. Блик двигался по земле, ища свою цель. Зеркало обнаружило столицу Трисоляриса, и блик направился туда. Вскоре световой столб уперся в самый большой город планеты.

Стоящие под Маятником видели только огромное пятно в небе, затмевающее своим сиянием все остальное. Город накрыла волна страшного жара. Затем гигантский блик сократился в размерах — зеркало сфокусировало свет в более плотный пучок. Яркость его усилилась настолько, что зрители не могли поднять головы, прятали глаза, а те, кто стоял внутри блика, ощущали быстрый рост температуры. В тот момент, когда жар сделался невыносим, граница светового пятна передвинулась, блик ушел от Маятника. Понадобилось время, прежде чем глаза стоявших под монументом приспособились к нормальному уровню освещения.

Когда все снова устремили взгляды вверх, первым, что они увидели, была световая колонна в форме перевернутого конуса, соединяющая небо и землю. Зеркало в космосе служило основанием

конуса, а вершина его упиралась в сердце столицы, отчего все в том месте раскалилось и начало дымиться. Смерчи, порожденные неравномерным распределением тепла, тоже поднялись в небо, словно колонны завихряющейся пыли, и заплясали, закрутились вокруг светового конуса...

В нескольких местах небесного зеркала засверкали голубые огненные шары, хорошо различимые на фоне света, отраженного зеркалом. Это были взрывы ядерных боеголовок — трисолярианский корпус космической защиты выпустил ракеты. Взрывы происходили за пределами атмосферы, а значит, в полной тишине. К тому времени, как огненные шары исчезли, в зеркале образовалось несколько огромных пробоин, потом вся его поверхность пошла трещинами, и вскоре оно разлетелось на добрую дюжину осколков.

Гибельный световой конус пропал, мир вернулся к нормальному уровню освещения. Некоторое время небо оставалось таким, каким оно бывает в лунную ночь. Осколки зеркала, теперь лишенные разумности, продолжали деформироваться и через несколько минут стали неотличимы от других геометрических тел, плавающих в космосе.

— А что произойдет при следующем экспе-

рименте? — саркастически поинтересовался правитель у советника по науке. — Вы развернете протон в четырех измерениях?

— Правитель, даже если это случится, беспокоиться не о чем. Протон, развернутый в четырех измерениях, будет несравненно меньше. Пусть космическая защита будет наготове атаковать его проекцию в трехмерное пространство, и тогда его будет так же легко уничтожить, как и предыдущий.

— Вы пытаетесь обмануть правителя! — в ярости закричал военный советник. — Вы не упоминаете о реальной опасности! Что, если протон будет развернут в нуль измерений?!

— Нуль измерений? — Правитель заинтересовался. — Это что же получится — точка без всяких размеров?

— Именно, сингулярность! Даже протон будет неизмеримо огромен по сравнению с ней. Вся масса протона сосредоточится в сингулярности, и ее плотность станет бесконечной. Правитель, не сомневаюсь, вы поняли, что тогда получится!

— Черная дыра?

— Да.

— Правитель, позвольте мне объяснить! — взмолился советник по науке. — Именно поэтому

мы и выбрали протон, а не нейтрон — чтобы избежать подобной опасности. Если и правда получится развертка в нуль измерений, черной дыре передастся заряд протона, а тогда мы сможем захватить и контролировать ее с помощью электромагнитной ловушки.

— А что, если вам не удастся найти ее и взять под контроль? — настаивал военный советник. — Тогда она может опуститься на поверхность планеты и начнет втягивать в себя все подряд. Масса ее возрастет, она проникнет в ядро и в конце концов всосет в себя весь Трисолярис!

— Этого никогда не случится, даю гарантию! И почему вы вечно мешаете мне? Как я уже сказал, это научный эксперимент...

— Хватит! — отрезал правитель. — Какова вероятность успеха в следующий раз?

— Почти сто процентов! Правитель, пожалуйста, поверьте мне! Неудачные опыты помогли нам овладеть принципами управления процессом, теперь мы, несомненно, справимся!

— Ну хорошо. Чтобы обеспечить выживание трисолярианской цивилизации, придется пойти на риск.

— Благодарю вас!

— Но если вас снова постигнет неудача, то и ты,

и твои сотрудники, занятые в проекте «Софон», понесете наказание.

— Конечно, мы готовы понести наказание! — Если у трисоляриан есть способность потеть, то с советника по науке к этому моменту, должно быть, сошло сто потов.

Избавиться от трехмерных останков протона, развернутого на стационарной орбите, было гораздо проще, чем от одномерных струн. Небольшие космические корабли транспортировали их подальше от планеты, чтобы те никогда не смогли войти в атмосферу. Хотя некоторые из фрагментов были величиной с гору, масса их была ничтожна. Просто огромные серебристые иллюзии, с которыми смог бы справиться даже ребенок.

Когда это было сделано, правитель осведомился у советника по науке:

— Получается, во время эксперимента мы уничтожили микрокосмическую разумную цивилизацию?

— Во всяком случае, это было разумное образование. Если уж на то пошло, правитель, то мы уничтожили целый микрокосмос. В пространстве более высоких измерений эта миниатюрная вселенная — огромный мир, и в ней, вполне веро-

ятно, существовало множество цивилизаций, не имевших ни малейшей возможности проявить себя в макрокосмосе. Мы не в состоянии даже вообразить себе формы, которые могли бы принять разум и цивилизации пространств высших измерений. Они радикально отличны от нас. И, скорее всего, катастрофы подобного рода происходили уже не единожды.

— Вот как?

— Сколько протонов было уничтожено физиками в ускорителях элементарных частиц за всю долгую историю науки? А сколько нейтронов и электронов? Уж никак не меньше ста миллионов. Каждое столкновение, возможно, уничтожало множество микрокосмических цивилизаций. Даже просто в природе уничтожение вселенных должно происходить ежесекундно — например, при распаде нейтронов. И космические лучи высоких энергий, входя в атмосферу, возможно, уничтожают огромное количество миниатюрных вселенных... Но вы же не огорчаетесь по этому поводу, правда, правитель?

— Ну что вы! Отличная мысль! Я немедленно дам указание советнику по пропаганде опубликовать эти сведения и неустанно вдалбливать их в головы обывателей. Жители Трисоляриса

должны проникнуться пониманием, что уничтожение цивилизаций — дело обычное, происходит постоянно, каждую секунду.

— Зачем? Чтобы трисоляриане стойко и с мужеством воспринимали мысль о возможном уничтожении их цивилизации?

— Нет. Чтобы трисоляриане стойко и с мужеством воспринимали мысль об уничтожении земной цивилизации. Ты же знаешь — после того как мы открыли публике наши намерения относительно Земли, поднялась волна опасного пацифизма. Мы совсем недавно обнаружили, что таких отщепенцев, как тот слушатель с поста № 1379, много. Мы должны избавиться от подобной никчемной чувствительности.

— Правитель, это по большей части результат последних сообщений с Земли. Ваше предсказание сбывается: силы отступников на Земле и в самом деле растут. Они построили новый передатчик, который находится под их полным контролем, и начали передавать нам значительные объемы информации о земном человечестве. Должен признать: в глазах многих его представителей Трисолярис обладает неодолимой притягательностью. Для наших людей это звучит священной музыкой небес. Гуманизм землян

увлечет многих наших соотечественников на неверный путь. Как Трисолярис стал на Земле религией, так и Земля имеет тот же потенциал на Трисолярисе.

— Ты раскрыл мне глаза на великую опасность. Надо ужесточить контроль над информацией с Земли, особенно в том, что касается ее культуры.

* * *

Спустя тридцать часов попытка развернуть протон в два измерения была повторена. На этот раз все происходило ночью. С поверхности планеты кольцо ускорителя увидеть было нельзя; его местонахождение выдавало только красноватое свечение теплообменников термоядерных реакторов. Вскоре после начала процесса советник по науке объявил, что на этот раз они добились успеха.

Толпа зрителей пристально смотрела в ночное небо. Поначалу ничего не было заметно, но потом их глазам предстало необычайное зрелище: небо словно разделилось на две части, рисунок созвездий на которых был различен. Это походило на две фотографии, наложенные друг на друга — одна, поменьше, поверх другой. Млечный Путь изламывался на границе между «фотографиями»;

меньшая часть небосвода была круглой и быстро расширялась на фоне обычного звездного неба.

— Это созвездие — с южного полушария! — воскликнул советник по культуре и образованию, указывая на расширяющийся сектор неба.

Пока зрители напрягали воображение, силясь понять, как звезды, видимые только в южном полушарии, вдруг стали видны на фоне обычных созвездий северного, случилось нечто еще более невероятное: у края расширяющейся «фотографии» южного неба начало проявляться изображение гигантского коричневатого шара. Он возникал полоска за полоской, словно на экране с замедленной скоростью развертки. Все сразу узнали знакомые очертания континентов. К тому времени, когда шар появился полностью, он уже занимал одну треть неба. Стали видны более мелкие детали поверхности: морщины горных кряжей, белые, похожие на снежные сугробы облачка над коричневатыми континентами....

— Это же наша планета! — воскликнул кто-то.

Да, в небе появился второй Трисолярис.

Затем небосклон посветлел. Рядом со вторым Трисолярисом на расширявшемся звездном кругу — ночном небе южного полушария — появилось второе солнце. Это было то самое солнце, что

светило сейчас над южным полушарием, но здесь оно было в два раза меньше.

Наконец кто-то догадался:

— Это же зеркало!

Громадное зеркало, появившееся над Трисоляриcом, — это и был протон, развернутый в двух измерениях. Геометрическая плоскость, ширина и длина без глубины.

К концу развертывания все здешнее небо полностью заменилось ночным небом южного полушария. В зените над головами зрителей висело отражение Трисоляриса и солнца. А затем край неба над самым горизонтом начал деформироваться, звезды в небесном зеркале вытянулись и завились спиралями. Деформация, начавшись у краев зеркала, медленно ползла к центру.

Советник по науке принялся объяснять:

— Правитель, плоскость протона искривляется под действием гравитации Трисоляриса. — Он указал на многочисленные пятна света в звездном небе, выглядевшие так, будто зрители подсвечивали купол снизу карманными фонариками. — Эти электромагнитные лучи, направляемые с земли вверх, предназначены для регулировки кривизны. Наша цель — обернуть протон вокруг всей планеты. По завершении

процесса лучи будут поддерживать и стабилизировать эту огромную сферу наподобие спиц. Таким образом, Трисолярис послужит чем-то вроде верстака, к которому будет надежно крепиться двумерный протон, пока на его мембране будут создаваться интегральные микросхемы.

Процесс занял много времени. Когда деформация дошла до зенита, то есть до небесного отражения Трисоляриса, звезды исчезли, потому что их закрыл протон, обернутый теперь вокруг противоположного полушария. Немного солнечного света еще пробивалось внутрь сферы, и изображение Трисоляриса в кривом зеркале мембраны исказилось до неузнаваемости. После того как угас последний луч солнца, настала самая черная ночь в истории планеты. Гравитация и электромагнитные лучи уравновешивали друг друга; Трисолярис оказался заключен в протон, словно в гигантскую скорлупу.

Воцарился страшный холод. Зеркально-гладкая поверхность протона отражала все солнечное излучение обратно в космос. Температура планеты резко опустилась до уровня, сравнимого с появлением трех летящих звезд — это явление привело к гибели многие цивилизации прошлого. Большинство населения дегидрировало и было

заложено на хранение. Мертвая тишина царила на затянутой мраком поверхности планеты. В небе лишь едва-едва мерцали пятнышки света от лучей-опор. Время от времени на стационарной орбите можно было заметить крохотные яркие блики: это космические корабли прорисовывали интегральные схемы на огромной мембране.

Конструкция этих микросхем основывалась на совершенно иных принципах, чем у обычных, поскольку состояли они не из атомов, а из вещества все того же протона. P-N-переходы создавались путем скручивания сильных ядерных связей в отдельных местах мембраны; проводящие линии делались из мезонов — переносчиков ядерных сил. Поскольку рабочая поверхность была чрезвычайно велика, то и цепи, которые на нее наносились, тоже были гигантскими. Проводящие линии в толщину достигали волоса, и с близкого расстояния их можно было видеть невооруженным глазом. С борта космического корабля мембрана представлялась необозримой плоскостью, сплошь покрытой сложными интегральными схемами. Общая площадь их в десятки раз превышала площадь всех континентов Трисоляриса.

Это был настоящий подвиг инженерии. Тысячи

космических кораблей затратили на создание схем более пятнадцати тысяч часов. Процесс отладки программного обеспечения занял еще пять тысяч часов. И вот, наконец, софон был готов к первому испытанию.

Глубоко под землей, в центре управления, по большому монитору бежали строки — шел долгий процесс встроенного тестирования. Затем началась загрузка операционной системы. И наконец на пустом голубом экране возникла строка, набранная крупным шрифтом:

> МИКРОИНТЕЛЛЕКТ 2.10 — ЗАГРУЗКА ЗАВЕРШЕНА. СОФОН I К ПРИЕМУ КОМАНД ГОТОВ.

Советник по науке произнес:

— Итак, софон родился на свет. Мы наделили протон мудростью[67]. Это самый маленький искусственный интеллект, который мы в состоянии сделать.

— Пока что он выглядит как самый большой искусственный интеллект, — заметил правитель.

— Как только мы увеличим размерность нашего софона, он станет крохотным.

---

[67] Примечания: 67

Напомним, «софия» по-гречески «мудрость». — *Прим. перев.*

И советник по науке набрал на терминале запрос:

> Софон I, система контроля пространственных измерений готова?

Ответ положительный. Софон I готов приступить к корректировке пространственной размерности.

> Довести количество измерений до трех.

Приняв команду, двумерная протонная мембрана, обернутая вокруг Трисоляриса, начала быстро сжиматься — будто чья-то гигантская рука стягивала накрывавший мир занавес. Через несколько мгновений планету залил солнечный свет. Протон из двумерного стал трехмерным и выглядел теперь великанской, размером с луну Трисоляриса сферой, висящей на синхронной орбите. Софон находился сейчас на ночной стороне, но свет солнца, отразившийся от его зеркальной поверхности, превратил ночь в день. На Трисолярисе пока что царил страшный холод, поэтому наблюдатели в контрольном центре могли следить за изменениями только на экране.

Корректировка размерности прошла

успешно. Софон I готов к принятию команд.

> Довести количество измерений до четырех.

Громадная сфера сократилась до видимого размера летящей звезды. На планете вновь воцарилась ночь.

— Правитель, сфера, которую мы сейчас видим, — это не весь софон, а лишь его проекция в трехмерное пространство. Фактически в четырехмерном пространстве он сейчас великан, а наш мир для него словно тонкий трехмерный листок бумаги. Великан стоит на этом листке, и мы видим только след его ноги.

Корректировка размерности прошла успешно. Софон I готов к принятию команд.

> Довести количество измерений до шести.

Сфера в космосе исчезла.

— Какой величины шестимерный протон? — поинтересовался правитель.

— Около метра в диаметре, — ответил советник.

Корректировка размерности прошла успешно. Софон I готов к принятию команд.

> Софон I, ты видишь нас?

Да. Я вижу центр управления, всех, кто там находится, и органы внутри каждого, в том числе и органы внутри органов.

— Что он такое говорит? — изумился правитель.

— Для софона наблюдать трехмерное пространство из шестимерного то же самое, что для нас рассматривать картинку на двумерной плоскости. Конечно, он может видеть, что у нас внутри.

> Софон I, войди в центр управления.

— Он способен проходить сквозь землю? — удивился правитель.

— Ну, это вряд ли можно назвать «прохождением сквозь что-то». Скорее, софон проникает к нам из более высокого измерения. Он может войти таким образом в любое закрытое пространство в нашем мире. Ведь и мы, живущие в трех измерениях, можем сделать то же самое в отношении плоского двумерного мира. Мы можем проникнуть извне в любой круг, начертанный

на плоскости. Но ни одно двумерное существо не сможет сделать того же, не нарушив границу круга.

Не успел советник по науке закончить свои объяснения, как в середине зала возникла зеркальная сфера, плавающая в воздухе. Правитель подошел к ней и взглянул на собственное искривленное отражение.

— Это протон? — восхищенно спросил глава государства.

— Это проекция шестимерного протона в трехмерное пространство.

Правитель протянул к сфере руку. Советник по науке не остановил его, и тогда он коснулся поверхности софона. От его легчайшего прикосновения софон отлетел на порядочное расстояние.

— Он очень гладкий. Хотя у него всего лишь масса протона, я все же почувствовал некоторое сопротивление... — озадаченно произнес правитель.

— Это потому, что воздух давит на сферу.

— А можно увеличить размерность до одиннадцати и сделать его таким же маленьким, как обычный протон?

Не успели эти слова слететь с уст правителя, как советник по науке в страхе закричал:

— Внимание! Это НЕ команда!

Софон I понимает.

— Правитель, если мы увеличим размерность до одиннадцати, то потеряем софон навсегда. Он уменьшится до размера обычной субатомной частицы; внутренние сенсоры и каналы ввода-вывода станут меньше длины волны электромагнитного излучения. Это значит, что макромир для него закроется и он не сможет воспринимать наши команды.

— Но нам же придется в конце концов уменьшить его до субатомной частицы!

— Да, но для этого надо сначала подождать завершения работы над Софоном II, Софоном III и Софоном IV. Софоны, организованные в группу, будут способны ощущать макромир посредством квантовых эффектов. Представьте себе ядро, в котором имеются два протона. Оба будут взаимодействовать и двигаться по одному и тому же образцу. Например, спин: пусть направление вращения обоих протонов противоположно друг другу. Если затем изъять эти два протона из ядра, то, на сколь бы далекое расстояние их ни разве-

сти, их спин останется неизменным[68]. Если из обоих протонов сделать софоны, то они, согласно этому эффекту, создадут мультисенсорную систему. Еще большее количество софонов могут затем образовать мультисенсорную формацию. Этой формации может быть придан любой размер, и она будет воспринимать электромагнитные волны и через них ощущать макромир на любой частоте. Разумеется, квантовые эффекты, необходимые для создания подобной формации софонов, очень сложны. Мои объяснения — только упрощенная аналогия.

* * *

Развертывание трех следующих протонов в два измерения увенчалось успехом с первой же попытки. Производство каждого софона тоже заняло только половину времени, потраченного на Софон I. Когда Софоны II, III и IV появились на свет, была успешно создана и квантовая мультисенсорная формация.

Глава государства и все его советники еще раз собрались под Великим Маятником. Над ними

---

[68] Примечания: 68

Напомним на всякий случай, что это явление называется квантовой запутанностью. — *Прим. перев.*

плавали в воздухе четыре софона, свернутые в шестом измерении. В их зеркально-гладких поверхностях отражалось восходящее солнце, отчего сферы напоминали те трехмерные глаза, что появились когда-то в космосе.

> Софонная формация, довести количество измерений до одиннадцати.

Как только команда была отдана, все четыре сферы исчезли. Советник по науке сказал:

— Правитель, сейчас Софоны I и II будут запущены в сторону Земли. В их памяти заложена огромная база научных данных, что дает софонам возможность понимать природу пространства. Они умеют извлекать энергию из вакуума, в одно мгновение превращаться в высокоэнергетические частицы и путешествовать в космосе почти со скоростью света. Может показаться, что это нарушает закон сохранения энергии, однако софоны лишь «заимствуют» энергию из структуры вакуума. Время возвращать этот долг наступит в очень отдаленном будущем, в момент распада протона, а тогда и до конца Вселенной останется всего ничего.

После того как софоны прибудут на Землю, их первоочередной задачей будет установить место-

нахождение ускорителей частиц, используемых человечеством для физических исследований, и проникнуть в них. На нынешнем уровне развития земной науки основным методом познания глубинных структур вещества является разгон частиц высоких энергий и их столкновение с целевыми частицами. После распада целевых частиц ученые анализируют результаты, таким образом добывая информацию о глубинной структуре материи. Для проведения экспериментов используется специальная субстанция, содержащая целевые частицы, — это, можно сказать, мишень, в которую и направляются разогнанные до огромных скоростей «пули».

Но внутри этой самой субстанции царит почти полный вакуум. Если представить себе атом в виде амфитеатра, то ядро, висящее посередине арены, будет размером с грецкий орех. Поэтому успешные столкновения происходят очень редко. Зачастую ради одного столкновения приходится направлять на цель огромные количества высокоэнергетических частиц в течение довольно продолжительного времени. Все равно что во время ливня смотреть во все глаза на дождевые капли, пытаясь найти одну, немного отличающуюся по цвету.

И вот тут в игру вступают софоны. Они могут занять место целевой частицы и принять удар на себя. Обладая высоким интеллектом, они с помощью квантовой сенсорной формации смогут заранее точно рассчитать траекторию, по которой в течение краткого периода времени будут следовать разогнанные частицы, и передвинуться на нужное место. Таким образом, вероятность столкновения у софона в миллиард раз больше, чем у обычной целевой частицы. После столкновения софон может повести себя так, что будут получены неверные, хаотические результаты. А если столкновение произойдет с подлинной целевой частицей, то физики Земли не будут в состоянии отличить верный результат от многочисленных ошибочных.

— А софон при этом разрушится? — спросил военный советник.

— Нет. Когда софон разобьется на несколько фрагментов, родятся новые софоны. Квантовая запутанность между ними сохранится, — подобно тому, как, если разделить магнит на две половины, образуются два новых магнита. Даже при том, что каждый частичный софон в отдельности будет обладать меньшими возможностями по сравнению с исходным софоном, под управ-

лением специальной «лечебной» программы все фрагменты соберутся вместе и сольются обратно в единое целое. Весь процесс займет одну микросекунду и произойдет после столкновения, вернее, после того как фрагменты софона оставят ложный след в пузырьковой камере или на чувствительной пленке.

Кто-то спросил:

— А не получится ли так, что земные ученые выявят софоны и обуздают их при помощи электромагнитного поля? Ведь протон несет положительный заряд.

— Это невозможно. Чтобы выявить софоны, нужен прорыв в области изучения глубинных структур материи. А как людям удастся совершить прогресс в таких исследованиях, если все их ускорители превратятся в груды мусора? Охотника ослепит та самая дичь, на которую он собирается охотиться!

— Но люди могут воспользоваться методом грубой силы, — возразил советник по промышленности. — Настроят огромное множество ускорителей, причем быстрее, чем мы будем создавать софоны. Тогда хотя бы некоторые ускорители не подвергнутся действию софонов и могут выдать правильные результаты.

— А вот это один из наиболее интересных аспектов проекта «Софон»! — Вопрос, по всей видимости, привел советника по науке в восторг. — Господин советник по промышленности, не тревожьтесь, как бы создание большого количества софонов не привело к краху трисолярианской экономики. Возможно, мы построим еще несколько софонов, но не очень-то много. По сути, и этих двух вполне достаточно, потому что софоны обладают способностью к многозадачности.

— Многозадачности?

— Это термин, относящийся к древним вычислительным машинам последовательного действия. Их центральный процессор мог выполнять только одну задачу в единицу времени. Однако из-за того, что вычисление происходило очень быстро и основывалось на частом переключении между задачами, нам, существам относительно медленным, казалось, будто компьютер выполняет много программ одновременно. Как вы знаете, софоны движутся почти со скоростью света. Для них поверхность Земли — лишь крошечный кусочек пространства. Если софоны будут перемещаться с одного ускорителя частиц на другой с такой скоростью, то, с точки зрения землян, они

будут действовать и создавать ложные результаты во всех ускорителях одновременно.

По нашим расчетам, каждый софон способен контролировать более десяти тысяч ускорителей. Людям требуется четыре-пять лет, чтобы построить один ускоритель, и, судя по состоянию земной экономики и наличию ресурсов, не похоже, чтобы они могли наладить их массовое производство. Конечно, они могут увеличить расстояние между ускорителями, например, построив некоторые из них на других планетах своей звездной системы. В этом случае софоны потеряют способность к многозадачности. Но к тому времени как люди сделают это, Трисолярис с легкостью произведет еще десяток, а то и больше софонов.

Софоны наводнят эту планетарную систему. Их суммарная масса будет меньше, чем у одной миллиардной части микроба, и тем не менее они не позволят земным ученым даже одним глазком глянуть на тайны, скрывающиеся в глубинах материи. Людям никогда не добраться до высших измерений, их способность к манипулированию материей ограничится четырьмя низшими. И пусть с этого момента пройдет хоть четыре с половиной миллиона часов, хоть четыреста

пятьдесят триллионов — в земных технологиях фундаментальный прорыв не случится никогда. Люди навсегда останутся на нынешнем примитивном уровне. На пути научного прогресса человечества будет поставлен заслон, такой надежный, что своими силами люди не преодолеют его никогда.

— Великолепно! Будьте добры, простите мне былой недостаток уважения к проекту «Софон»! — проговорил военный советник самым искренним тоном.

— Собственно говоря, на Земле существуют только три ускорителя, мощности которых достаточно, чтобы совершить прорыв. У прибывших на Землю Софонов I и II будет огромный запас производительности. Поэтому для более полного их использования мы придадим им дополнительные задачи. Например, реализацию плана «Чудеса».

— Софоны умеют творить чудеса?

— Людям они будут казаться чудесами. Все знают, что частицы высоких энергий могут засвечивать фотопленку. Именно так примитивные первые ускорители на Земле выявляли индивидуальные частицы. Когда высокоэнергетичный софон проходит через пленку, он оставляет за

собой маленькое пятнышко засветки. Если софон пройдет через пленку туда-сюда много раз, он соединит все эти пятнышки в любую нужную форму — от букв и цифр до целых картинок, как это бывает при вышивании. Процесс идет очень быстро, гораздо быстрее, чем скорость, с которой производится фотоснимок. И еще одно: человеческая сетчатка очень похожа на сетчатку трисоляриан. Поэтому софон может использовать ту же технику, чтобы проецировать буквы, цифры и тому подобное непосредственно на сетчатку глаза. И если эти маленькие «чудеса» озадачат и испугают обыкновенных людей, то следующее «великое» чудо до смерти перепугает их ученых, которые, с нашей точки зрения, не умнее клопов: софоны смогут сделать так, что в их глазах замигает реликтовое космическое излучение.

— Да это напугало бы и наших собственных исследователей! И как же это можно осуществить?

— Очень просто. Мы уже написали программу, позволяющую софону самостоятельно разворачиваться в двух измерениях. После окончания этого процесса огромная мембрана закроет Землю со всех сторон. Эта же программа сделает мембрану до определенной степени прозрачной, после чего ее можно настроить в такт с частотами релик-

тового микроволнового излучения... Ах да, пока софоны сворачиваются и разворачиваются в разных измерениях, они могут провернуть еще более впечатляющие фокусы. Программы для них пока еще в процессе разработки. Эти «чудеса» будут способствовать созданию особого умонастроения, достаточного, чтобы направить земную научную мысль по неверному пути. Таким образом с помощью плана «Чудеса» мы сможем эффективно сдерживать развитие и других наук, не только физики.

— Последний вопрос: а почему бы не послать на Землю все четыре софона?

— Квантовая запутанность работает на любом расстоянии. Даже если все четыре софона находятся в разных концах Вселенной, они все равно ощущают все, что происходит с другими софонами, квантовая формация между ними сохраняется. Софоны III и IV, оставшиеся на Трисолярисе, будут получать информацию с Софонов I и II практически мгновенно. Это даст нам возможность наблюдать за делами на Земле в режиме реального времени, а также вести общение с отступниками.

Никто не заметил, как только что вставшее солнце вновь закатилось за горизонт. Трисолярис

вступил в очередную Эру Хаоса.

* * *

Е Вэньцзе читала сообщения с Трисоляриса, а в это время в Боевом командном центре шло важное совещание, посвященное дальнейшему анализу захваченных данных. Перед совещанием генерал Чан сказал:

— Товарищи, вы должны отдавать себе отчет в том, что это наше собрание уже отслеживается софонами. Сохранить что-либо в тайне больше невозможно.

Пока он произносил эти слова, окружение оставалось тем же, каким было всегда, но в восприятии его слушателей мир кардинально переменился. Оконные шторы, по которым скользили тени летних деревьев, были плотно задернуты, и все же собравшиеся ощущали на себе взгляд вездесущих глаз. Во всем огромном мире не нашлось бы места, где можно было бы спрятаться от этого пристального взгляда. Это ощущение останется у участников собрания навсегда. От него не смогут избавиться и их потомки. Пройдет много-много лет, прежде чем человеческая психика приспособится к ситуации.

Через три секунды после того, как генерал

произнес свою реплику, трисоляриане впервые обратились к людям, не входящим в Общество «Земля — Трисолярис». После этого инопланетяне полностью прекратили всякое общение с адвентистами[69]. До конца жизни всех участников собрания Трисолярис больше не прислал ни одного сообщения.

Все в Боевом командном центре увидели послание на сетчатке собственных глаз, как Ван Мяо свой последний отсчет. Текст держался лишь пару секунд, но каждый успел его прочитать. В нем было всего два слова:

«Вы клопы!»

[69] Примечания: 69

Здесь нет ошибки и нет противоречия с главой 30, в которой утверждается, что трисоляриане прекратили общение с землянами еще четыре года назад. Имеется в виду, что они прекратили радиопередачи. Трисоляриане общались с адвентистами с помощью софонов, проецируя сообщения непосредственно на сетчатку их глаз. А теперь они перестали делать и это. — *Прим. перев.*

Глава 34. Клопы

К тому времени, когда Ши Цян переступил порог квартиры Дин И, Ван Мяо и хозяин дома уже напились вдрызг.

Оба очень обрадовались приходу Ши Цяна. Ван вскочил и кинулся к гостю обниматься:

— А-а, Старина Ши!..

Дин, который уже и на ногах не держался, нашел еще один стакан и водрузил на бильярдный стол. Плеснув в него какого-то пойла, он сказал:

— Не помог нам твой нестандартный план. Прочитали бы мы эти сообщения, не прочитали — через четыреста лет результат будет тот же.

Да Ши уселся перед столом и уставил на собеседников ехидный взгляд:

— Да что ты? Значит, говоришь, все кончено?

— Ага. Все кончено, — подтвердил Дин.

— Ну не можете вы использовать ускорители и не можете изучать структуру материи, — сказал Да Ши, — и что? Всему каюк?

— Ик... А ты сам как думаешь?

— Технология-то все-таки развивается! Академик Ван с коллегами создали наноматериал...

— Вообрази-ка себе какое-нибудь древнее цар-

ство. Технология у них — зашибись. Они могут усовершенствовать мечи, ножи, копья и прочее. Может, даже изобретут автоматические арбалеты, которые будут выплевывать болты со скоростью пулемета...

Да Ши кивнул. Он понял.

— Но если они не знают, что материя состоит из молекул и атомов, они никогда не создадут ни ракет, ни спутников. Они ограничены уровнем своей науки.

Дин треснул Да Ши по плечу:

— Я всегда знал, что ты умница!

Ван добавил:

— Исследование глубинной структуры материи — это основа основ всех остальных наук. Если в ней нет прогресса, то все прочее, как ты выражаешься, — говно собачье.

Дин указал на Вана:

— Ну ладно, академик Ван будет трудиться как пчелка до конца своих дней, совершенствуя наши мечи, ножи и копья. А я, блин, чем буду заниматься?

Он поставил пустую бутылку на стол и схватил бильярдный шар, собираясь расстрелять ее.

— Да это ж просто здорово! — Ван поднял стакан. — Живи как хочешь! Предавайся любому

пороку, твори любой разврат. А что — мы же клопы! Клопы, которых скоро раздавят! Ха-ха...

— Точно! — Дин тоже поднял свой стакан. — Они о нас такого низкого мнения, что даже не считают нужным скрывать свои планы. Рассказали адвентистам все... Ну да — ты же не прячешь от тараканов баллон с дихлофосом! Давайте выпьем за здоровье клопов и прочих козявок! Вот уж не думал, что конец света окажется таким веселым! Да здравствуют козявки! Да здравствуют софоны! Да здравствует конец света!

Да Ши покачал головой и осушил свой стакан. Потом опять покачал головой.

— Слюнтяи! Разнюнились как девчонки!

— Че те надо? — Дин уставил на Да Ши пьяные глаза. — Ты что, собираешься поднять наш дух?

Да Ши встал.

— Пошли.

— Куда?

— Дух поднимать.

— Расслабься, кореш. Сядь. Пей!

Да Ши сграбастал обоих под мышки и вздернул кверху.

— А ну пошли! Бухло берите с собой, если не можете обойтись!

Внизу Да Ши засунул обоих в автомобиль. Когда

мотор заурчал, Ван, еле ворочая языком, осведомился, куда он их тащит.

— Недалеко, — отозвался Да Ши. — В мой родной поселок.

Автомобиль вырвался из города и помчался на запад по трассе Пекин — Шицзячжуан. Когда они пересекли границу провинции Хэбэй, Да Ши свернул с трассы, остановился и выволок пассажиров наружу.

Яркое послеполуденное солнце заставило пьянчужек зажмуриться. Перед ними расстилались пшеничные поля Северо-Китайской равнины.

— Зачем ты нас сюда притащил? — спросил Ван.

— Полюбоваться на козявок. — Да Ши, закурив одну из сигар, подаренных ему полковником Стентоном, указал ею на пшеничное поле.

Только сейчас Ван с Дином заметили, что поле кишит саранчой. По каждому стеблю ползали несколько тварей. За насекомыми не было видно почвы — казалось, ее покрывала густая вязкая жидкость.

— И давно их тут заедает саранча? — Ван смел в сторону нескольких насекомых и присел у края поля.

— Началось лет десять назад, как и пыльные

бури. Но в этом году просто спасу нет.

— Ну и что? Теперь это не имеет значения, Да Ши, — проговорил Дин все еще пьяным голосом.

— Я хочу задать вам обоим один вопрос: пропасть между технологиями трисоляриан и людей больше, чем пропасть между технологиями людей и саранчи?

Обоих ученых словно холодной водой окатило. Они стояли, смотрели на мельтешащую повсюду саранчу, и лица их постепенно прояснялись. Они поняли, что хотел сказать Ши Цян.

* * *

Насекомые-вредители... Люди делали все, что было в их силах, чтобы извести это проклятье: травили всевозможными ядами, культивировали их естественных врагов, уничтожали их яйца, генетически модифицировали их с целью стерилизации, жгли огнем, топили в воде... В каждой семье есть баллончик от тараканов, под каждым столом — мухобойка... На протяжении всей своей истории человечество ведет с насекомыми войну, причем с весьма сомнительным успехом. Извести козявок не удается. Они по-прежнему гордо населяют небо, землю и все, что между ними, и количество их не уменьшилось с того времени,

когда на Земле еще не было людей.

Трисоляриане, обзывая людей клопами, не приняли во внимание один значительный факт: клопы, как и прочие насекомые, так никогда и не были побеждены.

Маленькое темное облачко закрыло солнце, по земле побежала тень. Но это было не обычное облако. Еще одна стая саранчи прибыла на пир. Пока насекомые опускались на поля, трое мужчин стояли в самой середине этого живого душа, исполненные благоговения перед величием жизни на Земле. Дин И и Ван Мяо вылили две бутылки вина на землю у себя под ногами — это был тост в честь козявок.

— Благодарю, Да Ши! — Ван протянул ему руку.

— И я, и я тоже! — Дин схватил капитана за другую руку.

— Поехали обратно, — потребовал Ван. — У нас уйма дел!

Глава 35. Руины

Никто не верил, что Е Вэньцзе в состоянии взобраться на Радарный Пик собственными силами, но она справилась. Никому не позволила оказать ей помощь по дороге, только отдохнула пару раз у заброшенных патрульных постов. Она безжалостно расходовала свою жизненную энергию, не поддающуюся ни восстановлению, ни возмещению.

Узнав правду о трисолярианской цивилизации, Е ушла в себя. Разговаривала она крайне редко, но однажды высказала просьбу: ей хотелось бы навестить останки базы «Красный берег».

Незадолго до того как группа добралась до цели паломничества, вершина Пика вознеслась над облачным покровом. После целого дня ходьбы в густом тумане увидеть яркое предзакатное солнце и голубое небо было все равно что попасть в какой-то новый мир. Облака внизу казались серебристо-белым морем, чьи волны, вздымаясь и опадая, словно подражали скрывавшимся под ними горам Большого Хингана.

Руин, которые паломники ожидали здесь увидеть, не было. Базу разобрали до последнего

камешка, фундаменты и дорожки перекопали; осталась только поляна, заросшая высокой травой. Место казалось совершенно диким. Такое впечатление, что никакого «Красного берега» никогда не существовало.

Но Е удалось кое-что обнаружить. Она подошла к высокому камню и отвела в сторону покрывавший его плющ. Под плющом открылась изъеденная ржавчиной поверхность. Только сейчас паломники поняли, что камень был вовсе не камнем, а высоким металлическим основанием.

— Здесь стояла антенна, — проговорила Е. — Первый крик с Земли, услышанный внеземной цивилизацией, был послан именно отсюда. Сначала он ушел к Солнцу, а затем, усиленный и отраженный, разлетелся по всей Вселенной.

Внизу у основания обнаружилась маленькая каменная табличка, совсем затерявшаяся в густой траве:

БАЗА «КРАСНЫЙ БЕРЕГ» (1968–1987)
КИТАЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК 21.03.1989

Совсем крохотная табличка. Не столько дань памяти, сколько попытка забыть.

Е пошла к утесу. Здесь она когда-то собственными руками оборвала жизни двух человек.

Она не стала любоваться облачным морем, как остальные паломники, а устремила глаза в одно определенное место. Там, скрытая под облаками, лежала деревушка Цицзятунь...

Сердце Е билось натужно, словно струна, готовая вот-вот лопнуть. Перед глазами клубился темный туман. Она собрала все свои силы, чтобы стоять прямо. Прежде чем все погрузится во мрак, Вэньцзе хотела еще раз увидеть закат на «Красном береге».

Алое солнце, медленно погружавшееся в море облаков, словно бы расплавилось и растеклось по всему западному горизонту, окрашивая небосклон в величественный кровавый багрянец.

— Мой закат, — прошептала Е. — И закат человечества.

Послесловие автора к американскому изданию

Одна ночь из детства твердо запечатлелась в моей памяти: я стою у пруда на окраине деревни в уезде Лошань, провинция Хэнань, где жили поколения моих предков. Рядом со мной стоят другие люди — взрослые и дети, и все вместе мы смотрим в ясное ночное небо, по которому медленно ползет крохотная звездочка.

Это был первый китайский искусственный спутник «Дунфанхун I» («Красный Восток I»). Дата — 25 апреля 1970 года, мне семь лет.

С момента запуска спутника прошло тринадцать лет, а со дня, когда Землю покинул первый космонавт, — девять. Всего за неделю до этого «Аполлон 13» благополучно вернулся домой из своего опасного путешествия к Луне.

Но ничего этого я не знал. Глядел на ту маленькую, скользящую по небосводу звездочку, и сердце мое наполнялось неописуемым любопытством и желанием узнать больше. Так же глубоко, как эти чувства, в моей памяти запечатлелось ощущение голода. В те времена моя деревня

и вся округа были страшно бедны. Голод был постоянным спутником каждого ребенка. Мне еще повезло — у меня на ногах были башмаки. Большинство моих друзей стояли рядом со мной босые, на некоторых маленьких ногах виднелись отморожения, не зажившие еще с прошлой зимы. За моей спиной тусклый свет керосиновых ламп пробивался сквозь прорехи в соломенных крышах — электричество в нашу деревню провели только в восьмидесятых.

Взрослые, стоявшие вместе с нами, сказали, что спутник — это совсем не то, что самолет, потому что летает очень высоко над Землей. Во времена моего детства пыль и дым промышленных предприятий еще не загрязняли воздух, и в чистом небе ярко сиял Млечный Путь. В моем сознании звездочки находились не дальше летящего над Землей спутника, и я думал, что спутник летит между ними. Я даже беспокоился, как бы он не натолкнулся на какую-нибудь из них, пролетая сквозь густые звездные скопления.

Родители не следили за спутником вместе со мной, потому что работали в угольной шахте за тысячу километров отсюда, в провинции Шаньси. Несколькими годами раньше, когда я был совсем малышом, шахты стали зоной боев в меж-

фракционных войнах «культурной революции». Помню выстрелы в глухой ночи, тарахтящие по улицам грузовики, в которых сидели мужчины с оружием и красными повязками на рукавах... Но я тогда был слишком мал и не могу точно сказать, реальные это воспоминания или миражи, сконструированные моим сознанием позже. Одно я знаю точно: поскольку шахты были местом небезопасным и «культурная революция» ударила по моим родителям, у них не было иного выбора, кроме как отослать меня на малую родину, в Хэнань. Когда я смотрел на «Дунфанхун I», я жил там уже больше трех лет.

Прошло еще несколько лет, прежде чем я понял разницу в расстояниях до искусственного спутника и до звезд. Я тогда читал серию научно-популярных книжек, рассказывающих об основах разных наук; она называлась «Сто тысяч почему». Книжка по астрономии познакомила меня с концепцией светового года. До того я уже знал, что свет может за одну секунду пройти расстояние, равное семи с половиной экваторам Земли, но не предполагал, какое уму не постижимое расстояние можно преодолеть, если лететь с такой скоростью целый год. Я представлял себе луч света, путешествующий сквозь холодное

безмолвие космоса на скорости 300 тысяч километров в секунду. Пытаясь с помощью своего воображения постичь этот леденящий кровь простор и бездонную глубину, я ощущал ужас, благоговение и одновременно эйфорию, вроде той, что бывает при приеме наркотика.

Начиная с этого момента я стал осознавать, что обладаю особым талантом: масштабы и сущности, выходящие за пределы чувственного восприятия человека — как микро, так и макро — и казавшиеся другим лишь абстрактными числами, в моем сознании обретают конкретные формы. Я могу их потрогать и пощупать — так же, как другие люди могут касаться деревьев и камней. Даже в наши дни, когда упоминания о радиусе Вселенной — 15 миллиардов световых лет — или мельчайшей «струне», которая во много раз меньше кварка, не вызывает реакции у большинства людей, концепция светового года или нанометра рождает в моем мозгу живые, красочные картины и приводит меня в невыразимый, чуть ли не религиозный восторг. Большинство жителей Земли никогда не испытывали таких чувств, и я не знаю, можно ли меня считать по сравнению с ними счастливцем или наоборот. Несомненно одно: именно эти чувства и сделали

меня сначала любителем научной фантастики, а затем и писателем-фантастом.

В тот же самый год, когда меня поразила и очаровала концепция светового года, мою родную деревню постигло наводнение (известное как Великое августовское наводнение 1975 года). За один день в округе Чжумадянь провинции Хэнань выпали рекордные 100,5 см осадков. Одну за другой прорвало 58 больших и маленьких плотин, погибло 240 тысяч человек. Я вернулся в деревню вскоре после того, как вода спала, и увидел, что вся местность полна беженцев. Я думал, что наблюдаю конец света.

Спутник, голод, звезды, керосиновые лампы, Млечный Путь, междоусобицы «культурной революции», световой год, наводнение... Все эти, казалось бы, не связанные друг с другом вещи слились в одно целое и не только сформировали мою личность в детстве, но и продолжают оказывать свое влияние на произведения, которые я пишу сегодня.

Будучи писателем-фантастом, начинавшим в качестве любителя, я не прибегаю к фантастике как к прикрытию для критики современной реальности. Я считаю, что задача научной фантастики — это создание многочисленных вообра-

жаемых миров за пределами реальности. Я всегда думал, что самые красивые сказки в истории человечества рассказаны не странствующими бардами и не романистами или драматургами, а наукой. То, о чем повествует наука, гораздо величественней, грандиозней, интересней, глубже, страннее, страшнее, таинственней и даже эмоциональней, чем вся литература; только эти захватывающие истории заключены в строках холодных уравнений, которые большинство людей не умеет читать.

Мифы о сотворении мира, созданные народами и религиями, бледнеют в сравнении с ошеломляющей картиной Большого взрыва. Три миллиарда лет эволюции живых существ, от самовоспроизводящихся молекул до цивилизации, вмещают в себя такие романы и повороты сюжета, с какими не сравнится ни один эпос. А сколько поэзии пространства и времени в теории относительности или в престранном субатомном мире квантовой механики! Все эти необыкновенные истории, рассказанные наукой, обладают неодолимой притягательностью. При посредстве научной фантастики я всего лишь пытаюсь создать свои собственные воображаемые миры, передать поэтичность природы этих миров,

поведать романтические предания о драмах, развернувшихся между Человеком и Вселенной.

Но я не могу убежать от действительности, как не могу убежать от собственной тени. Реальность выжигает свое неизгладимое клеймо на каждом из нас. Время, в которое мы живем, заключает нас в свои оковы, и я могу лишь плясать в собственных цепях. В научной фантастике человечество часто описывается как общность. В этой книге человечество стоит на пороге катастрофы; и все, что оно демонстрирует перед лицом бытия и уничтожения, несомненно, имеет корни в действительности, которую я пережил. Чудо научной фантастики в том, что, если придать гипотетическому миру определенные качества, она может обратить то, что есть в нашей реальности злого и темного, в добро и свет, и наоборот. Данная книга и два ее продолжения пытаются сделать именно это, но реальность остается реальностью независимо от игры нашего воображения.

Я всегда чувствовал, что внеземной разум будет для человечества самым большим источником неуверенности в завтрашнем дне. Другие великие сдвиги, такие как изменение климата и экологические катастрофы, идут в определенной последовательности, выстраиваются постепенно

в течение какого-то периода времени, но контакт с инопланетянами может произойти когда угодно, в любой момент. Возможно, что и через десять тысяч лет звездный небосвод, в который устремляются человеческие глаза, будет оставаться пуст и молчалив, а возможно, мы проснемся завтра и обнаружим на орбите корабль пришельцев величиной с Луну. Появление иноземного разума поставит человечество перед необходимостью противостоять *Иному*. До этого момента у человечества не будет внешних соперников. Прибытие *Иного* или одно лишь знание о его существовании повлияет на нашу цивилизацию самым непредсказуемым образом.

Есть одно странное противоречие: в своем отношении к космосу человечество демонстрирует удивительную наивность. На Земле, вступая на новый континент, люди не задумываясь уничтожали существующие там цивилизации при помощи войн или болезней. А обращая свой взгляд к звездам, мы впадаем в сентиментальность и верим, что если там где-то есть разумные существа, то их цивилизации живут, руководствуясь универсальными, благородными, нравственными законами. Мы почему-то полагаем, что ценить и лелеять иные формы жизни — это нечто само

собой разумеющееся, часть всеобщего кодекса поведения..

Я полагаю, что следует вести себя противоположным образом. Надо обратить доброжелательность, которую мы выказываем звездам, на собратьев по расе здесь, на Земле, выстраивать доверие и понимание между разными народами и цивилизациями, составляющими человечество. Но в отношении космического пространства за пределами Солнечной системы следует быть постоянно настороже, быть готовыми к тому, что у *Иных* будут самые злостные намерения. Для такой хрупкой цивилизации, как наша, это наиболее ответственный путь.

* * *

Научная фантастика — спутник всей моей жизни, и значительная часть того, что я читал в этом жанре, — американская фантастика. Тот факт, что теперь американские читатели получили возможность ознакомиться с моими произведениями, наполняет меня радостью и волнением. Научная фантастика — это литература, которая принадлежит человечеству в целом. Она описывает события, представляющие интерес для всех людей, и поэтому должна быть жанром,

доступным для читателей самых разных национальностей. Фантастика часто рисует, как в один прекрасный день человеческое общество станет единым гармоничным целым, и я думаю, что не стоит ждать прибытия инопланетян, чтобы этот день наступил.

Выражаю свою сердечную благодарность Кену Лю, переведшему первую и третью книги серии, и Джоэлу Мартинсену, переведшему вторую. Английское издание обязано своим появлением их стараниям и заботе. Я благодарю также *China Educational Publications Import & Export Corporation Ltd. (CEPIEC)*, издательство *Science Fiction World* и издательство *Tor Books*, чье доверие сделало возможным эту публикацию.

Лю Цысинь
28 декабря 2012 года

Послесловие переводчика на английский язык Кена Лю

Когда меня попросили перевести «Задачу трех тел», я почувствовал себя невероятно польщенным и одновременно встревоженным: перевод труда другого писателя — дело чрезвычайно ответственное. Все равно что брать на себя заботу о чужом ребенке.

Перевод — это процесс, при котором произведение, созданное на одном языке, разбирается на части, чтобы быть собранным по другую сторону пролива в новое произведение на другом языке. Когда пролив между двумя произведениями так же широк, как Тихий океан, отделяющий Китай от Америки, недолго и испугаться.

Очевидные трудности, такие как лингвистическая структура и культурные аллюзии, в общем, преодолимы. «Задача трех тел» начинается с описания эпизода «культурной революции», и в ней множество отсылок к китайской истории. Я попытался свести количество сносок к минимуму, по возможности вставляя объяснения непосредственно в сам текст. Таких вставок немного, и все

они сделаны с согласия автора.

Но есть и другие тонкости — в том, что касается литературных приемов и нарративной техники. Китайская литературная традиция, формировавшая своего читателя и, в свою очередь, сформированная читателем, акцентирует внимание на несколько других аспектах, чем ожидает американская читающая публика. В некоторых случаях я постарался приблизить стиль рассказа к манере, более привычной для американского читателя. В других случаях я этого не делал, считая, что так атмосфера оригинала сохраняется лучше.

Я также старался по возможности избегать западной трактовки пассажей, относящихся к истории и политике Китая.

Слишком буквальный перевод не только не отображает оригинал верно, но фактически искажает и затемняет его смысл. Однако бывает и обратное: перевод до такой степени нарушает чистоту и целостность источника, что от голоса и вкуса оригинала ничего не остается. Для ответственного переводчика ни тот, ни другой подход неприемлем. В некотором смысле писать перевод даже труднее, чем оригинал, потому что переводчик должен стремиться удовлетворить те

же эстетические требования, находясь при этом в гораздо более строгих творческих рамках.

Моя цель при переводе — выступать достоверным толкователем источника, сохранив при этом как можно больше смысловых нюансов без украшательства или пропусков. И при всем этом переводчик должен сохранять равновесие между верностью источнику, соответствием смысла и красотой стиля. Наилучшие переводы на английский, по сути, читаются так, как будто произведения с самого начала написаны по-английски. Английские слова подобраны и составлены вместе таким образом, что читатель видит за ними иной уклад мышления, слышит отголоски ритма и мелодии чужого языка, ощущает вибрацию жестов и движений других людей.

Может, мне это и не совсем удалось, но я старался придерживаться этих принципов.

При переходе от одного языка, культуры и читательской публики к другому языку, культуре и читательской публике некоторые аспекты оригинала теряются — это неизбежно. Но если перевод выполнен хорошо, то выстраивается также и нечто новое, например, не в последнюю очередь, мост между двумя читающими нациями. Я надеюсь, что моим американским соотечественникам

понравится этот роман.

Я в долгу перед людьми, которые дали бесценные отзывы на различные черновики данного перевода. Это Эрик Абрахамсен, Анатолий Белиловский, Альетт де Бодар, Дэвид Брин, Эрик Чой, Джон Чу, Элиас Ф. Комбарро, Хуэй Гэн, Майкл Куань, Дервин Мак, Джоэл Мартинсен, Эрика Наон, Алекс Солтман, Алекс Швартцман, Мари Ставер, Игорь Тепер, Бингэн Ян, Бинвэй Ян и Э. Лили Юй. У меня не хватает слов для выражения признательности за их помощь, и я желаю каждому переводчику таких же вдумчивых бета-ридеров.

Есть и другие люди, также заслуживающие благодарности. Джо Монти, мой прежний агент (и нынешний редактор моих оригинальных произведений), снабдил меня в высшей степени полезными советами. Лиз Горински, мой редактор в издательстве Tor Books, помогла улучшить перевод, дав тысячу больших и маленьких замечаний; не могу даже вообразить себе лучшего редактора. Моя жена Лиза поддерживала и вдохновляла меня в бесчисленные вечера, когда я засиживался допоздна. Она как никто другой способствовала появлению этой книги.

И, наконец, я благодарю Лю Цысиня за то, что он доверил мне свое произведение и в процессе

перевода стал моим другом.

Кен Лю
20 июня 2012 года